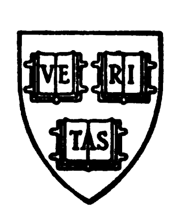
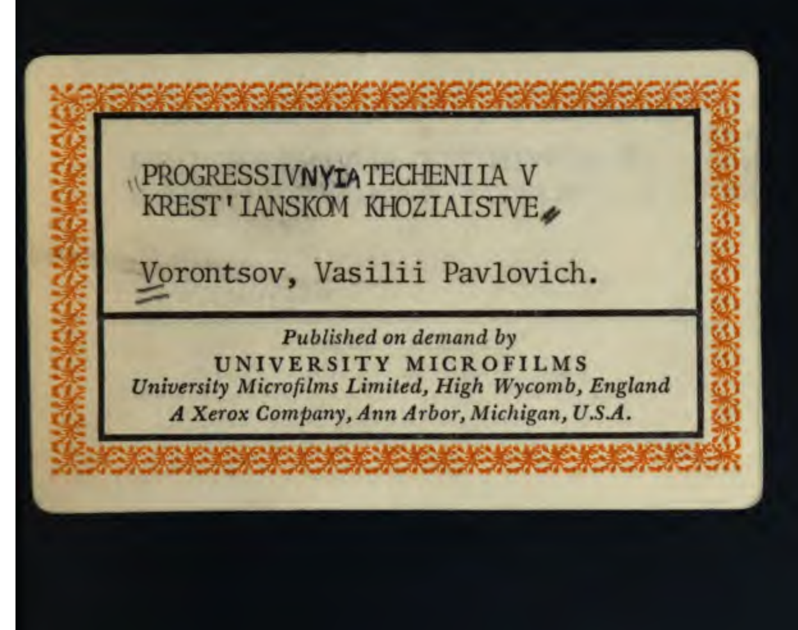

VE RI
TAS



PROGRESSIVNYIA TECHENIIA V KREST'IANSKOM KHOZIAISTVE

Voronstov, Vasilii Pavlovich.

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

J.P.W.O. #524

STERLING 1 2 3 4 5 6

METRIC 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15

А. Николаев

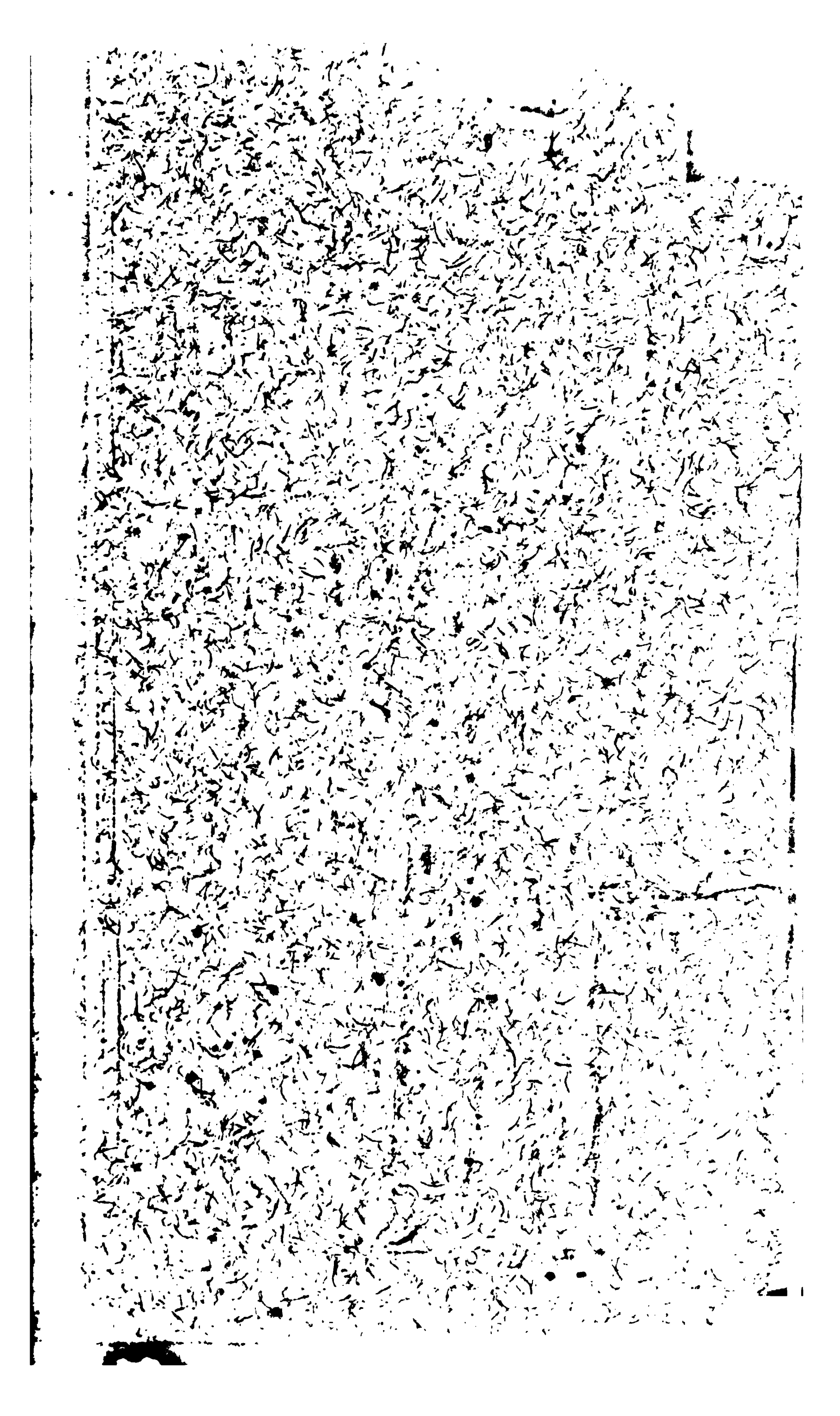
ПРОГРЕССИВНЫЯ ТЕЧЕ[НІЯ]

въ

КРЕСТЬЯНСКОМЪ ХОЗЯЙСТ[ВѢ]

В. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.



ПРОГРЕССИВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ

ВЪ

КРЕСТЬЯНСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

В. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Неурожай 1891 г. пробудилъ въ обществѣ интересъ къ крестьянскому хозяйству, выразившійся обсужденіемъ различныхъ, относящихся сюда, вопросовъ въ печати и засѣданіяхъ ученыхъ и практическихъ обществъ. Главное вниманіе обратилъ на себя вопросъ о состояніи культуры крестьянской земли, объ условіяхъ, препятствующихъ ея возвышенію, и о мѣрахъ, способныхъ облегчить послѣднее, при чемъ возбудился старый споръ о роли общины въ процессѣ измѣненія сельско-хозяйственной культуры. Хотя изслѣдованія послѣдняго пятнадцатилѣтія собрали огромный матеріалъ по данному вопросу, а періодическія изданія за тотъ же періодъ времени заключаютъ въ себѣ очень много указаній относительно новѣйшихъ теченій въ области земледѣльческой техники крестьянскаго хозяйства, тѣмъ не менѣе огромное большинство лицъ, высказывающихся по этому предмету, основываются въ своихъ заключеніяхъ почти только на личныхъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ, обыкновенно относящихся къ весьма ограниченному раіону. Отъ такого недостатка несвободна и надѣлавшая много шуму книга «Неурожай и народное бѣдствіе», хотя въ ней позволительно было искать нѣкотораго вниманія къ литературѣ, большей солидности агрументаціи и осторожности въ заключеніяхъ. Въ виду всего высказаннаго, мы считаемъ не безполезнымъ, основываясь на печатныхъ источникахъ (но никоимъ обра-

зомъ не пытаясь использовать ихъ болѣе или менѣе полно), познакомить читателя съ новѣйшими теченіями прогрессивнаго характера въ сферѣ крестьянскаго земледѣлія, воспользовавшись для этого статьями, помѣщенными нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ различныхъ журналахъ, дополненными и переработанными сообразно новѣйшимъ свѣдѣніямъ.

Дабы не испещрять страницъ ссылками на источники относительно фактовъ, извлекаемыхъ нами изъ такъ-называемой земской статистики, мы ограничиваемся на этотъ счетъ указаніемъ уѣзда, къ которому относятся заимствуемыя свѣдѣнія, имѣя въ виду, что такъ какъ результаты земскаго изслѣдованія публикуются по каждому уѣзду отдѣльно, и всѣ томы (поуѣздные) одной губерніи составлены по одинаковому плану, то читатель не встрѣтитъ затрудненій въ провѣркѣ нашихъ данныхъ обращеніемъ къ источнику. Иногда, впрочемъ, для облегченія справокъ, мы указываемъ страницу соотвѣтствующаго тома матеріаловъ, не называя послѣдняго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мелкое и крупное хозяйства въ ихъ культурномъ взаимодѣйствіи.

I.

Большимъ распространеніемъ пользуется у насъ мнѣніе, будто крестьянинъ представляетъ изъ себя образецъ рутины и консерватизма: подвинуть его на что-либо новое въ любой сферѣ дѣятельности можно, только наглядно доказавъ ему выгоды этого новаго; самъ онъ, безъ внѣшней иниціативы, будетъ довольствоваться существующими формами жизни и промышленной дѣятельности, можетъ быть, еще цѣлую тысячу лѣтъ и т. д. Въ примѣненіи къ сельско-хозяйственному производству все это значитъ, что, только благодаря примѣру крупныхъ экономій, крестьянинъ усвоиваетъ что-либо прогрессивное, а потому наблюдаемый въ послѣднее время упадокъ коммерческаго земледѣлія долженъ весьма неблагопріятно отразиться на сельско-хозяйственномъ прогрессѣ, а черезъ него и на судьбѣ страны.

„Напрасно люди, темные въ нашемъ экономическомъ быту, мечтаютъ о благоденствіи крестьянскихъ обществъ, накупившихъ въ кредитъ помѣщичьи земли,—говорится, напримѣръ, въ одномъ сельско-хозяйственномъ органѣ,—и видятъ великое благополучіе исключительно въ томъ, что вся земля переходитъ отъ владѣльцевъ къ крестьянамъ. Эти господа по своей темнотѣ не знаютъ той истины, что земля безъ знанія и капитала никого не обогатитъ... Эти слѣпцы экономіи и отечественной сельско-хозяйственной промышленности не знаютъ того, что если земля содержится еще въ порядкѣ, то, конечно, у землевладѣль-

цевъ—не крестьянъ и что если крестьяне поучаются чему-нибудь наглядно, то только у землевладѣльцевъ" [1]). „Нельзя радоваться исключительно одному расширенію площади крестьянскаго землевладѣнія. Единеніе труда и земли очень сильно, но далеко не достаточно для благосостоянія безъ капитала и положительныхъ знаній". Надѣлить землей крестьянъ у насъ не такъ еще трудно, особенно при наблюдаемомъ стремленіи владѣльцевъ развязаться съ своей собственностью; „но важно не изгнать интеллигента", укрѣпить въ деревнѣ во что бы то ни стало энергичныхъ и просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ, которые нужны крестьянамъ и какъ источникъ развитія, и какъ противовѣсъ вреднымъ общественнымъ элементамъ. „Многіе изъ нихъ служатъ на мѣстахъ большую службу въ качествѣ проводниковъ полезныхъ для земледѣлія знаній, путемъ наглядныхъ и благоразумныхъ примѣровъ" [2]). Владѣлецъ долженъ быть „иниціаторомъ всякихъ экономическихъ улучшеній, только черезъ него могущихъ проникнуть въ массу" [3]).

Таковы мнѣнія, циркулирующія въ значительной части нашего общества о значеніи крупной и мелкой культуръ въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства. У крестьянина нѣтъ знаній и капитала; поэтому двинуться впередъ онъ можетъ, только имѣя передъ собою примѣръ крупнаго хозяина. Пусть первая посылка совершенно истинна, но чтобы обезпечить правильность заключенія, нужно доказать, по крайней мѣрѣ, подразумѣваемую вторую, именно доказать, что требуемыми знаніями и капиталами владѣютъ крупные землевладѣльцы. Однако, сдѣлано-ли что-нибудь подобное? Если землевладѣльцы такъ богаты деньгами, то почему же они до того обременили свою собственность долгами, что на выручку должно было явиться государство съ спеціальнымъ дворянскимъ банкомъ? А если сказанное свидѣтельствуетъ о томъ, что своихъ денегъ у землевладѣльцевъ нѣтъ, но что таковыми ихъ ссужаютъ акціонерные банки, общественныя и правительственныя учрежденія, то спрашивается—что же мѣшаетъ примѣненію тѣхъ же способовъ предложенія капиталовъ мелкому земледѣльцу, исправнѣе круп-

[1]) Сельскій Хозяинъ 1886—1887 г. № 43. [2]) Id. № 29. [3]) Русское Дѣло.

ныхъ выплачивающему обязательства, наложенныя на него правительствомъ (по выкупу, напримѣръ, земли) и земствомъ? Подобныя же сомнѣнія возбуждаетъ и утвержденіе о знаніяхъ, обладаемыхъ будто бы крупными собственниками. Прежде всего, насколько таковыя существуютъ, они даны государствомъ, приспособившимъ свои школы къ потребностямъ и средствамъ землевладѣльцевъ; но государство же, земство и т. п. могутъ задаться цѣлью распространить сельско-хозяйственныя знанія въ массѣ простаго народа, и тогда исчезнетъ и второе предполагаемое преимущество крупнаго землевладѣльца, на которомъ такъ настаиваютъ авторы вышеприведенныхъ заявленій. Затѣмъ, насколько еще вѣрно утвержденіе, что крупный собственникъ владѣетъ необходимыми сельско-хозяйственными знаніями? Если судить по результатамъ его дѣятельности, то придется высказать совсѣмъ противуположное мнѣніе, въ доказательство чего мы приведемъ нѣсколько заявленій на этотъ счетъ нашихъ агрономическихъ изданій, и въ томъ числѣ органа, такъ печалующагося объ успѣшной (!) дѣятельности крестьянскаго банка.

Чтобы обладать знаніями необходимо гдѣ-нибудь ихъ пріобрѣсти, т. е. нужно существованіе соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній и самой науки. Но, какъ извѣстно, высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній на всю Россію насчитывается два-три, а что касается русской агрономической науки — вотъ что говоритъ о ней ученый агрономъ, г. Ермоловъ. Наука въ Россіи „слишкомъ еще далека была отъ потребностей практической жизни, игнорировала многіе ея самые насущные запросы и ограничивалась по преимуществу изслѣдованіемъ вопросовъ или чисто отвлеченныхъ, или взятыхъ изъ жизни, отвѣчающихъ потребностямъ западно-европейскихъ государствъ, а не Россіи“. Такъ, наша метеорологія, „пригоняя свои наблюденія къ установленнымъ въ Западной Европѣ программамъ и формуламъ, выводитъ изъ всѣхъ наблюдаемыхъ ею явленій многолѣтнія, однообразныя среднія цифры и нормы, почти не касаясь вопроса о тѣхъ крайностяхъ, которыя именно и представляютъ наибольшій интересъ и важность для хозяина-практика, отъ которыхъ иногда зависитъ его благосостояніе или полное разореніе. Наша агрономическая наука, за неимѣніемъ

у насъ опытныхъ станцій, которыя изслѣдовали бы почвы и растенія въ области русской сельско-хозяйственной практики точно также живетъ почти исключительно на счетъ трудовъ западно-европейскихъ ученыхъ, которымъ наши условія чужды или не интересны". „Только весьма недавно появились молодые ученые, ставящіе себѣ задачей изученіе нашихъ почвъ, нашего климата, нашихъ культурныхъ растеній и нашего скота. Но этихъ силъ еще мало, и труды ихъ имѣютъ нерѣдко случайный, разрозненный характеръ".

Итакъ, если мы не имѣемъ ни сельско-хозяйственныхъ училищъ, ни самой науки о русскомъ хозяйствѣ, то откуда же у нашихъ крупныхъ хозяевъ возьмутся знанія, которыя помогли бы имъ сдѣлаться руководителями народа? Напротивъ того, „наша сельско-хозяйственная практика, всецѣло предоставленная самой себѣ, одна, безъ помощи науки, зачастую не въ состояніи совладать со многими вопросами и бродитъ въ потемкахъ, иногда вступая на совершенно ложные пути". Эта характеристика нашего крупнаго земледѣлія больше бы соотвѣтствовала дѣйствительности и условіямъ, при которыхъ приходится развиваться хозяйству, еслибы выраженія „зачастую", „иногда", были замѣнены болѣе сильными. Такая замѣна и дѣлается другими авторами, пишущими о томъ же предметѣ. „Для русскихъ хозяевъ,—говоритъ, напр., г. Славатинскій,—вопросъ о выборѣ наиболѣе подходящей и типичной культуры остается точно также открытымъ, какъ и тридцать лѣтъ назадъ, при упраздненіи крѣпостнаго права. За этотъ періодъ времени нами не выработано въ хозяйствѣ ничего типичнаго и въ этомъ, по моему, вся причина упадка нашего хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, мы не ввели ни своей породы домашнихъ животныхъ, ни мѣстныхъ культурныхъ сортовъ хлѣбовъ и не заботимся даже о томъ, чтобы поддерживать то, что заведено помимо нашихъ стараній; то же самое и во всемъ остальномъ. Въ крайнемъ увлеченіи всѣмъ иностраннымъ и небреженіи къ своему, отечественному все свое русское стало синонимомъ всего низшаго, некультурнаго. Все свое типичное удержалось преимущественно въ хозяйствѣ крестьянскомъ и у владѣльцевъ побѣднѣе или у тѣхъ, которые по собственной некультурности не

были способны дѣлать разорительные опыты по переустройству своего хозяйства" [1]).

Эти общія заключенія можно бы иллюстрировать массою пояснительныхъ примѣровъ невѣжества нашихъ хозяевъ, вродѣ, напримѣръ, слѣдующихъ.

„Двадцать лѣтъ тому назадъ,—пишетъ г. Измаильскій,—посѣтилъ Полтавскую губернію извѣстный русскій ученый сельскій хозяинъ, профессоръ И. А. Стебутъ. Въ своемъ описаніи посѣщенныхъ имъ хозяйствъ онъ, между прочимъ, говоритъ. „Потребность въ посѣвѣ травъ сознается у насъ, повидимому, весьма многими, и если не производятся посѣвы ихъ въ большихъ размѣрахъ, то въ малыхъ, въ видѣ опыта, они производятся въ значительномъ числѣ хозяйствъ". Почти то же говоритъ авторъ о посѣвѣ свекловицы. Еслибы профессоръ Стебутъ вновь теперь (въ 1891 г.) посѣтилъ Полтавскую губернію, то едва-ли ему пришлось бы многое добавить къ приведеннымъ выше словамъ: все тѣ же опыты встрѣтилъ бы онъ,—опыты, до сихъ поръ не рѣшившіе основнаго вопроса: какую траву можно рекомендовать хозяину Полтавской губерніи для воздѣлыванія въ степныхъ мѣстахъ? Загляните въ нашу сельско-хозяйственную литературу и вы убѣдитесь, что въ теченіи 20 лѣтъ хозяинъ перепробовалъ многое: онъ сѣялъ могаръ, костеръ, овсяницу, тимофеевку, эспарсетъ, люцерну, клеверъ и другія травы, — каждой изъ нихъ временно увлекался, рекомендовалъ какъ спасеніе отъ безкормицы; затѣмъ—разочаровывался, бросалъ посѣвъ одной, начиналъ посѣвъ другой травы и до сихъ поръ еще ни на чемъ не остановился окончательно... Не достойно-ли сожалѣнія 20 лѣтъ производить опыты и не добиться почти никакихъ положительныхъ результатовъ?" Причины указаннаго явленія авторъ видитъ въ недостаточной научной подготовкѣ хозяевъ и въ невозможности въ обыкновенномъ хозяйствѣ производить точные опыты.

Таковы же результаты попытокъ введенія травосѣянія и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ черноземной полосы, напр. Елецкомъ уѣздѣ Орловской губ. Такъ, клеверомъ „одно время

1) Вѣстн. русск. сел. хоз. 1892 г., №№ 9 и 13.

увлекались всѣ елецкіе хозяева, а теперь почти поголовно изгоняютъ его изъ хозяйственной культуры". Причины этого явленія—отсутствіе у хозяевъ знаній относительно травяныхъ сѣвооборотовъ, свойствъ кормовыхъ травъ и ихъ требованій къ почвѣ, климату и обработкѣ, вслѣдствіе чего хозяева выбирали для посѣва растенія, не подходящія къ мѣстнымъ условіямъ [1]).

„Незнакомство съ устройствомъ плуга и неумѣнье поставить его на работу часто служитъ или, по крайней мѣрѣ, служило причиной, задерживающей введеніе улучшенной обработки земли,—пишетъ г. Чефрановъ.—Три года назадъ я встрѣчалъ очень много хозяйствъ въ Курской губ., гдѣ плуги преданы остракизму только благодаря тому, что не дались въ руки". Хозяева повсемѣстно жалуются на быстрое вырожденіе картофеля, сообщаетъ другой наблюдатель сельской жизни; а это происходитъ отъ того, что для посѣва они выбираютъ клубни самые мелкіе, незрѣлые, едва зародившіеся и потому негодные къ употребленію. Не только крестьяне, но и образованные люди думаютъ, что при культурѣ картофеля важны не сѣмена, а лишь уходъ. Курскій землевладѣлецъ относительно положенія сельскаго хозяйства въ Курской губерніи пишетъ: „культура сельско-хозяйственныхъ растеній ведется каждымъ по пословицѣ: „кто во что гораздъ"; кладутся труды и средства на разведеніе такихъ растеній, которыя опытами другихъ давно признаны невыгодными, но объ этихъ опытахъ никто ничего не знаетъ... Мы, хозяева, не знаемъ до сего времени, какіе сорты яблокъ разводятся въ нашихъ промышленныхъ садахъ, а между тѣмъ садоводство въ Курской губ. имѣетъ обширное сельско-хозяйственное значеніе въ крупныхъ и мелкихъ хозяйствахъ. Мы не знаемъ нормальныхъ условій содержанія фруктовыхъ деревьевъ, и большинство нашихъ промышленныхъ садовъ обречено на порчу, засыханіе и болѣзни не потому, что раціональный уходъ требуетъ затраты средствъ, а потому, что намъ никто не укажетъ лучшія, болѣе выгодныя условія содержанія садовъ". Соблазняемые дешевизной культуры подсолнечника, курскіе хозяева накинулись въ послѣдніе годы на это

---

[1]) Журн. Полт. сел.-хоз. общ. 1891 г., вып. 6, стр. 54. Вѣстн. русск. сел. хоз., 1892 г. № 10, ст. гр. Любарскаго.

растеніе, признаваясь однако, что, по отсутствію у нихъ правильнаго понятія о его культурѣ, введеніе подсолнечника въ сѣвооборотъ, пожалуй, „еще больше истощитъ и безъ того истощенныя поля". „Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ какъ крупные, такъ и мелкіе скотовладѣльцы часто не имѣютъ даже яснаго представленія о надлежащемъ кормленіи продуктивнаго скота, заявляетъ г. Арифельдъ; животныя плодятся и множатся по законамъ естественнымъ, безъ всякаго вліянія владѣльца". „Содержатели лошадей, занимающіеся коннозаводствомъ, болѣе другихъ претендуютъ на знаніе раціональнаго воспитанія животныхъ, обязательныя для ихъ профессіи, — пишетъ проф. Хлюдзинскій. — Однако, нигдѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ мнѣ не встрѣчалось видѣть столько порченыхъ ногъ, сколько у жеребятъ нашихъ конскихъ заводовъ,—причемъ пороки были привиты именно не раціональнымъ воспитаніемъ". „До настоящаго времени существовало увлеченіе иностранными породами скота, — пишетъ предсѣдатель Моск. общ. с. х., кн. Щербатовъ.—Въ настоящее же время, благодаря дѣятельности нѣкоторыхъ членовъ Московск. общ. с. х., при содѣйствіи правительства, выяснилось, что нѣкоторыя русскія породы обладаютъ не меньшими молочными качествами, чѣмъ заграничныя, и имѣютъ преимущество дешевизны и не нуждаются въ акклиматизаціи". Нужно стремиться поэтому къ улучшенію русской породы скота надлежащимъ подборомъ производителей и „въ настоящее время желательно выработать практическую программу этого улучшенія" [1]). Иначе говоря, нужно обратиться къ тому методу скотоводства, которому, при первой возможности, слѣдуетъ русскій крестьянинъ.

Итакъ, по свидѣтельству самихъ же хозяевъ-практиковъ и ученыхъ агрономовъ, нашъ заурядный крупный владѣлецъ (а такихъ огромное большинство), по своимъ сельско-хозяйственнымъ знаніямъ, стоитъ чуть-ли не рядомъ съ крестьяниномъ, а иногда и ниже его. Чтобы служить проводникомъ знаній въ массу населенія—ему нужно еще самому поучиться, или, выражаясь сло-

---

[1]) Землед. Газета, 1881 г., № 11; id. 1886 г., №№ 6, 14; Голосъ Землевлад., 1892 г., № 4; Сел. Хоз., 1886 г., № 47; Прогрес. Сел. Хоз., 1884 г., № 1; Вѣстн. рус. с. х., 1892 г. № 18.

ванія извѣстнаго нашего хозяина, г. Шатилова, „поднять земледѣліе въ Россіи будетъ мыслимо лишь тогда, когда на смѣну землевладѣльцамъ явятся по частнымъ имѣніямъ земледѣльцы“ [1]). А если такъ, если нашъ крупный хозяинъ не имѣетъ ни требуемыхъ познаній, ни, какъ мы видѣли, своихъ капиталовъ; если вторая посылка вышеприведеннаго силлогизма относительно культурнаго взаимодѣйствія крупнаго и мелкаго земледѣлія ложна, то падаетъ и окончательное заключеніе о необходимости примѣра крупнаго хозяйства для прогрессивнаго развитія мелкаго, и все, что можно вывести изъ положенія объ отсутствіи у мелкаго владѣльца знаній и капитала, это—требованіе, что, насколько таковые необходимы, они должны быть даны ему, подобно тому, какъ до сихъ поръ давались крупному собственнику.

Такимъ образомъ, категорическое разрѣшеніе à priori въ благопріятномъ смыслѣ вопроса о культурномъ значеніи крупнаго хозяйства оказалось произвольнымъ, ни на чемъ неоснованнымъ утвержденіемъ. Но это не значитъ, что значеніе крупнаго земледѣлія для мелкаго равняется нулю, что послѣднее ничего не заимствуетъ у перваго и не теряетъ отъ его сосѣдства. Не говоря уже о владѣльцѣ, спеціально задавшемся цѣлью быть руководителемъ мелкаго земледѣльца на пути сельско-хозяйственнаго прогресса, способномъ сдѣлать въ этомъ отношеніи очень многое,—имѣя дѣло лишь съ обычнымъ типомъ хозяйства, не преслѣдующаго общественныя цѣли, а существующаго ради дохода,—нужно все-таки признать, что землевладѣлецъ можетъ играть замѣтную роль въ процессѣ возвышенія сельско-хозяйственной культуры на крестьянской землѣ.

Мы живемъ въ такой моментъ, когда наука играетъ огромную роль въ производствѣ: ученые сознательно ставятъ извѣстныя техническія задачи, диктуемыя практическою жизнью, и затрачиваютъ массу средствъ и труда для отвѣта на запросы послѣдней. Къ сожалѣнію, такая интимная связь науки и жизни образовалась далеко не на всемъ полѣ послѣдней, причемъ объемъ вліянія, оказываемаго наукой, зависитъ не отъ ея положенія въ ряду другихъ и, слѣдовательно, отъ степени достигнутаго ею

[1]) Вѣстн. рус. с. х., 1892 г. № 13.

развитія, въ силу котораго механика, напримѣръ, оказываетъ большее вліяніе на производство, нежели химія и тѣмъ паче біологія,—что было бы естественно и не требовало спеціальныхъ объясненій,—а отъ экономической формы производства. Крупная промышленность давно пользуется услугами механики или химіи, а въ новѣйшее время на помощь къ ней приходятъ самыя сложныя, а потому наименѣе развитыя отрасли естествознанія. Что же касается мелкаго производства ему остаются абсолютно чужды хотя бы самые элементарные, банальные, но научно-установленные законы и правила. Прогрессъ крестьянскаго земледѣлія и кустарнаго промысла совершается еще первобытными средствами; наука доходитъ туда случайно, черезъ посредство захожаго человѣка, примѣра сосѣда-помѣщика и т. п. Всѣ же почти образцовыя мастерскія, фермы, лабораторіи, общества, съѣзды и т. п., если оказываютъ какое-либо систематическое вліяніе, то это именно на крупное, а не на мелкое производство. Особенно ненормальнымъ кажется такое положеніе дѣла въ области сельскаго хозяйства. Обращаясь къ формѣ его производства, вы убѣдитесь, что въ рукахъ мелкой находится по крайней мѣрѣ 90% производительности, т. е. что отъ состоянія именно этой формы хозяйства зависитъ какъ обезпеченіе населенія хлѣбомъ, такъ и успѣхи международной торговли. Послѣдніе годы смѣны періодовъ оживленія и застоя промышленности обнаружили кромѣ того тѣснѣйшую связь между доходами мелкихъ земледѣльцевъ и общимъ состояніемъ промышленности страны, показавъ, что, если богатъ мужикъ—процвѣтаетъ фабрика, и наоборотъ. Тогда же сдѣлались извѣстными и важнѣйшія слабыя стороны мелкаго хозяйства, зависящія какъ отъ экономическихъ условій страны, такъ и отъ техническихъ недостатковъ промысла, и въ населеніи обнаружилось стремленіе къ новому, если не всегда къ лучшему. Всякому человѣку, задумавшемуся надъ вопросомъ, дѣлается ясной своевременность образованія связи между научноразвитой техникой и мелкимъ хозяйствомъ, и, однако, что же мы видимъ въ этомъ отношеніи. „Просматривая протоколы сельско-хозяйственныхъ обществъ,—говоритъ покойный Капустинъ, обозрѣвая страницы сельско-хозяйственныхъ изданій,—мы увидимъ массу извѣстій и сообщеній ученыхъ спеціалистовъ и

просвѣщенныхъ практиковъ относительно достоинствъ и недостатковъ множества сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Предметомъ этимъ, можно сказать, запружены сельско-хозяйственныя изданія. Читая ихъ, мы видимъ, что дѣло выбора орудія для данной почвы и данныхъ условій хозяйства—дѣло крайне трудное; что здѣсь сплошь и рядомъ возможны ошибки даже для хозяина, обладающаго научнымъ образованіемъ, видѣвшаго самыя образцовыя хозяйства Европы и знакомаго съ цѣлой исторіей какого-либо изобрѣтеннаго на западѣ орудія, подвергшагося тамъ многолѣтнимъ испытаніямъ. Въ виду возможности ошибокъ въ выборѣ, при складахъ, на выставкахъ или отдѣльныхъ хозяйствахъ производятся систематическіе опыты съ выписными орудіями, проектируются измѣненія въ нихъ для приспособленія къ почвамъ разныхъ мѣстностей Россіи, затѣмъ публикуются результаты этихъ опытовъ во всеобщее свѣдѣніе". Но все это, читатель, дѣлается для кучки хозяевъ, запахивающихъ 10% площади Россіи, которыми и ограничивается кругозоръ нашей ученой интеллигенціи. Что же касается потребностей и средствъ ихъ удовлетворенія милліонной массы мелкихъ земледѣльцевъ, обрабатывающей остальные 90% пашни, мы не только серьезно о нихъ не заботимся, но и не знаемъ хорошенько, что тамъ на самомъ дѣлѣ творится, чего имъ нужно, и что у нихъ есть. Такъ, напримѣръ, когда Екатеринбургское и Вятское земства, ассигновавъ въ 1881 г., первое 2, а послѣднее 11 тыс. р. на распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ орудій, обратились къ В.-Э. Обществу съ просьбой указать имъ образцы, наиболѣе пригодные для крестьянскаго хозяйства, то получили въ отвѣтъ откровенное признаніе полнаго незнакомства этого, по преимуществу сельско-хозяйственнаго, общества, какъ съ мѣстными условіями края, такъ и съ подходящими для него орудіями, и совѣтъ, путемъ выставокъ и конкурса самимъ познакомиться съ существующими образцами и выбрать изъ нихъ наиболѣе подходящіе [1]). Интересный образецъ невыясненности взглядовъ ученыхъ на элементарныя условія крестьянскаго хозяйства представляетъ полемика о такомъ всѣмъ извѣстномъ

---

[1]) Землед. Газета, 1882 г., № 9.

орудіи, какъ русская соха и попыткахъ ея улучшенія, продолжавшаяся на страницахъ „Земледѣльческой Газеты“ около 15 лѣтъ.

Косуля, курашимская соха и сабанъ, это—орудія, изобрѣтенныя не ученымъ западнымъ хозяиномъ, а невѣжественнымъ русскимъ земледѣльцемъ. Уже по одной этой причинѣ естественно ожидать, что они окажутся неизвѣстными нашимъ ученымъ агрономамъ, не смотря на то, что ихъ идеальное назначеніе розыскивать невѣжество и дѣйствовать на него свѣтомъ знанія. И дѣйствительно, извѣстный спеціалистъ по земледѣльческимъ орудіямъ, В. В. Черняевъ, высказалъ мнѣніе, что косуля и сабанъ не имѣютъ никакихъ цѣнныхъ преимуществъ сравнительно съ сохою, и что вятскій крестьянинъ предпочитаетъ ее не за наилучшую будто бы обработку земли, за которой слѣдуетъ повышеніе урожаевъ, а за быстроту и легкость работы. На основаніи сказаннаго ученый агрономъ и не придаетъ значенія широкому распространенію въ послѣднее время улучшенной сохи-курашимки въ Пермской и Вятской губерніяхъ и считаетъ прогрессивнымъ шагомъ лишь замѣну сохи плугомъ. Не знаемъ, бывалъ-ли г. Черняевъ на мѣстѣ и самъ наблюдалъ результаты работы новаго орудія, производилъ-ли ихъ испытаніе на фермахъ и т. п. и по скольку, слѣдовательно, его мнѣніе можетъ служить серьезнымъ отзывомъ спеціалиста-практика, а не образцомъ поверхностнаго сужденія объ орудіи мелкаго производства представителя капиталистической техники. Но мы видимъ, что съ его мнѣніемъ несогласны многіе крупные хозяева-практики. Одинъ изъ нихъ, г. Морозовъ, хозяинъ Уржумскаго уѣзда, производившій опыты работы плугомъ, простою и улучшенною сохою и хозяйничающій уже 13 лѣтъ, пришелъ къ заключенію, что кукарская косуля, по качеству работы, нисколько не уступаетъ одноконнымъ плужкамъ, но далеко превосходитъ ихъ въ легкости и споркости работы и дешевизнѣ; кромѣ того имѣетъ это орудіе то преимущество, что его можетъ починить или даже вновь сдѣлать простой деревенскій кузнецъ“.

Такое же мнѣніе высказываетъ другой хозяинъ, г. Черносвитовъ, который въ то же время указываетъ и причины нѣкоторыхъ недостатковъ, свойственныхъ разсматриваемому орудію. „Уже много лѣтъ косуля, вмѣстѣ съ самоваромъ представляю-

щая чисто русское изобрѣтеніе, живетъ на свѣтѣ и, пожалуй, еще столько же проживетъ, пока дождется, чтобы на нее взглянули безпристрастно, безъ предубѣжденія, какъ на все русское, и занялись ея усовершенствованіемъ. До сихъ поръ еще никто почти изъ нашихъ заводчиковъ-машиностроителей не обратилъ на нее своего вниманія, и потому какъ сама косуля, такъ и ея желѣзныя части работаются кустарями безъ научно-провѣреннаго масштаба, на глазъ, по привычкѣ, и многіе недостатки косули зависятъ единственно отъ неумѣлости ея строителей. Мы привыкли брать готовые образцы отъ другихъ, но косулю намъ ни нѣмецъ, ни американецъ не улучшатъ, потому что ихъ условія хозяйства не нуждаются въ косулѣ, такъ что улучшеніе всецѣло падаетъ на русскихъ машиностроителей", которые, однако, не особенно имъ интересуются, ибо по своей дешевизнѣ это орудіе не можетъ дать большихъ барышей.

Въ виду сказаннаго нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ измѣненія въ этомъ пашущемъ орудіи, приноровленіе его къ тѣмъ или другимъ мѣстнымъ условіямъ, находились до сихъ поръ исключительно въ рукахъ крестьянъ; и нельзя сказать, чтобы послѣдніе показали полную неспособность выполнить эту необходимую задачу. Разсматривая устройство сохи по мѣстностямъ, мы найдемъ въ немъ значительное разнообразіе. На легкихъ супесчаныхъ почвахъ соха имѣетъ очень несовершенную конструкцію, непрочна и неустойчива, состоитъ вся „изъ лучинокъ и веревокъ". Но трудно обрабатываемая земля, „заставляющая къ тому же дорожить каждой лишней проведенной во время бороздой, заставила пахаря подумать объ улучшеніи сохи и замѣнить непрочную разсоху кореньковыми ножками, а веревочные подвои желѣзными; заставила прикрѣпить оглобли болѣе раціонально по отношенію къ тягѣ и, что главное, обративъ вниманіе на качество матеріала въ сошной палицѣ, давнымъ-давно развила требованіе, а вмѣстѣ съ нимъ и производство насталенныхъ палицъ, достигнувшее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣчательнаго совершенства". Разсматривая устройство сохи даже въ предѣлахъ одной губерніи, мы увидимъ, какъ разнообразится ея конструкція въ зависимости отъ почвенныхъ условій той или другой мѣстности (см., напр., отчеты о послѣд-

ной сельско-хозяйственной выставкѣ въ Архангельской губ.). „Сама земля учитъ пахаря улучшать соху, и онъ работаетъ надъ этимъ улучшеніемъ, но работаетъ ощупью. Неужели мы не придемъ къ нему на помощь?" [1]).

Въ сѣверной нечерноземной полосѣ улучшеніе сохи приняло такое направленіе, что произошло измѣненіе типа этого орудія, приближающее его къ плугу. Все это достигается крестьянами самостоятельно, безъ замѣтнаго вліянія науки и внѣшнихъ элементовъ. Распространеніе плуговъ въ центральной Россіи, правда, обязано существованію орудія, выработаннаго крупнымъ хозяиномъ или такимъ же заводомъ; но за то мы и не можемъ сказать, что это распространеніе въ его теперешней формѣ имѣетъ обезпеченное будущее, такъ какъ перенимаемыя крестьяниномъ орудія приноровлены къ крупному, а не къ мелкому хозяйству, и если не послѣдуетъ видоизмѣненія плуга, очень можетъ быть, что замѣтное въ настоящее время стремленіе крестьянъ къ улучшенію земледѣльческихъ орудій, не получивъ удовлетворенія, заглохнетъ. Уже въ настоящее время „затрудненіе распространенію плуговъ въ сѣверныхъ и центральныхъ губерніяхъ происходитъ отъ недостатка хорошаго, прочнаго, простого по устройству и не дорогого одноконнаго плуга; лучше сказать, такого до сихъ поръ еще не было, за исключеніемъ рухадловаго-вржесинскаго (въ Польшѣ) и ямбургскаго" (въ Петербургской губерніи) [2]). Что же касается требуемаго видоизмѣненія, то попытки придти къ крестьянамъ на помощь со стороны, въ силу своей незначительности, не имѣли пока замѣтнаго успѣха. Такъ, испытаніе плуговъ крестьянскаго и колонистскаго производства въ Петербургской губерніи сравнительно съ плугами Шарапова и Шварцгофа, произведенное Вольно-Экономическимъ Обществомъ въ 1883 году, по словамъ г. Котельникова, показало, „что не у послѣднихъ инструкторовъ слѣдуетъ искать плуга, наиболѣе пригоднаго для крестьянъ" [3]). Плуги же ямбургскихъ мелкихъ производителей, по словамъ извѣстнаго спеціалиста, г. Черняева, „дѣлаютъ честь ямбургскимъ мастерамъ, съумѣвшимъ выработать типъ,

[1]) Землед. Газета, 1886 г., № 2. [2]) Id., 1884, 4. [3]) Id., 1883, 37.

наиболѣе удовлетворяющій требованіямъ хозяйства. Плугъ недорогъ, правильно построенъ, проченъ, удобенъ для исправленія деревенскими кузнецами, пригоденъ для подъема и очень плотной почвы, и жнивья" [1]).

Мы увидимъ, какое большое распространеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ получили молотилки, и тѣмъ не менѣе это произошло почти безъ вліянія со стороны, если не считать таковымъ образцы молотилокъ, случайно попавшіе на глаза первыхъ строителей-крестьянъ, до того, однако, измѣнившихъ ихъ конструкцію, что есть агрономы, отрицающіе сходство, напримѣръ, рязанскихъ молотилокъ съ ихъ прототипомъ — бутеноповскимъ приводомъ. Такую же разобщенность жизни и систематическаго знанія доказываютъ и другія попытки, наблюдаемыя въ крестьянской средѣ, ввести улучшенія земледѣльческаго производства. Здѣсь сплошь и рядомъ возникаютъ задачи, давно разрѣшенныя западной наукой или практикой нашего крупнаго хозяйства; крестьянину приходится вновь изобрѣтать то, что извѣстно всякому полуобразованному агроному, вторично открывать Америку—дѣло, какъ извѣстно, нелегкое. Крестьяне олончане, напримѣръ, оцѣнили тимофѣевку, но видятъ, что она капризна въ выборѣ почвы, знаютъ, что есть травы для другихъ почвъ, но достать ихъ не легко. „На песокъ травы желалъ бы; на глину бы какую посѣять?" слышалъ я, говоритъ г. Куликовскій, во время своихъ скитаній по Каргопольскому уѣзду. Однимъ словомъ, желанія сколько угодно, но невѣжество — Боже, какое невѣжество! Смотрѣть больно на людей, которые бьются какъ рыба объ ледъ, не находя выхода, а неудачи такъ и сыплятся!" А все дѣло-то въ томъ, чтобы указать имъ на клеверъ и другія травы и научить тому, что давно сдѣлалось извѣстнымъ въ центральной Россіи. Пока же учителями массы является свой же братъ — „отхожіе" промышленники, нищіе, возвращающійся со службы солдатъ и другіе сельскіе люди, не сидящіе дома, а ходящіе на промыслы въ чужія мѣста. Приходитъ солдатъ съ войны, приноситъ на родину въ карманѣ горсть чечевицы, съ которой

[1]) Id., 1881, 2.

онъ познакомился на югѣ, хвалитъ ее сосѣдямъ,—и вотъ начинаются пробы новаго растенія; нищая, посѣщающая по своей профессіи чужую губернію, поражается ея травами, достаетъ ихъ сѣмена, приноситъ домой,—и здѣсь распространяется травосѣяніе. Крестьяне Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи какими-то сложными путями достали съ Кавказа сѣмена неизвѣстнаго имъ растенія, разводятъ его въ грядахъ и пьютъ этотъ кавказскій чай вмѣсто китайскаго (по изслѣдованію, растеніе оказалось медоносной турецкой мелиской). На Воезеро Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи сѣмена тимофѣевки принесла солдатка Пелагея Савина, ходившая въ Вологодскую губернію собирать милостыню. Въ Троицкѣ она увидѣла „хорошія травы" и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ носила оттуда сѣмена тимофѣевки своимъ однодеревенцамъ. Въ другую волость того-же уѣзда сѣмена тимофѣевки занесены валяльщиками; въ третью — отхожимъ коноваломъ и т. д. Случается, что нововведеніе не успѣваетъ укрѣпиться и исчезаетъ, потому что иниціаторъ умираетъ или уѣзжаетъ куда-либо, не ознакомивъ какъ слѣдуетъ другихъ съ новой культурой. Есть примѣры, что травосѣяніе появилось самостоятельно, представляя уже вполнѣ новое открытіе давно извѣстной Америки. Такъ, напримѣръ. крестьянинъ Каргопольскаго уѣзда, Ганинъ, на вопросъ—откуда онъ перенялъ травосѣяніе, заявилъ, что „самъ дошелъ" и тутъ же разсказалъ интересный способъ полученія имъ сѣмянъ тимофѣевой травы для перваго засѣва. „Идешь межой—говоритъ Ганинъ, — снопокъ нарвешь или колосъ, да на ладони вывѣешь; потомъ домой, и въ баночку! Потомъ съ рожью посѣялъ, пудовъ по 30 четыре года снималъ!" Тотъ-же крестьянинъ дѣлаетъ опытъ подсѣва естественнаго луга; первый опытъ оказался неудаченъ; но Ганинъ не унываетъ и въ слѣдующемъ году хочетъ опять сѣять, предварительно взборонивши и поднавозивъ лугъ [1]).

Хотя у насъ и издаются агрономическіе журналы, но всѣмъ извѣстно, что ихъ задача—помощь крупному хозяйству, а не мелкому; поэтому послѣднее и не пользуется ихъ указаніями.

[1]) Рус. Вѣд., 1887, № 350.

Нельзя сказать, что препятствіе къ изданію подобнаго же органа, но преслѣдующаго интересы мелкаго земледѣлія, заключается въ безграмотности крестьянства. Опытъ дешеваго правительственнаго изданія „Сельскій Вѣстникъ", наполовину наполненнаго корреспонденціями и запросами (преимущественно земельно-юридическаго характера) крестьянъ, доказываетъ, что уже есть возможность завязать печатныя сношенія интеллигенціи съ народомъ съ цѣлью отвѣчать на различные запросы практической жизни крестьянина, въ томъ числѣ и на вызываемые его хозяйствомъ. Какъ въ самомъ „Сельскомъ Вѣстникѣ", такъ и въ другихъ изданіяхъ попадаются указанія на то, что печатаемыя въ „Вѣстникѣ" агрономическія статьи и замѣтки производятъ свое вліяніе, служатъ крестьянамъ руководителемъ въ дѣлѣ измѣненія хозяйства. Несмотря на эти факты, нужно все-таки признать, что печать—этотъ главнѣйшій въ цивилизованныхъ обществахъ способъ распространенія знаній—почти закрытъ для русскаго крестьянина, и ему остается руководствоваться слухами и образцами, заносимыми прохожими, нищими, возвращающимися съ заработковъ и т. п., и по такимъ случайнымъ и отрывочнымъ указаніямъ передѣлывать то или другое въ своей хозяйственной практикѣ. Приведенные выше факты свидѣтельствуютъ о томъ, что народъ сознаетъ многіе недостатки своего быта, и что помощь со стороны свѣдущихъ и умѣющихъ лицъ не пропадетъ даромъ. Пока же эта помощь явится въ видѣ систематической дѣятельности общественныхъ учрежденій (начало которой мы видимъ въ мѣропріятіяхъ нѣкоторыхъ земствъ)—понятно, какое значеніе имѣетъ для крестьянина сосѣдство культурнаго хозяина, кое-что почитывающаго, а, главное, имѣющаго сношенія съ отдаленными рынками, могущаго купить то, что необходимо крестьянину, и, можетъ быть, даже разводящаго его въ собственномъ хозяйствѣ. Отсюда еще очень далеко до заключенія о необходимой культурной роли крупнаго землевладѣльца въ общественномъ смыслѣ этого слова и нельзя выводить заключенія, что безъ крупнаго хозяйства мелкое обречено на вѣчный застой, что оно движется только подъ руководствомъ перваго, что этого руководства вполнѣ достаточно и не требуется иныхъ мѣръ того же характера; но

нельзя и совершенно отвергать à priori культурное значеніе крупнаго земледѣлія. Остается путемъ наблюденія опредѣлить родъ и степень вліянія одной формы хозяйства на другую, откуда уже выяснится роль одной изъ нихъ въ прогрессивномъ развитіи сельскаго хозяйства страны и степень необходимости вмѣшательства въ процессъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

II.

Въ литературѣ имѣется не мало указаній на культурную роль крупнаго хозяйства въ дѣлѣ развитія мелкаго. Пересматривая земско-статистическіе сборники, отчеты департамента земледѣлія и земствъ о положеніи сельскаго хозяйства, періодическія агрономическія изданія и т. п., можно указать слѣдующія три направленія, гдѣ примѣръ крупныхъ хозяевъ замѣтно отражается на крестьянахъ, замѣтно въ томъ смыслѣ, что наблюдается не мало случаевъ примѣненія крестьянами нововведенія, съ которымъ они познакомились на примѣрѣ сосѣда-землевладѣльца. Это—удобреніе полей, введеніе машинъ и улучшенныхъ орудій и перемѣна выродившихся сѣмянъ на свѣжія и притомъ высшихъ сортовъ.

Что касается удобренія крестьянскихъ полей, то роль помѣщичьяго хозяйства здѣсь совершенно пассивная. Владѣлецъ не пытается убѣдить крестьянина въ чемъ-либо; онъ ради личнаго интереса удобряетъ свое поле, крестьянинъ видитъ, что урожай у него подымается, и самъ начинаетъ дѣлать то же. Въ отношеніи примѣненія усовершенствованныхъ орудій или лучшихъ сѣмянъ—роль крупнаго хозяина не ограничивается пассивнымъ указаніемъ образцовъ; весьма часто онъ принимаетъ непосредственное участіе въ крестьянскомъ нововведеніи, иногда даже является его невольнымъ иниціаторомъ. Такъ, въ центральной нечерноземной полосѣ, гдѣ помѣщики давно пашутъ плугомъ, а крестьяне — сохой, послѣдніе нерѣдко обращаются къ владѣльцамъ съ просьбой разрѣшить имъ воспользоваться (безплатно или за деньги) ихъ плугомъ для подъема задеревенѣлой полосы, облога и т. п. Такимъ образомъ, крестьянинъ

не только видитъ въ помѣщичьемъ плугѣ образецъ лучшаго орудія,—чего еще не всегда достаточно для введенія таковаго въ своей практикѣ,—но и пользуется имъ для перваго опыта. За удачнымъ исходомъ испытанія слѣдуетъ покупка орудія нѣкоторыми домохозяевами, которымъ приходится подымать много облоговъ (напримѣръ, подъ посѣвы льна), вскорѣ послѣ чего плугъ начинаетъ примѣняться къ вспашкѣ обыкновеннаго поля и теперь болѣе или менѣе быстро распространяется между крестьянами. Впрочемъ, быстрота его распространенія въ значительной степени зависитъ отъ условій его пріобрѣтенія. Выдѣлываются плуги въ крупныхъ заведеніяхъ нашихъ промышленныхъ центровъ, потребляются же въ деревенскихъ захолустяхъ. Еслибы, для ихъ распространенія въ крестьянской средѣ, торговцами принимались тѣ же мѣры, какія ими практикуются относительно новыхъ предметовъ, способныхъ войти въ обыденное потребленіе народа (ткани и т. п.), —вѣроятно, примѣненіе усовершенствованныхъ орудій въ крестьянскомъ хозяйствѣ началось бы значительно раньше. Но такъ какъ склады этихъ орудій, разсчитанные на требованіе крупныхъ хозяевъ, первоначально устраиваются въ большихъ городахъ, почему они и недоступны для крестьянъ, то естественно, если первый образецъ названнаго орудія чаще всего попадается послѣднимъ на глаза въ помѣщичьей экономіи. Но и убѣдившись въ пользѣ плуга,—крестьяне не знаютъ, гдѣ его пріобрѣсти и тутъ-то много зависитъ отъ того, найдутся-ли на мѣстѣ предпріимчивыя лица, пожелающія явиться посредниками между производителями и потребителями, безкорыстно или на обыкновенномъ коммерческомъ основаніи. Нерѣдко такими посредниками служатъ земскія управы (московская, вятская, пермская и др.), выписывающія нѣсколько сотъ экземпляровъ орудія и болѣе или менѣе быстро распродающія его крестьянамъ; иногда — волостныя правленія. Но чаще всего посредничество основано на стремленіи къ барышу. и его агентами являются деревенскіе лавочники, кабатчики и др. тому подобный оборотливый людъ, закупающій плуги въ городахъ и продающій ихъ мѣстнымъ жителямъ. Иногда въ числѣ посредниковъ фигурируютъ мѣстные фабриканты или землевладѣльцы—и въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, безкорыстно:

имѣя связи съ промышленными центрами и зная гдѣ и какъ купить орудіе, они, пріобрѣтая его себѣ, выписываютъ экземпляръ и для сосѣда-крестьянина, попросившаго о томъ добраго барина.

Помѣщичье хозяйство нерѣдко впервые знакомитъ крестьянъ и съ другими орудіями: молотилками, зерносушилками и т. д. Наблюдая ихъ работу у владѣльца, крестьяне вскорѣ нанимаютъ машину для собственнаго пользованія, а затѣмъ заводятъ и свою—въ одиночку или въ складчину.

Но всего замѣтнѣе и плодотворнѣе вліяніе крупныхъ хозяевъ на распространеніе среди крестьянъ лучшихъ сѣмянъ растеній, и понятно—почему это такъ. Значеніе того или другаго достоинства сѣмянъ для урожая легко понимается крестьяниномъ, но эта сторона его хозяйственной дѣятельности—наиболѣе слабое ея мѣсто и вообще доказываетъ, до чего, при современномъ направленіи нашей промышленной жизни, самыя настоятельныя потребности мелкаго производства не получаютъ естественнаго удовлетворенія.

Достоинство сѣмянъ, какъ мы замѣтили, — очень важный факторъ доходности хозяйства, а требованія крестьянина въ этомъ отношеніи крайне умѣренны. И однако, даже эти умѣренныя требованія остаются безъ удовлетворенія: въ провинціи не существуетъ такихъ складовъ — частныхъ или общественныхъ,—гдѣ бы хозяинъ могъ пріобрѣсти для посѣва чистое зерно обыкновеннаго, средняго сорта; онъ долженъ или довольствоваться выродившимися, засоренными сѣменами собственнаго урожая, культивируемыми на мѣстѣ безъ перемѣны цѣлыя десятилѣтія, или покупать нѣчто подобное же на мѣстномъ рынкѣ, который и не думаетъ о снабженіи земледѣльца этой важной принадлежностью хозяйства, а предлагаетъ ему — что у него есть. Нерѣдко случается, что, переведя собственныя сѣмена и не имѣя возможности пріобрѣсти новыя на рынкѣ, крестьяне совсѣмъ или на время прекращаютъ культуру извѣстнаго растенія [1]. Въ виду сказаннаго, понятно, какое значеніе можетъ

[1]) Вотъ нѣкоторые примѣры сказаннаго. «Бѣдные крестьяне Моршанскаго уѣзда, вслѣдствіе неурожаевъ, перевели у себя сѣмена гречихи, покупать же ихъ не въ состояніи, потому, по возможности, замѣняютъ ее

имѣть для крестьянина сосѣдство помѣщика и отчего во многихъ изданіяхъ, перечисленныхъ нами выше, и другихъ извѣстіяхъ изъ провинціи сообщается сплошь и рядомъ, что крупные хозяева во многихъ мѣстностяхъ въ извѣстной степени играютъ для крестьянъ роль тѣхъ складовъ сѣмянъ, объ отсутствіи которыхъ въ провинціи мы только-что говорили.

Въ общемъ, владѣлецъ употребляетъ для посѣва лучшія или по крайней мѣрѣ болѣе чистыя сѣмена; и такъ какъ, особенно въ нечерноземной мѣстности, масса крестьянъ засѣваютъ свои поля покупнымъ зерномъ, за которое даютъ хорошія деньги, то землевладѣльцу прямой расчетъ сохранить часть или весь свой урожай до времени посѣва, дабы сбыть его потомъ сосѣднимъ крестьянамъ по цѣнѣ, значительно превышающей обыкновенную рыночную. Если крупный хозяинъ разводитъ улучшенные сорты хлѣбовъ и получаетъ при этомъ удовлетворительные результаты, крестьяне тотчасъ замѣчаютъ указанное, покупаютъ у него сѣмена и, если послѣднія удовлетворили ихъ ожиданія, замѣняютъ прежній сортъ хлѣба новымъ. Здѣсь мы можемъ наблюдать нечастный случай естественной солидарности крупной и мелкой формъ сельско-хозяйственнаго производства. Частному владѣльцу прямой расчетъ, чтобы окрест-

---

посѣвами проса» (с. 84). «Въ выборѣ посѣвовъ крестьяне иногда не могутъ слѣдовать правильному расчету. За неимѣніемъ сѣмянъ овса и гречихи, сѣютъ просо тамъ, гдѣ нельзя ожидать отъ него хорошаго урожая» (с. 85). Крестьяне Полтавскаго уѣзда почти не обновляютъ сѣмена, стараясь для посѣва отобрать лучшія зерна; часто засѣваютъ покупными или взятыми въ ссуду сѣменами, при чемъ продавцы нерѣдко спускаютъ съ рукъ низкопробное сѣмя (с. 70). Многіе хозяева Бузулукскаго уѣзда перестали сѣять рожь (с. 57), а Шацкаго—овесъ (с. 49), потому что, вслѣдствіе неурожаевъ, перевели сѣмена. Вырожденіе сѣмянъ служитъ одной изъ причинъ пониженія урожаевъ на крестьянскихъ поляхъ Самарскаго уѣзда. «Многіе крестьяне относятся совершенно сознательно къ этому явленію, но часто не имѣютъ возможности устранить зло» (с. 41). Нѣкоторыя селенія Царицынскаго уѣзда перестали сѣять овесъ, потому что въ голодные годы перевели его сѣмена (с. 79). 63 общества Николаевскаго уѣзда воздѣлываютъ главнымъ образомъ пшеницу-бѣлотурку, но въ 39-ти изъ нихъ она черезъ 1—2 года перерождается. «Сѣемъ бѣлотурку,—говорятъ крестьяне,—а повеземъ продавать, купцы принимаютъ ее за брызгалку». За невозможностью достать сѣмянъ бѣлотурки за сходную цѣну на рынкѣ, бѣдные хозяева выбираютъ для посѣва бѣлотурныя сѣмена изъ перерода по колоску или зернами; «одинъ старикъ съ семьей въ 1887 г. выбиралъ бѣлотурку по зерну цѣлую зиму» (с. 48). Многія селенія Бугульминскаго уѣзда перестаютъ сѣять гречиху, потому что перевелись сѣмена (с. 50) и т. д.

ное населеніе ввело у себя лучшіе сорты хлѣбовъ, ибо это обезпечиваетъ вѣрный сбытъ продуктовъ его собственнаго хозяйства; крестьяне охотно покупаютъ хорошія сѣмена, предлагаемыя владѣльцемъ, взамѣнъ выродившихся и засоренныхъ собственныхъ. Между сторонами устанавливаются отношенія, хотя и коммерческія, но по существу доброжелательныя и, при самой обыкновенной порядочности владѣльца, чуждыя какой бы то ни было эксплуатаціи.

Въ пользу благотворнаго вліянія помѣщичьяго хозяйства на крестьянское говоритъ иногда встрѣчающійся фактъ высшей культуры земель, принадлежащихъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, сравнительно съ государственными. Въ самомъ дѣлѣ нерѣдко попадаются указанія на то, что бывшіе владѣльческіе крестьяне en masse или въ небольшомъ числѣ общинъ лучше ухаживаютъ за своей землей, нежели государственные [1]). Указанное явленіе зависитъ не отъ одного только примѣра крупнаго хозяйства, но и отъ многихъ другихъ причинъ. Во-первыхъ, задатки такого направленія нерѣдко положены еще во времена крѣпостнаго права; во многихъ случаяхъ, отбывая барщину, крестьяне унаваживали помѣщичьи поля и такимъ образомъ привыкли къ этому способу поддержанія плодородія почвы; а выйдя на волю или со времени выкупа, нѣкоторыя такія общины начали примѣнять удобреніе и къ своимъ угодьямъ (Моршанскій уѣздъ, Козловскій, Шацкій и др.). Самарскіе статистики высказываютъ еще мнѣніе, что большая заботливость владѣльческихъ крестьянъ о своемъ надѣлѣ зависитъ отъ

[1]) Въ Козловскомъ уѣздѣ, гдѣ въ общемъ крестьянскія поля удобряются плохо, можно встрѣтить небольшія и малонадѣльныя общины помѣщичьихъ крестьянъ, начавшія по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости хорошо удобрять свою землю. Лучше другихъ примѣняютъ удобреніе и нѣсколько помѣщичьихъ общинъ Усманскаго уѣзда Тамбовской губерніи, Раненбургскаго и Данковскаго Рязанской. Хотя удобреніе въ Воронежскомъ уѣздѣ распространено мало, тѣмъ не менѣе оно больше практикуется у помѣщичьихъ крестьянъ и притомъ со временъ крѣпостнаго права. Опыты удобренія въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи замѣчаются по преимуществу у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и у военныхъ поселянъ. Первыя попытки удобрять землю въ Борисоглѣбскомъ и Обоянскомъ уѣздахъ сдѣланы по преимуществу бывшими владѣльческими крестьянами. Лучшее удобреніе и болѣе тщательная обработка своей земли чаще встрѣчается въ помѣщичьихъ общинахъ Самарскаго, Ставропольскаго и Мензелинскаго уѣздовъ, нежели въ государственныхъ и т. д.

того, что при крѣпостномъ правѣ они не только прошли тяжелую, но поучительную школу барщиннаго труда, но и отвлекались отъ собственнаго хозяйства, которому зато и предались съ особенной энергіей, получивъ свободу.

Затѣмъ, помѣщичьи крестьяне получили малые и нерѣдко плохіе надѣлы, которые раньше истощились и раньше потребовали удобренія. Въ первое время по освобожденіи, когда крестьяне имѣли достаточное количество дешевой съемной земли, они не чувствовали потребности возвысить культуру своихъ надѣловъ и хозяйничали, какъ и всѣ. Но съ размноженіемъ населенія и возстановленіемъ помѣщичьихъ запашекъ сдача земли въ аренду уменьшилась, плата за нее возвысилась, запашки крестьянъ сократились, и недостатокъ въ количествѣ нужно было восполнять качествомъ обработки. Оттого-то удобреніе земель у помѣщичьихъ крестьянъ центральной черноземной полосы, гдѣ оно существуетъ, началось въ большинствѣ случаевъ не дальше 10—15 лѣтъ тому назадъ. Самая техника удобренія и обработки земли облегчается для помѣщичьихъ крестьянъ близостью ихъ полей къ усадьбѣ, обязанною своимъ существованіемъ ихъ малоземелью и сравнительной малолюдности поселеній. Мы знаемъ, что и государственные крестьяне обыкновенно унавоживаютъ лишь ближайшіе участки пашни; многія же помѣщичьи общины имѣютъ возможность удобрить весь надѣлъ, тѣмъ болѣе, что онъ не великъ и требуетъ меньше удобрительныхъ средствъ. Оттого-то въ Ставропольскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, напримѣръ, троеніе парового поля, будучи общераспространеннымъ явленіемъ на маломъ, истощенномъ надѣлѣ помѣщичьихъ общинъ, государственными и удѣльными крестьянами примѣняется лишь при близкомъ расположеніи полей отъ усадьбы или при плохомъ качествѣ земли (с. 90).

На ряду съ благотворнымъ вліяніемъ помѣщичьяго хозяйства на крестьянское, наблюденіе обнаруживаетъ и прямо противуположное.

Владѣльческія земли въ общемъ культивируются лучше крестьянскихъ, при чемъ мы здѣсь говоримъ не о заведеніи какихъ-либо новшествъ, а о примѣненіи болѣе тщательной обработки и удобренія, хотя бы они совершались крестьянскимъ

инвентаремъ и навозомъ. Это происходитъ оттого, что крупный владѣлецъ свободенъ въ распоряженіи какъ своимъ полемъ, такъ и временемъ работъ, чего далеко нельзя сказать о крестьянинѣ. Мы знаемъ, какъ отражается на обработкѣ крестьянской земли малоземеліе и зависящая оттого несвобода распоряженія своимъ участкомъ (напр., неизбѣжность пастьбы на пару скота); не меньшія препятствія примѣненію правильной культуры лежатъ въ недостаткѣ у земледѣльца времени. Повидимому, здѣсь очевидное противорѣчіе: если у крестьянина малъ надѣлъ, то какъ можетъ случиться, что ему не хватаетъ времени для тщательной обработки послѣдняго и наоборотъ — не видимъ-ли мы случаевъ, гдѣ небрежный уходъ за почвой объясняется стремленіемъ крестьянина запахать больше и больше? Противорѣчіе разрѣшается, однако, очень просто.

Вѣроятно, большая половина мелкихъ нашихъ земледѣльцевъ не можетъ ограничиться хозяйствомъ на собственномъ надѣлѣ, а обязана приарендовывать ту или другую долю чужихъ угодій. Безусловно необходимо нанимать имъ кормы для скота (пастьбища, сѣнокосъ и т. п.), но крайне важно также снимать и пашню. Значительная часть платы за тѣ и другія угодья, въ особенности за первыя, отдается крестьянами трудомъ, и вотъ первый источникъ затраты земледѣльцемъ своей силы внѣ собственнаго хозяйства. Но это источникъ далеко не единственный и даже не главный. Другая потребность крестьянскаго хозяйства, удовлетворяемая продажей труда, это—нужда въ кредитѣ, при полномъ почти отсутствіи приспособленныхъ для этой цѣли учрежденій. Нуждаясь въ деньгахъ, крестьянинъ обращается къ землевладѣльцу и тамъ достаетъ нѣкоторую сумму подъ условіемъ возвратить ее трудомъ, прилагаемымъ къ экономическому полю. Фактъ общеизвѣстный, что эта продажа — заемъ совершается подъ очень высокимъ процентомъ, иначе говоря—по очень низкой разцѣнкѣ труда, неизбѣжнымъ результатомъ чего является обремененіе кредитующагося обязательствами. Къ этимъ двумъ главнымъ источникамъ продажи крестьянскаго труда присоединяются второстепенные, какъ-то: заемъ хлѣба и соломы, наемъ прогона для скота, который нельзя иначе провести на выпасъ, какъ чрезъ владѣльческую землю, наемъ водопоя, лѣса для сбора грибовъ и ягодъ и т. д.

Удовлетворивъ кое-какъ потребность въ землѣ, деньгахъ и т. п., совершая всѣ эти сдѣлки осенью и зимою, значительная часть крестьянъ къ началу полевыхъ работъ оказывается до того обремененной обязательствами, что только при небрежной обработкѣ собственнаго участка они кое-какъ справятся съ ними. Этотъ фактъ недостатка у большей или меньшей части крестьянъ (а принимая во вниманіе, что потребность въ землѣ и кредитѣ существуетъ у большей половины населенія центральной Россіи,—эта часть будетъ достаточно велика) времени для обработки надѣла тѣми пріемами, какимъ учитъ мужицкая ѳеорія земледѣлія,—явленіе до того общеизвѣстное и подтверждаемое какъ спеціальными изслѣдованіями крестьянскаго хозяйства, такъ и случайными корреспонденціями деревенскихъ обитателей, что мы считаемъ возможнымъ ограничиться на этотъ счетъ немногими выписками изъ компетентныхъ источниковъ.

Изслѣдователь крестьянскаго хозяйства Курской губерніи, И. А. Вернеръ, такъ описываетъ земледѣльческій сезонъ крестьянина (бывшаго помѣщичьяго) названной области. „Занятые въ сентябрѣ посѣвомъ своихъ и помѣщичьихъ земель, уборкою гречихи, молотьбою и пахатью для помѣщиковъ подъ овесъ и ячмень, крестьяне никогда не успѣваютъ съ осени подготовить почву для весенняго посѣва своего овса. Весною у нихъ также незначительный промежутокъ времени между оттепелью и посѣвами овса уходитъ на обязательныя работы для помѣщиковъ, а потому большинство крестьянъ вынуждено сѣять овесъ по непаханному полю, закрывая сѣмена сохою. Послѣ овса начинается хлопотливый періодъ пахоты подъ свеклу, гречу, горохъ и т. д. и посѣвъ этихъ растеній; здѣсь крестьянинъ опять таки урывками можетъ заняться своимъ полемъ, а потому о тщательной обработкѣ послѣдняго не можетъ быть и помину. Періодъ этотъ тянется вплоть до начала сѣнокоса... если же здѣсь и остается свободное время—оно употребляется на вывозку экономическаго навоза. Послѣ 1 іюля начинается уборка озимыхъ хлѣбовъ и взметъ экономическаго пара, а потому не всѣ крестьяне успѣваютъ вспахать свой паровой клинъ: наиболѣе заваленные отработ-

ками домохозяева принуждены разсѣвать рожь по непаханному полю подъ соху; большинство крестьянъ, впрочемъ, успѣваетъ кое-какъ вспахать землю одинъ разъ".

„Вся громадная разница въ урожаѣ минувшаго лѣта на моемъ и крестьянскомъ полѣ,—пишетъ А. М. Ивановъ изъ Скопинскаго у. Рязанской губерніи,—объясняется той суровой необходимостью, которая толкаетъ крестьянъ за 5 р. (а иногда и менѣе), полученныхъ осенью, продавать свой трудъ въ самое горячее для него самаго время для обработки цѣлой тридцатки. Нужно признаться, что тѣ немногія погрѣшности, какія замѣчаемъ мы, землевладѣльцы, при обработкѣ крестьянскимъ скотомъ и инвентаремъ нашихъ полей, объясняются именно тѣмъ недостаткомъ времени, который отлично сознаетъ каждый крестьянинъ, вынужденный крайней нуждой ради своевременнаго засѣва чужой десятины пересушить свою собственную и ради своевременной уборки господскаго хлѣба дать перестоять и обсыпаться своему и въ результатѣ потериѣть убытокъ, значительно превышающій плату за обработку „круга" [1]).

„Сами крестьяне Усманскаго уѣзда,—пишетъ тамбовскій земскій статистикъ, г. Романовъ,—сознаютъ недостатки своего хлѣбопашества, но указываютъ на то, что большинство ихъ не можетъ вести его лучше. Обработка земли бываетъ плоха и поспѣшна, потому что лошади у крестьянъ плохи и много приводится работать у частныхъ землевладѣльцевъ... Многіе запаздываютъ со взметомъ пара и не дѣлаютъ вторичной вспашки, теряя время на работы по найму. Посѣвы овса и проса безъ предварительной вспашки земли не считаются правильными, но многіе спѣшатъ со своими работами для работъ въ чужомъ хозяйствѣ и потому дѣлаютъ только самое необходимое. По той-же причинѣ посѣвы всѣхъ хлѣбовъ у многихъ бываютъ несвоевременны" (с. 33) [2]).

---

[1]) Курская губ. Итоги статист. изслѣд., с. 152—153. Вѣстн. рус. сел. хоз., 1891 г., с. 273.

[2]) Вотъ еще нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго въ текстѣ.

«Весьма многіе (б. помѣщ.) крестьяне Моршанскаго у. сначала отбываютъ всѣ полевыя работы у частныхъ землевладѣльцевъ по найму или за съемную землю и потомъ только могутъ приступать къ работамъ на своихъ земляхъ, вслѣдствіе чего, конечно, послѣднія обрабатываются не-

Кромѣ очень многочисленныхъ словесныхъ заявленій, вредное вліяніе на крестьянина отработковъ можетъ быть доказано цифрами. Разсмотрѣнная форма кредита (подъ отработки) очень распространена въ Рязанской и другихъ центральныхъ губерніяхъ съ большими помѣщичьими запашками. Пользоваться имъ не можетъ самый бѣдный крестьянинъ: для этого нужно имѣть по крайней мѣрѣ одну лошадь, обыкновенно же и ея недостаточно; одной лошадью невозможно исполнить всѣ работы на своей и владѣльческой землѣ. Поэтому, въ мѣстностяхъ, гдѣ распространены подесятинные заработки, мы встрѣчаемъ высокій процентъ крестьянъ, владѣющихъ больше чѣмъ одной лошадью. Казалось бы—чего лучше: если кредитъ въ указанной формѣ и обходится земледѣльцу дорого, то, по крайней мѣрѣ, онъ

своевременно. Нерѣдко крестьяне приступаютъ къ обработкѣ пароваго поля на цѣлый мѣсяцъ позже, чѣмъ частные землевладѣльцы» (с. 64). Бѣдные крестьяне Полтавскаго у., арендуя помѣщичьи земли за отработки, «сплошь и рядомъ весь сезонъ жатвы посвящаютъ на обязательныя отработки, такъ что собственный хлѣбъ приходится убирать урывками или когда успѣютъ «отпроситься» на день-другой» (с. 81). Въ Хорольскомъ у. крестьянину въ горячее время приходится столько «отрабатывать въ экономіи за взятую землю, за забранную зимой солому на кормъ скоту и для топлива, а также и за деньги, которыя наиболѣе нуждающіеся забираютъ зимой подъ лѣтніе отработки», что многіе, особенно менѣе зажиточные не успѣваютъ во время вспахать землю подъ озимь и нерѣдко случается, что «пока бѣднякъ соберется убирать свой хлѣбъ, значительная часть его оказывается высыпавшеюся и сгнившею на корню» (с. 124). «Вездѣ въ Самарскомъ у.. гдѣ чрезмѣрно развита вольнонаемная работа у крупныхъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ, крестьяне, не имѣя времени для болѣе тщательной культуры своей земли, лишаются возможности ее удобрять» (с. 45). «Всѣ крестьяне категорически заявляютъ, что пахать осенью положительно необходимо, въ виду обезпеченія растенія влагой; маломощные, не успѣвая выполнить разнообразныя осеннія работы, откладываютъ пашню до весны и часто жертвуютъ за это хорошими урожаями» (с. 47). Многіе крестьяне Тамбовскаго у., арендующіе владѣльческую землю за отработки, «чрезмѣрно обременяя себя работами у владѣльцевъ, обыкновенно очень плохо справляются съ своимъ хозяйствомъ, да и въ частныхъ экономіяхъ работаютъ неисправно. Тѣмъ не менѣе, вездѣ въ уѣздѣ существуетъ не мало владѣльцевъ, которые не видятъ потерь отъ дешевыхъ работъ съемщиковъ у нихъ земли и не иначе раздаютъ въ наемъ землю, какъ за отработки, причемъ послѣдніе оцѣниваются низко» (с. 186). Причиною существованія въ Лубенскомъ у. посѣва наволокомъ (безъ предварительной вспашки поля), между прочимъ, служитъ «недостатокъ времени среди лѣта для оранки на жито, преимущественно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ крестьяне обременены отработками за съемную землю» (с. 89). Въ Ставропольскомъ у. (с. 90, 159) и Богодуховскомъ (с. 78) отработка за землю, кредитъ и по найму мѣшаетъ многимъ крестьянамъ ухаживать какъ слѣдуетъ за своимъ полемъ и т. д.

не пропадаетъ безслѣдно, а ведетъ къ возвышенію крестьянскаго благосостоянія. Ближайшее изслѣдованіе вопроса показываетъ, однако, что это далеко не такъ.

При нормальныхъ условіяхъ, когда человѣкъ трудится для удовлетворенія своихъ потребностей и расширяетъ производство по мѣрѣ роста послѣднихъ, естественно будетъ судить о его доходахъ и, слѣдовательно, о мѣрѣ удовлетворенія потребностей существованія по размѣрамъ его производства. Обращаясь къ данному случаю, гдѣ передъ нами самостоятельный мелкій земледѣлецъ, — простительно, если крестьянина съ болѣе цѣннымъ инвентаремъ, имѣющаго, напр., двѣ лошади, мы сочтемъ зажиточнѣе его однолошаднаго собрата. Ведя разсужденіе этимъ совершенно естественнымъ путемъ, мы должны ожидать, что вмѣстѣ съ развитіемъ подесятинныхъ заработковъ и сопровождающимъ ихъ расширеніемъ крестьянскаго коневодства, будетъ наблюдаться и лучшее обезпеченіе крестьянской семьи молочнымъ скотомъ, т. е. улучшеніе питанія, а также большая грамотность, какъ явленіе, развивающееся параллельно съ возвышеніемъ благосостоянія и т. д. Посмотримъ же, насколько все это осуществляется въ дѣйствительности.

Беремъ крестьянъ собственниковъ 3-хъ черноземныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи (Скопинскій, Данковскій и Раненбургскій), гдѣ подесятинные заработки пользуются большимъ распространеніемъ, и разобьемъ волости, населенныя ими, на группы по степени развитія этихъ заработковъ [1]) и сравнимъ между собой крайнія группы: одну, гдѣ такими заработками занимается не менѣе 60% всѣхъ крестьянъ волости, и другую—гдѣ послѣднихъ меньше 40%. Первые значительно лучше обезпечены рабочимъ скотомъ: безлошадныхъ дворовъ здѣсь меньше (33,5% вмѣсто 38,7% во второй группѣ), одно-, дву- и трехлошадныхъ, каждой порознь и всѣхъ вмѣстѣ, больше (61,2% противъ 55,3%), но четырехлошадныхъ и выше (т. е. самыхъ зажиточныхъ и обыкновенно не забирающихся подесятинными за-

[1]) Въ таблицѣ «Сборник. стат. свѣд. по Рязанск. губ.», откуда мы беремъ наши данныя, нѣтъ графы спеціально для подесятинныхъ заработковъ; но изъ предисловія къ нимъ мы узнаемъ, что таковые составляютъ главную массу имѣющейся тамъ графы «земледѣльческихъ заработковъ».

работками) нѣсколько меньше (5,6% противъ 6). Такимъ образомъ, въ отношеніи с. х. производства, первая группа волостей поставлена лучше второй. Обращаемся къ признакамъ, характеризующимъ благосостояніе населенія,—прежде всего его богатство молочнымъ, потребительнымъ скотомъ. Оказывается, что среднее число коровъ на 1 домохозяина,—какъ бы мы ни сортировали послѣднихъ, — въ первой группѣ волостей будетъ меньше, чѣмъ въ послѣдней. Раздѣлимъ ли мы все число молочнаго скота на всѣхъ же домохозяевъ, на долю каждаго въ первой группѣ придется 0,66, во второй—0,74 штуки; предположимъ ли, что имъ владѣютъ только лошадные хозяева,—въ первомъ случаѣ будемъ имѣть 1 штуку на дворъ, во второмъ 1,2; устранимъ, наконецъ, всѣхъ безлошадныхъ, неимѣющихъ коровъ, и допустимъ, что остальные крестьяне владѣютъ ими, окажется опять-таки, что въ первой группѣ среднее число молочнаго скота на 1 дворъ 0,9, во второй 1,01. Выходитъ, что тамъ, гдѣ имѣется больше рабочаго скота, меньше—молочнаго; послѣдній продается ради пріобрѣтенія перваго; интересы потребленія приносятся въ жертву кредиту (отчасти можетъ быть и производству, ибо въ группѣ волостей, берущихъ земледѣльческіе заработки, дворовъ безлошадныхъ меньше). Будучи вынужденъ лишать семью молока, крестьянинъ, забирающійся подесятинными заработками, не имѣетъ также возможности освободить мальчика-сына отъ работы, чтобы дать ему поучиться грамотѣ; и дѣйствительно, въ первой группѣ волостей, гдѣ, какъ мы видѣли, населеніе богаче рабочимъ и бѣднѣе молочнымъ скотомъ, учащіеся составляютъ меньше 3% всего числа душъ мужскаго пола; во второй, гдѣ имѣются противуположныя отношенія,—ихъ 5%.

Итакъ, обязательства, принимаемыя на себя земледѣльцемъ по отношенію къ сосѣду, ведущему большое хозяйство, такого рода, что требуютъ полнаго напряженія его рабочихъ силъ, какъ личныхъ, такъ и матеріальныхъ, вслѣдствіе чего онъ обращаетъ въ средства производства то, что у другого идетъ на потребленіе семьи и все-таки еле успѣваетъ справиться съ массою лежащей на немъ работы. Понятно, что эта обстановка не благопріятствуетъ введенію улучшеній хозяйства, требующихъ затраты труда и капитала.

Мы указали одну сторону задерживающаго вліянія крупнаго хозяйства на прогрессивное развитіе мелкаго. Но ихъ всѣхъ гораздо больше, и мы остановимся еще на отношеніи, въ какомъ помѣщичье хозяйство становится къ удобрительнымъ средствамъ крестьянскаго.

Дѣло въ томъ, что польза удобренія настолько уже признается крупными хозяевами центральной черноземной полосы, что у нихъ не можетъ быть рѣчи о безразличномъ отношеніи къ этому вопросу, Но такъ какъ производство навоза въ собственномъ хозяйствѣ стоитъ дорого и притомъ хлопотливо, крестьяне же лишь недавно начали сознавать все значеніе этого вещества для возстановленія плодородія почвы, а въ прежнее время охотно предлагали его владѣльцамъ, то послѣдніе, на ряду съ собственнымъ навозомъ, пользуются и крестьянскимъ, получая его за отдачу крестьянамъ пастбищъ, за солому, мякину и другіе предметы, ссужаемые владѣльцами крестьянамъ, когда у тѣхъ извелись свои, или даже прямо покупая его за деньги, а иногда получая даромъ. Чѣмъ лучше поставлено хозяйство, чѣмъ больше заботы проявляется управляющимъ для поднятія культуры земли, тѣмъ возможнѣе для крестьянъ перспектива лишиться удобренія, настойчиво требуемаго сосѣдней экономіей. Немного найдется хозяевъ, подобныхъ, напримѣръ, г. Крамеру (Самарскаго уѣзда), имѣвшему возможность „дешево покупать навозъ у крестьянъ, но считавшему неблаговиднымъ отнимать у крестьянскихъ полей богатство, хотя бы сами хозяева имъ и не пользовались“. Большинство уподобляется скорѣе агроному, оповѣщавшему въ „Сельскомъ Хозяинѣ“, какъ онъ тратилъ на удобреніе 400 десятинъ земли Полтавской губерніи 10.000 р., скупая крестьянское удобреніе на 10 верстъ въ окружности. Поэтому, нельзя не согласиться съ полтавскими земскими статистиками, что „въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при энергичномъ хозяйствѣ въ сосѣдней экономіи ея примѣръ могъ бы способствовать и отчасти дѣйствительно способствуетъ распространенію удобренія у крестьянъ, та же энергія хозяйства можетъ съ другой стороны дѣйствовать и задерживающимъ образомъ, когда крестьяне находятъ въ экономіи сбытъ своему навозу“. И дѣйствительно, чуть не каждый томъ земско-стати-

стическаго сборника содержитъ указанія на случаи общинъ, вынужденныхъ отдавать другимъ удобрительное средство, не смотря на то, что сами въ немъ нуждаются. Иногда эта отдача и добровольная въ томъ смыслѣ, что крестьяне еще не прибѣгаютъ къ удобренію собственныхъ земель, не понимаютъ, какую драгоцѣнность представляетъ навозъ для будущаго и легко разстаются съ этимъ продуктомъ, отдавая его чуть не даромъ; и мѣстами это служитъ огромнымъ подспорьемъ крупному хозяйству. Такъ, напримѣръ, владѣльцы Обоянскаго уѣзда Курской губерніи пріобрѣтаютъ такимъ образомъ около трети потребляемаго ими удобренія, и крестьянскій навозъ стоитъ имъ вдвое дешевле собственнаго. Но весьма часто крестьяне продаютъ и то удобреніе, которое они считаютъ полезнымъ или необходимымъ для собственнаго поля. Продажа эта совершается или изъ года въ годъ, или только при неурожаѣ, сокращающемъ покупательныя средства крестьянъ и заставляющемъ для ихъ пополненія прибѣгать къ отчужденію лишняго скота, удобренія и т. д. Особенно часто это наблюдается, повидимому, въ черноземныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи; но то же явленіе, хотя обыкновенно въ небольшомъ числѣ общинъ, не рѣдкость и въ другихъ мѣстностяхъ центральной черноземной полосы. Мы его наблюдаемъ въ Лубенскомъ, Гадячскомъ, Пирятинскомъ уѣздахъ Полтавской губерніи, Моршанскомъ, Липецкомъ, Кирсановскомъ, Лебедянскомъ, Елатомскомъ, Шацкомъ уѣздахъ — Тамбовской, Мценскомъ — Орловской, Богодуховскомъ — Харьковской губерніи и т. д.

Если къ сказанному прибавить малоземелье крестьянъ центральной черноземной полосы, зависящее частью отъ слишкомъ густаго населенія этой области, частью отъ преобладанія здѣсь крѣпостнаго населенія, получившаго, какъ извѣстно, меньшіе надѣлы сравнительно съ государственными крестьянами; сообразить то вліяніе, какое должно было оказать на крестьянъ стремленіе владѣльцевъ, въ періодъ высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, запахать за свой счетъ по возможности большую площадь на счетъ земли, сдававшейся раньше въ аренду мелкимъ земледѣльцамъ и принять во вниманіе слабое развитіе въ разсматриваемой области промысловъ, пополняющихъ недостаточные доходы кре-

стьянъ отъ хлѣбопашества, — то мы согласимся, что мелкій землевладѣлецъ центральной черноземной полосы бѣднѣе обитателя юга и сѣвера Россіи, а потому имѣетъ и меньше денежныхъ средствъ осуществить полезное преобразованіе.

Итакъ, на ряду съ прогрессивнымъ вліяніемъ крупнаго хозяйства на мелкое, мы наблюдаемъ и черты противуположнаго характера. Крестьянинъ, дѣйствительно, часто видитъ въ немъ доказательство полезности удобренія поля, болѣе тщательную обработку земли, лучшее пашущее орудіе. Но за то же онъ находитъ здѣсь и соблазнъ свезти удобреніе не на свое, а на чужое поле, продать все свое время сверхъ необходимаго и лишиться такимъ образомъ возможности произвести лишнюю вспашку своей полосы; при всемъ этомъ онъ такъ и не скопитъ денегъ, чтобы пріобрѣсти орудіе, въ пользѣ котораго болѣе или менѣе убѣдился.

Удобреніе полей, улучшенныя орудія и сѣмена—вотъ главнѣйшіе пункты, въ которыхъ помѣщичье хозяйство, какъ показываетъ наблюденіе, оказываетъ благотворное вліяніе на крестьянское, служа ему образцомъ или принимая на себя посредничество между рынкомъ, заводомъ и деревней, нуждающейся въ различныхъ предметахъ. Въ другихъ отношеніяхъ, какъ-то: тщательность обработки земли, доставленіе племенныхъ производителей и тѣмъ паче измѣненіе системы хозяйства и сѣвооборота — вліяніе крупной формы производства на мелкую уже значительно ограниченнѣе. Отчасти это происходитъ отъ того, что недостатки собственнаго хозяйства хорошо извѣстны крестьянамъ, но не могутъ быть измѣнены за отсутствіемъ нужныхъ средствъ или времени (напр. небрежная обработка почвы подъ посѣвъ въ значительной степени зависитъ отъ слабосильности истощенныхъ полуголоднымъ зимнимъ содержаніемъ лошадей и неимѣнія времени, занятаго сторонними работами); отчасти отъ того, что образцы помѣщичьяго хозяйства не соотвѣтствуютъ условіямъ крестьянскаго (помѣщичій скотъ слишкомъ требователенъ и не можетъ удержаться на пищѣ и другихъ условіяхъ существованія, удовлетворяющихъ крестьянскую лошадь или корову); наконецъ потому, что преобразованіе (напр. сѣвооборота) требуетъ слишкомъ большой ломки существующаго

и не настолько опредѣлилось, какъ полезное, чтобы крестьянинъ рѣшился на позаимствованія. Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о принципіальныхъ основаніяхъ отношенія, устанавливающагося въ дѣлѣ сельско-хозяйственнаго прогресса между крупной и мелкой формами производства, о широтѣ вліянія одной изъ нихъ на другую и о границахъ, которыя трудно переступить. Господствующіе на этотъ счетъ взгляды, нужно признаться, еще крайне простодушны.

„Крестьянское хозяйство должно сдѣлаться раціональнымъ, а у насъ уже есть раціональныя крупныя хозяйства, слѣдовательно, говорятъ, послѣднія могутъ служить образцами для первыхъ. Крестьяне нуждаются въ руководствѣ для преобразованія теперешнихъ способовъ культуры земли въ болѣе раціональные, а у насъ есть крупные владѣльцы, поставившіе свои хозяйства на надлежащую агрономическую высоту,—слѣдовательно, они могутъ быть руководителями народа". Подобныя разсужденія основаны на формальномъ пониманіи словъ „прогрессъ", „раціональность" въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Здѣсь забывается, что реальное содержаніе названныхъ понятій можетъ быть различно даже для двухъ сосѣднихъ крупныхъ имѣній, если они обладаютъ различными почвами, а не только для такихъ несходныхъ образцовъ, какъ крупная и мелкая формы производства, развивающіеся при извѣстныхъ международныхъ торгово-промышленныхъ отношеніяхъ и опредѣленной соціально-экономической обстановкѣ внутри страны. Здѣсь совершенно игнорируется, во-1-хъ, различіе цѣли, преслѣдуемой крупной и мелкой культурами въ Россіи: первая работаетъ для продажи и потому основывается въ своемъ преобразовательномъ движеніи на запросахъ рынка, вторая имѣетъ въ виду потребленіе внутри хозяйства и должна приноравливаться къ послѣднему; запросъ рынка и семьи неоднородны, а потому помѣщичье хозяйство, удовлетворяющее первому, можетъ и не годиться въ образцы, подлежащіе копированію крестьянъ. Во-2-хъ, оставаясь даже на почвѣ работы для рынка, — можетъ оказаться, что широта послѣдняго, достаточная для переорганизаціи нѣсколькихъ крупныхъ хозяйствъ, совершенно ничтожна для того, чтобы служить прочнымъ основаніемъ ре-

организаціи большой площади, занимаемой мелкой культурой, и потому успѣхи первой—пустое мѣсто для второй. Въ-3-хъ, то, что легко для частнаго владѣльца, имѣющаго достаточное количество земли и возможность выгодно достать средства, необходимыя для преобразованія, можетъ быть недоступно крестьянамъ малоземельнымъ, обязаннымъ арендовывать чужія угодья и уже потому въ своей хозяйственной дѣятельности не вполнѣ самостоятельнымъ, занимающимъ деньги не иначе, какъ подъ ростовщическіе проценты и т. д. Мелкое хозяйство, говорятъ агрономы, въ особенности на общинныхъ земляхъ, никогда не можетъ быть точной миніатюрой крупнаго, ибо взаимное отношеніе основныхъ факторовъ производства (земли, капитала и труда) въ первомъ совершенно иное, чѣмъ во второмъ [1]). Крупный хозяинъ работаетъ на своей землѣ, съ собственнымъ или занятымъ капиталомъ и наемнымъ трудомъ. При грядущемъ преобразованіи ему нуженъ прежде всего капиталъ, и новая система скорѣе возможна, если она основана на усиленныхъ затратахъ покупныхъ матеріаловъ, а не труда, который не всегда можно достать въ нужномъ количествѣ или качествѣ. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ деньги достаются крайне дорого, за то трудъ даровой; поэтому здѣсь у мѣста преимущественно тѣ преобразованія, которыя требуютъ измѣненія въ пріемахъ работы и усиленной затраты труда, и очень затруднительны другія, основанныя на расходахъ капитала. Сообразно сказанному, одна и та же потребность—напримѣръ, въ увеличеніи кормовыхъ средствъ, — не должна въ обѣихъ формахъ культуры достигаться непремѣнно одинаковыми средствами. Въ крупныхъ хозяйствахъ вводится посѣвъ многолѣтнихъ травъ (клеверъ, тимофѣевка), требующихъ многопольныхъ сѣвооборотовъ; но это далеко не всегда возможно для крестьянина, ибо на первое время преобразованія доходы его значительно уменьшатся и многопольный сѣвооборотъ чрезмѣрно раздробитъ и безъ того мелкія полосы поля. Поэтому обезпеченіе кормомъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ весьма часто должно достигаться главнымъ образомъ или травосѣяніемъ на отдѣльныхъ участ-

1) Зем. Газ., 1881 г., № 7.

ках, внѣ полеваго сѣвооборота, или введеніемъ въ послѣдній однолѣтнихъ корновыхъ растеній: кукурузы, картофеля и т. п.

Итакъ, по различію цѣлей и средствъ крупной и мелкой культуръ, одна изъ нихъ не можетъ служить образцомъ для другой; системы хозяйства и сѣвообороты, принятые первой, могутъ быть негодны для второй и наоборотъ. Пути развитія обѣихъ неодинаковы, хотя иногда или въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они и совпадаютъ. Такъ, достигнувъ извѣстной степени истощенія, почва требуетъ возврата взятыхъ изъ нея веществъ; по естественнымъ законамъ развитія хозяйства, такой возвратъ начинается внесеніемъ въ почву навоза. Это приложимо одинаково къ крупной и къ мелкой формамъ производства, и опытомъ произведеннымъ первой, можетъ воспользоваться вторая. То же самое относится къ орудіямъ и сѣменамъ, хотя примѣръ крупнаго хозяйства здѣсь уже не такъ безусловенъ, какъ относительно удобренія.—Дѣло въ томъ, что хотя хорошія орудія, напримѣръ, одинаково нужны и крупному, и мелкому хозяину, но форма таковыхъ въ томъ и другомъ случаѣ не всегда совпадаетъ. Производство въ большихъ размѣрахъ должно имѣть орудія, лучше приспособленныя для отдѣльныхъ операцій хозяйства, такъ какъ управляетъ этими орудіями чужой—наемный рабочій и для тщательности выполненія операцій слѣдуетъ по возможности облегчать ему работу. что и достигается точнымъ приспособленіемъ орудія къ исполняемой манипуляціи. Но чѣмъ больше прилаживаете вы инструментъ для одной операціи, тѣмъ менѣе дѣлаете его годнымъ для другой; а если такъ, то прогрессъ орудія крупнаго хозяйства заключается въ распаденіи одного изъ нихъ на нѣсколько, въ замѣнѣ орудія, исполнявшаго нѣсколько функцій. многими, пригодными каждое для одной операціи. Если участіе наемнаго труда въ частномъ хозяйствѣ ставитъ требованіе диференцированія орудія, а крупные размѣры производства дѣлаютъ его экономически возможнымъ, то совершенно въ иныхъ условіяхъ находится мелкое хозяйство, по крайней мѣрѣ, Россіи.

Здѣсь трудится самъ хозяинъ со всей заботливостью, свойственной работѣ на себя. Поэтому, затрудненія, вытекающія изъ не идеальной приспособленности орудія, какъ результата

его универсальности, — при томъ знаніи своего инструмента, какое свойственно вообще постоянно на немъ работающему,— не мѣшаютъ успѣшному ходу дѣла. Такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ тѣхъ побудительныхъ причинъ къ расчлененію орудія, какія мы видѣли въ крупномъ хозяйствѣ, и крестьянинъ можетъ избѣжать указаннаго преобразованія, коль скоро оно требуетъ большихъ расходовъ и ляжетъ тяжелымъ бременемъ на его небольшое производство. Но это не значитъ, что улучшеніе орудія, существующаго у мужика, излишне, а доказываетъ только, что усовершенствованіе въ крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ должно идти разными путями. Имѣя же передъ собой образцы улучшенныхъ орудій частнаго землевладѣльца, крестьянинъ по возможности станетъ перенимать то, что найдетъ для себя удобнымъ; но это будетъ не идеальный процессъ развитія мелкаго хозяйства: перенятое не будетъ совершенно соотвѣтствовать его условіямъ, оно должно переработаться, иначе—возможно, что, достигнувъ извѣстныхъ размѣровъ, распространеніе улучшенія остановится.

Сказанное послужитъ намъ для оцѣнки одного изъ явленій современной жизни. Въ спеціальной литературѣ давно идутъ споры о сравнительномъ достоинствѣ сохи и плуга, и какъ ни ругаютъ первую, она имѣетъ не меньше защитниковъ, чѣмъ второй. Это потому, что соха—орудіе, наиболѣе пригодное для мелкаго хозяйства, какъ позволяющее исполнять нѣсколько операцій; плугъ же пригоденъ только для одной и потому можетъ вытѣснить соху не иначе, какъ ведя за собой еще 2—3 разныхъ инструмента. Въ крупномъ же производствѣ такое вытѣсненіе не только возможно, но и необходимо, такъ какъ сохою хорошо пахать можетъ только самъ хозяинъ, а не безпечный наемникъ, къ тому же незнающій чужого орудія. Сказаннымъ объясняются и ожесточенныя нападки крупныхъ хозяевъ на соху, и легкость, съ которою она тамъ замѣняется плугомъ. Крестьянину же очень накладна такая замѣна, и потому все, что онъ можетъ сдѣлать, это—или исправить недостатки сохи, приблизивъ ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ плугу, но не нарушая ея типа универсальнаго орудія, или пріобрѣсти плугъ для одной операціи, сохраняя соху для остальныхъ. Такъ и

поступаетъ зажиточный крестьянинъ центральной нечерноземной полосы, гдѣ особенно ясно выразилось стремленіе крестьянъ къ улучшенію хозяйства, хотя бы путемъ подражанія чуждому образцу. Но здѣсь же обнаружилась и другая слабая сторона помѣщичьяго орудія въ приложеніи къ мелкому хозяйству: плугъ, разсчитанный на сильную лошадь частнаго владѣльца, слишкомъ тяжелъ для истощенной, полуголодной крестьянской клячи — естественнаго продукта кормовыхъ средствъ мелкаго хозяина Россіи.

Аналогичные недостатки находимъ мы и въ другихъ случаяхъ подражанія русскаго мелкаго производителя крупному. Земля у крестьянина гораздо больше истощена, нежели у помѣщика: поэтому многія растенія, культивируемыя послѣднимъ, не родятся у перваго. Мы знаемъ напримѣръ, что есть цѣлыя области, гдѣ крупный хозяинъ воздѣлываетъ красные хлѣба, а мелкій сѣрые. По той же причинѣ и сѣмена однородныхъ хлѣбовъ, примѣняемыя частнымъ владѣльцемъ, не всегда удаются на крестьянскомъ полѣ. Сказанное относится и къ породамъ скота, заимствуемымъ владѣльцами съ запада, гдѣ онѣ выработались при такихъ кормовыхъ условіяхъ, послѣ которыхъ обычное содержаніе русской крестьянской скотины равносильно голоданію. Оттого-то даже тамъ, гдѣ содержаніе крестьянскаго скота поставлено сравнительно недурно (Ярославская, Владимірская губ.), мелкіе хозяева, пробующіе улучшить свои стада внесеніемъ въ нихъ иностранной крови, заимствованной у сосѣда-землевладѣльца, скоро бросаютъ попытки, находя новыя породы слишкомъ требовательными на пищу.

Къ указанному разнорѣчію условій обычной практики мелкаго и крупнаго хозяйства въ Россіи, зависящему отъ особенностей перваго, прибавимъ еще ту безразборчивость, съ какою наши землевладѣльцы бросаются на новизну, не всегда принимая во вниманіе, соотвѣтствуетъ-ли она мѣстнымъ условіямъ или нѣтъ, отчего они и не могутъ служить примѣромъ крестьянину. Вспомнимъ еще, какъ мало у насъ имѣній, стремящихся къ лучшей постановкѣ дѣла, и какая огромная площадь мелкаго хозяйства, поэтому, лишена образцовъ, могущихъ служить руководствомъ въ преобразованіи.

Послѣ всего, что мы развивали на предыдущихъ страницахъ, можно, кажется, высказать положеніе, что крупные собственники способны ознакомить мелкихъ владѣльцевъ, такъ сказать, съ элементами раціональной постановки хозяйства, сдѣлавшимися извѣстными имъ самимъ, благодаря практикѣ болѣе развитыхъ странъ; но эти элементы обыкновенно даютъ крестьянину лишь идею, требующую еще переработки сообразно новымъ условіямъ; что же касается крупнаго хозяйства, какъ цѣлаго, его типическія формы имѣютъ характеръ, неподходящій къ мелкому производству, и потому его прогрессивное развитіе мало отразится на окрестныхъ крестьянахъ.

Значитъ-ли это, что одно крупное хозяйство приглашено къ участію на пиру прогресса, а мелкое—обречено подбирать крошки, случайно падающія со стола пирующихъ? И если таковыхъ не окажется, то крестьянинъ такъ и застынетъ на существующемъ, образуя собой антикъ, интересный для будущаго археолога? Или земля еще не сошлась клиномъ съ крупнымъ хозяйствомъ на вершинѣ, мелкое земледѣліе имѣетъ свои пути прогресса, свои законы развитія, а цивилизація доставляетъ другія средства связать его съ наукой, болѣе дѣйствительныя, чѣмъ крупная форма производства, слишкомъ отклоняющая лучъ знанія и направляющая его мимо крестьянина? Дѣйствительно-ли въ прошедшемъ мелкое земледѣліе постоянно шло на поводу у крупнаго, а въ настоящемъ оно выказываетъ признаки развитія лишь тамъ и въ томъ именно направленіи, какія даны далеко шагнувшимъ впередъ крупнымъ хозяйствомъ? Слѣдуетъ-ли одна форма производства шагъ за шагомъ за другой, или у обѣихъ свои пути, то перекрещивающіеся, то расходящіеся?

Къ сожалѣнію, исторія русскаго земледѣлія еще не написана; но тамъ, гдѣ мы можемъ наблюдать совершающіяся измѣненія или судить о нихъ по окончательнымъ результатамъ, судьба мелкаго хозяйства не представляется такой мрачной, а его историческая роль столь ничтожной, какъ это можно предположить, считая, что весь свѣтъ знанія оно получаетъ лишь чрезъ узкія щели зданія крупной культуры.

III.

Дѣйствительно, если есть рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о благотворномъ значеніи примѣра крупнаго хозяйства для развитія мелкаго, то, съ другой стороны, не трудно привести доказательства существованія самостоятельнаго теченія въ мелкомъ хозяйствѣ, стоящаго внѣ зависимости отъ явленій, совершающихся въ крупномъ.

Удобреніе крестьянскихъ полей, напримѣръ, дѣйствительно начинаетъ водиться, главнымъ образомъ, въ той части черноземной полосы (въ центральной), гдѣ оно (далеко, впрочемъ, не вездѣ) практикуется помѣщиками; но будетъ большой ошибкой приписывать это обстоятельство и объяснять отличіе въ этомъ отношеніи центральной черноземной полосы отъ степной исключительно благотворнымъ вліяніемъ на крестьянъ примѣра крупнаго хозяйства. Нужно принять во вниманіе и тотъ фактъ, что почва центральной Россіи, какъ давно заселенной, больше истощена и раньше потребовала примѣненія искусственныхъ мѣръ для поддержанія своего плодородія. Но и здѣсь есть много мѣстностей, гдѣ примѣръ крупнаго хозяйства оказывается безсильнымъ, и крестьяне или вовсе не удобряютъ свою землю (кромѣ конопляниковъ и кое-гдѣ ближайшихъ клочковъ пашни, служащихъ какъ бы продолженіемъ огородовъ), или дѣлаютъ это лишь немногіе изъ нихъ. Таковы, напримѣръ, Курскій, Обоянскій, Липецкій, Острогожскій, Богодуховскій уѣзды, Полтавская губернія и т. д. Въ этихъ случаяхъ примѣра крупнаго хозяйства оказалось недостаточно, чтобы подвинуть крестьянъ на извѣстный шагъ; есть какія-то условія, препятствующія введенію удобренія, несмотря на то, что оно извѣстно населенію и что его благотворное вліяніе можетъ наблюдаться ежеминутно на поляхъ сосѣднихъ экономій. Съ другой стороны, нельзя утверждать, что если предположенныя нами задерживающія вліянія устранятся, то, безъ примѣра владѣльческаго хозяйства, крестьяне не додумаются до унаваживанія своихъ полей. Такое утвержденіе опровергается фактами, наблюдаемыми въ мѣстностяхъ, гдѣ удобреніе является рѣдкостью даже во владѣльческомъ хозяйствѣ.

Если бы оспариваемое нами мнѣніе было справедливо, т. е. если бы вѣрно было положеніе, что улучшеніе хозяйства, требуемое временемъ, является сначала непремѣнно на земляхъ крупнаго владѣнія и потомъ перенимается крестьянами, въ такомъ случаѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ замѣтное истощеніе полей обнаружилось на нашихъ глазахъ—удобреніе должно явиться сначала въ крупномъ хозяйствѣ, а на крестьянскія поля оно перейдетъ лишь послѣ того, какъ всеобщее его распространеніе въ помѣщичьемъ земледѣліи воочію докажетъ его пользу невѣжественной массѣ мелкихъ собственниковъ. Такой моментъ въ исторіи земледѣлія мы можемъ въ настоящее время наблюдать въ нашихъ степяхъ. Истощеніе полей обнаружилось здѣсь въ послѣднія 10—15, много 20 лѣтъ; въ это же время у хозяевъ мелькаетъ мысль о необходимости удобренія. Но ея осуществленіе никоимъ образомъ не идетъ порядкомъ, описаннымъ выше. Опыты удобренія начинаются не только съ помѣщичьяго хозяйства, и крестьянское земледѣліе не представляется намъ продолжающимъ истощающую культуру въ ожиданіи исхода эксперимента, предпринятаго просвѣщенными крупными собственниками. Попытки поднять производительность почвы предпринимаются обыкновенно одновременно какъ крупными, такъ и мелкими производителями, причемъ въ однихъ районахъ уѣзда выдѣляются въ этомъ отношеніи крупные, въ другихъ—мелкіе владѣльцы.

Такъ, напримѣръ, въ Тираспольскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи ни помѣщики, ни крестьяне не удобряютъ своихъ земель; въ Одесскомъ же и Елизаветградскомъ уѣздахъ, гдѣ къ удобренію только что приступаютъ, опыты его попадаются какъ во владѣльческомъ, такъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ [1]. Въ большей части владѣльческихъ экономій Хотинскаго уѣзда Бессарабской губерніи удобреніе не практикуется, въ меньшей—

[1]) Въ Александрійскомъ уѣздѣ опыты удобренія производятся только крупными и средними собственниками. Одно крестьянское общество приступило было къ удобренію, но вскорѣ оставило его, такъ какъ оказалось, что навозъ прикрываетъ толоку и негдѣ пасти скотъ. По мнѣнію земскихъ статистиковъ, такая же участь ожидаетъ попытки унаваживанія и другихъ обществъ названнаго уѣзда, если бы такія попытки были предприняты, такъ какъ единственное свободное у крестьянина время для вывоза навоза—зима, но тогда толока занята подъ выпасъ скота (с. 203).

оно занимаетъ самыя незначительныя части поля. Несмотря на это, большинство крестьянъ признаютъ его пользу, съ конца же 70-хъ годовъ оно начало примѣняться въ нѣкоторыхъ селеніяхъ съ нечерноземной почвой и съ каждымъ годомъ распространяется дальше и дальше. Первая мысль о необходимости удобренія самарскихъ полей мелькнула въ краѣ въ срединѣ семидесятыхъ годовъ и тогда же начались опыты его какъ владѣльцами, такъ и крестьянами. Обращаясь къ итогамъ этихъ попытокъ, мы увидимъ, что мелкій земледѣлецъ достигъ, пожалуй, лучшихъ результатовъ и оказался впереди крупнаго; и во всякомъ случаѣ онъ не шелъ на его помочахъ, а двигался самъ, отыскивая новые пути. Это очевидно изъ сравненія современнаго распространенія удобренія на владѣльческихъ и крестьянскихъ поляхъ. Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, напримѣръ, земское статистическое бюро открыло лишь 12 экономій, начавшихъ удобрять свои поля, да и изъ нихъ въ двухъ—удобреніе признано невыгоднымъ. Эти экономіи расположены двумя островками въ сѣверной и южной частяхъ уѣзда. Что касается крестьянъ, то у нихъ удобреніе началось во многихъ общинахъ, хотя какъ постоянное явленіе—встрѣчается лишь въ нѣсколькихъ селахъ сѣверной части района. При этомъ достоинъ замѣчанія—какъ свидѣтельство самостоятельнаго движенія въ мелкомъ хозяйствѣ — фактъ, что изъ всѣхъ волостей, гдѣ замѣчены опыты удобренія крестьянскихъ полей, лишь одна принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ такіе же опыты предпринимаются крупными собственниками. Разсмотрѣнный уѣздъ мало населенъ, потребность въ удобреніи чувствуется здѣсь не такъ сильно, и потому оно только что начинается. Что касается приволжской полосы губерніи, то здѣсь отношенія иныя, и здѣсь же удобреніе крестьянскихъ полей распространено сильнѣе, хотя врядъ-ли можно сказать тоже самое о помѣщичьемъ хозяйствѣ. Такъ, въ Самарскомъ уѣздѣ статистическое бюро насчитало также всего 12 экономій, начавшихъ удобреніе; но и эти относятся къ дѣлу не особенно серьезно, судя по тому, что въ большинствѣ случаевъ удобряется какихъ-нибудь 5—10 десятинъ посѣва; многіе владѣльцы считаютъ эту операцію даже вредной. Что касается крестьянъ, то попытки удобренія полей встрѣчаются въ

38% всѣхъ волостей уѣзда или у 15% селъ. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ къ удобренію пашни приступило даже 38% общинъ.

Явленіе самостоятельнаго стремленія самарскаго крестьянина къ удобренію полей, выведенное нами изъ анализа данныхъ земско-статистическаго изслѣдованія, подтверждается и другими наблюденіями народной жизни. „Въ послѣднее время, особенно въ послѣднее неурожайное пятилѣтіе, пишутъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“, среди крестьянъ нашей (Самарской) губерніи стало замѣчаться стремленіе къ удобренію пахатныхъ полей. Унаваживаніе развивается вездѣ и всюду и годъ отъ году увеличивается. Удобрять поля стали даже такіе плохіе хозяева, какъ татары и башкиры Бугульминскаго уѣзда. Унаваживаніе полей не ограничивается ближайшими загонами, но по возможности практикуется и на болѣе отдаленныхъ поляхъ, причемъ maximum удобренія равняется 500 возамъ навоза на десятину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для удобренія полей изъ подъ гречи вмѣсто навоза оставляется на поляхъ полученная съ нихъ солома. Хотя самый способъ удобренія и обработки полей ведется далеко не раціональнымъ образомъ, отчего хлѣбъ или разростается въ солому и бываетъ легковѣсенъ, или не дозрѣваетъ въ сырые годы, тѣмъ не менѣе крестьяне па опытѣ убѣждаются въ полезности нововведенія. Такимъ образомъ, прививающееся среди крестьянъ удобреніе полей, въ связи со стремленіемъ ихъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ къ искусственному лѣсоразведенію, несомнѣнно составляетъ шагъ впередъ на пути къ улучшенію крестьянскаго хозяйства. Нужно при этомъ замѣтить, что и *самая иниціатива этихъ полезныхъ нововведеній въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ крестьянамъ*. Если къ этому прибавить тѣ трудности, которыя при удобреніи полей приходится преодолѣвать крестьянамъ, напр. бугульминцамъ—гдѣ многіе надѣлы расположены на большихъ горахъ,—то станетъ ясно, что крестьяне стремятся къ улучшенію своего хозяйства настойчиво и сознательно“ [1]).

Въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи удобреніе только что начинается, и примѣненіе его производится одновременно

---

[1]) «Русск. Вѣд.» 1888, № 93.

и помѣщиками, и крестьянами, при чемъ послѣдніе иногда идутъ впереди первыхъ. Такъ, въ Останковскомъ сельско-хозяйственномъ раіонѣ „если частные владѣльцы опередили крестьянъ въ отношеніи улучшенной обработки почвы, то въ отношеніи количества унавоживаемой земли преимущество принадлежитъ крестьянамъ“. Это преимущество сохраняется за ними и въ Князевскомъ раіонѣ, а въ Утяжкинскомъ и Старо-Кашировскомъ удобреніе наблюдается лишь на крестьянской землѣ и отсутствуетъ на владѣльческой [1]).

Существованіе самостоятельнаго пути развитія мелкаго земледѣлія, независимаго отъ теченія, наблюдаемаго въ крупномъ хозяйствѣ,—кромѣ приведенныхъ фактовъ появленія удобренія крестьянскихъ земель одновременно или даже раньше примѣненія его крупными владѣльцами—доказывается многими другими явленіями, какъ-то: смѣнами сѣвооборотовъ, примѣненіемъ улучшенныхъ орудій и т. п. Остановимся прежде всего на сѣвооборотахъ.

Южныя и восточныя наши степи еще не переползли ступени переложнаго хозяйства, хотя и находятся уже на пути къ паровымъ сѣвооборотамъ... Наблюдая же крупное и мелкое хозяйства отдѣльно, мы замѣтимъ, что, дойдя до извѣстнаго момента, ихъ слѣды значительно расходятся: крупное хозяйство продолжаетъ держаться залежной системы, мелкое выступаетъ изъ нея на путь безпорядочной культуры, изъ которой мало-по-малу выработываются правильные паровые сѣвообороты. Такимъ образомъ, оказывается, что мелкое хозяйство не только не подражаетъ крупному, но часто раньше его приходитъ къ формамъ полеводства, какихъ въ большинствѣ случаевъ не избѣжать и послѣднему. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ Елизаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи переложная система, повидимому, уже не удовлетворяетъ требованіямъ времени и должна замѣниться болѣе интенсивными сѣвооборотами. На крестьянскихъ земляхъ эта замѣна дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Вполнѣ безпорядочная культура (посѣвъ растеній безъ отдыха земли) практикуется у меньшей поло-

[1]) Мат. для оц. зем. уг. Мензел. уѣзда, стр. 30, 44, 46 и 51.

вины общинъ (47%), другая такая же часть (46%) имѣетъ перемѣнную толоку, т. е. для возстановленія производительныхъ силъ почвы прибѣгаютъ къ ея удобренію пасущимся скотомъ, при чемъ ежегодная смѣна толоки на пашню наблюдается почти у $^2/_3$ общинъ этой группы; наконецъ 7% общинъ перешли къ паровымъ системамъ (3 и 4-польной), гдѣ возстановленіе производительности земли достигается обработкой пара. Что касается помѣщичьяго хозяйства, то, по словамъ земскихъ статистиковъ, изъ 300 слишкомъ имѣній, о которыхъ есть записи, насчитывается не болѣе 60 (20%) „такихъ, хозяева которыхъ слѣдуютъ или хотятъ слѣдовать опредѣленному разъ организаціонному плану, выработанному на основаніи опыта и сельско-хозяйственной науки. Отрицаніе пользы послѣднихъ даетъ въ результатѣ общую картину неустройства въ дѣлѣ полеводства“. Обращаясь къ этому послѣднему, мы узнаемъ, что переложная система исключительно господствуетъ въ 31 изъ 43 дачъ уѣзда и лишь въ 19 изъ нихъ на ряду съ залежной „хоть у нѣкоторыхъ владѣльцевъ встрѣчается правильное 3-хъ-полье“ (с. 180). „Непригодность переложной системы для хозяйствъ Славяносербскаго у. слишкомъ очевидна, пишутъ екатеринославскіе земскіе статистики. Необходимость выработки новаго строя хозяйства является одною изъ наиболѣе назрѣвшихъ потребностей для здѣшнихъ экономій“. И тѣмъ не менѣе, исключая весьма немногія попытки новыхъ формъ хозяйства, на всемъ пространствѣ владѣльческихъ экономій Славяносербскаго уѣзда практикуется именно это залежное полеводство. Крестьяне же и здѣсь идутъ собственной тропой. Современныя „системы полеводства въ хозяйствѣ крестьянскихъ общинъ являются возникшими только съ реформы, т. е. со времени полученія надѣльной земли; по крайней мѣрѣ это справедливо для большинства здѣшнихъ общинъ“. Слѣдя за варіаціями крестьянскихъ сѣвооборотовъ „воочію видно, какъ путемъ чисто практическихъ результатовъ крестьянину приходится выработывать болѣе совершенныя формы веденія полеводства“. 36% общинъ уѣзда практикуютъ безпорядочную культуру; это—обыкновенно дарственники или получившіе плохой и неудобно-расположенный надѣлъ, затрудняющій примѣненіе правильной системы поле-

водства. У остальныхъ 64% общинъ мы встрѣчаемъ опредѣленное чередованіе толоки и пашни, т. е. системы полеводства, предшествующія паровымъ (с. 27, 173, 177).

Обращаясь къ мѣстностямъ, дальше подвинувшимся на пути интензированія земледѣлія, мы встрѣтимъ въ крупномъ хозяйствѣ лучшую организацію полеводства; но и здѣсь мелкіе собственники ушли дальше крупныхъ. Въ Острогожскомъ уѣздѣ, напримѣръ, „крайне трудно, часто и совсѣмъ невозможно, подвести подъ опредѣленный типъ, какъ распредѣленіе частновладѣльческой земли на поля, такъ еще болѣе характеръ сѣвооборота;—до того все это не установилось и находится въ переходномъ, неопредѣленномъ положеніи“. Насколько, однако, это сдѣлано, оказывается, что $^2/_3$ владѣльческихъ экономій практикуютъ правильный паровой сѣвооборотъ на всемъ или части пространства своихъ полей, и въ послѣднемъ случаѣ на ряду съ паровымъ полеводствомъ наблюдается и залежное; остальная треть имѣній не вышла изъ залежныхъ или, скорѣе, неопредѣленныхъ формъ „исключающихъ постоянство какъ въ дѣленіи земли на поля, такъ и въ чередованіи посѣвовъ“ (с. XV). Что касается мелкихъ собственниковъ, то здѣсь правильный сѣвооборотъ (главнымъ образомъ трехполье) наблюдается у 80—90% общинъ, причемъ небольшая часть послѣднихъ, кромѣ правильнаго сѣвооборота, имѣетъ отдѣльный участокъ (обыкновенно слишкомъ удаленный или представляющій другія неудобства расположенія), гдѣ ведется безпорядочная культура (с. 152). Таковая же практикуется на всемъ пространствѣ полей у какихъ-нибудь 10% общинъ уѣзда. Почти тоже самое нужно будетъ сказать о Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской и Бугульминскомъ—Самарской губерній. Въ первомъ изъ нихъ всего $^2/_3$ крупныхъ владѣній, а въ послѣднемъ съ небольшимъ половина имѣютъ паровые сѣвообороты, остальные—залежные. Крестьяне же тамъ и здѣсь практикуютъ трехполье—въ Бугульминскомъ уѣздѣ болѣе правильное, чѣмъ въ Богодуховскомъ.

Указанныхъ фактовъ различія исторіи полеводства у крупныхъ и мелкихъ хозяевъ, несмотря на то, что оба развиваются одновременно и рядомъ другъ съ другомъ, достаточно для заключенія, что примѣръ крупнаго хозяйства нельзя считать необхо-

димымъ условіемъ развитія мелкаго; что,—коль скоро этого требуютъ обстоятельства—послѣднее избираетъ самостоятельный путь, отличный отъ того, по которому продолжаетъ двигаться крупное земледѣліе и скорѣе даже приближается къ высшимъ образцамъ.

Извѣстно, что наши степи страдаютъ отъ бездождія, почему для обезпеченія болѣе или менѣе постояннаго урожая хлѣбовъ, необходимо примѣненіе орошенія полей. Русскіе крестьяне, переселяющіеся въ Азію, давно разрѣшили этотъ вопросъ устройствомъ приспособленій для орошенія своихъ посѣвовъ водою горныхъ рѣчекъ и тающаго снѣга. Но настало время разрѣшенія этого вопроса и въ европейской Россіи, и за это разрѣшеніе взялись одновременно и помѣщики, и крестьяне. Нѣкто г. Жеребцовъ, получивъ въ 80-хъ гг. по наслѣдству 28.000 дес. земли въ знойной безводной мѣстности Усть-Медвѣдицкаго округа Земли Войска Донскаго и убѣдившись путемъ небольшого опыта въ блестящемъ вліяніи на урожаи хлѣбовъ орошенія, отправился заграницу, изучилъ технику орошенія, тамъ примѣняемаго и занялся устройствомъ его въ собственномъ имѣніи, причемъ зимы онъ проводитъ за изученіемъ этого дѣла заграницей. Примѣру г. Жеребцова послѣдовали нѣкоторые землевладѣльцы Саратовской губерніи (а также крестьяне), и теперь въ Россіи найдется, можетъ быть, до десятка крупныхъ имѣній, примѣняющихъ орошеніе (гр. Шувалова, Зайцевскаго, Аристова, Шперлингъ, Ткаченко, Ролландъ, Снѣжкова — въ Саратовской губ., Аристова—въ Уфимской). Крестьяне приступили къ орошенію своихъ полей безъ такихъ приготовленій: коллективными силами общины они устраивали плотины, запруды въ балкахъ и накапливаемой такимъ образомъ водой пользовались для оводненія своихъ посѣвовъ. Общины Новоузенскаго у. Самарской губ., напр., построили до 1.000 плотинъ (для орошенія и водопоя). „Работы эти не видали инженеровъ,—говоритъ о нихъ Д. И. Воейковъ,—но сдѣланы толково, дешево, хорошо, много лѣтъ вѣрою и правдою служили своимъ хозяевамъ“ [1]).

Самостоятельность развитія крестьянскаго земледѣлія доказывается и такими явленіями, какъ распространеніе на крестьян-

[1]) Тр. Сарат. Общ. сел. хоз. 1891 г. в. I, с. 17, в. II, с. 55. Итоги экон. изсл. Рос. I, 583. Вѣстн. Рус. Сел. Хоз. 1892 г., № 7.

скихъ поляхъ посѣвовъ картофеля, чечевицы и другихъ аналогичныхъ растеній. Дѣйствительно, останавливаясь только на первомъ растеніи, мы должны признать, что оно распространилось съ такой быстротой въ крупномъ и мелкомъ хозяйствахъ послѣдняго десятилѣтія, что врядъ-ли можетъ быть рѣчь о подражаніи, какъ главномъ факторѣ этого явленія. Съ другой стороны для его распространенія на крестьянскихъ поляхъ есть много основаній, помимо благотворнаго примѣра владѣльческихъ экономій.

Недостатокъ хлѣба побуждаетъ населеніе усиленно налегать на другія питательныя вещества, преимущественно же картофель; спросъ винокуренныхъ заводовъ, со вздорожаніемъ ржи обратившихся къ выкуркѣ спирта изъ названнаго корнеплода, возвысилъ цѣны этого растенія на рынкѣ; между тѣмъ, какъ размноженіе населенія и семейные раздѣлы, за недостаткомъ усадебной земли, привели къ сокращенію огородовъ, въ прежнее время служившихъ единственнымъ мѣстомъ посадки картофеля. Такимъ образомъ, естественно, если нѣкоторыя огородныя растенія, и преимущественно картофель, перешагнули границы приусадебной земли и водворились на поляхъ, гдѣ они и получили большее или меньшее распространеніе въ зависимости отъ спроса рынка и другихъ условій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это совершалось можетъ быть по примѣру сосѣдней экономіи; въ большинствѣ же послѣднія были не причемъ, и имѣющіяся данныя о культурѣ картофеля на крестьянскихъ поляхъ, относящіяся какъ къ быстротѣ ея развитія, такъ и къ относительному распространенію въ данной мѣстности на владѣльческихъ и крестьянскихъ земляхъ, не даютъ основанія предполагать сколько-нибудь замѣтную зависимость въ этомъ отношеніи мелкаго хозяина отъ крупнаго.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда первое представленіе объ извѣстномъ сельско-хозяйственномъ улучшеніи крестьяне получили отъ помѣщиковъ, процессъ примѣненія его ими часто идетъ совершенно самостоятельнымъ и оригинальнымъ путемъ. Это видно изъ исторіи водворенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ центральной нечерноземной полосы посѣва травъ и улучшенныхъ орудій.

Травосѣяніе давно примѣняется крупными владѣльцами, напр., Московской губерніи, при чемъ совершается и преобразованіе

трехпольнаго сѣвооборота въ шестипольный. Если бы роль крупнаго хозяйства въ земледѣльческой жизни Россіи заключалась въ выработкѣ формъ преобразованія, которыя затѣмъ примѣнялись бы и мелкими хозяевами, получающими такимъ образомъ готовые образцы лучшаго, въ такомъ случаѣ съ наступленіемъ момента необходимости введенія посѣва травъ въ хозяйствѣ крестьянъ, послѣднимъ оставалось бы только копировать сѣвооборотъ сосѣдняго помѣщика, производя въ немъ лишь ничтожныя измѣненія. Практика, однако, показываетъ иное, а элементарныя апріорныя соображенія даютъ раціональное объясненіе ея показанію. Условія помѣщичьяго хозяйства настолько отличны отъ крестьянскаго, что въ массѣ случаевъ улучшенія перваго только опытъ можетъ показать, насколько оно примѣнимо къ послѣднему. Въ частности, при введеніи въ крестьянскомъ хозяйствѣ травосѣянія, сопровождаемомъ сокращеніемъ площади, уже имѣющей опредѣленное назначеніе, возникаетъ вопросъ, неизвѣстный крупному владѣльцу: какъ быть со скотомъ, лишающимся подножнаго корма, или съ прокормленіемъ семьи въ случаяхъ, когда подъ траву отводится площадь, занятая хлѣбомъ. Неудивительно, поэтому, если примѣръ или совѣтъ крупнаго землевладѣльца можетъ въ данномъ случаѣ играть роль лишь перваго толчка, побуждая отдѣльныхъ крестьянъ или цѣлое общество обратить серьезное вниманіе на травосѣяніе. Процессъ же введенія такового не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что совершается на поляхъ помѣщика. Обыкновенно крестьяне начинаютъ дѣло съ опытовъ посѣва травы на отдѣльныхъ участкахъ купленной, арендованной или надѣльной-усадебной земли и лишь послѣ удачнаго исхода эксперимента личнаго или общественнаго приступаютъ къ введенію травы въ сѣвооборотъ. Но и при этомъ они не дѣйствуютъ строго планомѣрно, примѣняя правила травосѣянія, съ которыми могли познакомиться на поляхъ сосѣда-землевладѣльца, а идутъ совершенно самостоятельно, ощупью, дѣлая извѣстный шагъ, не зная хорошенько, что послѣдуетъ дальше, обнаруживая при этомъ нерѣдко недостатокъ элементарныхъ знаній. „Чрезмѣрная густота посѣва травы на сравнительно тучной почвѣ, говоритъ по этому поводу московскій земскій агрономъ, г. Баженовъ, про-

извольное составленіе посѣвныхъ смѣсей, желаніе возвратить клеверъ на прежнее мѣсто черезъ 2 года (вмѣсто 6-ти, какъ это требуется по свойству травы), опасеніе скосить нѣсколько полегшій клеверъ—все это говоритъ объ извѣстной безпомощности крестьянъ, все это требуетъ притока знаній". Немудрено, что всѣ теперешнія формы травосѣянія московскихъ крестьянъ названный авторъ считаетъ имѣющими временный, переходный характеръ. „Такъ какъ травосѣяніе вездѣ дѣло новое, то до возвращенія клевера на старое мѣсто почти нигдѣ еще дѣло не доходило", поэтому нельзя сказать, въ какія окончательныя формы выльются предпринятыя попытки. Теперь же, совершенно игнорируя устойчивые травяные сѣвообороты крупныхъ хозяевъ, крестьяне съ своей стороны высказываютъ на этотъ счетъ лишь одни предположенія. Крестьяне с. Ѳедоровскаго, напр., отрѣзая подъ травосѣяніе часть луга, на вопросъ — какъ они поступятъ въ будущемъ, когда засѣянная травою площадь перестанетъ давать сборъ,—отвѣчали, что клеверное поле думаютъ поднять подъ овесъ, засѣявъ вмѣсто него клеверомъ новую площадь, а что будетъ послѣ овса, еще не знаютъ. Такой же отвѣтъ дали крестьяне д. Масловой. Хованп. Крестьяне же д. Межутина еще не рѣшили—посѣять-ли послѣ клевера озимь или ярь. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ трава высѣвается не на совершенно отдѣльномъ участкѣ, не входящемъ въ полевой сѣвооборотъ, а на части озимаго или ярового поля, крестьяне точно также не рѣшили, какъ пойдетъ дѣло дальше и какой образуется у нихъ сѣвооборотъ; часто они даже и не предполагаютъ, что ихъ излюбленному трехполью приходитъ конецъ. Дѣло обыкновенно начинается съ того, что клеверъ подсѣвается съ озимымъ или яровымъ хлѣбомъ на опредѣленной части ($^1/_4$ — $^1/_6$) соотвѣтствующаго поля, вслѣдствіе чего черезъ 3 года во всѣхъ трехъ поляхъ окажется посѣвная трава всѣхъ трехъ возрастовъ. „Въ этомъ положеніи въ Московской губерніи дѣло пока и находится. Но начиная съ этого момента, опредѣленное и испытанное кончается, и дѣло вступаетъ пока въ область гаданій и шаговъ ощупью. Нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что путь здѣсь выбранъ вѣрный и рано или поздно, тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе будетъ оказана помощь со стороны знающихъ людей,—достигнута будетъ вполнѣ жизнеспособная комбинація".

После всего высказаннаго естественно, если лица, изслѣдующія крестьянское хозяйство, приходятъ къ заключенію, что „частновладѣльческая практика, въ силу особыхъ условій ея существованія и неизвѣстности для крестьянъ ея конечныхъ результатовъ, далеко еще недостаточна для убѣжденія массы населенія въ пользѣ или необходимости тѣхъ или иныхъ нововведеній и что для этого нуженъ опытъ своего же брата-крестьянина“. Впрочемъ и къ опыту своего брата крестьяне относятся различно, въ зависимости отъ его размѣровъ и условій, при которыхъ онъ совершается. Такъ, попытки травосѣянія отдѣльныхъ крестьянъ на внѣнадѣльной землѣ привлекаютъ мало вниманія; внѣнадѣльное общественное травосѣяніе возбуждаетъ уже большой интересъ, который достигаетъ высшихъ степеней въ случаяхъ, когда посѣвъ травъ производится обществомъ на надѣльной землѣ. „Деревня съ травосѣяніемъ служитъ предметомъ живѣйшаго интереса и горячихъ обсужденій въ округѣ съ радіусомъ иногда верстъ 20“, пишетъ г. Баженовъ. „Первое извѣстіе о томъ, что „въ Межутинѣ крестьяне *на своихъ поляхъ* посѣяли клеверъ“ мы получили, находясь по крайней мѣрѣ верстъ за 30 отъ самаго селенія“, сообщаетъ другой изслѣдователь хозяйства московскаго крестьянина, И. П. Боголѣповъ [1]).

Къ подобному же заключенію относительно самостоятельности процесса развитія крестьянскаго хозяйства мы придемъ по ознакомленіи съ процессомъ введенія въ мелкомъ земледѣльческомъ производствѣ улучшенныхъ орудій.

Распространеніе плуговъ среди крестьянъ Московской губерніи, напримѣръ, замѣчается съ начала 80-хъ гг., а въ настоящее время въ Волоколамскомъ, Клинскомъ и Рузскомъ уѣздахъ можно встрѣтить цѣлыя волости, гдѣ плугъ окончательно вытѣснилъ соху. Первое знакомство крестьянъ съ плугомъ пріобрѣтено, быть можетъ, путемъ наблюденія его работы на поляхъ частныхъ владѣльцевъ; но примѣръ послѣднихъ никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ главнымъ условіемъ быстраго распространенія этого орудія въ массѣ населенія; такое распро-

[1]) Докладъ московск. экономич. совѣта за 1890 г., Рус. Вѣд. 1890 г., № 171.

страненіе, напротивъ того, должно быть считаемо явленіемъ, совершенно самостоятельнымъ, зависящимъ отъ общихъ вліяній на крестьянскую жизнь. Сказанное подтверждается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что крупное хозяйство распространено въ Московской губерніи весьма слабо и въ началѣ 80-хъ гг. лишь незначительное число владѣльцевъ практиковало плужную обработку земли. Такъ, въ Можайскомъ уѣздѣ находилось всего 60 имѣній съ собственной запашкой, изъ которыхъ лишь 16 имѣли плужный инвентарь; въ Волоколамскомъ уѣздѣ имѣній съ запашкой насчитывалось 46, съ плужнымъ инвентаремъ 9; въ Рузскомъ уѣздѣ изъ 94 имѣній съ запашкой, плужная обработка наблюдалась въ 19, въ Звенигородскомъ уѣздѣ изъ 93 имѣній въ 33, въ Верейскомъ уѣздѣ изъ 66 имѣній въ 17, и въ Бронницкомъ уѣздѣ изъ 67 имѣній въ 8-ми [1]). Сверхъ того, „можно доказать фактами, что успѣшная работа плуга въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ весьма плохо убѣждаетъ крестьянина въ полезности орудія. Онъ немедленно укажетъ и на изобиліе земли у помѣщика, на сытыхъ и сильныхъ лошадей, на его капиталы, и по своему онъ, конечно, останется правъ“. На массу крестьянъ дѣйствуетъ примѣръ удачнаго примѣненія плуга въ той самой хозяйственной обстановкѣ, въ какой имъ приходится хозяйничать. Сказанное относится къ примѣненію плуга къ обычной работѣ крестьянина. Что же касается подъема задеревенѣлыхъ пустырей, облоговъ и т. п., то и крестьяне, не употребляющіе плуга, легко понимаютъ его преимущество передъ сохой; и первыя примѣненія плуга московскими крестьянами сдѣланы именно на такихъ облогахъ послѣ того, какъ въ началѣ 80-хъ гг. крестьяне усиленно занялись льноводствомъ, для чего они въ большихъ размѣрахъ арендовывали цѣлыми обществами помѣщичьи облоги, пустыри, луговины и т. п., платя до 45—50 р. за десятину. Чтобы оправдать такія высокія арендныя цѣны, необходимо было обратиться къ болѣе производительному орудію, нежели соха. Одинъ изъ первыхъ, примѣнившихъ такое орудіе, былъ крестьянинъ д. Коптязино, Волоколамскаго уѣзда, Борисъ Нефедовъ. Въ 1881 г.

[1]) Сб. ст. св. по Моск. губ., т. V, в. 2.

„онъ случайно наткнулся въ волостномъ правленіи на объявленіе рижскаго фабриканта Гранана, и такъ какъ ему необходимъ былъ плугъ для вспашки арендуемой подъ ленъ земли, то онъ и выписалъ 3 экземпляра. Плуги чрезвычайно понравились окрестнымъ крестьянамъ и, ежедневно осаждаемый просьбами одолжить или продать свой плугъ, Борисъ Нефедовъ ко времени осенней вспашки рѣшился выписать еще 12 плуговъ", къ слѣдующей веснѣ 38, и черезъ годъ еще 50. Выписанныя орудія были раскуплены крестьянами сосѣднихъ волостей Волоколамскаго и Рузскаго уѣздовъ [1]). „Разъ добравшись до крестьянскихъ рукъ, плугъ уже безъ труда проникъ съ арендованныхъ земель на надѣльныя мякоти, пишетъ г. Баженовъ. Дальнѣйшему успѣху плуга содѣйствовали мѣропріятія земства и отдѣльныхъ лицъ, нашедшія благопріятную почву въ хозяйственной удобоподвижности волоколамскаго крестьянина, въ его любви къ землѣ и къ земледѣльческому труду... Одно только несомнѣнно: мѣропріятія земства къ распространенію плуговъ начинаютъ увѣнчиваться успѣхомъ только съ того времени, когда крестьяне получатъ возможность наблюдать плуги въ крестьянскихъ же хозяйствахъ". Лишь съ этого момента крестьяне въ массѣ начинаютъ относиться къ орудію съ активнымъ интересомъ, и борьба, затѣвающаяся теперь между сторонниками и противниками плуга, начинается и заканчивается безъ всякаго участія крупнаго хозяйства. Борьба эта начинается обыкновенно съ голаго предубѣжденія: „какіе-то еще плуги пошли, баловство одно", говорятъ крестьяне, „непривычное намъ дѣло... жили же безъ плуга" и т. п. Затѣмъ, по мѣрѣ ознакомленія съ орудіемъ, выставляются мотивированныя возраженія противъ него: „тяжело пахать плугомъ, узки полосы, дорого орудіе, не годится для мѣстной почвы". Эти возраженія частью происходятъ отъ неумѣнья крестьянъ обращаться съ плугомъ и его отдѣльными частями; частью же объясняются дѣйствительною неприспособленностью имѣющихся въ продажѣ образцовъ къ условіямъ крестьянскаго хозяйства и особенностямъ различныхъ почвъ. Описанный періодъ общихъ принципіальныхъ возраженій противъ

---

[1]) Сб. ст. св. по Московск. губ., т. V, в. 2, стр. 157.

плуга „можетъ считаться особенно критическимъ. Гдѣ плугъ благополучно минуетъ этотъ фазисъ сомнѣній и неумѣлой работы, тамъ онъ можетъ считаться окончательно водворившимся". Но часто дѣло кончается забрасываніемъ плуга, равно какъ и есть случаи перехода отъ сохи къ плугу черезъ посредство косули. „Когда, наконецъ, послѣ длинныхъ перипетій воспитается привычка къ плугу, отчетливое пониманіе его отличій отъ сохи, тогда исторія водворенія плуга среди крестьянъ вступаетъ въ фазисъ преодолѣнія препятствій къ удобному пользованію орудіемъ при наличныхъ крестьянскихъ условіяхъ землепользованія. Къ этому времени соха уже оказывается на половину вытѣсненной, и если дѣлаются о плугѣ неблагопріятные отзывы, то не принципіально, а въ отношеніи опредѣленной обстановки, при которой происходитъ примѣненіе орудія. Чаще же приходится слышать весьма продуманныя сужденія о преимуществахъ плуга". Тѣ затрудненія, которыя нѣкогда выставлялись, какъ препятствія къ примѣненію этого орудія, теперь обходятся или путемъ извѣстныхъ пріемовъ обработки, или измѣненіемъ самаго орудія. Теперь „исторія введенія плуга вступаетъ въ третій и послѣдній фазисъ—сознательной детальной критики и самостоятельной работы приспособленія плужной конструкціи къ мѣстнымъ условіямъ. Къ этому времени крестьяне оказываются обыкновенно прекрасно оріентировавшимися въ плужномъ дѣлѣ". Въ виду сказаннаго „въ трудномъ дѣлѣ выбора плуговъ для отдѣльныхъ мѣстностей предварительное изученіе отзывовъ крестьянъ о плугахъ тѣхъ или другихъ заводовъ должно имѣть огромное значеніе". Пока же отзывы крестьянъ дойдутъ до патентованныхъ производителей орудія, они принимаются во вниманіе мѣстными кузнецами, которые и начинаютъ заниматься приготовленіемъ плуговъ, удовлетворяющихъ требованіямъ мѣстнаго хозяйства. „Плужные кустари тѣмъ. главнымъ образомъ, и интересны, что въ направленіяхъ своего производства, выборѣ образцовъ, въ попыткахъ измѣнять конструкцію существующихъ плуговъ они не подчиняются запросамъ и вкусамъ большаго рынка, а стараются приспособиться къ потребностямъ и условіямъ небольшой округи". Въ силу сказаннаго въ каждомъ, даже небольшомъ, районѣ можетъ образоваться именно такой типъ орудія, какой всего болѣе

свойственен условіям мѣстнаго хозяйства. Указанное значеніе кустарнаго производства плуговъ было подтверждено на конкурсахъ плуговъ, устроенныхъ московскимъ земствомъ въ 1890 и 1891 гг. Испытаніе въ 1890 г. 26 плуговъ, въ томъ числѣ 12 кустарныхъ, на опредѣленной почвѣ показало, что изъ 8 плуговъ, признанныхъ образцовыми, 6 оказались плугами кустарнаго производства. На конкурсѣ 1891 г. изъ 9 плуговъ различныхъ системъ, въ томъ числѣ трехъ кустарныхъ, лучшими признаны плугъ товарищества „Работникъ" и одного изъ кустарей.

Водвореніе кустарнаго производства плуговъ и приспособленіе орудія къ мѣстнымъ требованіямъ происходитъ самымъ естественнымъ образомъ. „Начинается обыкновенно дѣло съ того, что къ деревенскому кузнецу привозятъ плугъ для починки. Вслѣдствіе частаго обращенія съ плугами, постоянныхъ разговоровъ о сравнительныхъ недостаткахъ и достоинствахъ того или другого плуга, о причинахъ поломокъ и быстраго изнашиванія отдѣльныхъ частей, изъ деревенскаго кузнеца понемножку воспитывается прекрасный знатокъ плуга... Затѣмъ всегда находится достаточно большой контингентъ захудалыхъ мужиковъ, которымъ пріобрѣсти плугъ иначе, какъ въ разсрочку—невозможно... Такіе покупатели не станутъ очень взыскивать, если первыя дѣтища новоявленнаго деревенскаго плужнаго заводчика окажутся немножко несуразными, если ихъ придется нѣсколько разъ стащить обратно въ кузницу, прежде нежели они окажутся на высотѣ своего призванія. Понемногу пріобрѣтается навыкъ, создается репутація, и контингентъ заказчиковъ расширяется" [1]).

Важное значеніе самостоятельнаго опыта крестьянъ и недостаточность образцовъ орудій, созданныхъ крупнымъ хозяйствомъ, видны на примѣрѣ другого необходимаго сельско-хозяйственнаго аппарата—бороны. Необходимость въ новой боронѣ для крестьянскаго хозяйства Московской губерніи, особенно послѣ введенія плужной пахоты, назрѣла окончательно, между тѣмъ годныхъ образцовъ этого орудія не имѣется и до экспериментальной постановки дѣла разрѣшеніе вопроса о боронѣ, по мнѣнію г. Баженова, невозможно.

[1]) Положеніе дѣла улучш. кр. хоз. въ Моск. г., докладъ агронома при Моск. губ. зем. упр., В. Г. Баженова.

Процессъ распространенія среди крестьянъ усовершенствованныхъ орудій, съ которыми впослѣдствіи мы познакомимся ближе, приводитъ къ очень интересному заключенію. Въ противность тому, чего слѣдовало ожидать, еслибы крупное хозяйство служило главнѣйшимъ факторомъ улучшенія мелкаго, наиболѣе замѣтное распространеніе усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій наблюдается не въ центральной черноземной полосѣ, характеризующейся прочнымъ и широкимъ распространеніемъ помѣщичьяго хозяйства, а на сѣверной и южной окраинахъ, отличающихся совсѣмъ другимъ хозяйственнымъ характеромъ. Въ центральной черноземной Россіи, въ области искони помѣщичьей, крестьянское хозяйство отличается наиболѣе рутиннымъ характеромъ; къ сѣверу, въ центральныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ замѣчается двойное измѣненіе сравнительно съ предыдущей: площадь помѣщичьей запашки сильно сокращается, распространеніе улучшенныхъ орудій (и различныхъ культурныхъ пріемовъ земледѣлія) въ крестьянской средѣ идетъ сравнительно быстро впередъ; еще къ сѣверу крупное хозяйство почти вовсе исчезаетъ, а мелкое еще больше стремится къ прогрессу; такой же характеръ оно обнаруживаетъ и на югѣ Россіи, гдѣ владѣльческое хозяйство занимаетъ болѣе чѣмъ второстепенное мѣсто, но гдѣ за то развито мелкое нѣмецкое землевладѣніе.

Итакъ, дѣйствительность обнаруживаетъ совсѣмъ иныя отношенія, нежели какія слѣдуетъ ожидать по теоріи зависимости прогрессивнаго развитія мелкаго хозяйства исключительно или главнымъ образомъ отъ примѣра крупной экономіи. Наиболѣе отсталыми (несмотря на высшую густоту населенія, требующую скорѣйшаго примѣненія интенсивныхъ системъ) являются мѣстности съ преобладаніемъ владѣльческаго хозяйства; всего больше обнаружилось движеніе въ области, гдѣ послѣднее играетъ ничтожную роль; середину занимаютъ губерніи со среднимъ же распространеніемъ крупнаго земледѣлія. Прогрессъ мелкаго хозяйства въ общей его массѣ, какъ видите, не прямо, а обратно пропорціоналенъ развитію крупнаго. Послѣднее тоже въ общей массѣ играетъ въ этомъ отношеніи роль какъ бы прямо противуположную прогрессивной, и фактовъ, приводившихся нами раньше по предмету хозяйственно-финансовыхъ отношеній, устанавливаю-

щихся между обѣими формами производства, въ совокупности съ общей экономической обстановкой крестьянскаго хозяйства въ центральной черноземной полосѣ, вполнѣ достаточно для объясненія указаннаго явленія.

IV.

Приведенные факты введенія удобренія крестьянскихъ пашень въ мѣстности, гдѣ эта мѣра не примѣняется и помѣщиками, развитіе при тѣхъ же условіяхъ паровыхъ сѣвооборотовъ изъ залежныхъ, самостоятельное распространеніе улучшенныхъ орудій доказываютъ, что народная мысль самостоятельно работаетъ надъ вопросами хозяйства, почему прогрессъ земледѣльческаго производства обезпеченъ и въ томъ случаѣ, еслибы примѣра крупныхъ экономій вовсе не существовало. Самый процессъ этой работы обыкновенно ускользаетъ отъ нашего наблюденія, и только матеріальные ея результаты заставляютъ предполагать существованіе необходимой духовной основы. Но есть случаи сохраненія въ памяти людей подробностей послѣдовательнаго развитія какого-либо нововведенія, и здѣсь мы воочію убѣждаемся, что нашъ крестьянинъ не представляетъ исключенія изъ человѣческаго рода, что онъ не есть образецъ рутины и неподвижности, что и онъ думаетъ, дѣлаетъ опыты, изобрѣтаетъ. Пока—что̀ обыкновенно и случается—эти опыты относятся къ задачамъ, по естественнымъ законамъ промышленнаго развитія стоящимъ на очереди у всѣхъ,—до тѣхъ поръ улучшенія не выдѣляются въ формѣ индивидуальнаго почина, ибо тотчасъ подхватываются другими, распространяются дальше и для посторонняго наблюдателя обнаруживаются только тогда, когда уже сдѣлались болѣе или менѣе общимъ явленіемъ, утратившимъ всякій слѣдъ личной иниціативы, и считаются потому результатомъ какого-то стихійнаго движенія, устраняющаго вопросъ о личномъ починѣ, изобрѣтательности. Это относится, напримѣръ, ко введенію удобренія, къ общераспространенному улучшенному орудію, образованію хорошихъ породъ скота и т. п. Кто знаетъ, напримѣръ, имена лицъ, преобразившихъ русскую соху въ косулю, или способствовавшихъ обра-

зованію столь молочной породы, какою является тощая крестьянская коровенка? Или такія лица неизвѣстны, или, какъ въ послѣднемъ случаѣ, личная инціатива немногихъ стушевывается передъ массовой дѣятельностью, стремящейся къ той же цѣли полученія наиболѣе молочнаго скота. Здѣсь повторяется обыкновенная исторія народныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. Всѣ такіе образцы сочинены несомнѣнно лично; но кто эти сочинители, гдѣ и когда они жили? Никто этого не знаетъ, да никто и не интересуется такимъ вопросомъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ крестьянскомъ хозяйствѣ мы встрѣчаемъ нѣчто выдающееся изъ окружающей среды и несомнѣнно предполагающее личную инціативу, мы довольствуемся указаніемъ тѣхъ общихъ естественныхъ и экономическихъ условій, на почвѣ которыхъ могло развиться это явленіе; вопросъ же о личной изобрѣтательности мы оставляемъ въ сторонѣ или разрѣшаемъ его безъ обращенія къ крестьянской массѣ, строя гипотезы о вліяніи на крестьянъ правительства, помѣщика и т. п. Такъ, фактъ разведенія крестьянами одного изъ уголковъ Ярославской губерніи хорошей породы (романовской) овецъ, вызвалъ нѣсколько гипотезъ о ихъ происхожденіи, имѣющихъ тотъ общій смыслъ, что ими значительно съуживается самодѣятельность народа. Одни считаютъ этихъ овецъ потомками силезскихъ барановъ, будто бы выписанныхъ сюда еще Петромъ Великимъ; другіе производятъ ихъ отъ голландскихъ овецъ, заведенныхъ будто бы сто лѣтъ назадъ кн. Юсуповымъ, и т. д. Между тѣмъ какъ само отсутствіе вѣрныхъ свѣдѣній и даже преданія о вмѣшательствѣ извнѣ достаточно, кажется, свидѣтельствуютъ противъ замѣтнаго вліянія въ этомъ отношеніи крупнаго хозяйства. Въ виду отсутствія такихъ свѣдѣній, новѣйшіе изслѣдователи отвергаютъ въ романовскихъ овцахъ, какъ преобладающій элементъ, иностранную кровь, и объясняютъ ихъ происхожденіе вліяніемъ иноземцевъ-овчаровъ, выписанныхъ Петромъ для обученія овцеводству мѣстныхъ крестьянъ. Очень можетъ быть, что это обстоятельство и играло нѣкоторую роль въ происхожденіи упомянутой породы овецъ. Но что придумаемъ мы для другихъ мѣстностей Ярославской же, Тверской, Владимірской, Вологодской губерній, гдѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ но-

вѣйшее оффиціальное изслѣдованіе, встрѣчаются породы, не уступающія романовской, и относительно которыхъ нѣтъ и намековъ на сознательное воздѣйствіе извнѣ? Очевидно, что, желая дать правильное объясненіе явленію, намъ нельзя избѣжать личной самодѣятельности мелкаго хозяина; приходится допустить, что важнѣйшую роль въ процессѣ образованія разсматриваемыхъ породъ играли сознательныя усилія отдѣльныхъ крестьянъ избирать для развода выдающіеся по желательному признаку (развитію котораго, можетъ быть, способствовали естественныя условія мѣстности) экземпляры животныхъ, содержать ихъ извѣстнымъ образомъ и т. д. Благопріятные результаты опыта отдѣльныхъ лицъ скоро побуждали слѣдовать ихъ примѣру остальныхъ крестьянъ, и вотъ создается разновидность, господствующая на всей площади извѣстнаго района, и развитію которой способствовали мѣстныя особенности почвы и растительности. Мы видимъ здѣсь проявленіе той же личной иниціативы, наблюдательности и т. п., отъ которыхъ зависитъ и прогрессъ крупнаго хозяйства, а равно и другихъ промышленныхъ отраслей.

Впрочемъ, есть случаи, когда изобрѣтательность отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянъ и ея вліяніе на хозяйство видны непосредственно. Гдѣ нововведеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ выходитъ изъ сферы обычнаго историческаго пути, гдѣ народное творчество направляется по руслу, которому оно могло и не слѣдовать; гдѣ продуктомъ личной изобрѣтательности является сразу нѣчто цѣльное и новое или, по крайней мѣрѣ, сильно отличающееся отъ существующаго, которое къ тому же не вливается въ жизнь естественно и незамѣтно, а занимаетъ свое мѣсто послѣ пропаганды—съ одной стороны, колебанія и недовѣрія—съ другой (особенно если для своего осуществленія это новое требуетъ производства спеціальныхъ и довольно сложныхъ орудій), тамъ личность изобрѣтателя и его первыхъ послѣдователей выдѣляется изъ общей массы, нововведеніе теряетъ характеръ стихійнаго движенія, индивидуализируется и даетъ возможность убѣдиться, что и въ простой крестьянской массѣ идетъ тотъ же процессъ критики и творчества, какой составляетъ основаніе прогрессивнаго развитія общества, и отдѣльныя стадіи котораго мы

наблюдаемъ въ наукѣ, искусствѣ и соединяемъ съ именемъ того или другого ученаго, техника и т. п.

Познакомившись съ такими фактами изъ жизни невѣжественной массы, мы убѣдимся, что крестьянское творчество играло замѣтную роль въ прогрессѣ русскаго хозяйства вообще; не только мелкій, но и крупный производитель многимъ изъ того, что̀ онъ нынѣ примѣняетъ, какъ общеизвѣстное, обязанъ изобрѣтательности какого-нибудь Ивана Матвѣева, Петра Сидорова, а чаще всего „Икса“, несомнѣнно существовавшаго, но имя котораго давно покрылось забвеніемъ.

Извѣстно, напримѣръ, какъ широко распространена въ крупномъ и мелкомъ хозяйствахъ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній культура подсолнечника; но мало кто поминаетъ при этомъ крестьянина Бокарева, которому мы въ значительной степени обязаны распространеніемъ этого растенія. Въ 30—40 годахъ текущаго столѣтія этотъ крестьянинъ изъ слободы Алексѣевки, Бирючинскаго уѣзда, Воронежской губерніи, догадавшись по какимъ-то признакамъ о маслянистости сѣмянъ подсолнечника, который до того времени разводился въ огородахъ лишь для того, чтобы доставлять лакомство бабамъ и дѣвкамъ, попробовалъ истолочь сѣмечки и выжать изъ нихъ масло. Попытка увѣнчалась успѣхомъ: масло было выжато, пришлось по крестьянскому вкусу, и вотъ сельчане принялись за новое производство. Сначала сѣмена толклись въ ступѣ и выжимались ручнымъ жомомъ, затѣмъ начали ихъ обрабатывать на вѣтряныхъ мельницахъ и гречневыхъ крупорушкахъ; наконецъ, стали возводить спеціальные заводы. Черезъ нѣсколько лѣтъ производство подсолнечнаго масла было перенесено отсюда въ окрестности Саратова, а затѣмъ распространилось по сосѣднимъ губерніямъ. Съ появленіемъ новаго производства, огороды оказались тѣсными для культуры подсолнечника, и послѣдній былъ перенесенъ въ поле, гдѣ онъ играетъ важную роль по своему вліянію на раздѣлку почвы.

Еще болѣе широкое распространеніе получило другое крестьянское изобрѣтеніе—молотилка.

Всѣмъ извѣстна рязанская или сапожковская молотилка, получившая въ послѣднее пятнадцатилѣтіе столь широкое распространеніе, что только одинъ Рязанскій округъ ея производства

ежегодно пускаетъ въ продажу тысячи экземпляровъ этого орудія. И эта молотилка изобрѣтена, строится и распространяется крестьянами. Первымъ ея конструкторомъ былъ крестьянинъ с. Синковки, Тимоѳей Хохловъ, служившій машинистомъ у Кошелева. Образцомъ для его молотилки послужилъ заброшенный испорченный барретовскій конный приводъ, построенный заводомъ Бутенопа. Несмотря на то, что въ образцѣ недоставало одного зубчатаго сцѣпленія, Хохловъ понялъ устройство машины, сталъ ее сооружать самъ и создалъ не копію съ образца, а новое орудіе, которое по легкости и удобству пользованія считается спеціалистами превосходящимъ даже первоначальный барретовскій приводъ. Нѣкоторые изъ спеціалистовъ, какъ, напримѣръ, профессоръ Петровской земледѣльческой академіи, экспертъ по конкурсу молотилокъ въ Рязани, Эшлиманъ, идетъ дальше и увѣряетъ, что этотъ приводъ совсѣмъ непохожъ на барретовскій, и въ такомъ случаѣ подражаніе вовсе отсутствуетъ въ изобрѣтеніи Хохлова. За этимъ изобрѣтеніемъ послѣдовало кустарное производство молотилокъ [1]), распространившееся на Рязанскую, Тульскую, Владимірскую губерніи, а затѣмъ на многія другія вплоть до Вятской, Пермской и даже Уфимской. Важнѣе, пожалуй, самого производства было широкое ея распространеніе. Обыкновенно, построивъ машину зимой или купивъ ее въ долгъ у сосѣда, лѣтомъ крестьянинъ отправляется съ нею на сторону, молотитъ по найму хлѣбъ владѣльцевъ и крестьянъ, знакомитъ, такимъ образомъ, хозяевъ съ новой машиной, продаетъ ее и возвращается домой съ тѣмъ, чтобы на будущій годъ продолжать ту же исторію. Ознакомившись съ новымъ орудіемъ, признавъ его удобства и услышавъ о мѣстѣ производства, хозяева сами уже стараются выписать машину, слава о которой, такимъ образомъ, распространяется дальше и дальше.

---

[1]) Производство молотилокъ въ Рязанской губерніи организовано слѣдующимъ образомъ: одни производятъ отливку, другіе ковку металлическихъ частей, третьи—сборку; деревянные станки строятся обыкновенно особо, хотя случается, что у одного мастера производятся всѣ названныя работы. Дѣятельность эта не сосредоточена въ одномъ мѣстѣ: работаютъ въ деревняхъ, селахъ и городахъ, и въ результатѣ получается молотилка, весьма добросовѣстно построенная и очень дешевая,—какъ о томъ свидѣтельствуютъ многіе, видѣвшіе ее.

Въ своихъ путешествіяхъ кустари не ограничиваются ближайшими мѣстностями, а идутъ въ среднее и нижнее Поволжье, въ землю Войска Донского и даже на Кавказъ. При такой энергіи распространенія немудрено, если рязанскія молотилки пользуются широкой извѣстностью въ Россіи и заказы ихъ идутъ даже изъ Сибири. Этотъ успѣхъ настолько громаденъ, что заставилъ другихъ конструкторовъ обратить серьезное вниманіе на крестьянскія молотилки и копировать ихъ. Успѣхъ этотъ объясняется, кромѣ практичности машины, также и дешевизною орудія, вышедшаго изъ кустарной мастерской, иногда продающагося чуть не въ убытокъ. Вѣялки юрьевскаго производителя, Карнаухова, напримѣръ, цѣною 50 р., соотвѣтствуютъ вѣялкамъ въ 125—140 р. другихъ конструкторовъ; молотилка крестьянскаго производства Симбирской губерніи, стоющая безъ привода 150—200 р., замѣняетъ клейтоновскую, за которую нужно заплатить 900 р. и т. д.

Послѣ всего этого мы можемъ только согласиться съ мнѣніемъ извѣстнаго спеціалиста по земледѣльческой техникѣ, г. В. Черняева, признавшаго, что „крестьянское производство машинъ всегда будетъ играть роль піонера; оно прежде всего будетъ удовлетворять мѣстную потребность въ улучшенныхъ орудіяхъ. Кто не знаетъ, что рязанскіе мастера всего болѣе способствовали и способствуютъ распространенію машинной молотьбы хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ“. Крестьянскія молотилки пріобрѣли такую славу даже въ крупныхъ хозяйствахъ, напримѣръ, приволжскихъ губерній, „какою врядъ-ли пользуются молотилки другихъ конструкторовъ“. Виновникъ же этого широко распространяющагося движенія, крестьянинъ Хохловъ, врядъ-ли извѣстенъ многимъ, хотя бы по имени. „Съ большой вѣроятностью даже можно допустить,—говоритъ пр. Эшлиманъ,—что самъ онъ и не знаетъ, что онъ изобрѣтатель весьма мудренаго переноснаго привода“, и не только не воспользовался до сихъ поръ какими-либо выгодами и привилегіями изобрѣтенія, но „несказанно былъ бы радъ, еслибы кто-нибудь далъ ему за него хотя бы на чай“.

Хохловъ не представляетъ чего-нибудь исключительнаго въ крестьянской средѣ. Много такихъ изобрѣтателей живетъ и работаетъ, оставаясь неизвѣстными образованному обществу, но

оставляя послѣ себя замѣтный слѣдъ. Лишь случайно доходятъ иногда о нихъ вѣсти и до насъ, стоящихъ на извѣстномъ отдаленіи. Такъ, напримѣръ, въ „Земледѣльческой Газетѣ" 1884 года (№ 1) было заявлено объ одномъ крестьянинѣ Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи, плотникѣ и строителѣ машинъ, который, за нѣсколько лѣтъ до того, присмотрѣвшись къ паровой молотилкѣ сосѣдняго помѣщика, „скомбинировалъ сложную молотилку собственной системы, замѣчательно простой конструкціи", работающую при 4—6 лошадяхъ и обмолачивающую до 5.000 сноповъ въ день, причемъ зерно получается очень чистое. Многіе землевладѣльцы Симбирской и Тамбовской губерній пріобрѣли такую машину вмѣсто заводской; самъ корреспондентъ семь лѣтъ работаетъ ею и не можетъ отозваться о машинѣ иначе, какъ съ большой похвалой.

Итакъ, современное положеніе нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства заставляетъ предполагать въ прошломъ крестьянской массы такой же процессъ сознательнаго стремленія къ улучшенію, какой—говорятъ—составляетъ привилегію крупной формы производства. Но и современная жизнь представляетъ не только примѣры стремленія крестьянъ позаимствовать со стороны улучшеніе, польза котораго доказана съ очевидностью, но и несомнѣнные признаки активнаго участія крестьянина въ сельско-хозяйственномъ прогрессѣ,—активнаго въ томъ смыслѣ, что здѣсь совершаются пробы, опыты, т.-е. тѣ именно пріемы, которыми всюду выражается сознательное стремленіе выработать новыя формы взамѣнъ неудовлетворительныхъ старыхъ, и которыми оните и вырабатываются. Въ этихъ опытахъ крестьяне частью дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, частью идутъ рука объ руку съ крупными хозяевами, частью возбуждаются къ тому земствомъ, сельско-хозяйственнымъ обществомъ и т. д. Мы здѣсь имѣемъ тотъ же процессъ, что и всюду: наиболѣе энергичные являются инниціаторами, знающіе и мыслящіе—руководителями, многіе участвуютъ въ опытахъ, задуманныхъ другими, и дѣло двигается совокупными усиліями цѣлой массы лицъ; инертная же часть общества примыкаетъ къ движенію, когда оно окончательно выяснилось, какъ плодотворное и выгодное. Обыкновенно думаютъ, что въ сельско-хозяйственномъ прогрессѣ нашей страны пер-

вие, двигающіе дѣло впередъ, набираются изъ образованныхъ землевладѣльцевъ, а простонародье пользуется плодами, приготовленными другими. Факты же, говоримъ, часто доказываютъ противное: крестьяне дѣйствуютъ на указанномъ поприщѣ или совершенно самостоятельно, или рука объ руку съ землевладѣльцами; возбуждаются къ активной дѣятельности или опять-таки самостоятельно (насколько это вообще возможно), или примѣромъ крупнаго хозяина, вліяніемъ земства и т. д. Собственно говоря, многіе случаи, въ которыхъ инціатива идетъ, повидимому, со стороны, относятся къ числу тѣхъ, гдѣ движеніе возникло въ крестьянствѣ самостоятельно; извѣстія же о немъ проникли въ печать лишь послѣ того, какъ вмѣшался въ дѣло образованный человѣкъ, а для насъ, слышащихъ о немъ впервые, оно представляется такимъ образомъ, какъ будто бы этотъ образованный человѣкъ и бросилъ первую искру, между тѣмъ какъ его роль очень часто заключается лишь въ посредствѣ между крестьянами-дѣятелями съ одной стороны, и рынкомъ, магазиномъ, заводомъ, торгующими предметами опыта или, наконецъ, книгой, газетой—съ другой. Самый успѣхъ инціативы частнаго лица или общественнаго учрежденія въ большинствѣ случаевъ доказываетъ, что недостатки существующаго ясны крестьянамъ, и что послѣдніе уже стремятся къ лучшему.

Мы не станемъ здѣсь указывать на уже совершившіяся или быстро идущія впередъ измѣненія въ хозяйствѣ въ области, гдѣ существуетъ одно мелкое земледѣльческое производство (напр., распространеніе улучшенныхъ орудій въ Пермской и Вятской губерніяхъ),—объ этомъ у насъ будетъ рѣчь вперди—а приведемъ нѣсколько фактовъ, гдѣ крестьяне не знаютъ еще, будетъ-ли новое лучше стараго, гдѣ они не перенимаютъ несомнѣнно выгодное, а производятъ опыты, и подъ-часъ неудачные, съ вѣроятнымъ или сомнительнымъ успѣхомъ; гдѣ они приноравливаются или приноравливаютъ къ себѣ нововведеніе, сообразно указаніямъ своего опыта и наблюденія.

Если, напримѣръ, крестьянинъ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи высѣялъ дотолѣ неизвѣстную ему росичку въ своемъ полѣ, и она не взошла, несмотря на то, что всхожесть ея была доказана *пробнымъ посѣвомъ* въ оконныхъ цвѣточныхъ

банкахъ, то мы это назовемъ не иначе, какъ сознательно-произведеннымъ *опытомъ*; таковымъ же мы признаемъ и попытку уржумскихъ (Вятской губ.) крестьянъ, вычитавшихъ о томъ же растеніи въ „Сельскомъ Вѣстникѣ", выписавшихъ его сѣмена и посѣявшихъ ихъ; или дѣйствія николаевскихъ (Самарской губерніи) земледѣльцевъ, добывшихъ какъ-то съ Кавказа сѣмена неизвѣстнаго имъ растенія, разводящихъ его въ грядахъ и употребляющихъ вмѣсто чая. Не что иное, какъ опыты производитъ и каргопольскій крестьянинъ, Ганинъ, когда наблюдая естественную растительность и собирая сѣмена луговыхъ травъ, насажденныхъ общею нашей учительницей—природой, онъ „самъ дошелъ" до искусственнаго травосѣянія на новинахъ, а теперь дѣлаетъ опыты подсѣва естественнаго луга. Первая попытка въ этомъ смыслѣ оказалась неудачной, но Ганинъ думаетъ продолжать опытъ, измѣнивъ нѣкоторыя его условія, именно, предварительно взборонивши и поднавозивъ лугъ [1]).

Подобный-то процессъ сознательнаго исканія крестьянами лучшаго путемъ опыта и наблюденій идетъ въ настоящее время на всемъ пространствѣ земли русской. Вятскій крестьянинъ, напримѣръ, сознавъ уже неудобства вспашки сохою, по словамъ земскихъ статистиковъ, „въ послѣдніе годы, можно сказать, мечется въ поискахъ за земледѣльческимъ орудіемъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „ловитъ всякій слухъ, всякую новинку, чтобы испробовать пригодность ея у себя... Производятся пробы смѣшиванія различныхъ сортовъ почвъ (напр., болотнаго чернозема съ красной глиной) съ цѣлью узнать, не получится-ли въ результатѣ этого смѣшенія почва плодороднѣе, нежели каждый изъ входящихъ въ эту смѣсь элементъ вь отдѣльности" [2]). Въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи „нѣтъ волости и въ ней нѣсколькихъ селеній, гдѣ отдѣльные домохозяева и цѣлыя группы не пробовали бы замѣнить свои сѣмена другими, добываемыми большею частью въ сосѣднихъ экономіяхъ",—при извѣстномъ отсутствіи въ провинціи нарочно созданныхъ складовъ сѣмянъ, играющихъ

---

[1]) 1886-й г. въ сельск.-хоз. отн., в. III, стр. 470, 471, 478; «Русск. Вѣд.» 1887 г., № 350.

[2]) Матер. по статист. Вятск. губ., т. III, стр. 50. Матер. по опис. пром. Вятск. губ., в. I, стр. 152.

роль естественныхъ запасовъ—этой необходимой принадлежности сельскаго хозяйства. Вмѣсто обыкновенной ржи они пробуютъ кустовку, вазу, пробштейнскую, и овесъ—двуплодный, французскій. Результаты этихъ опытовъ не особенно, однако, благопріятны: рожь, по словамъ крестьянъ, скоро перерождается и требуетъ лучшаго удобренія, чѣмъ можетъ дать крестьянинъ; двуплодный овесъ слишкомъ медленно созрѣваетъ, а такъ какъ крестьяне не всегда успѣваютъ во-время его посѣять, отвлекаясь работами внѣ своего хозяйства, то снимать его нерѣдко приходится полузрѣлымъ (стр. 50). У крестьянъ Юхновскаго уѣзда той же губерніи „исканіе лучшихъ сѣмянъ—явленіе столь же распространенное, какъ и въ Гжатскомъ. Участь этихъ пробъ здѣсь такая же. Въ послѣдніе годы, вслѣдствіе полнаго отсутствія мѣстныхъ сѣмянъ, населеніе поставлено было въ необходимость обсѣваться привозными, степными; результатъ былъ тотъ, что всѣ эти посѣвы не дозрѣли... Плугъ—здѣсь явленіе еще рѣдкое; онъ является новинкою, нерѣдко привезенною случайно, къ которой крестьяне только-что приглядываются, и, какъ сами говорятъ, „*производятъ опыты* еще не въ полѣ, а въ огородѣ“ (стр. 98). Крестьяне Сычевскаго уѣзда той же губерніи систематически пробуютъ лучшія сѣмена ржи—испанской и кустовой, двуплоднаго овса, льна-долгунца, нерѣдко беря примѣръ съ владѣльцевъ. То же самое нужно сказать о Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи: „во многихъ селеніяхъ крестьяне пробуютъ сѣять рожь кустовку, вазу, шампанку, „бриндѣевку“, пробштейнскую ньюландскую; далеко не всегда эти опыты бываютъ удачны; наоборотъ, гораздо чаще можно встрѣтить указаніе на то, что эти сорта по мѣстнымъ условіямъ не подходящи“. Въ двухъ деревняхъ пробовали удобрять огороды торфомъ, но „попытка эта, при неумѣніи крестьянъ, кончилась неудачно“ (стр. 154, 160). Крестьяне Архангельской губерніи начинаютъ сѣять рожь-вазу и кустовку, добытыя изъ Финляндіи еще въ 1876 году; эти сорта ржи имѣютъ то преимущество, что посяѣваютъ раньше обыкновенной. Кое-гдѣ въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, крестьяне, въ видѣ опыта, посѣяли австралійскій овесъ, никольскую рожь и псковскій ленъ, сѣмена которыхъ пріобрѣли, чрезъ посредство земства, на Красноуфимской фермѣ. Въ Мо-

сковской губерніи, почти повсемѣстно, на крестьянскихъ поляхъ видны новыя растенія; опыты дѣлаются, между прочимъ, съ росичкой и рѣпой. Сплошь и рядомъ опыты оказываются неудачными: крестьяне бросаютъ принятые-было новые сорта хлѣбовъ по причинѣ ихъ поздняго созрѣванія и т. п. Кое-гдѣ здѣсь для обсѣмененія крестьянскихъ полей служитъ зерно, полученное съ общественной запашки, засѣянной улучшенными сѣменами, добываемыми изъ склада при земской управѣ. Общественныя запашки для разведенія улучшенныхъ сѣмянъ, хлѣбныхъ и техническихъ растеній, выдаваемыхъ крестьянамъ передъ самымъ временемъ посѣва, заведены и въ нѣсколькихъ волостяхъ Оханскаго уѣзда Пермской губерніи. Крестьянинъ Красноуфимскаго уѣзда Пермской губерніи Иванъ Пуховъ 3—4 года пробуетъ вмѣсто высѣва хлѣбовъ сажать ихъ. Хотя абсолютный сборъ съ извѣстной площади не увеличивается, но сѣмянъ требуется въ 4—6 разъ меньше. Въ послѣдніе годы московскіе крестьяне стали вводить въ полевой сѣвооборотъ травы, и во всѣхъ этихъ случаяхъ „полевому травосѣянію предшествовалъ сознательный эксперементъ въ маленькихъ размѣрахъ, на усадебной землѣ“ [1]). Крестьяне нѣкоторыхъ селеній Бугурусланскаго уѣзда пробовали улучшать породу овецъ и лошадей, покупая племенныхъ производителей; но овцы на плохомъ корму скоро перерождаются или продаются изъ нужды въ деньгахъ, а лучшія лошади уводятся конокрадами (стр. 49). Крестьяне одного селенія Чигиринскаго уѣзда Кіевской губерніи такъ заинтересовались зависимостью урожая отъ времени посѣва,—на что сдѣлано имъ указаніе однимъ изъ корресспондентовъ департамента земледѣлія,—что, не помня точно времени послѣдняго посѣва, они обѣщали непремѣнно доставить на этотъ счетъ опредѣленныя данныя въ слѣдующемъ году. Нѣкоторыя общины Бугурусланскаго уѣзда Самарской губ. превращаютъ узкія полосы въ широкія, съ цѣлью пахать такія вдоль и поперекъ: „не лучше-ли сдѣлается земля,—говорятъ крестьяне,—не выведется-ли пырей?“ (с. 22). Въ 1887 г. земская управа прислала въ с. Мытищи,

[1]) Ст. ежег. моск. губ. зем. 1888 г., стр. 142 и др.; Русск. Вѣд. 1888 г., № 109; Сельск. Вѣсти. 1892 г., № 12; Докладъ москов. губ. экон. совѣта за 1890 г.

Серпуховскаго уѣзда Московской губ., два плуга, съ цѣлью познакомить крестьянъ съ этимъ земледѣльческимъ орудіемъ. „Плугомъ крестьяне пользовались поочередно; нѣкоторые остались имъ довольны и пожелали пріобрѣсти въ собственность". Познакомившись съ плугомъ, они отнеслись къ нему критически и подмѣтили его недостатки по отношенію къ мѣстному хозяйству, а затѣмъ приняли мѣры парализованія вліянія послѣднихъ. „По ихъ мнѣнію, весьма годный для квадратной формы полей, плугъ не совсѣмъ удобенъ для узкихъ крестьянскихъ полосъ. На широкихъ полосахъ можно ѣздить вдоль и поперекъ; при этомъ, понятно, земля будетъ разрѣзана на комья, которые уже легко поддаются дѣйствію бороны. На узкихъ же полосахъ этого сдѣлать нельзя; тамъ можно пахать только въ одномъ направленіи—вдоль полосъ. Такъ какъ плугъ кладетъ землю ровными сплошными пластами, не разбивая ее на комья, то такую полосу трудно бороновать: борона, скользя по пластамъ, только пылитъ. Но плугъ хорошъ тѣмъ, что работникъ за нимъ меньше устаетъ, чѣмъ за сохой; онъ требуетъ меньше ухода, а главное—имъ глубже прорѣзается земля. Понявъ хорошія и дурныя стороны плуга, нѣкоторые изъ здѣшнихъ крестьянъ, воспользовавшись тѣмъ, что есть хорошаго въ плугѣ, устранили помянутые его недостатки слѣдующимъ образомъ: въ первый разъ они пашутъ землю плугомъ съ тѣмъ, чтобы глубоко подрѣзать землю; послѣ этого ее боронуютъ, съ цѣлью не взрыхлить, а только заровнять, и тѣмъ сдѣлать удобной для вспашки сохой. Затѣмъ производятъ эту послѣднюю вспашку, сохой рѣжутъ и разбиваютъ землю на комья, которыя окончательно разрыхляются боронованіемъ. Благодаря такому пріему, крестьяне с. Мытищи воспользовались преимуществами плуга, какъ глубоко пашущаго орудія, и избѣжали его недостатковъ при узкихъ полосахъ" [1]).

Въ послѣднее время въ русской земледѣльческой литературѣ, благодаря г. Энгельгардту, поднятъ вопросъ о примѣненіи искусственныхъ минеральныхъ удобреній. Тотъ же вопросъ и тѣмъ же лицомъ возбужденъ былъ еще 20 лѣтъ назадъ, но

[1]) Стат. Ежегод. моск. губ. зем., 1888 г. I, стр. 136.

по опытамъ, произведеннымъ крупными хозяевами, минеральныя удобренія оказались невыгодными. Теперь, благодаря вниманію, вновь обращенному на вопросъ, правительство сочло полезнымъ собрать свѣдѣнія о примѣненіи искусственнаго удобренія въ Россіи. Командированный для этого агрономъ В. Г. Котельниковъ констатировалъ фактъ, что, за исключеніемъ немногихъ владѣльцевъ, кое-гдѣ выдвинувшихся изъ среды окружающихъ, минеральное удобреніе сколько-нибудь систематически примѣняется крестьянами Псковской губерніи (рѣчь идетъ о мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ), вотъ уже 10—15 лѣтъ производящими опытъ съ суперфосфатами [1]). Въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ наиболѣе опредѣленныя данныя относительно искусственнаго удобренія получены не отъ крупныхъ владѣльцевъ, а отъ крестьянина с. Ясеновичъ, Ив. Зах. Микляева, пробующаго съ 1883 г. удобрять приготовленною имъ самимъ смѣсью кости и алебастра расчищенный изъ-подъ лѣса участокъ пахатной земли площадью въ 1¼ дес., а также одну изъ полосъ въ общинномъ полѣ. Опыты оказались удачны (с. 75).

Крестьяне не только производятъ опыты, но и публикуютъ о нихъ въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ — единственной дѣловой газетѣ, завязавшей систематическія сношенія съ народомъ. Тамъ, напр., опубликовалъ свои опыты вышепоименованный Иванъ Пуховъ. Другой — корреспондентъ газеты изъ Вятской губ. слѣдующими словами начинаетъ свое сообщеніе: „читая „С. В.“, часто встрѣчаемъ сообщенія о стремленіи крестьянъ улучшать свое хозяйство и о производимыхъ ими опытахъ къ улучшенію онаго... На этомъ основаніи я не хочу умолчать о своихъ опытахъ и подѣлюсь съ читателями своими наблюденіями—авось кто-нибудь и обратитъ на нихъ вниманіе и извлечетъ что-либо для своей пользы“. Послѣ этого вступленія идетъ сообщеніе о попыткѣ травосѣянія на ничтожномъ клочкѣ земли. Иногда такое сообщеніе ведетъ къ перепискѣ между крестьянами. Такъ, одинъ крестьянинъ Тверской губ., сообщившій въ газетѣ о результатахъ произведеннаго имъ опыта посѣва травъ, получилъ письмо отъ крестьянина изъ земли Войска Донскаго съ прось-

[1]) 1884 г. въ с.-х. отн. в. III, ч. II, прилож. с. 69.

бой дать по этому предмету дополнительныя свѣдѣнія. Редакція „Сел. Вѣстника“ предложила испытать годность для пряжи волокна изъ крапивы; и вотъ получается извѣщеніе отъ крестьянина Новоторжскаго уѣзда, что по произведенному имъ испытанію волокно оказалось пригоднымъ для мѣшковъ, почему онъ думаетъ заняться культурой крапивы. Нѣкоторые крестьяне присылаютъ въ редакцію „С. В.“ новыя, неизвѣстныя имъ растенія, просятъ разрѣшить различныя сельско-хозяйственныя затрудненія, указать книги по пчеловодству, садоводству, огородничеству, хлѣбопекарству и т. п. Болѣе свѣдущіе указываютъ на тѣ книги, которыя помогли имъ въ хозяйствѣ, напр. на книгу Королева о льноводствѣ, Жуковскаго о садоводствѣ, Гоше по тому же предмету и т. п. [1]). Сознательный интересъ крестьянъ къ дѣлу улучшенія хозяйства подтверждается, между прочимъ, участіемъ, принимаемымъ ими въ доставленіи свѣдѣній о положеніи земледѣлія; такъ, въ числѣ 140 корреспондентовъ московскаго губернскаго земства находится 15 крестьянъ и одно сельское общество, а, считая волостныя правленія и писарей, число корреспондентовъ-крестьянъ составитъ 20% общаго числа корреспондентовъ. Въ Полтавской губерніи крестьяне и казаки даютъ 60% корреспондентовъ губернскаго земства, тогда какъ землевладѣльцы—всего 19%.

Рѣшаясь на производство опытовъ по своему собственному разумѣнію, крестьяне не избѣгаютъ попытокъ выясненія хозяйственно-культурныхъ вопросовъ подъ руководствомъ свѣдущихъ лицъ. Такъ, въ послѣднеее время агрономическіе смотрители убѣдили устроить опытное поле крестьянъ 3-хъ деревень Вятской губерніи: въ одной изъ нихъ, при 15 участникахъ, подъ поле отведено 6 дес., въ другой—при 33 участникахъ, тоже 6 дес. и въ третьей, при 22 участникахъ, 21 дес. Участники въ полѣ раздѣляются на десятки, изъ которыхъ каждый долженъ исполнить отдѣльный кругъ работъ (подъ руководствомъ агронома). Поле удобряется фосфатами, засѣвается улучшенными сѣменами [2]).

---

[1]) «Сел. Вѣстн.» 1892 г. № 1, 11, 21, 23; 1891 г., № 7, 8, 10, 49.
[2]) «Вѣстн. Рус. Сел. Хоз.» 1891 г., с. 664, 370.

V.

Изъ приведенныхъ указаній видно, что въ крестьянской средѣ частью самостоятельно, частью при помощи стороннихъ вліяній, возникло стремленіе къ измѣненію пріемовъ хозяйства, признанныхъ ими не выдерживающими критики. Добиваясь лучшаго, они поступаютъ какъ и всѣ ищущіе новаго: обращаются ко всѣмъ средствамъ пріобрѣтенія знаній, надѣясь встрѣтить тамъ и здѣсь полезныя указанія. Въ образованныхъ классахъ главнѣйшимъ изъ этихъ средствъ служитъ печать, затѣмъ опытъ сосѣдей. Крестьянинъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ пользоваться первымъ источникомъ, который обыкновенно замѣняется для него разсказами прохожихъ лицъ и бывалыхъ односельцевъ, и ему поневолѣ приходится довольствоваться свѣдѣніями, какія онъ можетъ получить личнымъ наблюденіемъ, въ томъ числѣ примѣръ сосѣда— крупнаго хозяина. Но свѣдѣнія, добываемыя этимъ способомъ, крайне недостаточны для систематическаго руководства въ преобразованіи, такъ какъ образецъ лучшаго, предлагаемый крестьянину практикой владѣльческой экономіи, далеко не всегда заслуживаетъ подражанія, ибо хозяева сплошь и рядомъ перенимаютъ съ Запада то, что не соотвѣтствуетъ не только спеціальнымъ условіямъ мелкаго производства, но и общей обстановкѣ сельско-хозяйственной дѣятельности страны. Въ этомъ отношеніи они представляютъ полнѣйшій контрастъ крестьянину, прекрасно доказавшему свою способность приноравливаться къ обстоятельствамъ и вырабатывать формы дѣятельности, далеко не безупречныя съ абсолютной точки зрѣнія, но представляющія образецъ удачнаго достиженія намѣченной цѣли, несмотря на самую неблагопріятную обстановку. Не будемъ говорить объ огородничествѣ, садоводствѣ и разведеніи лекарственныхъ травъ въ Московской или Ярославской губерніяхъ, всецѣло находящихся въ рукахъ крестьянъ и доведенныхъ ими до сравнительно высокой степени культурнаго развитія. Какъ на иллюстрацію къ высказанному положенію остановимся лучше на примѣрѣ, гдѣ возможно сравненіе крупной или мелкой формъ производства — взглянемъ на положеніе помѣщичьяго и крестьянскаго скотоводства въ центральной нечерноземной полосѣ въ связи съ сыровареніемъ и

маслодѣланіемъ, широко развившимися здѣсь въ послѣднія 20—25 лѣтъ. Эти отрасли техническаго сельско-хозяйственнаго производства ведутся у насъ въ крупной и мелкой формахъ; но какъ та, такъ и другая основаны на переработкѣ молока животнаго, созданнаго тысячелѣтнимъ существованіемъ крестьянскаго хозяйства и въ настоящее время выращиваемаго крестьяниномъ же.—Дѣйствительно, извѣстные наши маслодѣлы и сыровары, гг. Верещагинъ, Широбоковъ, Офросимовъ и др., и даже скотоводы, какъ г. Армфельдъ, заявляютъ, что крупныя хозяйства не должны задаваться мыслью выращивать у себя молочный скотъ, а могутъ покупать молоднякъ у крестьянъ, сами занимаясь лишь переработкой молока въ масло или сыръ. Это заключеніе они основываютъ на томъ, что, во-первыхъ, обыкновенная крестьянская корова отличается большими молочными достоинствами, и если въ чемъ нуждается для обнаруженія послѣднихъ, то это не въ примѣси иностранной крови, а въ хорошемъ питаніи, которое и можетъ ей доставить крупный хозяинъ; во-вторыхъ, что послѣдній не въ силахъ конкурировать съ крестьяниномъ въ дѣлѣ выращиванія молодняка, и покупная корова обходится владѣльцу значительно дешевле доморощенной.

Изъ сказаннаго уже видно, что приведенный нами совѣтъ извѣстнѣйшихъ русскихъ хозяевъ не есть одно пожеланіе, но и удостовѣреніе факта; что пополненіе помѣщичьихъ стадъ скупкою крестьянскаго скота — не pia desideria, проповѣдуемыя немногими лицами, а общераспространенное, даже господствующее явленіе въ хозяйствѣ крупныхъ маслодѣловъ; что противныхъ сказанному фактовъ успѣшнаго разведенія владѣльцами лучшихъ породъ молочнаго скота такъ мало, что они не обратили на себя вниманія даже спеціалистовъ-ученыхъ и практиковъ; что, слѣдовательно, продуктъ мелкаго, а не крупнаго хозяйства является основою современнаго маслодѣлія—и основою если не наилучшею съ идеальной точки зрѣнія, то во всякомъ случаѣ надежною, прочною, способною поддержать дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, хорошія свойства молока нашей крестьянской коровы и выдѣланнаго изъ него сыра и масла признаются даже за границею. Поэтому крестьянскій скотъ не напрасно считается надежнымъ матеріаломъ для соотвѣтствующихъ производствъ. Это—вкладъ для буду-

щаго со стороны мелкаго русскаго хозяина; что же дало до сихъ поръ въ указанномъ отношеніи крупное?

„Въ подавляющемъ большинствѣ какъ крупныхъ землевладѣльческихъ, такъ и крестьянскихъ имуществъ, — говоритъ г. Армфельдъ,—скотовладѣльцы часто не имѣютъ яснаго представленія о надлежащемъ кормленіи продуктивнаго скота... Животныя плодятся и множатся по законамъ естественнымъ, безъ всякаго вліянія владѣльца. Мы ничего не предпринимаемъ для улучшенія мѣстнаго скота, и остаемся при томъ же скотѣ, какимъ владѣли наши отдаленнѣйшіе предки; не сдѣлано даже никакихъ попытокъ къ его улучшенію: одинъ примѣръ на всю Россію—г. Путяты (Смоленской губерніи), бьющагося надъ улучшеніемъ своего скота болѣе четверти вѣка". Наши молочные хозяева не выращиваютъ коровъ, а скупаютъ крестьянскія по цѣнѣ, „рѣдко достигающей половинной стоимости ихъ выращиванія, обыкновенно не выше 1/3, часто даже 1/4 этой стоимости". Опытныхъ хозяевъ мы встрѣчаемъ лишь въ тѣхъ отрасляхъ скотоводства, которыя развивались при большомъ содѣйствіи правительства, коневодствѣ (рысистомъ и верховомъ, поддерживаемыхъ правительствомъ, но не рабочемъ—самомъ важномъ для хозяйства) и тонкорунномъ овцеводствѣ. Поэтому и въ будущемъ г. Армфельдъ считаетъ нужнымъ полагаться, главнымъ образомъ, на почипъ и участіе правительства-же, земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ [1]).

Такое же почти мнѣніе высказываетъ другой, еще болѣе высокій авторитетъ, руководитель коммиссіи по изслѣдованію скотоводства въ Россіи, академикъ Миддендорфъ: „Относительно *сплошныхъ неудачъ* съ вывозными симментальскими, швицкими, алгаускими животными припомнимъ, что ихъ встрѣчали у насъ неприготовленность въ знаніи, кормахъ, уходѣ и т. д., и тѣ, которые лучше были приняты, избѣгнувъ Сциллы, попали въ Харибду перекормленія, въ особенности во время ихъ развитія, и ожирѣнія, подавляющаго ихъ молочность".

Въ подтвержденіе этихъ общихъ заключеній приведемъ частности, выясненныя новѣйшимъ изслѣдованіемъ скотоводства въ центральной нечерноземной полосѣ, произведеннымъ извѣстнымъ

1) Земл. Газ. 1886 г., № 16.

спеціалистами — гг. Калантаровъ, Арифельдомъ, Червинскимъ, подъ общимъ руководствомъ академика Миддендорфа.

Хотя вышеприведенный неблагопріятный отзывъ г. Арнфельда относится одинаково къ массѣ какъ помѣщичьихъ, такъ и крестьянскихъ хозяйствъ, но здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе, что обыкновенный крестьянинъ и не можетъ особенно заботиться о скотѣ. Нужно помнить, что эти заботы предполагаютъ прежде всего нѣкоторый достатокъ какъ денежныхъ средствъ хозяина, такъ и кормовыхъ; но если, какъ это обыкновенно бываетъ у насъ, послѣдняя корова мелкаго хозяина не застрахована отъ продажи за недоимку; той же, которая избѣжитъ этой участи, грозитъ въ теченіе зимы полуголодное существованіе на одной, нерѣдко гнилой, соломѣ (извѣстно, что роль запаснаго магазина для скота играетъ полугнилая соломенная крыша крестьянской избы, раскрываемая зимой и покрываемая лѣтомъ), вслѣдствіе чего къ веснѣ она еле тащитъ ноги, отчего получила грустно-ироническое наименованіе „тасканки", —если, говоримъ, принять во вниманіе все это, присоединивъ сюда плохое естественное качество кормовыхъ средствъ самой мѣстности вообще, то сдѣлается понятнымъ, почему въ большей части Россіи господствующимъ типомъ является не молочная, а навозная корова, назначенная для производства удобренія, безъ котораго нѣтъ и хлѣба. Но и при этихъ условіяхъ крестьянинъ достигъ многаго въ отношеніи развитія молочности, расположеніе къ которой даже у типической „тасканки", по словамъ академика Миддендорфа „по истинѣ значительно". Это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что именно крестьянская корова доставляетъ матеріалъ для того маслодѣлія и сыроваренія, которое такъ развилось у насъ за послѣднее двадцатилѣтіе.

Но гдѣ только у крестьянъ есть излишекъ кормовъ, тамъ населеніе не довольствуется обычнымъ типомъ навозной коровы, а стремится къ разведенію молочнаго скота и достигаетъ въ этомъ отношеніи довольно хорошихъ результатовъ. Извѣстны, напримѣръ, коровы холмогорки, ярославки, устюжанки и т. д. Онѣ суть результатъ не только естественныхъ условій мѣстности, но и сознательныхъ стремленій къ улучшенію со стороны крестьянина. „Выбирая себѣ корову, —говоритъ г. Верещагинъ, —крестьянинъ обращаетъ вниманіе не только на общія формы жи-

вотнаго, но, въ частности, на тонкій костякъ, хорошо развитой и крѣпкій желудокъ и въ особенноти на правильно устроенное и неиспорченное вымя. Этимъ вниманіемъ къ вымени (отъ того или другого устройства и содержанія котораго зависитъ и молочность коровы) крестьянскія стада значительно отличаются отъ помѣщичьихъ: между тѣмъ какъ въ послѣднихъ испорченное вымя представляетъ далеко не рѣдкое явленіе, въ крестьянскомъ стадѣ вы не найдете ни одного такого вымени". Выбравъ животное, удовлетворяющее извѣстнымъ требованіямъ молочности, крестьянинъ, если только возможно, заботится о лучшемъ его содержаніи, обильномъ питаніи и т. д. Извѣстно, напримѣръ, что крестьянскія коровы Ярославской и Владимірской губерній славятся своей молочностью далеко за предѣлами области и покупаются здѣсь для Петербурга, напримѣръ. Коровы Ярославской губерніи выдаются по своему достоинству, благодаря комбинаціи многихъ благопріятныхъ условій. Выгодные отхожіе промыслы, обезпечивая уплату податей, позволяли крестьянину сохранять, не отчуждая на сторону, продукты своего полеводства и луговодства и обращать ихъ на кормъ скота, въ цѣляхъ развитія его молочности, какъ одного изъ главнѣйшихъ источниковъ питанія семьи. Закупка коровъ въ разсматриваемой мѣстности для Петербурга побуждала крестьянъ тѣмъ болѣе заботиться о развитіи молочности и красивой внѣшности животнаго, которое за эти свои качества доставляло хозяину хорошій доходъ. Для достиженія своей цѣли онъ, хотя и не такъ систематически, примѣняетъ тѣ же средства, какими достигаетъ улучшенія скота и крупный хозяинъ. Оставаясь дома, земледѣлецъ тратитъ свою наблюдательность на животныхъ, усердно ихъ выращивая и гордясь передъ сосѣдями, если ему удавалось продать ихъ по высокой цѣнѣ. Любовь и внимательность къ животному порождала новыя измѣненія въ скотоводственной культурѣ. Обращалось особенное вниманіе на пастьбу скота, на перемѣну выгона, заведеніе опытныхъ пастуховъ, браковку скота, подборъ телятъ и т. п. Не оставались крестьяне равнодушными и къ племенному скоту. „Толки о преимуществахъ основного и скрещеннаго скота занимали и занимаютъ мѣстныхъ крестьянъ", говорятъ новѣйшіе изслѣдователи, и дѣлаются попытки улучшить породу примѣсью

иностранной крови. Но попытки эти пока не приводили къ замѣтнымъ результатамъ, и нельзя сказать, чтобы виною сказаннаго были крестьяне. Соблазняемые высокими цѣнами на крупныхъ коровъ, крестьяне начинаютъ „дорожить крупными телятами отъ культурныхъ расъ, покупаютъ ихъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ, выращиваютъ и продаютъ". Дѣлая все это ради наживы, крестьяне, однако, воздерживаются отъ придачи своему скоту свойствъ, которыми они такъ дорожатъ въ помѣщичьемъ; пробуютъ иногда пускать въ свои стада породистыхъ быковъ, но скоро изгоняютъ ихъ и возвращаются къ своимъ. И это вытекаетъ не изъ рутинности крестьянина, а изъ здраваго хозяйскаго разсчета. „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напримѣръ, среди крестьянъ Ростовскаго уѣзда нашлись особенно усердные защитники помѣщичьихъ и купеческихъ коровъ за ихъ крупное тѣло и красивый складъ; жители с. Порѣчья рѣшились и въ свое стадо пустить быковъ разныхъ породъ (преимущественно тирольскъ), но остались недовольны результатами": молока не прибавилось, а скотъ изнѣжился. И дѣйствительно, хотя помѣщичій скотъ принадлежитъ къ высшимъ породамъ, крупнѣе, красивѣе крестьянскаго, но эти его свойства развиты насчетъ молочности, и потому въ имѣніяхъ Любимскаго и Даниловскаго уѣздовъ, напримѣръ, коровы „по своему качеству и удойливости стоятъ ниже, чѣмъ въ деревняхъ, поставленныхъ въ сносныя условія". А между тѣмъ такая корова разборчива на кормъ и отказывается отъ пищи, какую охотно принимаетъ русская корова [1]). То же самое приходится сказать и о Владимірской губерніи.

Въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ, благодаря бывшимъ здѣсь крупнымъ владѣніямъ (гр. Шереметьева, гр. Зубова) и близости Москвы, распространился тирольскій скотъ, метисы котораго можно встрѣтить въ настоящее время у владѣльцевъ, горожанъ и богатыхъ крестьянъ. „Тирольскій скотъ,—говоритъ официальное изслѣдованіе,—придалъ мѣстному нѣсколько больший ростъ, округлость и красоту внѣшнихъ формъ, грубое тѣлосложеніе и понизилъ его удойливость". Ихъ „цѣнятъ только за красивый видъ, но не долюбливаютъ за требовательность на кормъ и мало-

[1]) Тр. В. Э. О. 1886, № 8. Изслѣд. совр. сост. скотов. въ Россіи, в. I. А. 95—97, А. 113, А. 135, А. 125.

удойливость". Крестьяне называютъ такихъ коровъ „лакомками", „кусочницами", „покойницами". „Общее число заводовъ улучшеннаго скота во Владимірской губерніи довольно значительно, но дѣйствительно существующихъ и ведомыхъ такимъ образомъ, чтобы имѣть какое-либо вліяніе на мѣстное скотоводство, крайне незначительно". Такъ, коровы улучшеннаго скота Фролищева и Гороховскаго монастыря пользуются у окрестнаго населенія репутаціей малоудойливыхъ и избалованныхъ. „Самъ настоятель, любуясь монастырскимъ скотомъ, сѣтовалъ, что молоднякъ плохо продается на племя, потому что скотъ этотъ въ другихъ мѣстахъ плохо удается и скоро мельчаетъ". „Изъ этого краткаго обзора заводовъ видно,—заключаетъ г. Армфельдъ,—что число ихъ, во-первыхъ, крайне ограничено, во-вторыхъ, качество не таково, чтобы они могли оказать какое-либо существенное преобразующее вліяніе на окрестное скотоводство. Заводы эти не составляютъ продукта дѣйствительно мѣстной потребности; они не плодъ точнаго и основательнаго разсчета хозяевъ; это просто отрывочныя, часто безцѣльныя и большею частью совершенно случайныя попытки немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Обдуманнаго и цѣлесообразнаго выбора породъ не производилось; покупалось что случайно попадало подъ руку. Существованіе большинства заводовъ крайне кратковременно; они возникаютъ и уничтожаются быстро, часто не успѣвъ достигнуть никакихъ результатовъ" [1]).

Очень приближающееся къ этому заключеніе сдѣлано и профессоромъ Петровско-Разумовской академіи, г. Червинскимъ.

Сдѣлавъ сводъ данныхъ, собранныхъ правительственной комиссіей о результатахъ дѣятельности хозяевъ всей Россіи (за исключеніемъ Финляндіи и Остзейскихъ губерній) по части улучшенія мѣстнаго скота скрещиваніемъ его съ иностраннымъ, г.

[1]) Землед. Газ., 1886 г., № 14, 16. Изслѣд. современ. состоянія скотовод. въ Россіи, в. I, стр. А. 125, Д. 67, Д. 70, Д. 79. Въ Курской губерніи, гдѣ крестьяне, вмѣсто того, чтобы содержать своего быка, находятъ болѣе выгоднымъ нанимать помѣщичьяго, очень часто заключающаго въ себѣ иностранную кровь, метисы составляютъ очень обыкновенное явленіе въ крестьянскомъ стадѣ. Но и здѣсь примѣсь иностранной крови не улучшила крестьянскаго скота, не сдѣлала его болѣе цѣннымъ. Обыкновенно такой скотъ даже во многихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ «имѣетъ по истинѣ жалкій видъ «тасканокъ» и «горемыкъ», въ такомъ изобиліи разсѣянныхъ по лицу русской земли» (Ib., вып. II, стр. А. 20—22).

Червинскій говоритъ: „во всей необъятной Россіи въ десяткахъ, а можетъ быть и сотняхъ тысячъ помѣщичьихъ хозяйствъ только 279 коровъ (изъ 16.523 метисовъ, подвергнутыхъ изслѣдованію) превзошли по продуктивности невзрачныхъ на видъ коровъ вяземскаго землевладѣльца“, Путяты, создавшаго свое замѣчательное стадо путемъ хорошаго содержанія простой крестьянской коровенки. Приведя окончательные итоги метизацій скота (78,5% коровъ даютъ не болѣе 100 ведеръ молока въ годъ, 16,6%—отъ 100 до 120 ведеръ и лишь 9,9%—выше этой послѣдней цифры), пр. Червинскій говоритъ: „результатъ незавидный и невольно приводящій къ заключенію, что въ общемъ итогѣ скрещиваніе не сопровождалось тѣми благопріятными послѣдствіями, на которыя можно было бы расчитывать, еслибы метисы были поставлены въ надлежащія условія содержанія. Именно въ отсутствіи этихъ благопріятныхъ условій мы видимъ основную причину того неудовлетворительнаго состоянія частно-владѣльческаго скотоводства, въ которомъ оно находится“.

Итакъ, въ противоположность крестьянину, понимающему, что „молоко у коровы на языкѣ“, почему онъ обращаетъ, гдѣ это возможно, преимущественное вниманіе на содержаніе скота и этому фактору улучшенія скотоводства придаетъ бо́льшее значеніе, нежели примѣси иностранной крови,—нашъ землевладѣлецъ не додумался до положенія, что безъ надлежащаго содержанія излишне обращаться къ высокимъ производителямъ, и набросился на иностранный скотъ, какъ на якорь спасенія нашего невзрачнаго скотоводства, не позаботясь создать для него обыкновенную, сносную обстановку. Онъ позабылъ азбуку скотоводства, хорошо извѣстную крестьянину, что „никакіе серьезные и прочные успѣхи немыслимы до тѣхъ поръ, пока дѣлу посвящаетъ мало вниманія самъ хозяинъ, пока посѣщенія скотнаго двора не сдѣлаются обычнымъ явленіемъ, пока все будетъ отдаваться на усмотрѣніе скотниковъ и скотницъ, хотя бы и ученыхъ“.

Обращаясь къ оцѣнкѣ двухъ способовъ поднятія молочнаго скотоводства — улучшенія содержанія мѣстнаго скота (пріемъ, практикуемый, какъ мы видѣли, гдѣ это можно, крестьянами) и скрещиванія мѣстнаго скота съ иностраннымъ (господствующаго въ попыткахъ поднятія владѣльческаго скотоводства),—

пр. Червинскій говоритъ: „только въ хозяйствахъ, отлично кормящихъ и содержащихъ свой скотъ, выдвигается на первый планъ вопросъ о выборѣ той или другой породы скота, соотвѣтственно избранному направленію въ скотоводствѣ; при дурныхъ же кормовыхъ условіяхъ на первомъ планѣ должна стоять забота объ улучшеніи корма, а не о выборѣ породы". Сообразно этому, для огромнаго большинства хозяевъ черноземныхъ губерній (Курской, Воронежской, Черниговской губ.), лично посѣщенныхъ профессоромъ въ качествѣ члена вышеупомянутой правительственной комиссіи, для поднятія молочной производительности скота, авторъ рекомендуетъ, „не гоняясь за выпиской иностранныхъ породъ, заняться улучшеніемъ мѣстнаго скота: строгой браковкой и улучшеніемъ кормленія добиться намѣченной цѣли". Тотъ же совѣтъ въ другомъ мѣстѣ авторъ даетъ русскому хозяину вообще [1]).

Зная, что хозяевъ, „отлично кормящихъ и содержащихъ свой скотъ",—небольшое меньшинство, къ метизаціи же прибѣгаетъ бо́льшая часть владѣльцевъ, стремящихся къ улучшенію скотоводства, мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что наши крупные хозяева, несмотря на то, что къ ихъ услугамъ наука, не понимаютъ дѣла, за которое берутся, не выказываютъ достаточной степени самостоятельности въ выборѣ системы, не умѣютъ оцѣнить обстановки, въ какой имъ приходится оперировать, и рабски подражаютъ западнымъ образцамъ, почему и не могутъ служить руководителями въ дѣлѣ поднятія скотоводства въ Россіи. Крестьянинъ же, обращая, гдѣ это можно, главное вниманіе на содержаніе животнаго и относясь весьма сдержанно къ метизаціи, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ болѣе способности къ дѣйствительному улучшенію хозяйства и нуждается не въ готовыхъ образцахъ лучшаго, которые оставалось бы только копировать, а въ благопріятной экономической обстановкѣ и элементарныхъ научныхъ знаніяхъ, при помощи которыхъ онъ съумѣетъ выработать формы хозяйства, соотвѣтствующія его потребностямъ и спеціальнымъ условіямъ той или другой мѣстности Россіи.

Итакъ, не одни только завѣдомые поклонники крестьянской коровы, какъ, напримѣръ, Н. В. Верещагинъ, но и оффиціаль-

---

[1]) Сельск. хоз. и лѣс., 1887, 11.

ное изслѣдованіе, веденное извѣстными спеціалистами, представляютъ данныя, изъ которыхъ видно, что тогда какъ крупное хозяйство только пытается—и пока не совсѣмъ удачно—создать лучшую породу скота, обращаясь для этого къ культурнымъ породамъ Запада, мелкое уже выработало типъ, въ своихъ отрицательныхъ и положительныхъ свойствахъ вполнѣ соотвѣтствующій естественнымъ условіямъ мѣстности и требованіямъ хозяйства: крестьянская корова при самомъ плохомъ кормѣ, при которомъ давно погибли бы западныя породы, даетъ удобреніе и молоко, а при небольшомъ измѣненіи питанія ея удойливость повышается до очень высокой степени. „Мы съ пренебреженіемъ отворачиваемся отъ маленькой, невзрачной на видъ, русской крестьянской коровы, а между тѣмъ она заслуживаетъ полнаго нашего вниманія по степени своей продуктивности,—говоритъ извѣстный хозяинъ-маслодѣлъ Широбоковъ. — При самыхъ незавидныхъ пастбищахъ и нероскошномъ зимнемъ кормленіи, она лучше всѣхъ иностранныхъ породъ оплачиваетъ свой кормъ“ [1]). „Пока не появится у населенія извѣстное количество кормовыхъ средствъ, обезпечивающее хорошее содержаніе скота,—говоритъ г. Верещагинъ, — мѣстное скотоводство можетъ представлять лишь отраженіе тѣхъ плохихъ кормовыхъ условій, среди которыхъ оно находится. Но какъ только у населенія появляются какіе-либо излишки кормовыхъ средствъ, оно охотно обращаетъ ихъ на улучшеніе скота“. Удивительна при этомъ перемѣна, свидѣтельствующая о хорошихъ природныхъ качествахъ крестьянской коровы, какая замѣчается въ несчастной „таскапкѣ“, коль скоро она попадетъ въ сносныя условія содержанія. „Въ городскихъ стадахъ (Владимірской губ.), говоритъ г. Армфельдъ, коровы очень пестры, но бо́льшая ихъ часть росла, отлично сложена, такъ что, разъ попавъ въ городское стадо, трудно изъ него выбраться: непремѣнно залюбуешься коровами“. А между тѣмъ это—тѣ же крестьянскія, но лишь хорошо кормленныя. „Купленныя въ деревняхъ рублей по 25, тощія и цыбастыя первотелки съ подтянутымъ, присохшимъ выменемъ, оленьимъ брюхомъ, кривыми ногами, быстрой, не-

[1]) Землед. Газ. 1883 г., № 27.

ровной походкой, блуждающимъ, дикимъ взглядомъ, взъерошенною шерстью, пробывъ въ городѣ 2—3 года, превращаются въ широкихъ, утробистыхъ, усадистыхъ коровъ, съ огромнымъ мягкимъ выменемъ, гладкимъ, мягкимъ и короткимъ волосомъ, плавной, медленной походкой, покойнымъ, довѣрчивымъ взглядомъ и, наконецъ, цѣнностью въ 75—150 р.“ [1]).

„Наши русскія породы принадлежатъ по преимуществу къ густомолочнымъ,—говоритъ г. Верещагинъ. — Проценты жира 4 и 5 составляютъ вовсе не исключеніе въ цѣломъ стадѣ русскихъ коровъ, и мы не ошибемся, если примемъ 4—5% жира за среднее для многихъ мѣстностей. Сосѣди наши, нѣмцы, заявляютъ въ „Milch-Zeitung“, что они только по книжкамъ знаютъ о 3,5 и 4% содержаніи жира и что больше 2, 2½% они и не получаютъ у себя въ стадахъ“. Сообразно этому и продукты нашего молочнаго хозяйства обладаютъ высокими достоинствами. „Про наше масло иностранцы, напримѣръ гамбургскіе купцы, отзываются, что оно отличается своею плотностью и прекраснымъ вкусомъ, такъ что лучшіе его сорта приберегаются корабельщикамъ для дальняго плаванія“. „О нашемъ честерѣ Hutchison (лучшій экспертъ сыровъ въ Англіи) выразился такимъ образомъ, что прежде англійскимъ хозяевамъ нужно было бояться конкуренціи Америки, но теперь они встрѣчаютъ новаго и страшнаго конкурента въ лицѣ русскаго производителя. Дѣйствительно, нашъ тверской, череповецкій и кадниковскій честеръ считается въ Англіи однимъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ“. „Все это показываетъ, что любовь къ скотоводству, умѣнье воспользоваться хорошими качествами своего скота и поддерживать или закрѣплять эти качества развиты въ населеніи въ сильной степени. Поэтому, когда рѣчь идетъ объ улучшеніи нашего скотоводства, то прежде всего становится необходимымъ позаботиться о томъ, чтобы были въ наличности хорошія кормовыя средства“ [2]). И дѣйствительно, не естественъ-ли хорошій результатъ скотоводства у хозяйки (въ крестьянствѣ оно находится на рукахъ бабъ), которая рыдаетъ надъ заболѣвшей коровой, рыдаетъ и падаетъ въ обморокъ,

[1]) Изслѣд. совр. сост. скот., в. I, стр. Д. 80—1.
[2]) Чтенія Н. В. Верещагина, стр. 7, 13, 23, 24, 25.

когда уводятъ со двора проданную корову, которая со слезами проситъ покупателя хорошо кормить и жалѣть купленную корову, которая всю жизнь проводитъ съ коровой и овцами и изучила до тонкости ихъ нравы и свойства? Г. Энгельгардтъ утверждаетъ даже, что „такая баба лучше всякаго нѣмецкаго скотника съумѣетъ ухаживать за скотомъ... У этой бабы лучше, чѣмъ изъ книгъ, вы научитесь уходу за скотомъ, и эта баба пойметъ все дѣйствительно полезное, что вы извлекли изъ книгъ“[1]).

Въ послѣднее время крупные хозяева начинаютъ наконецъ понимать нераціональность своихъ попытокъ поднятія скотоводства и признавать необходимость подражанія въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ. Въ началѣ этой главы мы приводили мнѣніе предсѣдателя моск. общ. сел. хоз. о томъ, что крупные хозяева вмѣсто акклиматизаціи иностраннаго скота должны стремиться къ улучшенію туземнаго, при чемъ и здѣсь оказывается недостаточнымъ положиться на практическій тактъ хозяевъ, а „желательно выработать практическую программу улучшенія“.

Не слѣдуетъ думать, что хорошія качества русскаго крестьянскаго скота и безуспѣшность попытокъ достигнуть замѣтныхъ успѣховъ въ дѣлѣ развитія молочнаго скота нашихъ крупныхъ хозяевъ зависятъ отъ какихъ-то особенныхъ хозяйственныхъ способностей русскаго крестьянина. Нѣтъ, мелкій хозяинъ повсюду имѣетъ въ этомъ дѣлѣ перевѣсъ надъ крупнымъ. „Всѣ породы, славящіяся своею молочностью, — говоритъ г. Верещагинъ, — держатся лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаютъ мелкія хозяйства“. „Въ крупномъ хозяйствѣ можно собрать много дойныхъ коровъ, можно получить отъ нихъ много молока; но поддерживать эти качества въ племени или создавать новыя молочныя породы не дается крупнымъ хозяйствамъ... Примѣровъ, доказывающихъ справедливость этого положенія, можно представить много. Знаменитый ангальтскій скотъ есть продуктъ мелкихъ хозяйствъ. Голландскій держится также въ небольшомъ числѣ экземпляровъ на одномъ дворѣ; швейцарскій скотъ представляетъ то же самое, джерзейскій — точно также“. Извѣстный хозяинъ Финляндіи, Гортенфельдъ, „хозяйничая много

---

[1]) Энгельгардтъ, «О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи», стр. 357—358.

лѣтъ, говоритъ, что мѣстный (крестьянскій) скотъ гораздо продуктивнѣе всякаго иностраннаго, равно и продуктовъ скрещиванія". Такое преимущество мелкаго хозяйства надъ крупнымъ въ дѣлѣ воспитанія скота вытекаетъ изъ того обстоятельства, что „каждое отдѣльное молочное животное требуетъ такой доли вниманія, что его можетъ хватать у семьи только на сравнительно небольшое число дойныхъ коровъ", и какого невозможно требовать отъ наемной прислуги крупныхъ владѣльцевъ [1]).

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ развитія молочнаго скота русскій крестьянинъ въ прошломъ достигъ лучшихъ результатовъ сравнительно съ крупнымъ владѣльцемъ; въ настоящемъ, гдѣ есть для того благопріятныя условія, онъ продолжаетъ усовершенствовать породу, и если и нельзя утверждать, что онъ не нуждается въ содѣйствіи со стороны, то во всякомъ случаѣ очевидно, что послѣднее должно состоять не въ указаніи готовыхъ образцовъ для подражанія, что́ могло бы сдѣлать раціональное коммерческое хозяйство, а въ систематическомъ сообщеніи крестьянину знаній, необходимыхъ скотоводу, въ образованіи фермъ для опытовъ, приспособленныхъ къ потребностямъ крестьянскаго скотоводства, для отвѣтовъ на вопросы, возникшіе въ мелкомъ хозяйствѣ. Нужно систематическое и цѣлесообразное просвѣтительное вліяніе, при помощи общественныхъ учрежденій, на крестьянское хозяйство, а не случайное воздѣйствіе крупной экономіи, руководимой въ своей дѣятельности разсчетами личной выгоды владѣльца и потребностями крупной организаціи производства, отличными отъ требованій мелкаго. Руководствуясь указанными мотивами, русскій владѣлецъ или разводитъ породы скота, не отвѣчающія запросу мелкаго хозяйства, какимъ оно сложилось при данныхъ условіяхъ мѣста и времени (да врядъ-ли и особенно выгодныя для самого владѣльца), или прекращаетъ выращиваніе и основываетъ производство на пріобрѣтеніи крестьянскаго скота. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи роль крупнаго хозяйства представляетъ нѣчто совершенно обратное прогрессу, и есть много данныхъ предполагать, что дальнѣйшее развитіе коммерческаго маслодѣлія и сыроваренія поведетъ къ пониженію типа

[1]) Ib. 32, 31, 29, 31.

молочнаго скота, выработаннаго многолѣтними усиліями мелкаго хозяина.

Еслибы, составляя свое стадо молочнаго скота, владѣлецъ готовъ былъ дать за крестьянскую корову хорошую цѣну, еслибы при этомъ масса населенія была настолько обезпечена въ удовлетвореніи своихъ главнѣйшихъ потребностей, что вынужденная продажа скота составляла бы не правило, а исключеніе,—въ такомъ случаѣ запросъ рынка на молочныхъ коровъ, можетъ быть, вызвалъ бы среди крестьянъ (какъ и запросъ Петербурга на хорошій скотъ въ Ярославкой губерніи) стремленіе и далъ возможность повышать удойливость коровъ, что̀ и повело бы къ улучшенію скотоводства. Но при существующемъ направленіи крупнаго хозяйства, когда къ образованію стада покупкою крестьянскаго скота владѣлецъ прибѣгаетъ ради возможной дешевизны ремонта и подъ условіемъ оплаты не всей стоимости воспитанія молодняка, а $^1/_2$—$^1/_3$ части послѣдней, отчужденіе крестьяниномъ своей коровы не будетъ результатомъ правильнаго экономическаго разсчета, а выльется изъ настоятельной потребности въ деньгахъ. Въ такомъ случаѣ крестьянинъ продаетъ не выращенное спеціально для этого животное, а ту самую корову, которую воспиталъ для себя, продаетъ хорошую, а покупаетъ себѣ плохенькую. Результатомъ такого запроса рынка легко можетъ явиться оскудѣніе населенія хорошимъ скотомъ и вообще пониженіе типа послѣдняго, ибо лучшіе экземпляры коровъ пойдутъ не на произведеніе потомства и его воспитаніе, а на утилизацію высокой молочности, причемъ молоднякъ окажется побочнымъ продуктомъ хозяйства и въ значительной степени пойдетъ, вѣроятно, подъ ножъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если наши агрономы—ученые и писатели—своими матеріальными интересами не связанные съ преуспѣяніемъ крупнаго земледѣлія во что̀ бы то ни стало (академикъ Миддендорфъ. Баталинъ, Калантаръ и др.), не находятъ достаточно словъ, чтобы достойно заклеймить указанное направленіе хозяйства.

„Молочные хозяева, регистрирующіе стада не собственнымъ приплодомъ, а скупкою коровъ на сторонѣ, не могутъ считаться скотоводами,—говоритъ редакція „Земледѣльческой Газеты“.— Лица эти въ сущности такіе же потребители, какъ и обык-

новенные скупщики молока,—только последніе пріобрѣтаютъ готовое молоко, коровосодержатели же покупаютъ молоко съ коровою, покупаютъ его, такъ сказать, *на корню*, подобно тому, какъ иными покупается хлѣбъ, еще не убранный, а стоящій на корню". „Молочный хозяинъ, основывающій свое дѣло на скупкѣ готовыхъ коровъ, собратъ хищнику-полеводу", такое хозяйствованіе аналогично лѣсоистребленію и т. п. „Странно сваливать самую дорогую и трудную часть скотоводства на крестьянъ". Г. Калантаръ выражается на этотъ счетъ, что „устроенныя хозяйства занимаются эксплуатаціей крестьянской нужды и невѣжества". Академикъ Миддендорфъ выражается еще рѣзче: вести хозяйство подобнымъ образомъ—значитъ „спускаться до уровня площаднаго барышничества, содѣйствующаго еще бо̀льшему упадку молочности въ краѣ и здравствующему, благодаря безвыходности крестьянъ"... „Что это выгодно,—дополняетъ сказанное редакція „Землед. Газ.",—неоспоримо, но лишь одной сторонѣ. Спрашивается: на чью же долю падаетъ весь рискъ по воспитанію молодняка, убытки отъ продажи брака его и расходы авансомъ на 2—3 года на кормъ для непродуктивнаго ремонтнаго молодняка? Все это относится на счетъ мелкаго хозяина, а вознагражденіе ему: 1/3, часто 1/4 стоимости выращиванія". Редакція газеты не считаетъ оправданіемъ скупки владѣльцами крестьянскихъ коровъ по базарамъ то обстоятельство, что иначе онѣ будутъ куплены мясниками. „Разсуждая такъ, почему каждому изъ насъ не завести кассы ссудъ; вѣдь если не я заведу ее, то другой заведетъ... Намъ кажется, что призваніе крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ представителей сельско-хозяйственной интеллигенціи въ краѣ, состоитъ не въ скупкѣ скота у крестьянъ, конкурируя съ мясниками", и не въ построеніи своего благополучія на крестьянской нуждѣ, „а въ томъ, чтобы продажей брака и излишняго молодняка изъ своего имѣнія давать крестьянину возможность сравнительно дешево пріобрѣтать хорошій скотъ" [1]). „Что сильное капиталистическое молочное хозяйство, вслѣдствіе неизбѣжно присущаго ему стремленія скупать молоко на корню, дѣйствуетъ разъѣдающимъ образомъ на

[1]) Землед. Газ. 1883 г., № 27, Ib. 1886 г., № 16.

скотоводство—на это есть не мало примѣровъ даже за границею". На это идутъ жалобы изъ Англіи. „Древняя высокоцѣнимая альгаусская корова перевелась въ Германіи", между прочимъ, благодаря образованію крупныхъ обществъ молочнаго хозяйства, пренебрегавшихъ воспитаніемъ молодого скота [1]),

VI.

Все вышеизложенное даетъ намъ право сказать, что мнѣніе, утверждающее, будто для возвышенія сельско-хозяйственной культуры страны, даже съ преобладаніемъ мелкаго земледѣлія, необходимо существованіе интенсивнаго хозяйства на поляхъ крупныхъ собственниковъ,—въ примѣненіи къ Россіи не выдерживаетъ критики. Оказывается, что и по принципіальнымъ основаніямъ, и по тому, какъ обѣ формы русскаго хозяйства заявили себя въ прошедшемъ и настоящемъ, крупныя экономіи не могутъ взять на себя задачу организаціи агрикультурной формы, удовлетворяющей требованіямъ мелкаго земледѣлія и подлежащей воспроизведенію на поляхъ послѣдняго. Хотя исторія русскаго хозяйства еще не написана, тѣмъ не менѣе и на основаніи извѣстнаго не трудно убѣдиться, что въ прошедшемъ крупная форма производства не играла большой культурной роли, и важнѣйшими своими успѣхами (трехпольный сѣвооборотъ съ удобреніемъ полей въ нечерноземной полосѣ, образованіе породы рогатаго скота, удовлетворяющей одновременно и мѣстнымъ кормовымъ условіямъ, и требованіямъ молочности и т. д.) мелкое хозяйство обязано самому себѣ. Въ настоящемъ же въ крестьянскомъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ самостоятельное движеніе къ интензированію земледѣлія, выражающееся въ примѣненія правильныхъ сѣвооборотовъ и удобренія полей въ мѣстностяхъ, гдѣ помѣщичье производство находится на одинаковой ступени развитія съ крестьянскимъ и потому не можетъ служить ему образцомъ (степи и переходъ отъ нихъ къ не-степному чернозему); въ быстромъ распространеніи улучшенныхъ орудій въ областяхъ, гдѣ крупное хозяйство почти вовсе отсутствуетъ (сѣверныя губерніи); въ широкомъ участіи крестьянъ въ дѣлѣ распространенія молотилокъ, гдѣ они явились изобрѣта-

---

[1]) Землед. Газ. 1883 г., № 27.

телями, строителями и распространителями машинъ не только въ мелкомъ, но и въ крупномъ хозяйствѣ; наконецъ, въ рядѣ опытовъ и попытокъ примѣнить лучшія сѣмена, новыя растенія, тщательную обработку земли и т. п., наблюдаемыхъ на всемъ пространствѣ Россіи, независимо отъ того, существуетъ ли рядомъ съ крестьянскимъ и помѣщичье хозяйство, или первое господствуетъ на всей площади земледѣльческаго производства. Въ этомъ широкомъ движеніи мелкое хозяйство идетъ частью параллельно съ крупнымъ, частью встрѣчаясь и многообразно переплетаясь съ нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ неизбѣжно вліяніе одной формы на другую, и мы видимъ, что такое вліяніе обоюдостороннее; при этомъ врядъ-ли можно сказать, что мелкое хозяйство больше получило отъ крупнаго, нежели дало ему; но противоположное заключеніе весьма вѣроятно. Если крестьянинъ обязанъ владѣльцу за ту роль склада сѣмянъ, какую тотъ играетъ; если онъ беретъ у него идею орудія, которое еще нужно приспособить къ условіямъ своего производства; если иногда онъ узнаетъ у него о выгодахъ удобренія полей и преимуществахъ болѣе тщательной обработки земли,—зато онъ и отплатилъ ему, предложивъ свою высоко-молочную корову для организаціи маслодѣлія и сыроваренія, беря на себя трудъ ея выращиванія и тѣмъ избавляя владѣльца отъ заботъ и издержекъ по разведенію скота; онъ же изобрѣлъ для крупнаго хозяина сѣвера Россіи пашущее орудіе, приближающееся къ плугу и приспособленное къ мѣстнымъ почвеннымъ условіямъ (курашимская соха, кунгурская косуля и т. п.), построилъ и распространилъ въ хозяйствахъ средней Россіи дешевую молотилку, создалъ культуру подсолнечника, породу (романовскую) овецъ, перенимаемую у него и крупнымъ землевладѣльцемъ, и т. д.

Изъ сказаннаго ясна и та роль, какую крупное хозяйство играетъ въ дѣлѣ развитія мелкаго. Будучи неспособно вырабатывать новые пути, но имѣя къ своимъ услугамъ науку и технику, созданныя западно-европейскимъ опытомъ, оно можетъ указывать крестьянину нѣкоторые изъ пріемовъ хозяйства, рекомендуемые нашими культурными сосѣдями, знакомить его съ обрывками знаній, столь необходимыхъ для процесса систематическаго поднятія производства на высшую ступень развитія. Мы говоримъ о чу-

жомъ опытѣ, о западно-европейской культурѣ, передаваемыхъ крупнымъ владѣльцамъ мелкому, а не о самостоятельномъ вкладѣ перваго въ сокровищницу агрономическаго знанія, и характеризуемъ то, что̀ крестьянинъ узнаетъ у сосѣда-помѣщика, терминами: „нѣчто“, „обрывки“ и т. д., и мы имѣемъ на это полное право. Слѣдя за успѣхами русскаго крупнаго хозяйства, вы увидите, что — если послѣднее не перенимаетъ чего-либо у крестьянъ — новое, имъ вводимое, почти всегда носитъ иностранную кличку. Если владѣлецъ улучшаетъ породу молочнаго скота, это значитъ, что онъ выписываетъ тирольскихъ, альгаускихъ, антгальскихъ производителей и т. д.; если мѣняетъ доморощенную соху или плугъ на другое пашущее орудіе, то это — на плугъ Сакка, Рансома, Говарда и т. д.; вводитъ молотилку, то именно Клейтоновскую, Вутеноповскую и пр.; недоволенъ мѣстными сѣменами — обращается къ вазѣ, американскому ячменю, французскому овсу, пробштейнской ржи и проч., и весьма рѣдко проскользнетъ здѣсь имя въ родѣ Шарапова или Сабанѣева. Это значитъ, что наше крупное хозяйство живетъ пока чужимъ умомъ, что ему предстоитъ еще много дѣла по усвоенію агрономическихъ знаній, выработанныхъ Западомъ, подобно тому, какъ и вся наша крупная промышленность держится главнымъ образомъ западно-европейскимъ творчествомъ. Но, перенимая съ Запада то, что̀ считается наиболѣе приложимымъ къ крупному производству, да и здѣсь дѣйствуя безъ надлежащаго знанія и осмотрительности, частный собственникъ сплошь и рядомъ заводитъ у себя порядки, безполезные въ мелкомъ хозяйствѣ, а часто вовсе не подходящіе и къ условіямъ русскаго земледѣлія вообще. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда крестьянинъ можетъ у него что-либо позаимствовать, это — не наиболѣе подхоящіе пріемы, не то, что̀ есть въ наукѣ самое для него нужное, а — въ чемъ интересы крупнаго производства, образующіе въ общемъ самостоятельную систему, случайно соприкасаются съ мелкимъ. Это — не систематическая передача со стороны учителя знаній, наиболѣе требуемыхъ ученикомъ, а отрывочное усвоеніе ихъ, какъ результатъ случайной встрѣчи полузнайки съ невѣждой.

Такимъ образомъ, культурная роль крупнаго хозяйства въ Россіи заключается въ примѣненіи къ земледѣлію правилъ агро-

номическаго искусства, выработанныхъ Западомъ; въ области частновладѣльческаго хозяйства это примѣненіе совершается имъ непосредственно, въ мелкомъ производствѣ—путемъ передачи нужныхъ знаній крестьянину. Сравнительно съ этой ролью посредника между наукой и жизнью, самостоятельное значеніе крупнаго хозяйства для поднятія земледѣльческой культуры въ Россіи стоитъ на второмъ планѣ. Что же касается самого посредничества, то оно весьма случайно, вмѣсто того, чтобы быть систематичнымъ; а если такъ, если нашему крестьянину нужна западно-европейская наука, а существующіе способы ознакомленія съ нею, вытекающіе изъ примѣненія къ образованію народа принципа laissez faire—laissez aller, не доводятъ до его свѣдѣнія того, что ему всего болѣе нужно, и вмѣсто того снабжаютъ его какими-то обрывками знанія,—то не ясно-ли, что взамѣнъ господствовавшаго до сихъ поръ случайнаго посредничества между наукой и народной жизнью необходимо организовать стройную систему передачи народу знаній, соотвѣтствующихъ требованіямъ его хозяйства.

Было время, когда крупная форма производства играла въ разсматриваемой области промышленной дѣятельности населенія (правда, не русскаго) болѣе важную роль, и очень можетъ быть, что въ тѣ времена безъ ея широкаго участія сельско-хозяйственный прогрессъ значительно бы замедлился. Мы говоримъ о томъ періодѣ развитія европейскихъ обществъ, когда агрономическая наука только-что зарождалась. Развитіе этой отрасли знаній не можетъ основываться на кабинетныхъ работахъ и лабораторныхъ опытахъ; помимо наблюденія дѣйствительной жизни, какъ фактовъ естественнаго развитія общества, наука, устанавливающая принципы раціональной сельско - хозяйственной дѣятельности, должна обращаться къ опытамъ, производимымъ при соотвѣтствующей обстановкѣ, характерной для хозяйства изучаемой страны; лабораторіей ей должны служить дѣйствительныя хозяйства; ея жрецами поэтому должны быть сами хозяева, и крупные землевладѣльцы, какъ единственно просвѣщенная часть хозяевъ, естественно сдѣлались учеными агрономами, а ихъ дома и скотные дворы—лабораторіями. Въ настоящее же время, когда просвѣщеніе на Западѣ распространилось за предѣлы привилегиро-

ванныхъ классовъ, а интересы массы сдѣлались предметомъ особенныхъ заботъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, въ процессъ разработки агрономическихъ вопросовъ вовлечены и мелкія хозяйства, причемъ значительно расширилось систематическое участіе въ дѣлѣ развитія сельско-хозяйственной культуры общественныхъ учрежденій, замѣняющихъ просвѣщенное содѣйствіе крупныхъ собственниковъ и руководящихъ опытами, предпринимаемыми мелкими. Если поэтому даже на Западѣ, гдѣ практика хозяйства идетъ параллельно съ теоріей, и задача прогресса заключается не въ одномъ примѣненіи научныхъ рецептовъ, а и въ дальнѣйшемъ развитіи руководящихъ принциповъ, крупное производство уже не играетъ прежней роли піонера, открывающаго пути, по которымъ слѣдуютъ мелкіе собственники, и сельско-хозяйственная культура въ странахъ мелкаго производства по высотѣ развитія не уступаетъ мѣстностямъ, гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, то тѣмъ болѣе сказанное (о руководящемъ значеніи крупнаго хозяйства) приложимо къ Россіи, гдѣ крупное хозяйство, въ западно-европейскомъ смыслѣ слова,— какъ форма производства, технически независимая отъ мелкаго,— не имѣетъ прочныхъ корней ни по своему прошедшему, ни по условіямъ существованія въ настоящемъ, и гдѣ на первомъ планѣ стоитъ не созданіе науки, опредѣляющей направленіе сельско-хозяйственной дѣятельности, а усвоеніе знаній, добытыхъ европейскими обществами, примѣненіе къ русской жизни принциповъ раціональнаго хозяйства, установленныхъ нашими болѣе культурными сосѣдями.

Русскій крестьянинъ, очевидно, стремится въ настоящее время къ улучшенію своего хозяйства и обнаруживаетъ способности, обезпечивающія успѣшное достиженіе цѣли: онъ наблюдаетъ, дѣлаетъ опыты, изобрѣтаетъ, не прельщается внѣшностью образца, которому подражаетъ, а умѣетъ оцѣнить его по существу. Но онъ разобщенъ съ наукой, и необходимыя знанія доходятъ до него случайно, благодаря встрѣчѣ съ прохожимъ, черезъ отхожіе промыслы, примѣръ крупнаго землевладѣльца и т. д. Послѣдній способъ, самый важный, все-таки крайне недостаточенъ, такъ какъ, помимо слишкомъ ограниченнаго числа частныхъ собственниковъ, заводящихъ на своихъ поляхъ улучшенное хозяйство, они

руководятся въ своей дѣятельности личнымъ интересомъ и требованіями крупной формы производства, значительно расходящимися съ соотвѣтствующими условіями мелкаго хозяйства. Поэтому главное (помимо аграрной и финансовой сторонъ, о которыхъ въ настоящее время мы не говоримъ), что слѣдуетъ сдѣлать для обезпеченія правильнаго хода возвышенія сельско-хозяйственной культуры страны, это—установить систематическую связь науки съ мелкими производителями, демократизировать первую, дать крестьянину то, что находилось до сихъ поръ въ исключительномъ пользованіи землевладѣльца.

Для достиженія указанной цѣли намъ не придется пролагать новые пути, неизвѣстные въ практикѣ культурныхъ народовъ. Если техника обрабатывающей промышленности развивается самостоятельно, на почвѣ безпорядочной борьбы личныхъ интересовъ и при непосредственномъ участіи *свободно*-организованныхъ союзовъ (ученыхъ обществъ, съѣздовъ и т. п.), а содѣйствіе государства выражается лишь въ организаціи общаго и спеціальнаго образованія, то совершенно иное приходится сказать о земледѣльческой промышленности. Даже въ странахъ съ широкимъ распространеніемъ крупнаго хозяйства (каковы, напр., Соединенные Штаты Америки) правительство играетъ важную роль въ сельско-хозяйственной жизни, предлагая производителямъ богатыя научныя пособія—кабинеты, лабораторіи—и само вмѣшиваясь въ хозяйство съ цѣлью произвести въ немъ тѣ или другія измѣненія. Возьмите, напримѣръ, годовой отчетъ вашингтонскаго департамента земледѣлія и, кромѣ тщательно разработанныхъ статистическихъ данныхъ, вы тамъ найдете массу правительственныхъ работъ, отвѣчающихъ на текущіе запросы сельско-хозяйственной практики. Вы здѣсь увидите химическое изслѣдованіе растеній, культивируемыхъ или подлежащихъ разведенію въ штатахъ; изученіе болѣзней, поражающихъ въ данный моментъ животныя и растенія; опыты относительно новыхъ сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ, предпринятые въ лабораторіи департамента и, по инициативѣ послѣдняго, на частныхъ или правительственныхъ фермахъ, и т. д. Мы видимъ, что правительство не только производитъ научное изслѣдованіе существующаго, но и само вмѣшивается въ текущую жизнь, предлагаетъ тѣ или

другія агрикультурныя преобразованія, само предпринимаетъ опыты, способные выяснить практическую сторону вопроса, и т. п.

Если таково участіе государства въ сельско-хозяйственной жизни страны съ широкимъ развитіемъ крупной формы производства и соотвѣтствующимъ образованіемъ хозяевъ, равно какъ и съ наличностью у нихъ денежныхъ средствамъ, чтобы предпринять тѣ или другія преобразованія, то еще большее участіе правительственныхъ и общественныхъ учрежденій найдемъ мы въ мѣстностяхъ, гдѣ мелкое земледѣліе составляетъ чуть-ли не единственную форму сельско-хозяйственной дѣятельности населенія, каковы, напр., Бельгія или Люксембургъ. Въ этихъ странахъ съ высоко-развитымъ земледѣліемъ, гдѣ ферма въ 30—40 десятинъ считается уже крупной, наблюдается очень широкое участіе въ практической дѣятельности хозяевъ спеціальнаго учрежденія, составленнаго изъ комбинаціи правительственныхъ и общественныхъ элементовъ. Центральное сельско-хозяйственное управленіе страны имѣетъ по всѣмъ отраслямъ сельско-хозяйственной дѣятельности спеціалистовъ, къ которымъ и обращаются за совѣтомъ и руководствомъ хозяева, желающіе предпринять какую-либо работу. Преподаватели и ученики агрономическихъ учебныхъ заведеній устраиваютъ въ городахъ и деревняхъ публичныя собесѣдованія по разнообразнѣйшимъ вопросамъ сельскаго хозяйства; число такихъ собесѣдованій въ Бельгіи доходитъ до 1.400 въ годъ. Предметами бесѣдъ служатъ или полный курсъ хозяйства, или отдѣльные вопросы по земледѣлію, лѣсоводству, садоводству, огородничеству, скотоводству и кузнечному ремеслу. Этими бесѣдами правительство пользуется для распространенія полезнаго нововведенія. „Центральные и мѣстные органы управленія,—говоритъ проф. Тарасовъ,—обладая всѣми необходимыми для этого средствами, тщательно слѣдятъ за рыночными цѣнами, за ввозной и вывозной торговлей, за сельско-хозяйственной дѣятельностью сосѣдей, за всѣми открытіями въ сельско-хозяйственной техникѣ, тотчасъ же оповѣщаютъ населеніе объ угрожающей ему опасности и о средствахъ къ устраненію ея или о возможныхъ улучшеніяхъ и способахъ примѣненія ихъ, являясь на помощь земледѣльцамъ въ той мѣрѣ и той формѣ, въ какой это представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ въ каждомъ данномъ случаѣ“...

„Если, напр., центральное управленіе убѣждается, что тотъ или другой родъ посѣвовъ перестаетъ быть выгоднымъ для землевладѣльцевъ, вслѣдствіе измѣнившихся рыночныхъ или какихъ-либо иныхъ условій, или что тотъ или другой пріемъ обработки устарѣлъ, то первоначально населеніе данной мѣстности оповѣщается объ этомъ посредствомъ печатнаго и устнаго слова въ конференціяхъ, собесѣдованіяхъ и т. п., съ обстоятельнымъ, вполнѣ популярнымъ указаніемъ какъ на грядущую опасность, такъ и на средства къ устраненію ея. Въ случаѣ успѣшности этого перваго пріема, т. е. когда найдутся лица, желающія послѣдовать совѣтамъ правительства, послѣднее приходитъ всячески на помощь имъ: ссудой (только отнюдь не въ денежной формѣ, а сѣменами, машинами, удобреніемъ и т. п.), изданіемъ сооотвѣтствующаго постановленія, командированіемъ техниковъ, предоставленіемъ какихъ-нибудь льготъ и т. п. Если желающихъ не оказывается, то государство на своей или заарендованной землѣ совершаетъ на глазахъ у всего мѣстнаго населенія все то, чего оно хочетъ добиться отъ земледѣльцевъ, и дѣло всегда кончается тѣмъ, что крестьяне, наконецъ, убѣждаются въ выгодѣ рекомендуемаго новшества и начинаютъ вводить его у себя“ [1])

Не довольствуясь проповѣдью, совѣтомъ, указаніемъ и кредитомъ, правительство входитъ въ еще болѣе интимную связь съ хозяевами, предпринимая работы, непосильныя отдѣльнымъ земледѣлцамъ и не производимыя ими сообща. Такъ, убѣдившись, что сушка хмеля въ домахъ, какъ она производится крестьянами въ Асхѣ около Брюсселя, портитъ это растеніе, и тѣмъ препятствуетъ сбыту его за границу, правительство воздвигло особую каменную сушильню, которою за сравительно ничтожную плату могутъ пользоваться по очереди всѣ желающіе, и такимъ образомъ фермеры имѣютъ возможность, не дѣлая какихъ-либо крупныхъ затратъ, сушить свой хмель такъ же, какъ это практикуется въ большихъ хмельникахъ, занимающихъ большія площади въ нѣсколько десятковъ десятинъ, а не ничтожные клочки земли, рѣдко достигающіе $^1/_2$ десятины. Люксембургское цен-

---

[1]) И. Тарасовъ, Интенсивное хозяйство и сельско-хозяйственная политика, стр. 14—15.

тральное управленіе сельскимъ хозяйствомъ вырабатываетъ планъ общей молочной, предназначенной, между прочимъ, для того, чтобы освободить хозяевъ отъ необходимости имѣть свои погреба и организовать дѣло сохраненія молока, отстаиванія сливокъ и сбиванія масла на возможно болѣе раціональныхъ началахъ, съ наименьшими расходами, что̀ очень трудно достигнуть личными силами отдѣльныхъ мелкихъ хозявъ.

Во время своего путешествія по описываемой мѣстности г. Тарасовъ попалъ на ярмарку въ г. Люксембургѣ, и здѣсь ему пришлось познакомиться съ новой формой участія общественныхъ учрежденій къ судьбѣ хозяевъ. Весь скотъ на ярмаркѣ „подвергся предварительно ветеринарному изслѣдованію, самая же продажа обставлена такими условіями, чтобы по возможности устранить услуги скупщиковъ, дабы купля-продажа совершалась въ интересахъ обѣихъ сторонъ безъ посредниковъ".

Въ заключеніе этого краткаго очерка участія общественныхъ силъ Бельгіи въ судьбахъ ея сельскаго хозяйства, приведемъ слѣдующій выводъ г. Тарасова.

„Фактъ, что въ Бельгіи господствуетъ обработка малыхъ участковъ земли фермерами или собственниками, самъ по себѣ можетъ имѣть столько же положительное, сколько и отрицательное значеніе; но тотъ же фактъ въ связи съ вышеуказанными началами отношенія государства и общества къ земледѣлію и къ распространенію сельско-хозяйственнаго образованія, имѣетъ несомнѣнно значеніе культурнаго явленія въ области народнаго хозяйства, заслуживающаго подробнаго и серьезнаго изученія, если не для слѣпого подражанія, которое невозможно, то по крайней мѣрѣ для просвѣтлѣнія, дабы не идти по завѣдомо ложному пути".Спрашивается: почему то же самое не можетъ быть примѣнено къ другой странѣ мелкаго земледѣлія—Россіи? Правда, нашъ крестьянинъ не такъ культуренъ, и потому не можетъ на первое время играть въ организація сельско-хоз. управленія столь же видную роль, какую играетъ крестьянинъ въ Бельгіи, гдѣ низшими органами управленія служатъ свободные союзы земледѣльцевъ. Но у насъ есть земство, которому естественно выступить въ роли возбудителя хозяйственнаго движенія, и есть основаніе предполагать, что ему не придется неопредѣленно долгое время

держать исключительно на своихъ плечахъ все бремя иниціативы и единственнаго руководителя невѣжественной массы, играть роль единственнаго учителя нерадивыхъ учениковъ. Можно надѣяться, что и крестьянство скоро выдѣлитъ активныхъ дѣятелей, способныхъ примкнуть къ земству и сдѣлаться въ деревняхъ представителями движенія къ улучшенію. Это совершится еще быстрѣе, если земство съумѣетъ привлечь къ участію въ процессѣ интеллигентныхъ людей, способствуя поселенію ихъ въ деревняхъ въ качествѣ мелкихъ земледѣльцевъ. А существованіе общины и привычка населенія дѣйствовать по мірскому уговору обезпечиваютъ согласное примѣненіе требуемыхъ мѣръ общаго характера по рѣшенію большинства въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Бельгіи для этого требуется соглашеніе всѣхъ совладѣльцевъ. Тѣмъ же институтомъ общиннаго землевладѣнія до извѣстной степени предопредѣляется и организація нашего сельско-хозяйственнаго управленія: въ отличіе отъ бельгійской, она можетъ быть построена на союзѣ не лицъ, а общинъ.

Но здѣсь мы сталкиваемся съ мнѣніемъ, что въ дѣлѣ сельскохозяйственнаго прогресса община можетъ играть только задерживающую роль. Насколько это мнѣніе справедливо—покажутъ факты, сгруппированные въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Порядки общиннаго землевладѣнія и возвышеніе с.-х. культуры.

I.

Недостатками общиннаго владѣнія землей, пагубно отражающимися на хозяйственной дѣятельности населенія, считаются черезполосица и многополосица семейныхъ участковъ, стѣсненіе индивидуальной дѣятельности обязательными постановленіями сельско-хозяйственнаго характера и непрочность владѣнія участкомъ, зависящая отъ часто повторяющихся передѣловъ земли. Остановимся сначала на первомъ изъ указанныхъ недостатковъ.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ сказать, что черезполосица полевыхъ участковъ не составляетъ необходимой принадлежности общественнаго владѣнія, вытекающей изъ основнаго начала этой соціальной формы. Распредѣляя періодически землю между совладѣльцами, община могла бы нарѣзать полевые участки каждому члену въ одномъ мѣстѣ и такимъ образомъ избѣжать дробности, черезполосицы участковъ и вытекающаго отсюда стѣсненія хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Если же она этого не дѣлаетъ, то потому, что выгоды, проистекающія отъ подобнаго обособленія участковъ, заключающіяся въ возможности болѣе тщательной раздѣлки земли (отсутствіе слишкомъ мелкихъ полосъ), въ экономіи времени при обработкѣ (отсутствіе траты его на переѣздъ съ одной полосы на другую), въ экономіи земли (меньше пропадаетъ ея подъ межниками) и въ свободѣ каждаго примѣнять тѣ или другіе хозяйственные пріемы,—эти выгоды не выкупаютъ въ глазахъ крестьянъ недостатковъ, свойственныхъ описанному расположенію угодій. Недостатки эти—двоя-

каго рода: хозяйственные и естественно-топографическіе.—При тѣхъ небольшихъ участкахъ, какіе характерны для русскаго мелкаго землевладѣнія и при экстенсивномъ направленіи нашего земледѣльческаго промысла, хозяйничанье на отрубномъ участкѣ представляетъ большія затрудненія. Для прокормленія скота нужно отдѣлить особую площадь подъ выпасъ, а чтобы предотвратить потраву своихъ и чужихъ полей, слѣдуетъ или огородить эту площадь, или пасти скотъ подъ надзоромъ особаго лица. Выдѣленный для пастьбы участокъ не можетъ быть достаточно великъ, почему вездѣ въ Россіи пастьба скота производится также на пару, на лугу и по жнивамъ. При такихъ условіяхъ предупредить потравы оградами совершенно невозможно, а отрядить для присмотра за нѣсколькими штуками скота особаго человѣка экономически невыгодно. Но эти затрудненія устранятся, если отдѣльные семейные участки соединятся въ одинъ общественный. Такимъ образомъ, одни условія скотоводства, при господствующей у насъ системѣ хозяйства и величинѣ надѣла, побуждаютъ крестьянина такимъ образомъ пригонять другъ къ другу свои участки, чтобы каждое изъ угодій (выгонъ, лугъ, озимое, яровое и паровое поля) составляло у всѣхъ одну сплошную площадь, на которыя послѣдовательно перегонялось бы общее стадо подъ присмотромъ спеціально нанятыхъ для этого цѣлымъ обществомъ лицъ. Если требующуюся для этого фигуру общаго владѣнія выводить на бумагѣ, то, конечно, можно будетъ и избѣжать черезполосицы, и приблизить всѣ угодья каждаго хозяина на минимальное разстояніе къ его усадьбѣ. Но если принять во вниманіе, что въ дѣйствительности поселеніе уже является фиксированнымъ, а при устройствѣ новаго далеко не всегда возможно расположить его по произволу; что площадь, принадлежащая извѣстной группѣ собственниковъ, не образуетъ правильной фигуры, а ограничивается самыми разнообразными линіями,—вытягивается лентами, расходится треугольниками, вдается клиномъ въ чужую землю и, въ свою очередь, разрѣзывается послѣднею; что качества почвы земли и свойства ея поверхности на всемъ пространствѣ площади владѣнія далеко неодинаковы; если все это принять во вниманіе, то сдѣлается понятнымъ, почему общество, распланировывая свою землю, не думаетъ о

томъ, чтобы отвести каждому полевой участокъ по возможности въ одномъ мѣстѣ, а разбиваетъ пахотную площадь на три-четыре поля (соотвѣтственно практикуемому сѣвообороту) и даетъ своимъ членамъ участки въ каждомъ изъ нихъ, т. е. вводитъ черезполосицу владѣній.

Описанная черезполосица, вызываемая сельско-хозяйственными требованіями, значительно усиливается, благодаря различнымъ соображеніямъ, которыми руководствуется общество при распредѣленіи земли.

Въ земледѣліи, больше нежели въ какой либо другой промышленной области, доходность предпріятія зависитъ отъ той или другой комбинаціи естественныхъ силъ природы, и чѣмъ хозяйство экстенсивнѣе, тѣмъ эта зависимость сильнѣе. То или другое качество почвы, направленіе вѣтра, распредѣленіе водяныхъ осадковъ играютъ такую важную роль въ хозяйствѣ вообще, а въ крестьянскомъ въ особенности, что при распланированіи земли хозяинъ не можетъ забыть о естественныхъ условіяхъ, какъ самостоятельномъ факторѣ этого распланированія, и руководствоваться исключительно культурно-хозяйственными. Онъ долженъ имѣть въ виду произвести раздѣлъ земли такимъ образомъ, чтобы каждый членъ союза получилъ не только удобно въ хозяйственномъ смыслѣ расположенный, но и одинаковый съ другими по природнымъ свойствамъ и по естественной, такъ сказать, обстановкѣ участокъ, и между этими двумя требованіями весьма часто можетъ произойти конфликтъ.

Дѣйствительно, есть два способа уравнять землепользованіе всѣхъ совладѣльцевъ, при наличности только что перечисленныхъ условій. Во-1-хъ, такая правильная и точная разцѣнка каждаго клочка всѣхъ угодій, чтобы землю можно было распредѣлить между собственниками сплошными участками, восполняя качественные недостатки участка увеличеніемъ его размѣра; во-2-хъ, раздѣленіе угодья по качеству и положенію на нѣсколько большихъ частей, въ каждомъ изъ которыхъ и получаютъ свою долю всѣ совладѣльцы. Второй способъ значительно легче, ибо разцѣнка земли простирается здѣсь лишь до установленія довольно грубыхъ различій составныхъ частей угодья по ихъ качеству, положенію и разстоянію отъ усадьбы;

при первомъ же не только указанная разцѣнка должна производиться тщательнѣе, такъ какъ, получая свою долю въ одномъ мѣстѣ, крестьянинъ много потеряетъ, если земля окажется неподходящей, но и приходится отыскать общую мѣру производительности различныхъ частей угодья, безъ которой невозможно и уравнительное распредѣленіе его сплошными участками между собственниками, т. е. невозможно удовлетвореніе извѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ требованіямъ. Который изъ двухъ способовъ уравненія изберетъ общество—зависитъ отъ степени различія земли въ отношеніи качества почвы и т. п. При небольшихъ различіяхъ оно предпочтетъ терпѣть нѣкоторыя неправильности распредѣленія, лишь бы не терять преимуществъ, связанныхъ съ пользованіемъ сплошнымъ участкомъ; при противуположныхъ условіяхъ удобства сельско-хозяйственныя принесутся въ жертву требованіямъ естественно-топографическимъ. По причинѣ низкаго состоянія земледѣльческаго искусства въ средѣ мелкихъ хозяевъ Россіи, естественныя условія земледѣлія играютъ въ его доходности столь важную роль, что населеніе страны, при распредѣленіи земли, интересы хозяйственно-культурные обыкновенно подчиняетъ цѣлямъ уравненія, вслѣдствіе чего черезполосица и дробность отдѣльныхъ участковъ развивается гораздо дальше того, насколько это требуется цѣлями хозяйственными и насколько оправдывается требованіями раціональной культуры.

Читатель легко пойметъ, что всѣ вышеуказанныя соображенія, приводящія къ появленію на крестьянской землѣ большей или меньшей черезполосицы и многополосицы, диктуются не общиннымъ принципомъ, а простымъ экономическимъ расчетомъ, въ связи съ практикуемыми населеніемъ пріемами хозяйственной дѣятельности. Поэтому, при одинаковой степени культурнаго развитія, черезполосица будетъ наблюдаться какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ мелкомъ владѣніи землей. Дѣйствительность вполнѣ подтверждаетъ это апріорное заключеніе: за небольшими исключеніями, все мелкое общинное и подворное землевладѣніе въ Россіи—русское, нѣмецкое, татарское, болгарское, финское—представляетъ одинъ и тотъ же типъ черезполоснаго расположенія участковъ отдѣльныхъ хозяевъ. Каж-

дый участникъ въ четвертномъ (подворномъ) владѣніи Курской, Рязанской, Орловской губерній имѣетъ мѣстожительство не на хуторѣ, а въ деревнѣ или селѣ, состоящемъ изъ десятковъ и сотенъ дворовъ. Около его дома находится клочокъ огорода, а его пашня разбросана въ 3, 5, 10, 70 мѣстахъ, за $^1/_2$ версты, за 2, за 6 и т. д. отъ усадьбы. „Черезполосица самая мелкая составляетъ вообще характерную особенность четвертнаго землевладѣнія“, говорятъ курскіе земскіе статистики. Участки четвертныхъ крестьянъ Купянской волости, Корочанскаго уѣзда, напр., „за послѣднее время сильно измельчали и перепутались: многіе перепахали часть чужой земли, такъ что во всѣхъ обществахъ идутъ теперь постоянно ссоры о земельныхъ участкахъ“ и возникаетъ вопросъ о переверсткѣ или даже передѣлѣ земли. Надѣлъ крестьянина - литвина въ сѣверо-западномъ краѣ „дѣлится между хозяевами на шнуры не только по тремъ полямъ, но и по всѣмъ видоизмѣненіямъ качества нивы. Участокъ хозяина въ 15 дес. состоитъ изъ 20 и болѣе разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ шнуровъ. Такимъ образомъ, крестьянскій надѣлъ каждаго селенія, не связаннаго общиннымъ началомъ, представляетъ поражающую черезполосность, которая современемъ можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ станетъ невозможнымъ“ [1]). Пахатная земля каждой нѣмецкой колоніи Мелитопольскаго у. Таврической губ., находящаяся въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи, распредѣлена черезполосно. Количество участковъ одного хозяина колеблется отъ 8 до 40, тогда какъ у крестьянъ-общинниковъ той же мѣстности число полосъ не превышаетъ 6—7 [2]). Царане Бессарабіи, получивъ по положенію 1868 г. землю въ постоянное пользованіе въ подворно-наслѣдственное владѣніе, разбивали надѣлъ на участки по качеству почвы и разстоянію отъ усадьбы и въ каждомъ изъ этихъ участковъ давали полосы всѣмъ совладѣльцамъ, вслѣдствіе чего величина отдѣльныхъ площадей опускается до 460 кв. саж. и ниже [3]). То же самое можно повторить и о подвор-

[1]) А. Посниковъ, Общинное землевлад. в. 2, с. 7. [2]) Сб. ст. св. по Тавр. г., т. I, в. 2, ч. 2, с. 88. [3]) Сб. ст. св. по Хотинскому у.

ныхъ владѣльцахъ Малороссіи, восточныхъ степей, сѣверныхъ губерній и т. д. Словомъ, форма частнаго владѣнія, господствующая среди четвертныхъ владѣльцевъ Великоруссіи, во всей Малороссіи, у нѣмецкихъ колонистовъ, у молдаванъ Бессарабіи, у болгаръ, поляковъ и всѣхъ двунадесяти языковъ, населяющихъ Россію (исключая Польшу и Остзейскій край) въ качествѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, по расположенію на площади владѣнія отдѣльныхъ участковъ, представляетъ одинъ типъ съ общиннымъ владѣніемъ.

Мы познакомились съ одной системой черезполосицы, системой цѣлесообразной, правильно-построенной, въ видуя сно сознанной экономической или хозяйственной цѣли. Но есть и другой видъ ея, происшедшій, такъ сказать, случайно, безъ связи съ хозяйственными интересами всей группы населенія, а по мотивамъ частнымъ, индивидуальнымъ. Въ общинѣ такая черезполосица развивается вслѣдствіе болѣе или менѣе часто повторяющихся частныхъ коренныхъ передѣловъ или свалки-навалки душъ, а также передачи кому-либо выморочныхъ надѣловъ. При всѣхъ этихъ процессахъ семья получаетъ прибавочную долю земли обыкновенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ освободится участокъ, влѣдствіе чего, рано или поздно, она оказывается владѣющей большимъ числомъ полосъ, чѣмъ это требуется хозяйственнымъ существомъ дѣла. При подворномъ владѣніи подобная черезполосица является результатомъ переходовъ земли изъ рукъ въ руки по актамъ купли-продажи, дара, по наслѣдству и т. д. Такая черезполосица и многополосица, образовавшаяся не по хозяйственно-экономическимъ соображеніямъ, а какъ результатъ мобилизаціи земли, не имѣетъ уже никакого экономическаго оправданія и составляетъ чистый минусъ въ хозяйствѣ, почему представляется весьма важнымъ имѣть возможность по временамъ устранять ее. При общинной формѣ землевладѣнія, гдѣ распорядителемъ земли является коллективное юридическое лицо, эта возможность существуетъ, и одной изъ главныхъ причинъ, такъ называемыхъ, жеребьевокъ, при которыхъ происходитъ новая нарѣзка всѣмъ хозяевамъ участковъ въ натурѣ, является именно потребность уничтоженія этой нецѣлесообразной черезполосицы. Хотя подворные владѣльцы

Россіи тоже прибѣгаютъ иногда къ жеребьевкамъ, но это встрѣчается очень рѣдко, почему ихъ поля, въ отличіе отъ общинныхъ, характеризуется выдающимся значеніемъ этой вредной нецѣлесообразной черезполосицы. Еще въ большей степени такая черезполосица развита на Западѣ. Территорія Франціи, напримѣръ, образующая площадь въ 58 мил. гектаровъ, раздѣляется на 124,5 мил. частицъ, принадлежащихъ 5,5 мил. собственникамъ, что даетъ 25 участковъ на одного владѣльца. Въ западной Фландріи число участковъ у одного собственника равняется 7, въ восточной 6, въ Верхнемъ Франконѣ 18, Нижнемъ 21 и т. д. [1]). Такъ какъ эта черезполосица явилась результатомъ свободнаго обращенія собственности, то неудивительно, если она повела за собой рядъ хозяйственныхъ неудобствъ, для устраненія которыхъ пришлось допустить другой рядъ неудобствъ-же. „На такихъ черезполосно лежащихъ земляхъ отдѣльныхъ владѣльцевъ мало обращалось вниманія на полевыя дороги; въ періодахъ же сѣва, жатвы или вывоза удобренія на поля—тотъ, чья полоса лежала внутри поля и кто не могъ пробраться къ ней никакимъ другимъ болѣе удобнымъ способомъ, обыкновенно переходилъ или переѣзжалъ черезъ полосы сосѣдей. Мало-по-малу, путемъ долгаго существованія, эта практика обращается въ обычный и даже писаный законъ... Изъ этихъ отношеній развилось еще одно важное зло: тѣ владѣльцы, полосы которыхъ не прилегаютъ къ дорогѣ, слѣдовательно, которые не могутъ оборачивать плуга на дорогѣ, оборачиваютъ его на прилегающей полосѣ сосѣда", что опять-таки признается закономъ. „Часто случается и такъ, если одинъ оборачиваетъ свой плугъ на нижеприлегающей полосѣ, то онъ въ свою очередь долженъ терпѣть ту же участь отъ владѣльца вышележащей полосы; и такимъ образомъ почти всѣ владѣльцы округа пользуются взаимно правомъ оборота плуговъ и взаимно наносятъ себѣ ущербъ". Кромѣ послѣдняго, развившіеся сервитуты ведутъ къ необходимости принудительной обработки и обязательнаго сѣвооборота, такъ какъ иначе имѣло бы мѣсто уничтоженіе чужихъ посѣвовъ проходомъ, проѣз-

[1]) Посниковъ, Общ. влад., вып. II, стр. 6.

домъ, оборотомъ плуга и т. д. Проф. Посниковъ приводитъ одну нѣмецкую деревню, гдѣ лишь 400 полосъ изъ 1.100 соприкасаются съ дорогами: на остальныя же 700 можно попасть не иначе, какъ проѣхавъ по полосамъ сосѣдей [1]).

Этотъ видъ черезполосицы, съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія, не имѣетъ никакого смысла, не оправдывается никакими другими солидными соображеніями, кромѣ того, что она составляетъ естественный результатъ полной частной собственности на землю. Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія интересовъ хозяйства и хозяевъ, врядъ ли можно сомнѣваться, что черезполосица, съ какой мы познакомились раньше,—установленная сознательно, ради опредѣленной цѣли, съ возможнымъ устраненіемъ неудобствъ, свойственныхъ черезполосицѣ, такъ сказать, западно-европейской (проведеніемъ дорогъ и межниковъ, обезпечивающихъ доступъ ко всѣмъ полосамъ и т. д.)—заслуживаетъ предпочтенія передъ послѣдней, образовавшейся только потому, что сегодня я купилъ клочекъ земли, завтра продалъ, послѣ завтра получилъ въ наслѣдство и т. д.

Мы видимъ, что черезполосность западнаго мелкаго землевладѣнія не уступаетъ общинной: въ цѣлыхъ провинціяхъ и даже государствахъ число участковъ, приходящихся на хозяина, равняется 20—25; въ отдѣльныхъ деревняхъ оно достигаетъ сотни и больше [2]). Опредѣляясь, главнымъ образомъ, ничѣмъ не регулируемой игрой личныхъ интересовъ, эта черезполосность характеризуется и неправильностью, игнорированіемъ сельскохозяйственныхъ требованій, и потому становится для массы собственниковъ почти невыносимой. Между тѣмъ достигнуть ея устраненія или исправленія единогласнымъ рѣшеніемъ совладѣльцевъ—удается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Поэтому, въ большинствѣ государствъ континента Европы, правительство нашло нужнымъ вмѣшаться въ дѣло и самому приняться за разверстаніе, если на это выразитъ желаніе опредѣленное большинство совладѣльцевъ даннаго участка. При этомъ, сообразно цѣли, преслѣдуемой государствомъ, различаютъ двѣ системы разверстанія—прусскую и нассаускую, къ которымъ и могутъ

---

[1]) Id., стр. 22—23, 94. [2]) Посниковъ, id., стр. 93.

быть сведены мѣропріятія всѣхъ остальныхъ государствъ. Прусская система стремится отмежевать всю пахотную землю каждаго собственника въ отрубной участокъ, не нарушая, однако, очень замѣтно интересовъ отдѣльныхъ собственниковъ, и потому, „гдѣ мѣстныя условія говорятъ больше въ пользу надѣленія въ разныхъ мѣстахъ, тамъ каждый получаетъ участокъ ближайшій или лучшій, средній и, затѣмъ, удаленный или худшій; такъ что подобные тройные отводы земли часто связываются съ существующей системой трехпольнаго хозяйства". Нассауская система отказалась отъ задачи уменьшенія черезполосицы соединеніемъ многихъ участковъ въ одинъ. Оказалось, что въ дѣйствительности, на ряду съ безпорядочной черезполосицей,—какъ результатомъ подвижности земли,—наблюдаются и признаки правильной, подобной той, какая господствуетъ въ русской общинѣ и вызывается стремленіемъ распредѣлить между всѣми какъ хорошія, такъ и плохія части участка; и что, при намѣреніи государства игнорировать *эту* черезполосицу, крестьяне многихъ мѣстностей Германіи противились межеванію. Поэтому, въ настоящее время, нассауская система стремится лишь къ исправленію специальной черезполосицы, вызывающей сервитуты проѣзда, оборота плуга и принудительную обработку земли. Оставляя число полосъ почти нетронутымъ, межеваніе стремится лишь расположить ихъ такимъ образомъ, чтобы къ каждой былъ свободный доступъ со стороны дороги или межника.

Имѣя въ виду все вышеизложенное относительно причинъ развитія черезполосицы на земляхъ мелкаго владѣнія и принимая во вниманіе безсиліе, обнаруженное германскими правительствами въ борьбѣ съ указаннымъ недостаткомъ мелкой собственности, не вправѣ-ли мы утверждать, что надежда на возможность—путемъ разверстанія земли на семейные отрубные участки—уничтожить въ близкомъ будущемъ черезполосицу нашего мелкаго землевладѣнія должна быть признана самой несбыточной утопіей. Но и допуская возможность удовлетворенія этого утопическаго требованія, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что разъ сдѣланное размежеваніе не предупреждаетъ новаго развитія черезполосицы. Проходятъ послѣ него 2—3 десятилѣтія, и свободное распоряженіе собственностью приводитъ

къ тому же положенію, которое были причиной размежеванія. „И вотъ, въ виду несомнѣнной возможности такого уничтоженія всѣхъ предпринятыхъ усилій,—говоритъ проф. Посниковъ,— теперь признается, что, при господствѣ частной собственности на землю, необходимо время отъ времени, періодически, повторять разверстаніе“.

Итакъ, если западные ученые признаютъ необходимость періодически исправлять распланированіе мелкой подворной собственности, т. е. подражаютъ въ этомъ случаѣ нашему общинному землевладѣнію; если система межеванія (нассауская) построена на признаніи того основнаго плана расположенія угодій, какой господствуетъ въ нашей общинѣ; если, наконецъ, эта система правительственнаго размежванія почти не измѣняетъ числа полосъ и въ этомъ отношеніи уступаетъ общинѣ, которая при переверсткѣ соединяетъ всѣ клочки владѣльца, находящіеся въ томъ же кону или жеребьѣ, въ одинъ,—то спрашивается, какія сельско-хозяйственныя преимущества связаны съ уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія въ Россіи? Даже неподвижность участка въ натурѣ,—иначе говоря, постоянство владѣнія каждаго собственника, нарушаемое общиной при передѣлѣ, когда всѣ члены союза получаютъ свои доли по жребію, гдѣ придется,—даже эта неподвижность почти уничтожается прусской системой разверстанія, основанной на соединеніи большаго числа полосъ собственника въ одну—двѣ, и въ значительной степени нарушается нассауской. За исключеніемъ же этого обстоятельства, подворное землевладѣніе описываемаго типа во всемъ уступаетъ общинному. Черезполосность здѣсь дробнѣе, ибо частный собственникъ властенъ по произволу распорядиться участкомъ, чего лишенъ общинникъ; она и неправильнѣе, такъ какъ нѣтъ органа, слѣдящаго за соблюденіемъ установленнаго плана расположенія угодій подобнаго общинному „міру“; она развивается быстрѣе, ибо владѣлецъ, какъ мы сказали, свободенъ въ распоряженіи своимъ участкомъ, и при полной собственности затруднительно прибѣгать къ частной переверсткѣ или обмѣну полосъ между двумя владѣльцами, который выработался въ общинѣ и служитъ для исправленія слишкомъ ужъ неудобной дробности и черезполосицы въ случаяхъ, когда общая переверстка считается прежде-

временной. Наконецъ, само размежеваніе частной собственности при помощи правительства, долженствующее, какъ мы видѣли, повторяться періодически,—при условіи удовлетворенія по возможности интересы всѣхъ совладѣльцевъ, — составляетъ такой трудный актъ, что онъ тянется очень долго, требуетъ огромныхъ затратъ, вызываетъ всеобщее недовольство (напр., послѣднее размежеваніе въ Малороссіи) и въ концѣ-концовъ оставляетъ за собой массу правонарушеній. Въ общинѣ же, которая прекрасно знакома съ мельчайшими особенностями своихъ почвъ и сама ведетъ разверстаніе, не прибѣгая къ чиновникамъ,—весь этотъ трудный процессъ можетъ быть законченъ въ нѣсколько дней и совершиться артистически правильно.

II.

Тотъ актъ, при помощи котораго община устраняетъ излишнюю черезполосицу своихъ полей, называется жеребьевкой,—отъ слова жеребій, относящагося къ пріему, при помощи котораго совершается новое распредѣленіе участковъ между хозяевами. Къ этому же акту община прибѣгаетъ и въ цѣляхъ достиженія болѣе строгаго уравненія въ пользованіи ея членами всѣми особенностями почвы и расположенія надѣла: не достигши вполнѣ равномѣрнаго распредѣленія всѣхъ выгодъ и неудобствъ надѣла между хозяевами, путемъ разбитія его на нѣсколько разнокачественныхъ участковъ, община прибѣгаетъ къ періодически совершающейся пересадкѣ хозяевъ съ однихъ участковъ на другіе или къ новому перераспредѣленію этихъ участковъ по жребію.

Хотя жеребьевка полей практикуется иногда и подворными владѣльцами Россіи, но это наблюдается рѣдко, почему ее слѣдуетъ считать одной изъ характерныхъ особенностей общины. Если такъ, то мы подходимъ къ новому недостатку разсматриваемой формы землепользованія—непрочности владѣнія участкомъ. Эта непрочность или кратковременность владѣнія обусловливается существованіемъ какъ той формы передѣла земли въ натурѣ, которая называется жеребьевкой, такъ и формы *кореннаго* передѣла, имѣющаго цѣлью количественное уравненіе членовъ общины въ пользованіи мірской землей.

Для правильной оцѣнки значенія непрочности владѣнія участкомъ, свойственной общинѣ, въ дѣлѣ культурнаго подъема хозяйства, слѣдовало бы разрѣшить вопросы о томъ, какая степень постоянства владѣнія необходима для возможности примѣненія улучшенныхъ способовъ земледѣлія; какая степень постоянства владѣнія наблюдается въ русской общинѣ, и обнаруживаетъ-ли послѣдняя стремленіе, въ интересахъ сельско-хозяйственной культуры, тѣмъ или инымъ способомъ обезпечить своимъ членамъ возможность использованія сдѣланныхъ ими улучшеній.

Вопросъ о значеніи большей или меньшей прочности владѣнія землей для сельско-хозяйственныхъ ея улучшеній, какъ извѣстно, разрабатывался у насъ профессоромъ Посниковымъ. Онъ занялся этимъ вопросомъ именно въ виду того утвержденія западныхъ экономическихъ писателей, по которому введеніе интензивнаго хозяйства на общинной землѣ не представляется возможнымъ, почему разрушеніе общиннаго землевладѣнія считается неизбѣжнымъ шагомъ въ прогрессивномъ развитіи народовъ. „По мѣрѣ того, какъ растетъ необходимость перехода къ интензивной обработкѣ почвы, говоритъ, напримѣръ, А. Вагнеръ, тѣмъ настоятельнѣй и неизбѣжнѣй, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельнѣй для общества является введеніе частной собственности на землю. Только теперь становится выгодной тщательная обработка поля; только теперь оплачивается и оказываетъ свое плодотворное вліяніе всякое, превышающее обычный уровень, приложеніе труда и капитала, энергіи и разсудительности; лишь съ этого момента является интересъ для трудолюбиваго, разсудительнаго и бережливаго къ усиленной дѣятельности“. Это мнѣніе Вагнеръ думаетъ обосновать на томъ соображеніи, что введеніе интензивнаго земледѣлія требуетъ производства затратъ капитала, оплачивающихся лишь постепенно, почему земледѣлецъ долженъ имѣть увѣренность въ томъ, что онъ воспользуется плодами этой затраты въ будущемъ. „Между тѣмъ, такое обезпеченіе дается вполнѣ только неограниченной, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, частной собственностью на землю, продолжаетъ Вагнеръ. Вотъ именно на этомъ основаніи частная собственность и является въ дѣйствительности, какъ предварительное условіе интензивной обработки земли,-а вмѣстѣ съ тѣмъ и условіемъ всякаго дальнѣйшаго хозяй-

ственнаго развитія, возрастанія населенія, всякой высшей культуры... Вслѣдствіе этого, народъ, удерживающій общинное владѣніе землей, тѣмъ самымъ добровольно съуживаетъ границы своему развитію“ [1]).

Для провѣрки этого утвержденія, г. Посниковъ обращается къ дѣйствительной исторіи возвышенія культуры земли въ западной Европѣ, причемъ оказалось, что пользованіе землей на правѣ частной собственности вовсе не составляетъ необходимаго условія для производства различныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Сказанное, впрочемъ, понятно само собою.

Мотивъ затраты капитала и труда на землю ничѣмъ не отличается отъ мотивовъ, приводящихъ къ расходамъ капитала на другія промышленныя предпріятія; вкладывая въ землю капиталъ, хозяинъ имѣетъ въ виду не платоническую заботу о судьбѣ своихъ дѣтей и внуковъ, а реальную коммерческую цѣль полученія удовлетворяющаго его дохода; если затраченныя на земельныя улучшенія средства въ теченіи извѣстнаго времени возвращаются назадъ съ обычнымъ процентомъ, то такое улучшеніе будетъ экономически выгодно для всякаго лица, имѣющаго въ своемъ распоряженіи землю на соотвѣтствующій періодъ времени. Имѣя въ виду это элементарное положеніе экономической науки, можно безошибочно утверждать, что возвышеніе сельско-хозяйственной культуры не находится въ зависимости ни отъ формы владѣнія землей, ни отъ формы пользованія ею. Общинный и частный собственникъ, фермеръ-арендаторъ могутъ одинаково успѣшно вести земледѣліе по пути сельско-хозяйственнаго прогресса, если имъ будетъ обезпечено возвращеніе необходимыхъ для этого затратъ съ обычной прибылью. А такое обезпеченіе можетъ быть достигнуто двоякимъ способомъ: или оставленіемъ въ рукахъ хозяина обрабатываемаго имъ участка на періодъ времени, достаточный для обычнаго коммерческаго вознагражденія его за сдѣланныя затраты; или возвращеніемъ ему израсходованной суммы въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ лишается участка раньше, чѣмъ успѣетъ окупить издержки сборомъ урожаевъ.

Исторія Запада, гдѣ существуетъ только форма частной соб-

---

[1]) Посниковъ, Общинное землевладѣніе, в. 1, с. 2—4.

ственности на землю, даетъ возможность провѣрить сдѣланный выводъ лишь по отношенію къ хозяйству на собственной или арендованной землѣ; что же касается общиннаго землевладѣнія, то матеріала для разрѣшенія вопроса можно бы искать лишь въ Россіи, и не столько Россіи прошедшаго, сколько—будущаго, такъ какъ, независимо отъ формы владѣнія, по общимъ культурнымъ условіямъ, все ея сельское хозяйство, и преимущественно мелкое, находится пока на очень низкой ступени развитія.

Обращаясь же къ Западу и имѣя въ виду, что на континентѣ господствуетъ система хозяйства самихъ собственниковъ, а въ Соединенномъ Королевствѣ — фермеровъ-арендаторовъ, и что, несмотря на это различіе, сельско-хозяйственная культура Великобританіи не уступаетъ континентальной — самъ собой является вопросъ—кѣмъ именно были произведены затраты на улучшеніе англійскаго хозяйства: постояннымъ собственникомъ земли или временнымъ ея арендаторомъ?

„Самое тщательное изслѣдованіе дѣйствительно существующихъ способовъ произведенія улучшеній, говоритъ по этому предмету пр. Посниковъ, не даетъ намъ ни малѣйшаго повода заключать къ тому, что они обусловливаются введеніемъ частной собственности на землю. Напротивъ, характеръ имѣющихся свидѣсельствъ склоняетъ къ выводу, что значеніе поземельнаго собттвенника въ земледѣльческомъ прогрессѣ Соединеннаго Королевства сводится къ роли безучастнаго зрителя, главнѣйшая обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы не мѣшать фермеру расходовать свой капиталъ на улучшеніе земли“.

„Разсмотрѣвъ по очереди всѣ или по крайней мѣрѣ главнѣйшія изъ извѣстныхъ улучшеній, увеличивающія или производительныя силы земли, или ея доходность,—мы должны сдѣлать слѣдующій выводъ—резюмируетъ свои изысканія пр. Посниковъ. Исключая работъ, производимыхъ на общегосударственный счетъ, временный владѣлецъ земли—фермеръ—предпринимаетъ самъ всякое изъ земельныхъ улучшеній, къ какому бы виду они ни принадлежали. Будетъ ли это улучшеніе положительное или отрицательное, относится-ли оно къ разряду временныхъ, продолжительныхъ или постоянныхъ,—все равно, каждое изъ нихъ можетъ предприниматься и оплачиваться фермеромъ. Большин-

ство улучшеній дѣлается самимъ фермеромъ, прямо на его собственныя средства, безъ всякаго посторонняго участія. Если же работа превышаетъ силы отдѣльнаго лица или если проектируемое улучшеніе затрогиваетъ интересы многихъ владѣльцевъ, то оно и производится, при участіи правительственной власти, соединенными усиліями многихъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ на занятый капиталъ; а на обязанность фермера возлагается въ такомъ случаѣ уплата всего долга, причитающагося на долю его фермы".

„Примѣръ англійскаго хозяйства наноситъ тяжелый ударъ положенію, на которое опираются обыкновенно противники общиннаго землевладѣнія, какъ на сильное возраженіе противъ пригодности его. И дѣйствительно, еслибы Англія представляла даже единственный примѣръ этого отступленія отъ общаго правила, еслибы во всемъ мірѣ не существовало фактовъ, также сильно противорѣчащихъ теоріи необходимости частной собственности, она все-таки не могла бы устоять". Это, во-1-хъ, потому что Англія представляетъ страну, гдѣ новѣйшее, коммерческое хозяйство развито всего болѣе, и принципы индивидуализма, конкурренціи дѣйствуютъ съ наибольшей силой, почему успѣхи сельскаго хозяйства—при томъ стѣсненіи личности хозяина, какое вытекаетъ изъ положенія арендатора, а не собственника,—достигнутые въ такой странѣ, имѣютъ особенную доказательность въ смыслѣ теоріи, защищаемой авторомъ. Во-2-хъ, потому что „Англія, представляя образчикъ высокаго хозяйства, вовсе не знаетъ неограниченной собственности". По понятію англійскаго права, собственность на землю принадлежитъ коронѣ, а тѣ, кого считаютъ собственниками, суть только владѣльцы. Затѣмъ, „правомочія всякаго моментальнаго собственника такъ стѣснены интересами будущаго обладателя", что права владѣльца весьма далеки отъ „неограниченныхъ", а дорогая и запутанная процедура пріобрѣтенія земли и легкая возможность заключенія акта купли-продажи съ лицомъ, неимѣющимъ права отчуждать землю, отталкиваетъ массу лицъ отъ покупки земли. „Словомъ, англійская собственность совсѣмъ не удовлетворяетъ требованію, какое выставляется по теоріи необходимости частной собственности. Раздѣляя точку зрѣнія этой теоріи, слѣдовало бы ожидать, что

сельское хозяйство не вышло здѣсь изъ экстензивнаго періода; въ дѣйствительности же оказывается, что хозяйство именно этой страны, не удовлетворяющей требованію теоріи, самое развитое и, во всякомъ случаѣ, далеко опередившее многія изъ странъ, гдѣ господствуетъ та собственность, о которой мечтаютъ противники общиннаго владѣнія" [1]).

Затраты на улучшеніе сельскаго хозяйства имѣютъ болѣе или менѣе капитальный характеръ. Однѣ изъ нихъ возвращаются скоро, другія (на орошеніе полей, осушку болотъ, регулированіе рѣкъ) погашаются лишь очень постепенно. И вотъ, эти-то послѣдніе расходы въ Англіи и на континентѣ Европы совершаются при значительномъ содѣйствіи правительства. Въ прежнее время необходимыя для удовлетворенія названныхъ цѣлей сооруженія просто дѣлались правительствомъ на свой счетъ. Въ Пруссіи это имѣло мѣсто въ періодъ времени съ послѣдней четверти XVII вѣка и въ теченіе всего XVIII-го. Въ девятнадцатомъ же столѣтіи постепенно мѣсто правительства занимаетъ компанія, составляемая изъ заинтересованныхъ лицъ. Правительство, однако, при этомъ не устраняется отъ предпріятія, а принимаетъ въ немъ дѣятельное участіе: оно составляетъ планъ предстоящаго улучшенія и смѣту потребныхъ для этого расходовъ, помогаетъ доставленію необходимыхъ средствъ, наблюдаетъ за выполненіемъ предпринятыхъ работъ. Такъ какъ въ предпріятіяхъ этого рода обыкновенно заинтересованы многіе сосѣдніе владѣльцы, причемъ не всѣ изъ нихъ соглашаются на участіе въ дѣлѣ, то правительство издало законъ, по которому, при согласіи большинства на произведеніе улучшенія, меньшинство обязано примкнуть къ компаніи и нести свою долю расходовъ.

Итакъ, „почти до половины текущаго столѣтія починъ въ улучшеніяхъ разсматриваемаго рода въ Пруссіи, выполненіе ихъ и самый расходъ лежали на правительствѣ; и въ теченіе этого перваго періода произведены самыя значительныя работы—непроходимыя болота и безплодныя мѣстности засѣваются и обрабатываются, благодаря энергіи правительства. То же самое было и въ Англіи. Во второй періодъ улучшенія производятся, при

[1]) Посниковъ, ib, с. 54—9.

дѣятельномъ участіи правительства, компаніями изъ заинтересованныхъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ на занятый капиталъ, уплачиваемый частями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ".

„Эти данныя свидѣтельствуютъ, кажется, съ достаточной очевидностью, въ какой степени „неограниченные" собственники вообще, а крупные въ особенности, обладаютъ свойствами образцовыхъ сельскихъ хозяевъ, съ охотой затрачивающихъ капиталы на улучшеніе земли. Всякое замѣтное улучшеніе требуетъ привхожденія государственной власти: правительство должно составить на свой счетъ планъ предстоящаго улучшенія, предпринять предварительныя работы, принудить собственниковъ къ образованію товариществъ, слѣдить за работой, ссужать деньги и даже принимать часть расходовъ на себя. И чуть только такое участіе власти ослабѣваетъ, едва собственникамъ предоставляется свобода въ этой области, какъ тотчасъ улучшенія прекращаются: возникаютъ споры, препирательства, пробуждаются частные интересы, невидящіе и непонимающіе даже собственной выгоды и тормозящіе улучшенія, полезныя для нихъ самихъ и для всего общества" [1]).

Общинное владѣніе представляетъ то несомнѣнное преимущество сравнительно съ личнымъ, что оно облегчаетъ совершеніе такихъ капитальныхъ улучшеній, дѣлаетъ ихъ возможными и при отсутствіи особыхъ для этого законовъ. „По закону 1861 г., въ Англіи компанія (для произоводства вышеуказанныхъ улучшеній) организуется тогда, когда двѣ трети собственниковъ согласны на произведеніе улучшенія; остальная треть несогласныхъ принуждена въ такомъ случаѣ вступить въ союзъ противъ воли. Не то же ли самое представляетъ отдѣльная община, гдѣ, безъ всякаго законодательнаго предписанія, рѣшеніе большинства членовъ обязательно для меньшинства?.. Современное европейское законодательство предписываетъ произведеніе разсматриваемыхъ нами улучшеній соединенными усиліями отдѣльныхъ владѣльцевъ; буквально то же самое представляетъ община: каждое такое улучшеніе производится міромъ, т. е. соединенными силами всѣхъ членовъ. Словомъ, въ

---

[1]) Посниковъ, id., стр. 63—70.

общиннымъ владѣнія мы находимъ всѣ отличительныя черты современныхъ товариществъ, организующихся принудительно или свободно съ цѣлью произведенія особенно обширныхъ и цѣнныхъ улучшеній". „Слѣдуетъ признать несомнѣннымъ недоразумѣніемъ, если требованія отмѣны общинной формы землевладѣнія раздаются въ странѣ, гдѣ, какъ у насъ въ Россіи, законодательство едва коснулось этого предмета, столь важнаго въ хозяйственномъ отношеніи... При подобномъ состояніи закона, который совсѣмъ не упоминаетъ о способахъ образованія товариществъ изъ землевладѣльцевъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что такихъ единеній не образуется изъ числа частныхъ собственниковъ; и можно только радоваться, что у насъ существуетъ иная форма землевладѣнія, при которой подобныя единенія готовы и даны самой жизнью, несмотря на отсутствіе законодательныхъ предписаній. Благодаря формѣ общиннаго владѣнія, производились и производятся въ настоящее время такія улучшенія, выполненіе которыхъ было бы едва-ли возможно при обращеніи земель въ частную собственность" [1]).

Итакъ, капитальныя улучшенія земли, въ родѣ осушенія болотъ, на Западѣ производятся собственниками или арендаторами съ участіемъ правительства и съ примѣненіемъ начала принужденія; въ Россіи такія улучшенія производятся владѣльцами на свой личный страхъ, и собственникъ-община (какъ мы въ этомъ убѣдимся позже) достаточно показала, что она не боится риска, связаннаго съ указанными предпріятіями и, несмотря на отсутствіе въ ея средѣ спеціалистовъ-техниковъ, охотно начинаетъ таковыя. Поэтому, никоимъ образомъ нельзя утверждать, что общинная форма владѣнія землей препятствуетъ производству капитальныхъ улучшеній почвы; скорѣе, наоборотъ, можно надѣяться, что, со внесеніемъ въ массу свѣта знанія, она будетъ служить однимъ изъ условій, благопріятствующихъ такимъ улучшеніямъ. Что же касается мелкаго частнаго собственника, онъ только въ исключительныхъ случаяхъ будетъ имѣть возможность лично предпринять осушеніе, орошеніе поля и т. п., уже по одному тому, что такая работа должна вестись одновре-

[1]) Посниковъ, id., стр. 132—3.

менно на большой площади, далеко превосходящей размѣры обычнаго крестьянскаго владѣнія. Поэтому, съ разрушеніемъ общиннаго владѣнія, крестьяне могли бы осуществлять такія работы лишь при условіи согласія на ихъ производство цѣлой массы сосѣдей; а это значитъ, что свобода дѣйствія отдѣльнаго лица въ указанномъ направленіи не получитъ послѣ такого разрушенія желательнаго осуществленія.

За устраненіемъ капитальныхъ улучшеній, возвращающихъ затраты постепенно, какъ такихъ, производство которыхъ, при любой формѣ собственности, не зависитъ исключительно отъ личной воли, — остаются затраты отдѣльныхъ хозяевъ на полевой участокъ, возвращающіяся болѣе или менѣе быстро и заключающіяся въ лучшей обработкѣ почвы, внесеніи въ нее удобренія и т. п. Такъ какъ эти затраты на Западѣ безпрепятственно совершаются арендаторами, то нѣтъ основанія утверждать, что онѣ будутъ затруднительны для участниковъ въ общинномъ владѣніи. Напротивъ того, такъ какъ членъ общины, даже лишаясь своего участка, все-таки остается однимъ изъ его совладѣльцевъ и можетъ когда-нибудь получить этотъ участокъ опять въ свои руки, то онъ имѣетъ лишній мотивъ къ лучшему ухаживанію за землей, сравнительно съ арендаторомъ. Если же кто-либо все-таки станетъ утверждать, что общинная форма землевладѣнія, какъ обусловливающая временное пользованіе участкомъ, не соотвѣтствуетъ условіямъ современнаго хозяйства и должна быть уничтожена, въ такомъ случаѣ позволительно требовать, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ принимались мѣры и къ упраздненію арендной системы. „Осуждая за временность пользованія общину, — говоритъ пр. Посниковъ, — нужно быть послѣдовательнымъ и отстаивать убыточность арендного хозяйства. Утверждая невозможность улучшенія на томъ основаніи, что при передѣлѣ земли каждый членъ общины рискуетъ получить, вмѣсто прежде отведеннаго ему участка, другой — неизбѣжно доказать, что улучшенія земли не производятся на счетъ фермеровъ, такъ какъ имъ извѣстно, что, по истеченіи срока арендного условія, ихъ право владѣнія землей прекращается совсѣмъ. И пока эта трудная задача не будетъ выполнена, пока общество будетъ убѣждено въ хозяйственной пользѣ

арендной системы, до тѣхъ поръ всякій, желающій быть послѣдовательнымъ, долженъ забыть и всѣ мнимо-вредныя свойства передѣловъ" [1]).

Хотя срочность владѣнія участкомъ не препятствуетъ улучшенію хозяйства, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что культура общинной земли въ Россіи очень далека отъ совершенства; но подобное же явленіе наблюдается и на земляхъ частнаго владѣнія, почему его и нельзя приписывать вліянію общины. Высота земледѣльческой культуры при одной и той же, частной формѣ собственности весьма неодинакова, въ зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ условій; и какъ низкое состояніе хозяйства нельзя приписывать принципу личнаго владѣнія, также нелогично будетъ обвинять въ немъ общину, какъ таковую, хотя сказанное не исключаетъ возможности того, что препятствія къ успѣху земледѣлія въ извѣстныхъ случаяхъ будутъ лежать именно въ порядкахъ общиннаго владѣнія, въ каковомъ случаѣ возбуждается вопросъ объ измѣненіи этихъ порядковъ. Такъ какъ долгосрочными арендными контрактами въ Англіи считаются контракты, заключенные не менѣе, какъ на 7 лѣтъ; такъ какъ обычный срокъ контрактовъ въ Шотландіи—19 лѣтъ, и этого срока достаточно, чтобы побудить фермера на затраты капиталовъ даже для такихъ предпріятій, какъ дренированіе земли; такъ какъ обычные сроки аренды земли въ Ломбардіи, гдѣ „фермеръ доставляетъ огромные капиталы, необходимые при развитомъ хозяйствѣ",—колеблятся около 9—15 лѣтъ [2]), то можно смѣло утверждать, что для побужденія общинника къ ухаживанію, по мѣрѣ своихъ силъ, за доставшимся ему при передѣлѣ участкомъ, достаточно обезпечить ему пользованіе таковымъ въ теченіи 8—12 л., а при введеніи въ практику обычая вознагражденія хозяина за улучшенія въ случаяхъ, если его участокъ отойдетъ къ другому, не успѣвъ возвратить сдѣланныя затраты,—этотъ срокъ можетъ быть и гораздо меньше. Наблюденіе же показываетъ, что въ черноземной полосѣ удобреніе полей легко начинаетъ впервые примѣняться при продолжительности владѣнія участкомъ въ 6 лѣтъ и даже менѣе.

---

[1]) Посниковъ, id, с. 75—7. [2]) Посниковъ, id., с. 24, 25, 59 прим.

Обратимся же къ нашей общинѣ и посмотримъ, какъ быстро передвигается въ ней земля и принимаетъ-ли она какія-либо мѣры для парализованія вліянія развившихся исторически вредныхъ обычаевъ на сельско-хозяйственную культуру.

III.

Непрочность личнаго владѣнія принадлежащимъ общинѣ участкомъ земли есть результатъ періодически повторяющагося перераспредѣленія послѣдней въ натурѣ между членами союза, въ цѣляхъ количественнаго или качественнаго уравненія пользованія ею, или въ видахъ сельско-хозяйственныхъ. Количественное уравненіе землепользованія достигается путемъ общаго кореннаго передѣла, при которомъ измѣняется величина участковъ всѣхъ домохозяевъ, или частнаго, когда измѣненію подвергаются участки нѣсколькихъ членовъ союза. Но и для количественнаго уравненія землепользованія не требуется непремѣнно производство полнаго перераспредѣленія между хозяевами земли въ натурѣ: оно можетъ быть достигнуто отрѣзкой излишняго количества земли отъ участковъ, подлежащихъ сокращенію, и прирѣзкой угодья къ участкамъ разросшихся семей. Такимъ образомъ совершаются обыкновенно общіе передѣлы (уравненіе) пріусадебной, а иногда и полевой земли и весьма нерѣдко—частные передѣлы полевыхъ угодій. Общіе передѣлы полевой земли, однако, обыкновенно производятся при помощи новаго перераспредѣленія земли въ натурѣ, такъ что всѣ хозяева получаютъ при этомъ новые участки. Общимъ перераспредѣленіемъ земли въ натурѣ весьма часто сопровождаются и частные передѣлы въ мѣстностяхъ, гдѣ удобреніе земли не практикуется и потому земледѣльцы не привязываются къ обрабатываемымъ ими участкамъ. Такъ какъ частный передѣлъ заключается въ увеличенія долей нѣкоторыхъ членовъ общины насчетъ другихъ, то при прямой передачѣ полосы отъ одного хозяина другому послѣдній получилъ бы новый участокъ вдали отъ своего кореннаго надѣла и испытывалъ бы неудобства большой черезполосицы. Образованіе послѣдней могло бы быть предупреждено новой нарѣзкой земли всѣмъ членамъ, т.-е. общимъ передѣломъ земли въ натурѣ, общей жеребьевкой или пере-

верской. На примѣненіе этого пріема, гдѣ практикуется удобреніе, община, однако, не соглашается, и потому въ такихъ общинахъ частные передѣлы въ натурѣ обыкновенно касаются только участковъ лицъ, прямо въ нихъ заинтересованныхъ, что имѣетъ слѣдствіемъ усиленіе черезполосицы на поляхъ.

Новая нарѣзка участковъ всѣмъ домохозяевамъ можетъ совершаться и безъ измѣненія величины ихъ долей—въ цѣляхъ качественнаго уравненія землепользованія.

Такъ какъ площадь крестьянскаго надѣла не представляется во всѣхъ частяхъ однородной по качеству почвы, рельефу поверхности и разстоянію отъ усадьбы, вслѣдствіе чего отведеніе доли каждому члену общины въ одномъ сплошномъ участкѣ, съ соблюденіемъ при этомъ условія равноцѣнности долей, дѣлается весьма затруднительнымъ, то общество пытается достигнуть возможнаго равенства надѣленія нарѣзкой каждому хозяину участка во всѣхъ частяхъ надѣла, представляющихъ какія-либо особенности въ вышеуказанныхъ отношеніяхъ. Но такъ какъ достиженіе строгой равномѣрности въ надѣленіи описываемымъ способомъ не всегда возможно или имѣло бы слѣдствіемъ слишкомъ большую раздробленность земли и черезполосицу, неудобную въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, то общества нерѣдко довольствуются лишь приблизительно равномѣрнымъ качественно распредѣленіемъ земли, но за то уговариваются періодически перемѣнять участки всѣхъ хозяевъ въ тѣхъ видахъ, чтобы возможная неправильность въ разцѣнкѣ земли не имѣла результатомъ постояннаго облегченія однихъ хозяевъ на счетъ другихъ. Частота такихъ жеребьевокъ зависитъ какъ отъ степени разнокачественности надѣла, такъ и отъ большей или меньшей интенсивности хозяйства, а также отъ зажиточности населенія. Чѣмъ разнообразнѣе, въ отношеніи качества почвы и топографическаго расположенія, надѣлъ, тѣмъ труднѣе разбить его на равноцѣнные участки и тѣмъ естественнѣе частое повтореніе жеребьевокъ; чѣмъ менѣе урожай зависитъ отъ естественныхъ свойствъ почвы и болѣе—отъ примѣненія культурныхъ пріемовъ, тѣмъ жеребьевки, при прочихъ равныхъ условіяхъ, должны производиться рѣже; чѣмъ бѣднѣе населеніе, тѣмъ чувствительнѣе относится оно къ неправильностямъ въ распредѣленія земли, вліяющимъ и на

распредѣленіе доходовъ отъ хозяйства, и тѣмъ болѣе будетъ стремиться къ частому повторенію жеребьевокъ.

Но и продолжительное отсутствіе общихъ передѣловъ земли въ натурѣ не имѣетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ сохраненіе въ рукахъ всѣхъ хозяевъ нѣкогда отведенныхъ имъ участковъ. Переходъ земли изъ рукъ въ руки можетъ происходить путемъ частныхъ передѣловъ или путемъ личныхъ сдѣлокъ отдѣльныхъ хозяевъ и т. д. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени все-таки развивается чрезмѣрная и нецѣлесообразная черезполосица, затрудняющая правильное веденіе хозяйства, для уничтоженія которой община можетъ прибѣгнуть къ новой нарѣзкѣ участковъ въ натурѣ, къ жеребьевкѣ. Тѣмъ же актомъ она пользуется для другихъ сельско-хозяйственныхъ цѣлей: измѣненія сѣвооборота, сопровождаемаго измѣненіемъ въ числѣ полей, расширенія одного вида угодій на счетъ другаго и т. д.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что форма общиннаго владѣнія землей, какъ она сложилась въ Россіи, не ведетъ необходимо къ утратѣ отдѣльными членами союза своихъ участковъ и, тѣмъ болѣе—къ частому повторенію перераспредѣленія земли въ натурѣ, и допускаетъ самые разнообразные въ этомъ отношеніи порядки въ зависимости отъ всевозможныхъ внѣшнихъ условій хозяйства. Въ виду разнообразія этихъ послѣднихъ на огромной площади нашего отечества, неудивительно, если отдѣльныя общины представляютъ большія различія и въ дѣлѣ продолжительности сохраненія за своими членами обрабатываемыхъ ими участковъ. А такъ какъ внѣшнія условія крестьянскаго хозяйства въ разныхъ географическихъ раіонахъ представляютъ извѣстныя различія, то естественно, если эти раіоны будутъ различаться и въ отношеніи обществъ къ вопросу о продолжительности нахожденія участковъ въ однѣхъ рукахъ.

Такъ, въ южной степной полосѣ, позже другихъ колонизованной и отставшей отъ остальной Россіи въ дѣлѣ эволюціи хозяйственныхъ формъ, гдѣ хозяйство находится на полупути отъ залежнаго къ паровому и для возстановленія производительныхъ силъ почвы не примѣняется ни искусственное ея удобреніе, ни тщательная паровая обработка, а лишь обращеніе истощеннаго участка подъ выпасъ скота,—въ этой полосѣ

доходность надѣла зависитъ въ весьма малой степени отъ ухода за нимъ, хозяинъ не вкладываетъ въ землю капитала и труда, въ расчетѣ на постепенное ихъ возвращеніе, а производитъ затраты, цѣликомъ погашающіяся изъ доходовъ одного урожая. При такихъ условіяхъ крестьянинъ не привязывается къ тому или другому участку, а такъ какъ доходность хозяйства при столь экстенсивной его системѣ въ значительной степени зависитъ отъ естественныхъ свойствъ почвы, то неудивительно, если заботы общества будутъ здѣсь направлены на то, чтобы уравнять своихъ членовъ въ пользованіи этими естественными свойствами надѣла; если перераспредѣленіе земли въ натурѣ будетъ повторяться часто.

Мы сказали выше, что возстановленіе производительныхъ силъ истощенной посѣвами почвы достигается въ степной полосѣ временнымъ обращеніемъ пахотной земли подъ выпасъ скота. При систематическомъ производствѣ этого сельско-хозяйственнаго акта требуется, чтобы обмѣнъ толоки на пашню повторялся правильно-періодически, что дѣйствительно здѣсь и наблюдается. Такой обмѣнъ, насколько онъ преслѣдуетъ сельско-хозяйственныя цѣли, не требуетъ, чтобы ему сопутствовало новое перераспредѣленіе земли между членами союза; онъ могъ бы состоять въ простомъ перенесеніи каждымъ хозяиномъ посѣва съ одного изъ нѣкогда отведенныхъ ему участковъ на другой, подобно тому, какъ совершается подобный переносъ при смѣнѣ полей въ трехпольномъ сѣвооборотѣ, когда каждый знаетъ свои участки во всѣхъ поляхъ и занимаетъ именно эти участки. Но такое сохраненіе за членами общества ихъ участковъ во всѣхъ частяхъ поля, — какъ распространенное явленіе, — наблюдается лишь въ Елизаветградскомъ уѣздѣ и встрѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Херсонской губерніи. Въ огромномъ же большинствѣ общинъ южной степной полосы, практикующихъ обмѣнъ толоки на пашню, послѣдній сопровождается и жеребьевкой, а гдѣ введены коренные передѣлы земли, то и количественнымъ уравненіемъ землепользованія крестьянъ. При этомъ не всегда можно сказать— имѣется-ли здѣсь простое совпаденіе сроковъ обмѣна толоки на пашню со сроками для качественнаго уравненія членовъ

общества въ пользованіи землей, т.-е. составляетъ-ли новое перераспредѣленіе земли между членами союза, сопровождающее обмѣнъ толоки на пашню, сознательный пріемъ, преслѣдующій цѣли уравненія, или онъ примѣняется въ видахъ упрощенія сельско-хозяйственнаго акта обмѣна толоки на пашню, въ видахъ того, чтобы не заставлять всѣхъ хозяевъ запоминать свои участки въ полѣ, отходящемъ подъ выпасъ скота. Случаи послѣдняго рода несомнѣнно существуютъ и характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ д. Елисѣевки Бердянскаго уѣзда, гдѣ смѣна толоки на пашню производилась съ 1875 г. 8 разъ, при чемъ одинъ разъ хозяева помнили свои мѣста въ толокѣ и занимали ихъ, а остальные 7 обмѣновъ сопровождались общей жеребьевкой, т.-е. распредѣленіемъ участковъ между хозяевами по жребію. Если такіе случаи не составляютъ исключенія, то ими очень хорошо рисуется значеніе для новороссійскаго мелкаго хозяина постоянства въ пользованіи однимъ и тѣмъ же участкомъ земли. Крестьянинъ такъ мало дорожитъ этимъ постоянствомъ, что безъ всякой нужды для дѣла, лишь въ виду большей простоты извѣстнаго акта, соглашается каждые три года получать слѣдуемую ему долю земли въ новомъ мѣстѣ.

Итакъ, по причинѣ зависимости урожая исключительно отъ естественныхъ силъ природы и минимальнаго примѣненія затратъ на землю труда и капитала, подлежащихъ возвращенію постепенно, крестьянинъ южной степной полосы въ большинствѣ случаевъ не дорожитъ постоянствомъ владѣнія участкомъ и приноситъ таковое въ жертву другимъ требованіямъ: качественнаго уравненія землпользованія и удобства сельско-хозяйственнаго акта обмѣна толоки на пашню, вслѣдствіе чего жеребьевки здѣсь обыкновенно повторяются черезъ весьма краткіе промежутки времени.

Въ сходныхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ находятся восточные уѣзды Самарской губерніи, почему и практикующіяся тамъ жеребьевки носятъ сельско-хозяйственный характеръ. Уже иное слѣдуетъ сказать о другихъ уѣздахъ восточной степной полосы. Переложное хозяйство давно прекратило здѣсь существованіе, уступивъ мѣсто паровымъ сѣвооборотамъ; на ряду съ про-

изводительными силами природы важную роль въ доходности земледѣлія начинаетъ играть болѣе или менѣе тщательная обработка почвы; въ сознаніи населенія начинаетъ укрѣпляться идея о необходимости удобренія земли. Между тѣмъ, частые передѣлы земли въ натурѣ съ цѣлью качественнаго уравненія землепользованія—наслѣдіе предшествующаго періода—продолжаютъ господствовать и становятся на пути попытокъ къ преобразованію хозяйства. Къ указанному мотиву жеребьевокъ въ разсматриваемой области присоединился новый, явившійся результатомъ разстройства экономическаго быта крестьянъ, произведеннаго всей обстановкой его хозяйства послѣ реформы, въ частности—слишкомъ высокой оцѣнкой земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ для выкупа.

Когда разсуждаютъ о хозяйственномъ вредѣ частыхъ передѣловъ и отвѣтственность за нихъ возлагаютъ на общину, то забываютъ, что послѣдняя представляется у насъ союзомъ не только хозяйственнымъ, но и финансовымъ. Земельныя угодья предоставлены въ мірское распоряженіе нетолько ради регулированія пользованія землей въ интересахъ всѣхъ членовъ союза, но и въ видахъ обезпеченія исправнаго поступленія съ населенія налоговъ и платежей, которыми облагаются не отдѣльные крестьяне, а все общество. Такъ какъ эти платежи мѣстами превышаютъ доходность надѣльной земли, почему владѣніе послѣднею становится бременемъ, а не привиллегіей, то главной заботой общества дѣлается не наиболѣе хозяйственное распоряженіе территоріей своего надѣла, а обезпеченіе исправнаго взысканія съ своихъ членовъ непосильнаго налоговаго бремени, прямымъ результатомъ чего является подчиненіе хозяйственныхъ интересовъ фискальнымъ.

Въ первые годы по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости помѣщичьи крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ Самарской и Саратовской губерній, по причинѣ несоотвѣтствія платежей, лежащихъ на землѣ, доходности послѣдней, приняли систему разверстки надѣльной земли (а съ ней и платежей) по рабочимъ силамъ, и такъ какъ рабочій составъ семей постоянно измѣнялся, то приходилось постоянно же измѣнять и величину надѣла отдѣльныхъ семей: снимать лишніе участки съ однихъ

хозяевъ и накладывать ихъ на другихъ. Такимъ образомъ, хозяева, рабочій составъ коихъ возрасталъ, получали новые участки отдѣльными разбросанными полосками, и такъ какъ самый актъ увеличенія надѣла происходилъ помимо ихъ желанія и имѣлъ слѣдствіемъ обремененіе ихъ платежами, то они требовали—и общество считало нужнымъ дать ихъ требованію удовлетвореніе—чтобы разбросанныя полоски были по возможности соединяемы въ сплошные участки, для чего представлялась необходимость въ произведеніи новой нарѣзки земли всѣмъ домохозяевамъ. По указанной причинѣ среди очень многихъ помѣщичьихъ общинъ разсматриваемаго раіона утвердился обычай частаго производства жеребьевки. Относительно нѣкоторыхъ уѣздовъ Самарской губерніи нужно сказать, что забрасываніе надѣловъ въ послѣдніе 15—20 лѣтъ приняло такіе размѣры, что общества весьма часто не находили возможнымъ передавать освобождающіеся участки только нѣкоторымъ, зажиточнымъ хозяевамъ, изъ опасенія разоренія послѣднихъ, и рѣшали разверстывать эти участки между всѣми; но такъ какъ оставленные надѣлы были разбросаны клочками по всей площади владѣнія, то, во избѣжаніе чрезмѣрной черезполосицы, общества рѣшали произвести развертку при помощи новаго распредѣленія всей земли.

Въ сходныхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ находятся мѣстности, примыкающія къ степной полосѣ (напр., нѣкоторые уѣзды Воронежской губерніи), представляющія сходство съ нею и въ отношеніи общинныхъ распорядковъ.

Такимъ образомъ, восточный и юго-восточный раіоны Россіи характеризуются непрочностью владѣнія членовъ общинъ (далеко, впрочемъ, не всѣхъ) отводимыми имъ участками земли, являющеюся результатомъ часто повторяющихся жеребьевокъ, имѣющихъ цѣлью или качественное уравненіе землепользованія, или уничтоженіе черезполосицы, развивающейся вслѣдствіе постояннаго переложенія земли съ однѣхъ семей на другія, производящагося съ цѣлью облегченія слабыхъ семей отъ непосильнаго податнаго бремени и обезпеченія безнедоимочнаго поступленія податей. Очень можетъ быть, что было время, когда и въ слѣдующей—центральной черноземной—полосѣ жеребьевки съ цѣлью качественнаго уравненія землепользованія совершались такъ же часто,

какъ это наблюдается въ настоящее время въ восточныхъ степяхъ. Но время это если и было, то давно прошло, а въ настоящемъ частыя жеребьевки съ указанной цѣлью практикуются въ значительномъ меньшинствѣ общинъ и притомъ далеко не всѣхъ черноземныхъ уѣздовъ, а преимущественно въ такихъ, которые отличаются разнокачественностью почвы и разбросанностью надѣльной земли въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Повидимому, болѣе частой причиной жеребьевокъ въ разсматриваемомъ раіонѣ, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, служила черезполосица, развивающаяся вслѣдствіе свалки-навалки душъ, широко примѣнявшейся помѣщичьими крестьянами получерноземныхъ уѣздовъ съ высокообложенными для выкупа надѣлами. Въ концѣ-концовъ вопросъ о прочности владѣнія участками общинной земли въ центральной черноземной полосѣ представлялся около половины 80-хъ гг. въ слѣдующемъ видѣ. Въ очень многихъ уѣздахъ распредѣленіе земли между семьями, сдѣланное среди государственныхъ крестьянъ во время X ревизіи, а среди помѣщичьихъ—вскорѣ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права—сохранялось неизмѣннымъ до 80-хъ гг., вслѣдствіе чего земельные участки оставались въ однѣхъ рукахъ въ теченіе 20—25 лѣтъ и больше; таковы уѣзды: Усманскій, Липецкій, Лебедянскій, Козловскій Тамбовской губ., Курскій, Тимскій, Щигровскій Курской губ., Данковскій, Раненбургскій Рязанской губ., Елецкій Орловской губ., Воронежскій уѣздъ и др. Въ другой группѣ уѣздовъ перераспредѣленія земли въ натурѣ съ цѣлью качественнаго уравненія землепользованія, повторяющіяся болѣе или менѣе часто (черезъ 1 — 6 лѣтъ), наблюдаются у 15—25% всего числа общинъ; таковы уѣзды: Бѣлгородскій, Корочанскій, Старооскольскій и Новооскольскій Курской губ., Михайловскій Рязанской губ., Борисоглѣбскій Тамбовской губ., Мценскій, Карачевскій Орловской губ. Въ третьей группѣ часто повторявшіяся жеребьевки, наблюдавшіяся во многихъ общинахъ, имѣли главной цѣлью устраненіе черезполосицы, развившейся вслѣдствіе широкаго примѣненія помѣщичьими крестьянами акта свалки-навалки душъ. Такъ какъ указанная причина черезполосицы, по мѣрѣ подъема цѣнъ на землю, постепенно устраняется, то и жеребьевки этого рода исчезаютъ. Къ этой группѣ

относятся, напр., многіе уѣзды Тамбовской губерніи: Моршанскій, Тамбовскій, Кирсановскій, Шацкій; сюда же, быть можетъ, принадлежатъ и такіе уѣзды, какъ Кромскій Орловской губ., гдѣ частыя жеребьеки практикуются въ цѣлой половинѣ общинъ.

Изъ сдѣланнаго очерка положенія вопроса о прочности владѣнія отдѣльными хозяевами отведенными имъ участками общинной земли въ различныхъ полосахъ Россіи читатель видитъ, насколько неправильно, при обсужденіи вопроса, разсматривать всю черноземную область, какъ однородную, и какъ необходимо, напротивъ того, различать здѣсь отдѣльные хозяйственные раіоны. Эти раіоны различаются и по степени прочности владѣнія участками общинниковъ, и по мотивамъ, вызывающимъ частые передѣлы, и по значенію этихъ послѣднихъ для сельскаго хозяйства. Въ южной степной полосѣ и въ отдаленныхъ уѣздахъ восточной, гдѣ возстановленіе производительныхъ силъ почвы достигается отведеніемъ истощеннаго участка подъ выпасъ скота, а объ удобренія поля крестьяне еще и не задумывались—часто и періодически повторяющіяся переверстки земли играютъ важную хозяйственную роль и не вызываютъ протестовъ населенія. Въ другихъ уѣздахъ восточныхъ степей частыя переверстки поддерживаются стремленіемъ крестьянъ къ уравненію всѣхъ хозяевъ въ пользованіи естественными силами почвы, имѣющими преобладающее значеніе при господствѣ экстенсивнаго хозяйства, и необходимостью уничтоженія черезполосицы, вызываемой мѣрами, принимаемыми общинами въ интересахъ фиска; и такъ какъ наступившее истощеніе полей дѣлаетъ здѣсь недостаточнымъ возстановленіе производительныхъ силъ почвы путемъ паровой обработки поля и въ сознаніи крестьянъ возникаетъ мысль о необходимости примѣненія удобренія, то часто повторяемыя жеребьевки являются стоящими на пути сельско-хозяйственнаго прогресса, и въ числѣ очередныхъ задачъ мѣстной жизни фигурируетъ задача примиренія культурно-хозяйственныхъ требованій съ экономически-хозяйственными и фискальными. Эта задача возникаетъ и въ части центральной черноземной полосы; но различіе названной области отъ предшествующей заключается въ томъ, что въ первой требованія интензированія хозяйства настоятельнѣе, и что большая часть об-

щинъ свободны отъ обвиненія въ частой перемѣнѣ участковъ своихъ членовъ, такъ какъ эти участки оставались здѣсь въ однѣхъ рукахъ въ теченіе 2—3 десятилѣтій.

Итакъ, въ части восточной степной и въ центральной черноземной полосахъ выработанный предшествующей жизнью порядокъ частыхъ переверстокъ общинной земли сталкивается съ новыми требованіями упроченія владѣнія отдѣльными членами союза отводимыми имъ участками, въ видахъ обезпеченія имъ возможности производства затратъ для возвышенія сельско-хозяйственной культуры. Какъ же отнеслась къ этимъ новымъ требованіямъ община?

IV.

Удобреніе полей въ Саратовской губерніи примѣняется весьма мало и не во всѣхъ уѣздахъ, соотвѣтственно чему частыя переверстки земли имѣютъ въ различныхъ уѣздахъ далеко неодинаковое значеніе. Въ Царицынскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ, напр., объ удобреніи полей, повидимому, нѣтъ еще и рѣчи; частыя жеребьевки если и вызываютъ недовольство (въ Царицынскомъ уѣздѣ), то не своимъ вліяніемъ на веденіе болѣе интенсивнаго хозяйства, а тѣмъ, что дѣлаютъ затруднительной борьбу съ сусликами, отъ которыхъ хозяевамъ приходится окапываться канавами. Въ интересахъ этой борьбы нѣкоторыя общины удлиняютъ промежутки между переверстками. Въ Саратовскомъ уѣздѣ мысль о необходимости удобренія уже появилась, но примѣняется послѣднее мало. Въ большинствѣ случаевъ производятся только опыты его и лишь въ очень немногихъ общинахъ удобреніе ближайшей части полей сдѣлалось обычнымъ явленіемъ для большинства хозяевъ. Главной причиной слабаго развитія удобренія полей, кромѣ новизны дѣла, является здѣсь недостатокъ навоза, который употребляется для отопленія избъ и удобренія коноплянниковъ, огородовъ и т. п. Но извѣстную роль въ этомъ дѣлѣ играетъ и частота жеребьевокъ. „Сами крестьяне отлично понимаютъ вредъ частыхъ переверстокъ,—пишетъ г. Личковъ,—но рѣшительно не знаютъ, какъ безъ нихъ быть, указывая на то, что еслибы при данныхъ условіяхъ не

дѣлать переверстокъ, то нерѣдко было бы еще хуже, чѣмъ съ ними. Сознаніе ихъ вреднаго вліянія проявляется и на дѣлѣ: въ нѣкоторыхъ общинахъ, гдѣ не было установлено сроковъ для переверстокъ, міръ сталъ назначать ихъ; въ другихъ — короткіе сроки между переверстками, по возможности, замѣняются болѣе длинными... Ради уменьшенія числа переверстокъ, нѣкоторыя общины, по возможности, удерживаются отъ частныхъ коренныхъ передѣловъ", или, допуская таковые, требуютъ, чтобы они не касались полосъ всѣхъ хозяевъ. „Дѣлаютъ и такъ, что ближнюю часть надѣла, ради возможности ея унаваживанія, переверстываютъ рѣже, чѣмъ дальній конецъ; или же, для избѣжанія частыхъ переверстокъ, худшую землю дробятъ на возможно болѣе малыя доли, чтобы можно было лучше уравняться ею" (с. 63). По даннымъ г. Трирогова, въ Саратовской губ. въ общинахъ, практикующихъ частыя переверстки, крестьяне, удобряющіе землю, сохраняютъ участки въ своемъ пользованіи около 10 лѣтъ, а мѣстами для удобренія отводятъ особые участки, не идущіе въ передѣлъ [1]).

Для Хвалынскаго у., гдѣ изъ 20 волостей удобреніе встрѣчается въ 5-ти и лишь въ одной изъ нихъ получило всеобщее распространеніе, г. Харизоменовъ указываетъ до десятка общинъ, въ интересахъ удобренія прекратившихъ свалку-навалку душъ (с. 32). Въ Кузнецкомъ уѣздѣ удобреніе полей распространено значительно больше: оно практикуется почти въ половинѣ общинъ, при чемъ въ $^1/_3$ удобряющихъ общинъ унаваживаніе полей примѣняется всѣми или почти всѣми домохозяевами. Сообразно этому и заботы населенія объ обезпеченіи хозяевамъ использованія дѣлаемыхъ ими затратъ выражаются болѣе замѣтными результатами. Такъ какъ жалобы на переверстки начинаютъ раздаваться лишь въ общинахъ, гдѣ онѣ совершаются чаще, нежели черезъ 5 л., то и упомянутыя заботы наблюдаются именно въ общинахъ этого рода. Изъ 94 общинъ, практиковавшихъ частыя переверстки, 24 назначили продолжительные сроки для переверстки всей земли, а 11—для ближайшихъ, удобряемыхъ полосъ (с. 131). Такимъ образомъ, третья

[1]) Община и подать, с. 103, 343 и др.

часть общинъ съ частыми жеребьевками уже приняла мѣры, облегчающія хозяевамъ выполненіе задачи введенія удобренія полей.

Въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ. удобреніе полей только что начинается, тѣмъ не менѣе многія общины уже установили для жеребьевокъ длинные сроки. Въ общинахъ Кирсановскаго у. Тамбовской г., „гдѣ крестьяне дорожатъ продолжительнымъ владѣніемъ пашней для лучшей ея обработки и удобренія, тамъ ежегодныя жеребьевки ни подъ какимъ видомъ не допускаются". Въ Шацкомъ у. немногія общины государственныхъ крестьянъ, примѣнявшія частыя жеребьевки, при недавнихъ коренныхъ передѣлахъ отмѣнили ихъ. Нѣкоторыя общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, приступивъ къ удобренію полей, стали производить жеребьевки рѣже, а изъ 85-ти общинъ, еще производящихъ частыя жеребьевки, 45 не распространяютъ ихъ на полосы, назначенныя для удобренія, а 12 подвергаютъ эти полосы жеребьевкамъ черезъ 10—12 л. Въ Спасскомъ у. жеребьевки касаются лишь дальнихъ, неудобряемыхъ участковъ поля. Помѣщичьи крестьяне Моршанскаго уѣзда,—по причинѣ обременительности платежей въ первое время послѣ реформы практиковавшія постоянныя свалки-навалки душъ, за которыми слѣдовали и частыя жеребьевки,—въ послѣднее время, съ наступленіемъ необходимости удобренія полей, увеличили промежутки между жеребьевками до 5 — 20 л. для всей пашни или только для удобряемой ея части; ежегодныя жеребьевки сохранились у 20-ти общинъ. Въ Темниковскомъ у., прошедшемъ черезъ ту же систему частыхъ свалокъ-навалокъ душъ и жеребьевокъ, послѣднія, съ появленіемъ сознанія необходимости удобренія полей, почти вовсе прекратились. Въ сѣверной половинѣ Мценскаго уѣзда Орловской губ. съ суглинистой и супесчаной почвой, требующей сильнаго удобренія, жеребьевки примѣняются лишь къ заливнымъ землямъ и къ участкамъ, совершенно недоступнымъ унаваживанію; въ южной же, черноземной половинѣ часто повторяющіеся жеребьевки не касаются „навозниковъ". Въ Трубчевскомъ у. весьма рѣдко встрѣтится община, подвергающая жеребьевкѣ унавоживаемую часть поля (не говоримъ о коноплянникахъ). Изъ 8 общинъ Елецкаго у., часто переверстываю-

щихъ землю, 4 не распространяютъ жеребьевки на удобряемую часть поля. Жеребьевки въ Кромскомъ у. не касаются навозниковъ. Нѣкоторыя общины Болховскаго у. отвели для удобренія особые участки поля, которые не трогаютъ при жеребьевкахъ.

Относительно Курской губерніи И. А. Вернеръ пишетъ слѣдующее. „Общинная форма землевладѣнія ни мало не препятствуетъ удобренію полей: коренныхъ передѣловъ здѣсь почти не бываетъ, а переверстки практикуются лишь въ тѣхъ общинахъ, которыя никогда ни унаваживали полей; наоборотъ, ни въ одной изъ общинъ, практикующихъ удобреніе, не было переверстокъ, а тѣмъ болѣе случаевъ, чтобы отняли у домохозяина унаваженную землю и замѣнили ее выпаханною" [1]).

Въ 28 общинахъ Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи, часто переверстывающихъ землю, жеребьевки касаются лишь запольныхъ участковъ; въ остальныхъ 7-ми общинахъ, подвергающихъ переверсткѣ всю землю, жеребьевки повторяются черезъ 3—5 л. Въ сѣверной части Рязанскаго у., гдѣ, по причинѣ обремененія земли платежами, общіе передѣлы земли въ натурѣ повторяются часто, съ конца 70-хъ гг., въ интересахъ удобренія, общины начали постановлять приговоры о производствѣ передѣловъ не ранѣе, какъ черезъ 10 л.; такіе приговоры особенно часты въ Ушмарской, Клепиковской и Ершовской волостяхъ. Небольшое число (7—8) общинъ, практикующихъ переверстки земли въ Данковскомъ у., или примѣняютъ таковыя лишь къ запольнымъ участкамъ, или отводятъ для удобренія ближайшіе къ усадьбѣ части поля, остающіяся при переверсткахъ неприкосновенными.

До сихъ поръ шла рѣчь о передѣлахъ земли въ натурѣ, повторяющихся часто, преимущественно въ формѣ жеребьевокъ; но и коренные передѣлы земли съ цѣлью количественнаго уравненія землепользованія, повторяющіеся въ центральной черноземной полосѣ обыкновенно черезъ длинные промежутки времени, иногда не касаются удобряемыхъ частей поля (см. Воронежскій, Суражскій, Елецкій, Лаишевскій, Цивильскій уѣзды и др.) [2]).

---

[1]) Курская губернія. Итоги статистическаго изслѣдованія, с. 152.

[2]) Мѣстами сходныя мѣры для обезпеченія отдѣльнымъ хозяевамъ возможно полнаго использованія сдѣланныхъ ими затратъ примѣняются по

Такимъ образомъ, хотя и нельзя отрицать, что нѣкоторые изъ порядковъ общиннаго владѣнія землей въ черноземной полосѣ, выработанные въ предшествующую исторію подъ вліяніемъ различныхъ условій, оказываются находящимися въ противорѣчіи съ требованіями возвышенія сельско-хозяйственной культуры, возникшими въ новѣйшее время, но слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что община не остается безучастной къ этимъ требованіямъ и случаи принятія ею тѣхъ или другихъ мѣръ обезпеченія хозяевамъ болѣе или менѣе продолжительнаго владѣнія участками считаются многими сотнями или даже тысячами.

По высказаннымъ соображеніямъ, никакимъ образомъ нельзя утверждать, что примѣненіе удобренія въ черноземной полосѣ сдѣлается общераспространеннымъ явленіемъ лишь послѣ того, какъ вліяніемъ извнѣ община будетъ принуждена измѣнить многіе изъ своихъ распорядковъ. Поэтому же и новѣйшіе изслѣдователи крестьянскаго хозяйства, вполнѣ признавая вредное вліяніе жеребьевокъ, не указывали, однако, на нихъ, какъ на главную причину отсутствія удобренія полей, и не считають ихъ недостаткомъ, устраненіе котораго возможно только путемъ воздѣйствія власти, а гдѣ, не ограничиваясь неопредѣленными указаніями на вредъ частыхъ передѣловъ земли, изслѣдователи подсчитывали число общинъ, заявлявшихъ о задерживающемъ вліяніи ихъ на примѣненіе удобренія, тамъ обыкновенно оказывалось, что или этихъ общинъ очень немного, или задерживающее вліяніе передѣловъ болѣе или менѣе скоро устранялось.

отношенію и къ другимъ сельско-хозяйственнымъ операціямъ. Такъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ сѣнокосъ расположенъ среди кустарника, требующаго расчистки, весьма часто онъ передѣляется не ежегодно, какъ обыкновенно, а черезъ болѣе длинные промежутки времени. Такіе случаи наблюдаются, напр., въ Ставропольскомъ, Трубчевскомъ, Елатомскомъ, Темниковскомъ уѣздахъ и др. Впрочемъ, они рѣдко встрѣчаются на черноземѣ, но составляютъ обыкновенное явленіе въ нечерноземной полосѣ, богатой лѣсами и болотами. Такъ въ Московской губерніи, гдѣ луговые сѣнокосы передѣляются ежегодно, лѣсные и болотные, требующіе очистки отъ кочекъ и пней, въ 500 общинахъ изъ 5.700 передѣляются на продолжительные сроки (Сб. ст. св. по Моск. г., т. IV, в. I, с. 240). То же самое слѣдуетъ сказать и о Вяземскомъ у. Смоленской губ. Даже послѣ того, какъ покосъ по зарослямъ, передѣляемый на длинные сроки, весь расчищенъ, онъ еще разъ или два передѣляется вмѣстѣ съ полевой землей, «и уже послѣ того, какъ община признаетъ, что всѣ достаточно вознаграждены за трудъ расчистки продолжительнымъ пользованіемъ—расчищенный лугъ поступаетъ въ ежегодный передѣлъ».

При опросѣ крестьянъ черноземной полосы объ условіяхъ, препятствующихъ удобренію полей, земскіе статистики нерѣдко получали отвѣтъ, что однимъ изъ такихъ условій служатъ передѣлы и переверстки земли, связанные съ формою общиннаго владѣнія землей. Впрочемъ, коренные передѣлы земли практически не могли оказать замѣтнаго вліянія на введеніе удобренія, такъ какъ до новѣйшаго момента въ большей части центральной черноземной полосы послѣдній передѣлъ у государственныхъ крестьянъ былъ въ 1858 году, а у помѣщичьихъ—при ихъ переходѣ въ разрядъ временно-обязанныхъ или собственниковъ, т. е. въ большинствѣ случаевъ тоже очень давно. Кто былъ убѣжденъ въ пользѣ удобренія, тотъ въ этотъ длинный промежутокъ могъ примѣнять его безъ опасенія, что онъ работаетъ не для себя, а для другого. Еслибы ревизіи повторялись по прежнему—передѣлъ повсюду совершался бы безъ волненій и замѣшательствъ и, вѣроятно, произвелъ бы лишь ничтожное задерживающее вліяніе на введеніе удобренія. И теперь, когда къ передѣлу крестьяне приступили, не дожидаясь ревизіи, онъ прошелъ безслѣдно тамъ, гдѣ совершился дружно, безъ долгихъ споровъ и разговоровъ. Тамъ же, гдѣ среди крестьянъ существуютъ большія разногласія, гдѣ ратующіе за передѣлъ не составили сразу большинства, и имъ приходилось понемногу завербовывать сторонниковъ, или гдѣ крестьяне сознавали необходимость передѣла, но не приступали къ нему, ожидая съ часу на часъ ревизіи—здѣсь неопредѣленное положеніе продолжалось годами, и въ теченіи этого времени крестьяне, хорошо удобряющіе поле, имѣли нѣкоторое побужденіе прекратить унаваживаніе. И дѣйствительно, при подворномъ опросѣ населенія очень многихъ уѣздовъ черноземной полосы земскіе статистики открыли такія общины, гдѣ часть или всѣ ихъ члены въ ожиданіи передѣла прекратили начавшееся было унаваживаніе или по той же причинѣ не приступали къ нему въ моментъ изслѣдованія. Обыкновенно, это—единичные случаи, и гдѣ неопредѣленное и напряженное состояніе ожиданія ревизіи длилось годами—тамъ оно замѣтно отразилось на удобреніи полей. Съ другой стороны, моментъ передѣла въ нѣкоторыхъ общинахъ послужилъ началомъ удобренія, и необходимость послѣдняго иногда даже ускоряла совершеніе передѣла,

чтобы этимъ развязать всѣмъ руки для необходимаго преобразованія. Для правильной оцѣнки значенія въ этомъ дѣлѣ общины слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что передѣлъ оказываетъ дѣйствительное задерживающее вліяніе далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ на него ссылаются крестьяне. „Указаніе крестьянъ на эту причину отсутствія удобренія слѣдуетъ принимать съ большой осторожностью, говорятъ самарскіе земскіе статистики, потому что и въ массѣ тѣхъ селеній Самарскаго уѣзда, гдѣ переверстка не практикуется, земля все-таки не удобряется“ (с. 45). Въ Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи „рѣдкій хозяинъ на ближайшую ниву свезетъ нѣсколько возовъ навоза, и мы думаемъ, говоритъ г. Борипевичъ, что передѣлы, на которые указываютъ, какъ на причину неудобренія, тутъ не причемъ... Еслибы они дѣйствительно мѣшали лучшей культурѣ, то мы бы встрѣчали удобреніе среди обществъ, вовсе не передѣляющихъ землю или имѣвшихъ не болѣе одного передѣла со времени ревизіи... Наконецъ, цѣлый рядъ мелкихъ частныхъ владѣльцевъ изъ крестьянъ, которые уже ни коимъ образомъ не могутъ жаловаться на возможность отнятія у нихъ земли, ввели бы на своихъ участкахъ удобреніе; однако, мы этого не встрѣчаемъ, а потому съ увѣренностью можемъ сказать, что жалоба на передѣлы напрасна“ (с. 76 — 77). „Крестьяне сознаютъ вредныя послѣдствія частыхъ передѣловъ,—говоритъ Харьковская уѣздная земская управа,—они заявляютъ, что передѣлы препятствуютъ удобрять землю. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключать, чтобы тамъ, гдѣ сроки передѣловъ удлинены или гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, какъ, напр., при старозаимочномъ владѣніи, земля дѣйствительно удобрялась всѣми или даже большинствомъ. Удобреніе при этихъ условіяхъ встрѣчается, но лишь у крайне ограниченнаго числа лицъ и лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ... Передѣлы являются однимъ ничтожнымъ слагаемымъ въ общей суммѣ препятствій, мѣшающихъ крестьянству во введеніи серьезныхъ земледѣльческихъ улучшеній“ [1]).

После этой оговорки возвратимся къ предмету.

[1]) Систематич. сводъ постановленій Харьк. уѣздн. земск. собр. 1865—1884 г., с. 609—610.

Во многихъ уѣздахъ Тамбовской губ. удобреніе только что начинается; крестьяне далеко не повсемѣстно убѣждены въ его пользѣ, кое-гдѣ даже валятъ навозъ въ овраги, тѣмъ не менѣе при объясненіи съ ними по этому поводу, ссылаются на различныя причины, мѣшающія, будто бы, удобренію, въ томъ числѣ на передѣлы и жеребьевки.

„Наибольшая часть полей Усманскаго уѣзда никогда не удобрялась и не удобряется"; только очень зажиточные крестьяне вывозятъ избытки навоза на ближайшіе участки. „Изъ всѣхъ отзывовъ крестьянъ трудно вывести какое-нибудь положительное заключеніе относительно того, приходятъ-ли крестьяне къ сознанію необходимости давать полямъ удобреніе. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ предвидится скоро передѣлъ полей, никто на свои полосы удобренія не возитъ. Гдѣ довольно часто производится обмѣнъ полосами въ поляхъ по новой жеребьевкѣ, тамъ тоже никто не удобряетъ и ближайшую пашню". Слѣдуетъ, однако, прибавить, что частыя жеребьевки практикуются здѣсь лишь въ очень небольшомъ числѣ общинъ, и потому указанное препятствіе къ удобренію практически ничтожно. Столь же мало распространено удобреніе и въ Кирсановскомъ уѣздѣ, и такъ же трудно по отзывамъ крестьянъ судить объ истинныхъ причинахъ этого явленія. „Одни крестьяне указываютъ на неудобства проѣзда къ полямъ вслѣдствіе овраговъ, хотя это обстоятельство не мѣшаетъ обработкѣ полей и вывозкѣ съ нихъ урожая". „Бывшіе государственные крестьяне говорятъ, что не приступаютъ къ удобренію полей въ виду предстоящаго коренного передѣла; однако, многія общины не начали возить навозъ послѣ того, какъ передѣлъ у нихъ состоялся". (Передѣлили свои угодья около $^3/_4$ госуд. кр. уѣзда). „Бывшіе помѣщичьи крестьяне говорятъ о частыхъ дѣлежкахъ полей, хотя отъ нихъ же зависитъ и отмѣнить эти дѣлежки". Дѣйствительно, „гдѣ крестьяне дорожатъ продолжительнымъ владѣніемъ одними участками для лучшей обработки ихъ и удобренія, тамъ ежегодныя жеребьевки ни по какимъ причинамъ не допускаются".

Въ Тамбовскомъ уѣздѣ, гдѣ удобреніе практикуется тоже мало, въ 2-хъ волостяхъ (и одномъ селѣ третьей) было заявлено, что приступили къ нему или намѣреваются приступить

послѣ совершенія передѣла полей. Въ сѣв. вост. волостяхъ причиною неудобренія нѣкоторыя общины выставляли частыя переверстки. Послѣднія періодически совершаются въ 50—60 общинахъ изъ 508 общинъ уѣзда.

Уже больше распространено удобреніе полей въ Козловскомъ уѣздѣ, и соотвѣтственно этому здѣсь встрѣчается меньше жалобъ на передѣлы, какъ на задерживающее обстоятельство. Лишь въ отдѣльныхъ селеніяхъ крестьяне, начавши было удобрять землю, пріостановились въ ожиданіи передѣла полей съ ревизскихъ на наличныя души или при возникновеніи жеребьевокъ, которыя встрѣчаются лишь въ немногихъ общинахъ.

Ожиданіе передѣла указано въ числѣ причинъ, задерживающихъ введеніе удобренія въ нѣкоторыхъ общинахъ государственныхъ крестьянъ 5 волостей Лебедянскаго у. и въ немногихъ общинахъ Липецкаго у. Въ Шацкомъ уѣздѣ, гдѣ удобреніе полей началось недавно, но распространилось быстро, нѣкоторыя общины государственныхъ крестьянъ въ прежнее время практиковали частыя жеребьевки, но въ послѣдніе годы, въ видахъ обезпеченія удобренія, отмѣнили ихъ и совершили передѣлъ на наличныя души; о передѣлахъ или жеребьевкахъ, какъ препятствіи удобренію, заявило около десяти общинъ. Въ Спасскомъ, Темниковскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ удобреніе полей практикуется издавна. Въ первомъ изъ нихъ передѣлъ совершился дружно и не отразился на удобреніи; лишь въ немногихъ общинахъ, гдѣ разговоры о немъ начались еще въ началѣ 70-хъ годовъ, крестьяне, въ ожиданіи передѣла, перестали навозить пашню. Такое же явленіе наблюдалось въ Ширмосовской (мордовской) волости Темниковскаго у., и оно было здѣсь причиной дружнаго согласія на передѣлъ какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ членовъ общины. Въ двухъ общинахъ этого уѣзда богатые крестьяне согласились на передѣлъ на условіи, чтобы имъ были оставлены ихъ хорошо унавоженныя полосы. Въ Елатомскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1882 г. къ кореннымъ передѣламъ полей еще не приступали, зажиточные домохозяева нѣкоторыхъ общинъ, ожидая ревизіи, перестали унавоживать свои полосы.

Такимъ образомъ, передѣлы полей оказали замѣтное задер-

живающее вліяніе на введеніе удобренія въ немногихъ общинахъ почти каждаго уѣзда Тамбовской губерніи. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ губерніяхъ центральной черноземной полосы. Изъ описанія отдѣльныхъ деревень Курской и Рязанской губерній (Бѣлогородскій, Тимскій, Корочанскій, Данковскій, Раненбургскій уѣзды) видно, что когда пошли толки о передѣлѣ полей — удобреніе прекратилось въ какой-нибудь парѣ общинъ каждаго уѣзда, рѣдко въ большемъ числѣ ихъ.

О частыхъ же жеребьевкахъ, какъ одной изъ причинъ, задерживающихъ введеніе удобренія, заявлено въ одной общинѣ Корочанскаго уѣзда, въ 16-ти общинахъ Новооскольскаго у., въ 6—8 общинахъ Бѣлгородскаго уѣзда. Для Тетюшскаго уѣзда имѣется указаніе на нѣсколько селеній, заявившихъ, что частые передѣлы препятствуютъ удобренію. Относительно Кромскаго, Корочанскаго и Болховскаго уѣздовъ Орловской губ., гдѣ основой податной состоятельности населенія служатъ коноплянники, на которые и употребляется большая часть навоза, въ числѣ второстепенныхъ причинъ, задерживающихъ примѣненіе удобренія полей, земская статистика указываетъ частыя жеребьевки. Такъ, хотя въ Болховскомъ уѣздѣ навозники и не подвергаются переверсткамъ, но такъ какъ „въ большинствѣ селеній удобреніе поля остается совершенно неурегулированнымъ и каждому хозяину предоставлено унаваживать свою землю гдѣ и когда онъ захочетъ, то получается страшная путаница при жеребьевкахъ, что многихъ удерживаетъ отъ удобренія полей“ (с. 116). Крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ Самарской губерніи, въ числѣ причинъ слабаго развитія удобренія полей называютъ непривычку къ нему, отдаленность полей отъ усадьбы, недостатокъ скота, а иногда частые передѣлы и жеребьевки. Послѣдняя причина заставила прекратить удобреніе или воздержаться отъ его введенія 10 общинъ Бугурусланскаго уѣзда. Заявленія о томъ, что переверстки мѣшаютъ удобренію полей въ Кузнецкомъ уѣздѣ начинаютъ появляться въ общинахъ, переверстывающихъ землю чаще, нежели черезъ 5 лѣтъ: изъ 18 общинъ, совершающихъ переверстки въ сроки отъ 2 до 5 л., такія заявленія сдѣланы въ двухъ. Въ общинахъ, переверстывающихъ надѣлъ ежегодно (въ

Кузнецкомъ уѣздѣ ихъ 59), подобныхъ заявленій, конечно, больше.

Приведенные факты позволяютъ высказать слѣдующее заключеніе. Тамъ, гдѣ потребность въ удобреніи полей не сдѣлалась настоятельной и крестьяне еще не убѣдились въ его пользѣ, они приводятъ разнообразныя, болѣе или менѣе основательныя причины, какъ задерживающія этотъ шагъ въ развитіи земледѣльческой культуры; и если здѣсь возбудился вопросъ о передѣлѣ полей по наличнымъ душамъ — въ числѣ этихъ причинъ фигурируетъ и боязнь передѣла, фигурируетъ, однако, не особенно часто; гдѣ практикуются жеребьевки, населеніе ссылается и на нихъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ удобреніе распространено больше, жалобы на передѣлы полей встрѣчаются рѣже, а въ такихъ областяхъ, какъ, напр., Шацкій уѣздъ, не отличающійся плодородной почвой, — разъ появившись, удобреніе полей быстро распространилось по всему уѣзду, не смотря на передѣлы и жеребьевки. Въ мѣстностяхъ съ давно-практикующимся удобреніемъ полей, приближеніе передѣла заставляетъ нѣкоторыя общины или нѣсколькихъ хозяевъ прекратить унаваживаніе; причемъ, въ случаѣ неизвѣстности момента передѣла и при продолжительномъ его ожиданіи, такой образъ дѣйствія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ приводитъ въ отдѣльныхъ общинахъ къ замѣтному пониженію урожаевъ. Отсюда видно, что не столько самый передѣлъ, сколько неопредѣленность положенія, какъ результатъ неизвѣстности точнаго момента его наступленія, служитъ иногда препятствіемъ примѣненію удобренія. Интересно поэтому прослѣдить, какую чуткость къ требованіямъ хозяйства обнаруживаетъ община, принимаетъ ли она мѣры къ устраненію указанной неопредѣленности.

„Является вообще непонятнымъ, говорятъ курскіе статистики, какимъ образомъ крестьяне могутъ пойти противъ своей выгоды, и что можетъ заставить большинство, если оно унаваживаетъ свою землю, сдѣлать приговоръ о переверсткѣ надѣловъ?“ Что также помѣшаетъ крестьянамъ, если нужно, установить между передѣлами длинные промежутки? И дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ при совершеніи передѣла въ центральной черноземной полосѣ время слѣдующаго назна-

чается черезъ 9 — 12 — 15, даже 20 лѣтъ. Лишь въ немногихъ уѣздахъ, напр., Воронежскомъ (гдѣ передѣлилась большая часть государственныхъ крестьянъ), Моршанскомъ (передѣлъ совершился почти у всѣхъ государственныхъ крестьянъ), Тетюшскомъ —большинство общинъ приняло небольшой срокъ слѣдующаго передѣла—всего 5—7 лѣтъ и менѣе.

Въ Темниковскомъ уѣздѣ (передѣлили землю 60% всѣхъ государственныхъ крестьянъ) и Липецкомъ промежутки между передѣлами повсюду установлены въ 9 — 12 лѣтъ; въ Шацкомъ и Лебедянскомъ (передѣлилась 1/2 госуд. крестьянъ) — 10 л. (въ 3-хъ общинахъ—9—12 л.); въ Спасскомъ уѣздѣ, гдѣ передѣлъ совершился у всѣхъ государственныхъ крестьянъ,— 10 — 15 л.; въ Усманскомъ (передѣлилось около 1/2 госуд. кр.) и Кирсановскомъ (передѣлилось 3/4 гос. кр.) уѣздахъ сроки большинства общинъ 10—12 л., меньшинства 5—6. Это— уѣзды Тамбовской губерніи. Въ Михайловскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, гдѣ по наличнымъ душамъ передѣлило землю огромное большинство государственныхъ крестьянъ и больше 1/3 помѣщичьихъ, 83% общинъ назначили время слѣдующаго передѣла черезъ 10—15 л. и около 17% — черезъ 5—9 л.; въ извѣстныхъ случаяхъ передѣла у крестьянъ Данковскаго уѣзда приняты почти только длинные сроки 10—15 л. Въ Цивильскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, гдѣ передѣлъ по наличнымъ душамъ совершился у 80% государственныхъ крестьянъ и 20% помѣщичьихъ, — 70% передѣлившихся общинъ назначили моментъ слѣдующаго передѣла черезъ 10 — 20 лѣтъ; остальныя (кромѣ 2) — не менѣе 6 л. Въ Казанскомъ уѣздѣ, гдѣ передѣлили свою землю 2/3 государственныхъ крестьянъ, 80% общинъ постановили совершить слѣдующій передѣлъ черезъ 10—15 л.; тотъ же срокъ принятъ и большинствомъ общинъ Острогожскаго уѣзда, гдѣ по сіе время коренной передѣлъ имѣлъ мѣсто у половины государственныхъ крестьянъ, а также общинами Мамадышскаго уѣзда. Въ уѣздахъ Елецкомъ, Трубчевскомъ, Крамскомъ, Корочевскомъ Орловской губерніи огромное большинство передѣлившихся общинъ для слѣдующаго передѣла назначили сроки не менѣе 9 лѣтъ. Краткіе промежутки между передѣлами приняты общинами южной степной

полосы, гдѣ удобреніе не примѣняется и гдѣ, какъ мы знаемъ, черезъ 2—3 года практикуется обмѣнъ толоки на пашню. Краткіе сроки и даже отсутствіе назначенія таковыхъ наблюдается въ Самарской губерніи, гдѣ, по причинѣ часто повторяющихся неурожаевъ, на обществахъ накопилось много брошенныхъ разорившимися хозяевами надѣловъ, весьма часто служащихъ къ обремененію обществъ. Такъ какъ забрасываніе земли продолжается и нынѣ, то общества не могутъ ручаться, что сдѣланное ими при недавнихъ коренныхъ передѣлахъ распредѣленіе земли сохранится на долго и что черезъ нѣсколько лѣтъ не потребуется произвести новые передѣлы. Въ виду этого назначеніе длинныхъ сроковъ для слѣдующаго передѣла было бы непредусмотрительно. Во многихъ случаяхъ назначеніе короткихъ сроковъ для слѣдующаго передѣла сдѣлано въ виду предположенія производства въ близкомъ будущемъ ревизіи населенія.

Итакъ, что касается коренныхъ передѣловъ, при которыхъ происходитъ количественное уравненіе земли и обмѣнъ полосъ у всѣхъ членовъ общины, ихъ вредное вліяніе въ прошедшемъ ограничивалось тѣмъ промежуткомъ времени (въ исключительныхъ случаяхъ растягивавшимся надолго), какой проходилъ между зарожденіемъ мысли о передѣлѣ и его осуществленіемъ. Такъ какъ этотъ промежутокъ ненормально удлиняется, благодаря привычкѣ населенія производить уравненіе въ моментъ ревизіи, вслѣдствіе чего необходимый передѣлъ весьма часто откладывается до новой переписи, ожидаемой населеніемъ съ часу на часъ, то нужно полагать, что осуществленіе переписи населенія, за которою въ общинахъ, сохраняющихъ старую разверстку земли, послѣдуютъ ея передѣлы, отразится благотворно на распространеніи удобренія полей въ черноземной полосѣ. Для будущаго въ огромномъ большинствѣ случаевъ вредное вліяніе передѣловъ предупреждается назначеніемъ такихъ длинныхъ сроковъ слѣдующаго передѣла, которые совершенно достаточны для того, чтобы удобреніе полей сдѣлалось обычнымъ пріемомъ массы членовъ общины, коль скоро они считаютъ его полезнымъ. Разъ это будетъ достигнуто—приближеніе момента передѣла заставитъ, можетъ быть, удобрять поле менѣе тщательно нѣкоторыхъ зажиточныхъ и при-

томъ жадныхъ крестьянъ (и теперь опасеніе передѣла связываетъ энергію далеко не всѣхъ хозяевъ, теряющихъ при передѣлѣ хорошо разработанную полосу, а мѣстами неодинаковое достоинство разработки участковъ различными хозяевами служитъ даже добровольно общепризнаннымъ основаніемъ періодическаго передѣла общинныхъ угодій) [1]), такъ что года за два до его наступленія небольшая часть лучше удобренныхъ крестьянскихъ полей приблизится къ среднему уровню. Но и при этомъ поля окажутся не въ потерѣ, ибо тотъ навозъ, который два года будетъ собираться въ конюшнѣ, послѣ новаго передѣла вывезется на ниву же и послужитъ удобренію другой полосы, можетъ быть, той, которая прежде была у бѣднаго хозяина и теперь очень кстати попала къ зажиточному.

Заключеніе, сдѣланное нами о коренныхъ передѣлахъ, вполнѣ приложимо и къ переверсткамъ. Послѣднія въ большинствѣ случаевъ составляютъ продуктъ прежняго времени, и ихъ вредное вліяніе стало обнаруживаться лишь недавно. Но лишь только оно сдѣлалось очевиднымъ, какъ въ общинѣ начался и успѣшно подвигается впередъ процессъ примиренія новыхъ требованій жизни со старыми, и теперь мы видимъ, что или переверстки отмѣняются, или частыя превращаются въ рѣдкія, или онѣ перестаютъ касаться удобряемыхъ участковъ. Поэтому, мы думаемъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что ни общіе коренные, ни частные передѣлы, ни жеребьевки и переверстки въ огромномъ большинствѣ случаевъ не составляютъ существеннаго препятствія для введенія сельско-хозяйственныхъ улучшеній, возвращающихъ затраты на нихъ постепенно. Выражаясь словами харьковской земской управы, „передѣлы являются однимъ ничтожнымъ слагаемымъ въ общей суммѣ препятствій, мѣшающихъ крестьянству во введеніи серьезныхъ земледѣльческихъ улучшеній“. Сказанное подтверждается тѣмъ, что распредѣленіе

[1]) Лѣтомъ 1857 г., пишетъ г. Соловьевъ, «крестьяне (подмосковные) знали, что назначена ревизія и, слѣдовательно, передѣлъ земли начнется съ будущаго года; но во всѣхъ видѣнныхъ мною селеніяхъ никто не пожалѣлъ вывезти свой навозъ на землю. Мало того, подгородные крестьяне возили и возятъ изъ города покупной навозъ въ томъ же самомъ количествѣ, въ какомъ возили и въ прежнее время—вѣроятно, потому, что разсчитываютъ за свое удобреніе получить удобреніе другихъ» (Отеч. Зап. 1858 г., 1, «О поземельной собственности»).

уѣздовъ центральной черноземной полосы по степени примѣненія удобренія крестьянскихъ полей далеко не совпадаетъ съ распредѣленіемъ ихъ по степени распространенности передѣловъ и жеребьевокъ. Вообще, удобреніе полей въ этой полосѣ—явленіе новое, почему въ моментъ экономическаго изслѣдованія, производимаго земствами въ первой половинѣ 80-хъ гг., если оно гдѣ и примѣнялось, то обыкновенно далеко не всѣми домохозяевами общины и лишь на небольшихъ площадяхъ поля. При этомъ въ однихъ уѣздахъ замѣчается совпаденіе болѣе или менѣе замѣтнаго удобренія полей съ рѣдкостью производства жеребьевокъ и передѣловъ (Козловскій, Михайловскій, Щигровскій, Тимскій уѣзды, общины помѣщичьихъ крестьянъ Воронежскаго уѣзда и др.) или частыхъ жеребьевокъ съ слабымъ примѣненіемъ удобренія (Острогожскій, Кромскій уѣзды). Но столь же часто между двумя изучаемыми явленіями не замѣчается такого параллелизма или наблюдается отношеніе, обратное вышеуказанному. Такъ, крестьяне всѣхъ разрядовъ Курскаго, Липецкаго, Усманскаго уѣздовъ, государственные крестьяне Воронежскаго, Кирсановскаго, Моршанскаго и т. п. пользовались землей неизмѣнно въ теченіе 20—25 лѣтъ и, несмотря на это, удобреніе надѣловъ здѣсь совсѣмъ или почти совсѣмъ не примѣнялось. И наоборотъ, въ Шацкомъ уѣздѣ, несмотря на часто повторявшіяся жеребьевки у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и всеобщее распространеніе общихъ коренныхъ передѣловъ въ послѣднее время у государственныхъ, удобреніе полей, разъ появившись, быстро распространилось по уѣзду. Точно также частыя жеребьевки не помѣшали введенію удобренія на поляхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Моршанскаго уѣзда и въ южной части Мценскаго.

Такимъ образомъ, примѣръ центральной черноземной полосы не можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія, что непрочность владѣнія участкомъ является главной причиной низкаго состоянія крестьянскаго хозяйства этого раіона. Для объясненія такого состоянія слѣдуетъ поэтому обратиться къ другимъ „слагаемымъ“ той суммы, которая стоитъ на пути возвышенія крестьянской земледѣльческой культуры. По отношенію собственно къ примѣненію удобренія нѣкоторыя изъ этихъ сла-

гаемыхъ могутъ быть указаны безъ особаго углубленія въ существо вопроса.

„Одною изъ важнѣйшихъ причинъ слабаго удобренія крестьянами черноземной полосы ихъ полей нужно считать отсутствіе твердаго убѣжденія въ необходимости этого сельско-хозяйственнаго пріема, ясно проявляющееся въ тѣхъ случаяхъ, когда удобреніе мало практикуется государственными крестьянами, болѣе свободными въ распоряженіи своимъ временемъ и удобрительными средствами (имѣя лѣсъ, могутъ не топить навозомъ и т. п.), чѣмъ помѣщичьи. На вопросъ—почему поля не удобряются — земскіе статистики черноземной полосы нерѣдко получали отвѣтъ: такъ не заведено, не привыкли, земля и безъ навоза родитъ, или не выносить его и т. п. Но та же мысль скрывается и за многими другими оправданіями крестьянъ небрежнаго отношенія къ своимъ полямъ: ссылаясь на недостатокъ скота, частыя переверстки, отдаленность полей отъ усадьбы и т. д., крестьяне очень часто, если не въ большинствѣ случаевъ, на самомъ дѣлѣ не навозятъ просто потому, что недостаточно убѣждены въ необходимости удобренія, ибо если указанныя причины и дѣйствительны для извѣстныхъ общинъ или группъ населенія данной области, то здѣсь же встрѣчаются и такія, гдѣ онѣ не имѣютъ мѣста и, однако, удобреніе все-таки не практикуется.

Указанная, такъ сказать, духовная причина слабаго распространенія удобренія на крестьянскихъ поляхъ сдѣлается совершенно понятной, если вспомнить, что замѣтное истощеніе почвы проявилось на черноземѣ лишь въ послѣднія 15—20 л., мѣстами и того позже; что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ польза удобренія отрицается даже многими крупными землевладѣльцами (Новоузенскій, Бугурусланскій, Острогожскій уѣзды и т. д.); что распространеніе новыхъ идей въ массѣ, особенно, когда она не образована, идетъ вообще медленно и, наконецъ, что это распространеніе въ нашемъ случаѣ должно совершаться въ присутствіи крайне неблагопріятныхъ, уже не фиктивныхъ, а дѣйствительныхъ обстоятельствъ. Цѣлая масса вредныхъ условій будто нарочно скомбинировалась, чтобы мѣшать укрѣпленію въ крестьянствѣ мысли о пользѣ удобренія и задержать первыя

попытки его примѣненія. Наличность облегчающихъ моментовъ составляетъ такое важное условіе для прогресса народнаго производства, что повсюду общества и правительства принимаютъ спеціальныя мѣры поощренія и облегченія преобразованій, которыя считаются ими необходимыми: устраиваютъ опытныя фермы и другими способами пропагандируютъ необходимость извѣстныхъ улучшеній; образуютъ посредничество для пріобрѣтенія лучшихъ сѣмянъ и орудій производства; открываютъ общій или спеціальный кредитъ, даютъ преміи и т. п. Въ нашемъ случаѣ не только не существуетъ ничего подобнаго, не только отсутствуетъ болѣе или менѣе широкое сознательное вліяніе на невѣжественную массу просвѣщенной интеллигенціи; но и естественныя условія земледѣлія сложились такимъ образомъ, чтобы, по возможности, затруднить, а не облегчить для хозяина неизбѣжное преобразованіе.

Начать съ того, что расположеніе надѣловъ крестьянъ въ очень многихъ случаяхъ крайне затрудняетъ примѣненіе правильныхъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ. Поля крестьянъ или очень растянуты, или неровны, бугристы, или разбросаны нѣсколькими особняками черезполосно съ другими владѣльцами. Такъ, въ Бѣлгородскомъ у., изъ числа уѣздовъ Курской губерніи отличающемся выгоднымъ для крестьянъ расположеніемъ ихъ угодій, въ 52 изъ 220 общинъ (въ 25%) поля отличаются недостатками, сильно затрудняющими вывозку навоза (они неровны, бугристы, съ глубокими оврагами, расположены на горѣ, тогда какъ усадьба подъ горою, отрѣзаны отъ усадьбы покосомъ, рѣкою и т. д.). Въ половинѣ волостей Тимскаго у. „крестьянскіе надѣлы большею частью гористы, со множествомъ овраговъ, логовъ и водомоинъ“; кромѣ того, въ 42 общинахъ изъ 287 (15%) крестьяне получили надѣлъ въ 2 — 7 мѣстахъ, и ихъ поля не примыкаютъ къ усадьбамъ; въ 10-ти въ такомъ положеніи находится часть полей; въ томъ и другомъ случаѣ крестьяне не могутъ совершенно свободно распоряжаться пашней, гонять на нее скотъ и т. д. Въ Путивльскомъ у. пахатную землю въ нѣсколькихъ мѣстахъ получило уже 105 общ. (изъ 458) или 23%, у нѣкоторыхъ изъ нихъ пашня состоитъ изъ 100 кусковъ и больше. Въ Цивильскомъ

у. Казанской губерніи въ одномъ участкѣ полученъ надѣлъ менѣе чѣмъ одной третью общинъ, у остальныхъ онъ находится въ двухъ-трехъ мѣстахъ и больше. Въ Мценскомъ у. Орловской губ. у большинства общинъ, особенно собственниковъ, „надѣлы распадаются на нѣсколько особняковъ, раздѣленныхъ оврагами, водомоинами или расположенныхъ черезполосно, часто съ 2 — 3 владѣльцами“. Вытекающія отсюда неудобства заключаются въ невозможности дальніе участки удобрять и обрабатывать какъ слѣдуетъ; въ необходимости деньгами или трудомъ покупать у частныхъ владѣльцевъ право проѣзда или прогона скота на свои земли, расположенныя за ихъ угодьями; иногда водить скотъ на пастьбу приходится въ рукахъ—такъ велика вѣроятность потравы и т. д. Другимъ выдающимся недостаткомъ расположенія полей въ черноземныхъ губерніяхъ является такъ-называемое длиноземеліе. Длиноземеліе, при которомъ отдаленнѣйшіе участки поля отходятъ отъ усадьбы на 10—15 верстъ, является результатомъ частью крупности селеній, частью—неправильнаго размежеванія угодій при отведеніи крестьянскихъ надѣловъ. Такіе случаи, когда поле тянется въ одну сторону холстомъ въ 200—100 и меньше саженъ ширины (въ Курской губ. есть надѣлы и въ 20 арш. ширины) и 4—6 верстъ длины и какихъ не мало можно найти, напр., въ Курской и Рязанской губерніяхъ, никоимъ образомъ нельзя отнести на счетъ крупности поселенія и легко могли бы быть исправлены межеваніемъ.—Неудобное расположеніе надѣла, затрудняющее вывозъ удобренія даже на ближайшіе участки полей, составляетъ не только не исключительное, но даже очень обыкновенное явленіе въ центральной черноземной полосѣ. Такое расположеніе угодій создаетъ прежде всего физическія затрудненія удобренію, а затѣмъ, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, выдвигаетъ новый рядъ препятствій тому же. Врѣзавшееся въ крестьянскій надѣлъ чужое владѣніе ведетъ къ необходимости снять его въ аренду, хотя бы для того, чтобы обезпечить свободный доступъ къ пахатной землѣ. А аренда при такихъ обстоятельствахъ совершается обыкновенно на невыгодныхъ условіяхъ и притомъ съ уплатой по преимуществу трудомъ, а не деньгами. На тѣхъ же условіяхъ отработка

бывшіе помѣщичьи крестьяне обыкновенно снимаютъ и отсутствующія въ ихъ надѣлѣ пастьбища, а частью и пахатную землю крупныхъ владѣльцевъ, занимаютъ у нихъ зимою деньги, покупаютъ хлѣбъ, солому и т. д. Все это дѣлается по крайней настоятельности потребности, и, слѣдовательно, на невыгодныхъ условіяхъ (припомнимъ, напр., что подряжаясь на работу зимою, съ условіемъ полученія впередъ денегъ, крестьянинъ сознательно отказывается чуть-ли не отъ половины рыночной стоимости своего труда) и совершается повсемѣстно въ огромныхъ размѣрахъ (именно этимъ способомъ зимняго найма и отдачи своихъ угодій подъ отработки владѣльцы центральной черноземной Россіи и обезпечиваютъ главную массу нужныхъ имъ рабочихъ рукъ). Не нанявъ пастьбища, крестьянину нечѣмъ кормить скотину; не снявъ прогона, ему не добраться до своего поля; не занявъ зимою денегъ—придется лишиться лошади для уплаты по обязательству и т. д. Въ виду столь настоятельныхъ требованій, что же удивительнаго, если незажиточный крестьянинъ снимаетъ, арендуетъ, занимаетъ вездѣ, гдѣ только возможно; если онъ обѣщаетъ свой трудъ и тому, и другому, и третьему; что удивительнаго, если онъ забываетъ при этомъ о могущемъ встрѣтиться недостаткѣ времени для удобренія своего поля! Онъ уже давно растянулъ свой рабочій годъ на два, давно перешелъ тотъ предѣлъ, за которымъ теряется возможность не то что унавозить, а своевременно запахать полосу и снять съ нея хлѣбъ. Лучшее время всѣхъ земледѣльческихъ періодовъ онъ отдаетъ кредиторамъ, а для себя пользуется урывками между требованіями того и другого изъ нихъ [1]). Вотъ почему земскіе статистическіе сборники утверждаютъ, что гдѣ удобреніе полей не получило всеобщаго распространенія — оно примѣняется обыкновенно лишь наиболѣе зажиточными домохозяевами.

Кромѣ затрудненій для введенія удобренія крестьянскихъ полей, вытекающихъ изъ недостатка времени, существуетъ другой рядъ ихъ, основанный на необходимости матеріальныхъ пожертвованій со стороны хозяина.

---

[1]) Нѣкоторые, относящіеся сюда факты приведены въ первой главѣ стр. 24—26.

Навозъ можно назвать отбросомъ сельско-хозяйственнаго производства, и было время, когда въ разсматриваемой полосѣ не знали, куда его сбыть: гноили въ хлѣвахъ, заваливали имъ овраги и т. д. Но то время было и быльемъ поросло! Теперь уже немного попадается такихъ уголковъ, гдѣ навозъ пропадаетъ безслѣдно; вообще же онъ представляетъ доходную статью хозяйства, удовлетворяетъ важной потребности народнаго быта и можетъ быть обмѣненъ на деньги. Дѣло въ томъ, что съ уничтоженіемъ лѣсовъ, которыхъ въ центральной черноземной полосѣ осталось очень немного, а въ надѣлѣ помѣщичьихъ крестьянъ вовсе нѣтъ,—удовлетворить потребности отопленія, употребляя для этого дрова, становится труднѣе и труднѣе. Приходится прибѣгать къ соломѣ и навозу, а съ распашкой и того небольшаго количества луговъ, какое было въ надѣлѣ помѣщичьихъ крестьянъ, яровая солома пошла на содержаніе скота и главнымъ топливомъ, не требующимъ затраты на него денегъ, явился навозъ и озимая солома. Изъ сдѣланныхъ на этотъ счетъ точныхъ записей, относящихся къ Тетюшскому уѣзду Казанской губ., гдѣ лѣса сохранились сравнительно лучше, видно, что навозъ (вмѣстѣ съ соломой или дровами) употребляется на отопленіе слишкомъ въ половинѣ общинъ; въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губ. и того чаще. Отопленіе соломой распространено значительно больше; благодаря этому, крестьянскій скотъ держится безъ подстилки, отчего количество производимаго навоза сильно уменьшается. Навозъ, какъ топливо, употребляется не только крестьянами, но и остальными жителями района, и даже городами. Поэтому, крестьянину, у котораго есть лишній навозъ сверхъ того, что онъ затратилъ на отопленіе своего жилья, при нуждѣ разнаго рода, является соблазнъ продать его, а гдѣ крупные землевладѣльцы удобряютъ свои поля— промѣнять имъ на хлѣбъ, солому и т. п. Такое обращеніе съ удобреніемъ особенно распространяется послѣ неурожайныхъ годовъ, которые въ послѣднее время являются чаще и чаще. Но и помимо неурожая, торговля навозомъ съ теченіемъ времени развивается, благодаря общей необезпеченности матеріальнаго положенія крестьянина, которая мѣстами растетъ, а не уменьшается. Немаловажнымъ источникомъ непроизводительной

затраты крестьяниномъ его удобренія является требованіе на него со стороны частныхъ владѣльцевъ, не только въ формѣ покупки на деньги или въ обмѣнъ на предметы потребленія, но и въ видѣ обязательства крестьянъ унавожить арендуемыя ими пашни (въ Рязанской губерніи встрѣчаются случаи аренды крестьяниномъ пашни подъ условіемъ вывозить на нее 4 — 6 т. пуд. навоза на десятину), отдавать удобреніе за пользованіе прогономъ, пастьбищемъ и т. п.".

Подробнѣе объ этомъ предметѣ мы говорили раньше (с. 29), почему ограничимся на сей разъ указаніемъ, что, по даннымъ оффиціальнаго источника, мѣстами въ черноземной полосѣ „владѣльческія земли получаютъ больше удобренія, чѣмъ крестьянскія, такъ какъ землевладѣльцы скупаютъ навозъ у крестьянъ, платя отъ 5 до 25 коп. за возъ. Такое явленіе чаще всего замѣчается на южной окраинѣ полосы, гдѣ удобреніе полей навозомъ стало вводиться, особенно у крестьянъ, сравнительно недавно, и эти послѣдніе еще не успѣли достаточно проникнуться сознаніемъ пользы навознаго удобренія; мѣстами же это явленіе обусловливается крайнею нуждою нѣкоторыхъ крестьянъ и усиливается въ неурожайные годы" [1]).

„Итакъ, чтобъ поднять производительность своего поля, крестьянину мало затратить трудъ на вывозъ готоваго удобренія; нерѣдко ему предстоитъ еще лишиться топлива и нѣкотораго денежнаго или матеріальнаго дохода, сдѣлать извѣстныя затраты, для чего нужно имѣть другіе источники для покрытія образующагося такимъ образомъ дефицита. Но такъ какъ потребность въ удобреніи возникла въ то время, когда увеличеніе платежей, стѣсненіе запашекъ, наконецъ неурожаи сократили, а не увеличили доходы земледѣльца, то и нѣтъ ничего удивительнаго, если бѣдная часть крестьянъ вовсе не можетъ отвѣтить на предъявляемые имъ запросы со стороны хозяйства, другая удобряетъ или нѣтъ, смотря по урожаю и зависящему оттого матеріальному изобилію или недостатку; если (какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ послѣднія изслѣдованія) драгоцѣнное удобреніе крестьяне продаютъ, мѣняютъ, отдаютъ другимъ и

---

[1]) 1887 г. въ с.-х. отн., в. III, с. 532—3.

если даже очень обыкновеннымъ явленіемъ служитъ прекращеніе земледѣльцемъ начавшагося было удобренія и обращеніе навоза на отопленіе и на пріобрѣтеніе предметовъ потребленія, которые невозможно достать ни какимъ инымъ способомъ (смотри извѣстія объ этомъ въ земско-статистическихъ сборникахъ, по Ранепбургскому, Данковскому, Лебедянскому, Тетюшскому у. и т. д.)" [1]).

Итакъ, неудобства въ расположеніи надѣла, отсутствіе сколько - нибудь организованнаго кредита и проистекающая отсюда необходимость продавать трудъ въ самое горячее для земледѣльца время; условія найма угодій, безъ которыхъ крестьянину обойтись невозможно; отсутствіе древеснаго топлива; слабое развитіе подсобныхъ промысловъ, на которые бы падала часть расходовъ по содержанію семьи — вотъ цѣлый рядъ слагаемыхъ, образующихъ ту сумму, которая служитъ препятствіемъ къ болѣе или менѣе широкому примѣненію крестьянами удобренія своихъ полей. Игнорировать эти слагаемыя и сваливать главную вину на порядки общиннаго владѣнія землей — значитъ по истинѣ валить съ больной головы на здоровую.

V.

Только что высказанное заключеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ состояніи земледѣльческой культуры въ нечерноземной полосѣ Россіи.

Одного состоянія удобренія полей въ названной области достаточно для доказательства положенія, что между общинной формой владѣнія землей и болѣе или менѣе высокой с.-х. культурой не существуетъ никакого антагонизма. Въ самомъ дѣлѣ, полученіе какихъ-нибудь урожаевъ въ этой области возможно только при тщательномъ удобреніи почвы; величина урожая пропорціональна степени удобренія; поэтому заботы хозяина направлены по преимуществу на то, чтобы обезпечить себѣ достаточное количество послѣдняго. Забота эта до того господствуетъ надъ другими соображеніями крестьянина, что и въ содержаніи

---

[1]) Итоги экон. изслѣд. Россіи, т. I, с. 412—415.

молочнаго скота онъ руководствуется главнымъ образомъ ею, и его корова не даромъ называется „навозной". Въ силу сказаннаго, расходъ на удобреніе заключается здѣсь не въ одной вывозкѣ его на поля — какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ областяхъ черноземной полосы, гдѣ навозъ составляетъ бремя для хозяина, не знающаго, какъ отъ него отдѣлаться и валящаго его въ овраги—а и въ затратахъ на содержаніе скота, а иногда и на покупку удобренія, и, несмотря на все это, общинная форма владѣнія землей не помѣшала ни введенію удобренія полей въ прошедшемъ, ни благополучному его существованію и возрастанію въ интенсивности въ настоящемъ. Даже больше того,—интенсивность удобренія полей на общинныхъ земляхъ нечерноземной полосы выше, нежели на земляхъ подворнаго владѣнія; исключеніе составляютъ лишь прибалтійскія губерніи, слишкомъ рѣзко отличающіяся отъ великорусскихъ и по размѣрамъ крестьянскаго землевладѣнія, и по общему культурному развитію населенія; сказанное, однако, не помѣшало ярославскому и архангельскому крестьянамъ въ отношеніи интенсивности примѣненія удобренія стать на одну доску съ прибалтійскимъ, а московскому лишь очень мало отстать отъ послѣдняго. Изъ пяти же нечерноземныхъ губерній съ наиболѣе слабою удобряемостью полей, лишь одна населена великорусскимъ племенемъ (Нижегородская), другая занята бѣлорусскимъ (Минская) и три— литовскія, съ господствующей подворной формой владѣнія земельными угодьями [1]).

Попытаемся же опредѣлить, каковы порядки общиннаго владѣнія землей въ разсматриваемой области, дающіе возможность удерживать культуру земли на сравнительно высокомъ уровнѣ и какъ велико здѣсь постоянство пользованія хозяиномъ отводимымъ ему участкомъ. Начнемъ съ Московской губерніи, какъ изслѣдованной лучше другихъ [2]) и какъ такой, гдѣ съ одной стороны общинная жизнь находится, такъ сказать, въ полномъ цвѣту, а съ другой—интенсивность удобренія крестьянскихъ полей мало отличается отъ интенсивности, наблюдаемой на землѣ остзейскаго полу-крестьянина, полу-барина.

[1]) См. оффиціальное изданіе: 1887 г. въ с.-х. отн., в. III, с. 551 и др.
[2]) См. Сб. ст. св. по Моск. губ. Т. IV, в. I, работа Орлова.

По причинѣ плохаго качества почвы и высокаго обложенія земли, въ первыя 15—20 лѣтъ послѣ реформы московскій крестьянинъ не особенно держался за надѣлъ. Это обстоятельство, въ связи съ легкостью полученія стороннихъ заработковъ, побудило общину на ряду съ землей привлечь къ участію въ несеніи платежей также рабочую силу своихъ членовъ, результатомъ чего явилось распространеніе системъ разверстки земли (а съ ней и платежей) по рабочей силѣ. Согласно существу этихъ системъ, членъ общины обязанъ держать надѣлъ до извѣстнаго возраста, съ наступленіемъ котораго можетъ отъ него отказаться, послѣ чего участокъ передается другому хозяину съ увеличившимся рабочимъ составомъ. Тѣ хозяева, которые обязаны принять освободившуюся полосу, имѣютъ полное основаніе желать, чтобы таковая была прирѣзана къ ихъ коренному надѣлу, ибо иначе пользованіе ею связано со многими неудобствами, зависящими отъ разбросанности участковъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого желанія должно бы быть примѣненіе при каждой передачѣ участка общаго перераспредѣленія земли въ натурѣ. Но такъ какъ указанный пріемъ, вводя слишкомъ большую непрочность владѣнія, вредно отразился бы на заботахъ хозяевъ о лучшей обработкѣ почвы, то,—за исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ, когда частный передѣлъ совершается при помощи, такъ называемыхъ, подвижекъ, — повсюду въ Московской губерніи процессъ передачи полосъ отъ одного хозяина другому не касается остальныхъ членовъ общины. При этомъ лица, участвующія въ актѣ свалки-навалки, избираютъ такіе способы послѣдней, которые имѣли бы наименѣе неблагопріятныя хозяйственныя слѣдствія, т. е. которые ведутъ къ наименьшему раздробленію участковъ. Несмотря на это, съ теченіемъ времени раздробленіе полей, а съ нимъ и черезполосица настолько усиливаются, что община находитъ нужнымъ принять противъ этихъ недостатковъ спеціальныя мѣры и прибѣгаетъ къ общему перераспредѣленію земли въ натурѣ, къ общему передѣлу полей. По даннымъ, относящимся къ 4.442 общинамъ, до второй половины 70-хъ гг. общіе передѣлы совершались безъ назначенія срока для слѣдующаго передѣла, но около 500 общинъ, и преимущественно въ послѣднее время, нашли нужнымъ установить такіе

сроки, и опредѣляли ихъ обыкновенно въ 10—20 л.; въ немногихъ волостяхъ попадались отдѣльныя общины, назначавшія болѣе короткіе сроки, даже 3-хъ-лѣтніе. 500 слишкомъ общинъ передѣляютъ землю во время ревизіи и 340 передѣляютъ ежегодно паровое поле. Суммируя данныя о всѣхъ общинахъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, мы будемъ имѣть, что промежутокъ между двумя передѣлами почти въ половинѣ общинъ равнялся 12—20 годамъ и почти въ 75% колебался отъ 9 до 20 л.; 560 общинъ или 12,7% дѣлили землю черезъ 6—9 л., 197 или 4,4%—черезъ 3—6 л. и 456 общинъ—черезъ 3 г.

Чтобы правильно отнестись къ этимъ цифрамъ, слѣдуетъ замѣтить, что частые передѣлы земли наблюдаются по преимуществу въ общинахъ, переобремененныхъ платежами (на работникѣ въ такихъ общинахъ лежитъ платежей на 6—29% больше средняго уѣзднаго платежа) т.-е., слѣдовательно, въ такихъ, гдѣ отказы отъ земли наблюдаются особенно часто, гдѣ многіе хозяева совсѣмъ ушли изъ села, а ихъ полосы обратились въ пустыри. Въ подобныхъ общинахъ черезполосица развивается особенно быстро, быстро накопляется и число надѣловъ, которые уже не на кого наваливать, а приходится разверстывать между всѣми домохозяевами. Въ силу сказаннаго, частые передѣлы являются здѣсь необходимостью, вызванной финансовымъ бременемъ, лежащимъ на общинѣ; послѣдняя прибѣгаетъ къ нимъ, скрѣпя сердце, и для устраненія этого вреднаго обыкновенія слѣдуетъ подумать не объ упраздненіи общинной формы владѣнія землей, а о приведеніи платежей, лежащихъ на землѣ, въ соотвѣтствіе съ ея доходностью.

Въ Тверской губерніи общіе передѣлы встрѣчаются еще рѣже, нежели въ Московской. Въ Старицкомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ половина общинъ, а въ Бѣжецкомъ 2/3 не дѣлили полей даже во время послѣдней ревизіи; половина остальныхъ общинъ передѣлялась только во время ревизіи или послѣ выхода на волю; 7 — 10% общинъ дѣлились послѣ реформы 2 раза, 3—5% 3 раза и 3—10% больше 3-хъ разъ. Въ Калязинскомъ уѣздѣ во время 10-й ревизіи не было общаго передѣла полей у 40% общинъ, въ Зубцовскомъ у 15—20%, а 75% общинъ, передѣлявшихъ землю, совершили всего по

одному передѣлу, т.-е. оставляютъ землю въ однѣхъ рукахъ въ теченіи 25—30 лѣтъ и всего 2 — 6% общинъ дѣлились за послѣднее двадцати-пятилѣтіе больше 2 разъ. Такимъ образомъ, община Тверской губерніи воздерживается до крайнихъ предѣловъ отъ лишенія своихъ членовъ участковъ, которые нѣкогда были имъ отведены, и достигаетъ уравненія землепользованія по возможности путемъ частныхъ передѣловъ.

Въ общинахъ Архангельской губерніи, почва которой требуетъ сильнаго удобренія, та же цѣль сохраненія за хозяевами по возможности ихъ прежнихъ участковъ при послѣднихъ общихъ уравненіяхъ землепользованія достигалась воздержаніемъ отъ общей пересадки хозяевъ, и примѣненіемъ способа уравненія путемъ отрѣзокъ излишней площади отъ однихъ хозяевъ и прирѣзокъ къ другимъ.

Въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи число общинъ, дѣлившихъ землю съ воли 3—6 разъ, не превышаетъ 10%. Такимъ образомъ, говоритъ покойный Харламовъ, промежутки между общими передѣлами „нельзя не признать довольно благопріятными въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, хотя слѣдуетъ замѣтить, что вредъ передѣловъ для успѣха сельскаго хозяйства вообще вовсе не можетъ считаться доказаннымъ". Нужно, впрочемъ, сказать, что изъ 230 общинъ уѣзда, передѣлявшихъ землю только одинъ разъ, 100 общинъ практикуютъ частные передѣлы при помощи такъ называемой подвижки, заключающейся въ томъ, что при каждомъ частномъ передѣлѣ, въ видахъ избѣжанія излишней черезполосицы, всѣ хозяева нѣсколько подвигаются, уступая часть своего поля одному сосѣду и занимая часть поля другого. Этотъ способъ частнаго передѣла введенъ въ то время, когда землей крестьяне мало дорожили, когда многіе уходили въ города, оставляя обремененные платежами надѣлы на обществѣ. Послѣднее накладывало освободившіеся участки на сильныхъ домохозяевъ, и чтобы. по возможности, облегчить бремя пользованія ими, оно считало правильнымъ прирѣзать новыя полосы къ старымъ, т.-е. увеличивать подлежащій участокъ на счетъ сосѣда, который, въ свою очередь, занимаетъ часть площади своего сосѣда съ другой стороны, тотъ подвигается на участокъ слѣдующаго и т. д. Съ 80-хъ

годовъ, когда интересъ къ землѣ возросъ, общества, практиковавшія подвижку, начинаютъ упразднять ее, предлагая своимъ членамъ брать освободившуюся полосу, гдѣ придется[1]).

Изъ 328 общинъ Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія, уравненіе членовъ союза въ пользованіи пахатной землей путемъ общихъ коренныхъ передѣловъ наблюдается всего въ 25; въ остальныхъ это уравненіе достигается частными передѣлами, причемъ въ 200 общинахъ сокращеніе чьего-либо участка производится лишь съ согласія домохозяина, а въ 100 общинахъ—со смертью члена семьи или (рѣдко) съ достиженіемъ имъ извѣстнаго возраста. Что касается способовъ производства частныхъ передѣловъ—въ 86 общинахъ послѣдніе совершаются путемъ обмѣна полосъ лишь между заинтересованными хозяевами, въ 74-хъ—при помощи общаго перераспредѣленія земли въ натурѣ (жеребьевки) и въ 120-ти общинахъ—путемъ подвижекъ. Сроки жеребьевокъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ не достигаютъ 10 лѣтъ, а обыкновенно длиннѣе; подвигъ же до послѣдняго времени производился по мѣрѣ надобности, а теперь нѣкоторыя общины стараются его ограничить назначеніемъ болѣе или менѣе длинныхъ сроковъ (9—20 л.). Съ цѣлью ослабленія вреднаго вліянія подвига до 30 общинъ дѣлятся на части съ тѣмъ, чтобы передача полосъ отъ одного хозяина другому производилась лишь въ границахъ одной части по принадлежности, вслѣдствіе чего въ каждомъ подвигѣ принимаютъ участіе не всѣ домохозяева общины. Въ Княгининскомъ уѣздѣ той же губерніи, гдѣ тоже преобладаетъ способъ количественнаго уравненія землепользованія, путемъ частныхъ передѣловъ, развивающаяся черезполосица ведетъ къ общимъ жеребьевкамъ, практикуемымъ 230 или 75% общинъ; при этомъ лишь 5 общинъ повторяютъ жеребьевки черезъ 3—6 л., остальныя—гораздо рѣже; половина общинъ приняли для жеребьевокъ сроки отъ 9 до 18 л.

Въ Петербургской губерніи, въ уѣздахъ: Петербургскомъ и Шлиссельбургскомъ общее перераспредѣленіе земли въ натурѣ наблюдалось въ самомъ ограниченномъ числѣ общинъ; въ Гдов-

[1]) Сб. ст. св. по Смол. губ., т. I, в. II.

своюъ уѣздѣ больше половины общинъ не дѣлились уже 20 л., 12% совершали передѣлъ черезъ 10—19 л., остальныя дѣлятся чаще, 8% ежегодно. Приблизительно, то же самое слѣдуетъ сказать и о Лужскомъ уѣздѣ.

По собраннымъ мѣстнымъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣніямъ, относящимся къ 2.192 или половинѣ обществъ Ярославской губерніи, 4,5% перешли къ подворному владѣнію, 33 общины или 1,5% совершаютъ ежегодные передѣлы земли; средній промежутокъ между общими передѣлами колеблется отъ 9 до 11 лѣтъ [1]).

Все вышеизложенное показываетъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ удобреніе полей составляетъ необходимую принадлежность хозяйства, количественное уравненіе членовъ общины въ пользованіи землею совершается наиглавнѣйшимъ образомъ при помощи не общихъ, а частныхъ коренныхъ передѣловъ, устраняющихъ необходимость частаго повторенія перераспредѣленія земли въ натурѣ. Благодаря сказанному, многія общины достигли того, что хозяева пользуются одними и тѣми же участками въ теченіе 20—30 л. и больше; гдѣ же уравненіе землепользованія достигается только при помощи общихъ передѣловъ или гдѣ практикуются жеребьевки, тамъ они обыкновенно совершаются черезъ промежутокъ времени въ 9, 12, 15 лѣтъ, каковые промежутки вполнѣ обезпечиваютъ хозяину возможность тщательнаго ухаживанія за землей. Но здѣсь же есть немалое число общинъ, повторяющихъ передѣлы черезъ краткіе промежутки времени, есть значительное число такихъ, которыя при каждомъ частномъ передѣлѣ нѣсколько сдвигаютъ съ старыхъ мѣстъ всѣхъ домохозяевъ; и несмотря на это удобреніе полей все-таки продолжается, и нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы такія общины въ массѣ небрежно относились къ своей землѣ. Такъ, крестьяне Ветлужскаго раіона Макарьевскаго уѣзда, гдѣ подвигъ практикуется почти во всѣхъ общинахъ, столь же усердно стараются объ удобреніи своихъ надѣловъ, какъ и хозяева прочихъ мѣстностей Нижегородской губерніи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такія общины стремятся къ тому, чтобы удержать за хозяе-

---

[1]) Рус. Вѣд. 1882 г., № 325.

вами участки на болѣе продолжительное время, для чего онѣ или отмѣняютъ подвигъ, или назначаютъ для него и для аналогичныхъ имъ жеребьевокъ продолжительные сроки.

Говоря о томъ, что кратковременность владѣнія участкомъ земли въ нечерноземной полосѣ въ массѣ общинъ уживается съ заботливымъ отношеніемъ къ надѣлу, мы имѣемъ въ виду случаи, гдѣ земледѣліе составляетъ главную статью доходовъ крестьянина, гдѣ его надѣлъ не переобремененъ безмѣрно платежами, гдѣ поэтому не существуетъ причинъ, отрывающихъ крестьянъ отъ земли и разстраивающихъ ихъ хозяйственную состоятельность. Но частые передѣлы очень нерѣдко комбинируются съ различными неблагопріятными условіями для крестьянскаго хозяйства, вслѣдствіе чего наблюденіе даетъ возможность констатировать иногда сосуществованіе частой повторяемости передѣловъ и разстроеннаго состоянія земледѣлія. Въ Московской губерніи, напримѣръ, замѣчается прямой параллелизмъ (по волостямъ) роста процента безлошадныхъ и безхозяйныхъ членовъ общины и учащенія общихъ передѣловъ. Читатель можетъ объяснить этотъ параллелизмъ, приписавъ одному изъ указанныхъ явленій роль причины, другому—слѣдствія; но возможно, что оба явленія зависятъ отъ одной и той же третьей причины, и хотя они не остаются безъ вліянія другъ на друга, но ихъ устраненіе невозможно безъ предварительнаго измѣненія той почвы, на которой выросли оба. Такую постановку получилъ вопросъ въ трудѣ покойнаго Орлова, изучавшаго разсматриваемое явленіе на мѣстѣ, по отдѣльнымъ общинамъ. Это изученіе привело его къ слѣдующимъ заключеніямъ.

„При высокомъ состояніи земледѣльческаго хозяйства, стремленіе общинъ къ передѣламъ мірскихъ полей обнаруживается въ слабой степени; въ общинахъ, гдѣ земледѣльческое хозяйство хотя и поддерживается, но въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ уровень его состоянія низокъ, стремленіе къ передѣламъ увеличивается; при полномъ разстройствѣ земледѣльческаго хозяйства передѣловъ почти не бываетъ. Явленіе это объясняется очень просто. Если для земледѣльческаго хозяйства извѣстной общины существуютъ благопріятныя условія, если каждый дворъ, входящій въ составъ общины, имѣетъ воз-

можность заниматься хлѣбопашествомъ, то тѣмъ самымъ цѣнность и доходность мірскаго надѣла подымается, а слѣдовательно сглаживается несоотвѣтствіе между платежами и доходностью земли, если таковое существуетъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ свалка и навалка душъ будетъ происходить рѣдко, а въ силу этого многополосица и черезполосица могутъ обнаруживаться въ сильной степени только черезъ длинные промежутки времени. Далѣе: когда всѣ дворы занимаются хлѣбопашествомъ при одинаково выгодныхъ хозяйственныхъ условіяхъ и когда нѣтъ пустырей въ поляхъ, то большой разницы въ качествѣ надѣловъ, очевидно, быть не можетъ; благодаря этому обстоятельству, подростокъ или новотягольный членъ общины безъ возраженія принимаетъ всякій упалый надѣлъ, снятый съ другого дома; если же и представляется поводъ къ возраженіямъ (упалый надѣлъ истощенъ и т. п.), то міръ, состоящій изъ исправныхъ хозяевъ, входитъ съ подросткомъ въ сдѣлку и такъ или иначе удовлетворяетъ его, не прибѣгая къ общему передѣлу. Притомъ же здѣсь въ широкихъ размѣрахъ практикуется при свалкѣ-навалкѣ душъ пересадка и другія мѣры, устраняющія черезполосицу, чему способствуетъ именно отсутствіе значительной разницы въ хозяйственномъ состояніи отдѣльныхъ надѣловъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ общинахъ, гдѣ земледѣльческое хозяйство крестьянъ находится въ хорошихъ условіяхъ и въ исправномъ состояніи, поводомъ для передѣла будутъ служить только хозяйственныя неудобства, происходящія для большинства дворовъ отъ развитія черезполосицы и многополосицы. Замѣчательно, что въ такихъ общинахъ ни отъ кого изъ домохозяевъ, какого бы состоянія они ни были, мы не слыхали недовольства передѣлами; вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь почти не встрѣчается установленія опредѣленныхъ сроковъ передѣловъ. „Зачѣмъ намъ сроки, — говорятъ крестьяне,—мы и такъ рѣдко передѣляемся: зря никто не станетъ требовать передѣла, а какъ будетъ надобность, такъ и передѣлимъ". Но вотъ въ жизни общины случились обстоятельства, повлекшія за собою разстройство всѣхъ или нѣсколькихъ дворовъ (падежъ скота, пожаръ, вымираніе нѣсколькихъ семей, прекращеніе аренды земли, продажа скота на удовле-

твореніе нужды въ деньгахъ и т. п.). Вслѣдствіе этого нѣкоторые хозяева вынуждены бросить хлѣбопашество, полосы стали истощаться, появились пустыри; образовались убылыя души, которыя добровольно никто не беретъ, а навалить по принятой разверсткѣ не на кого; накопляется за обществомъ недоимка; новотягольные подростки отказываются брать наваливаемые на нихъ пустыри, требуя или освобожденія ихъ отъ тягла, или мякотной земли. Что дѣлать міру? Спорятъ, кричатъ, ругаются, и все-таки въ концѣ концовъ приходятъ къ тому, что приступаютъ къ общему передѣлу полей, чтобы уничтожить пустыри и возстановить нарушившійся сельско-хозяйственный порядокъ. Случается, цѣль достигается передѣломъ: хозяйственный порядокъ возстановляется, пустыри уничтожаются, происходитъ надлежащее уравненіе всѣхъ домохозяевъ. Но если неблагопріятныя для хозяйства условія остаются въ прежней силѣ, то черезъ нѣкоторое время опять возникаютъ тѣ же неудобства, которыми былъ вызванъ предшествующій передѣлъ; наиболѣе бѣдные домохозяева и особенно такіе, на которыхъ міръ наваливаетъ истощенную землю, требуютъ новаго передѣла. Тогда-то, послѣ нѣсколькихъ передѣловъ, убѣдившись, что передѣлами дѣлу не поможешь, если нѣтъ надлежащихъ условій для хозяйства,—міръ установляетъ приговоромъ опредѣленный срокъ, до истеченія котораго передѣлы не должны повторяться и при этомъ предусматриваетъ возможныя случайности и опредѣляетъ, какъ поступить съ мірской землей въ томъ или другомъ случаѣ. Такимъ образомъ, къ частымъ передѣламъ прибѣгаютъ обыкновенно съ хозяйственной цѣлью, и, повторяемъ, цѣль эта иногда достигается; а если не достигается, то послѣ большаго или меньшаго числа передѣловъ установляется міромъ продолжительный срокъ, чѣмъ и гарантируются интересы болѣе исправныхъ домохозяевъ. Такъ бываетъ въ общинахъ, гдѣ большая часть домохозяевъ имѣетъ еще возможность поддерживать свое земледѣльческое хозяйство.

Въ тѣхъ же общинахъ, гдѣ земледѣльческое хозяйство большинства окончательно разстроено, гдѣ хлѣбопашества почти не существуетъ, гдѣ большая часть мірскихъ полей находится въ пустыряхъ, общіе передѣлы являются совершенно ненужными:

„какая польза отъ передѣловъ,—говорятъ крестьяне такихъ общинъ,—хоть передѣляй, хоть не передѣляй, все равно, пустыри пустырями и останутся; у кого нѣтъ сохи и бороны, тотъ и никоть обратитъ въ пустырь. Изъ оглобель вышли, хозяйство изъ рукъ вывалилось, духомъ упали — незачѣмъ и дѣлить; кто завиствуетъ землей—тотъ паши, сколько хочешь". Итакъ, пока хозяйство большинства дворовъ еще поддерживается, пустыри являются поводомъ для передѣловъ; когда же оно пришло къ окончательному упадку, когда большая часть полей обратилась въ пустыри, послѣдніе уже становятся причиною отсутствія общихъ передѣловъ. Не можемъ не указать здѣсь на одно недоразумѣніе, которое часто приходится встрѣчать. На общинахъ послѣдняго разряда, разумѣется, стоитъ всегда громадная недоимка. Какъ извѣстно, мѣстная администрація обязана представлять въ надлежащія учрежденія объясненія причинъ, въ силу которыхъ произошло накопленіе недоимокъ. Между многими другими причинами, несомнѣнно существующими, нерѣдко выставляются частые передѣлы полей, разрушительно дѣйствующіе на хлѣбопашество. Мы провѣряли на мѣстахъ, въ тѣхъ общинахъ, къ которымъ относятся подобныя объясненія, и въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что въ наиболѣе разоренныхъ общинахъ, обремененныхъ громадными недоимками, общихъ передѣловъ полей не было въ теченіи 12 — 15 — 20 лѣтъ; очевидно, что ссылки на передѣлы, какъ на причину упадка хозяйства и накопленія недоимокъ, дѣлаются въ большинствѣ случаевъ à priori"[1]).

Итакъ, община принимаетъ различнаго рода мѣры для того, чтобы обезпечить своимъ членамъ извѣстную степень продолжительности пользованія однимъ и тѣмъ же участкомъ земли съ цѣлью побужденія ихъ къ лучшему уходу за нею. Мѣстами она совсѣмъ прекратила передѣлы земли въ натурѣ, что главнымъ образомъ относится къ пріусадебному угодью, обыкновенно находящемуся подъ садоводной, огородной и другими интенсивными культурами. Что же касается пахатной площади, то, при нормальномъ теченіи жизни, таковая въ огромномъ большинствѣ

[1]) Сб. ст. св. по Моск. г., т. IV, в. 1, с. 210—212.

общинъ подвергается періодически повторяющимся передѣламъ, промежутки между которыми, въ цѣляхъ сельско-хозяйственнаго прогресса, изъ краткихъ обращаются въ длинные.

На предыдущихъ страницахъ мы имѣли дѣло съ процессомъ этого обращенія, насколько послѣднее обусловливалось необходимостью примѣненія удобренія. Но сроки, обыкновенно устанавливаемые съ этой цѣлью для передѣловъ земли, настолько продолжительны, что ими вполнѣ обезпечивается улучшеніе земледѣльческой культуры и въ отношеніи лучшей обработки почвы, измѣненія экстенсивныхъ сѣвооборотовъ въ интенсивные, введенія посѣва травъ, корнеплодовъ, лѣкарственныхъ и огородныхъ растеній и т. п. Сказанное понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій— разъ мы знаемъ, что во многихъ государствахъ Запада развитіе самыхъ интенсивныхъ системъ хозяйства было достигнуто еще при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ эти системы были примѣнены арендаторами, владѣвшими чужой землей, приблизительно, въ теченіи того же періода времени, какимъ пользуется своимъ участкомъ русскій крестьянинъ-общинникъ, и рисковавшими, по окончаніи аренднаго контракта, быть вовсе изгнанными съ мѣста и во всякомъ случаѣ, не имѣвшими ни малѣйшей увѣренности въ томъ, что воздѣлываемая ими земля хотя частью перейдетъ къ ихъ дѣтямъ. Достаточно, поэтому, было бы ограничиться указаніемъ на стремленіе русской общины сохранить въ рукахъ своихъ членовъ землю въ теченіи 10—15 лѣтъ и больше, чтобы устранить огульныя обвиненія этой формы землевладѣнія въ задержкѣ сельско-хозяйственнаго прогресса страны, послѣ чего наши культуртрегеры, быть можетъ, обратили бы преимущественное вниманіе на дѣйствительную язву нашихъ аграрныхъ порядковъ: на краткосрочную, обыкновенно одногодичную, аренду крестьянами частновладѣльческихъ угодій. Но такъ какъ обыкновенные пріемы логическаго отношенія къ предмету въ примѣненіи къ общинѣ не считаются обязательными, то мы находимъ не лишнимъ привести нѣсколько примѣровъ въ доказательство положенія, что срочность владѣнія участками, свойственная общинной формѣ землепользованія, не мѣшаетъ развитію самихъ интенсивныхъ системъ хозяйства. Для большей яркости, мы остановимся на мѣстностяхъ, отличающихся выдаю-

щеюся интенсивностью крестьянскаго земледѣлія, къ числу которыхъ относятся, между прочимъ, подстоличные уѣзды Петербургской губерніи. Близость огромнаго города съ его запросомъ на цѣнныя сельско-хозяйственныя произведенія создала для петербургскихъ крестьянъ условія, при которыхъ становится возможнымъ веденіе интенсивной культуры, и крестьянинъ не замедлилъ воспользоваться ими. Такъ, уже въ довольно отдаленномъ, Ямбургскомъ уѣздѣ четырехпольный сѣвооборотъ замѣнилъ традиціонное трехполье на землѣ 14°|₀ общинъ. Въ Шлиссельбургскомъ, Петергофскомъ и Петербургскомъ уѣздахъ паровая площадь сокращается еще больше и въ ближайшихъ къ столицѣ мѣстностяхъ, пользующихся городскимъ удобреніемъ, она вовсе исчезаетъ, и все поле отводится подъ посѣвъ. Къ числу такихъ мѣстностей принадлежитъ, между прочимъ, Ораніенбаумская волость Петергофскаго у.: площадь подъ паромъ занимаетъ здѣсь отъ 3 до 14°|₀ всей пашни, картофель высѣвается на $^{1}|_{5}$—$^{1}|_{4}$ части поля, каждый хозяинъ вправѣ слѣдовать какому хочетъ сѣвообороту, и всѣ эти проявленія интенсивнаго хозяйства нисколько не помѣшали совершенію коренныхъ передѣловъ и не пострадали отъ нихъ. Эти передѣлы въ концѣ 70-хъ гг. произведены въ Ораніенбаумской волости почти повсемѣстно, почему эта волость „можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, что общинная форма землевладѣнія не служитъ препятствіемъ къ улучшенію хлѣбопашества, если необходимость его сдѣлалась настоятельной и соотвѣтствуетъ прочимъ условіямъ хозяйства. Введеніе интенсивныхъ сѣвооборотовъ и большія затраты труда и средствъ на обработку и удобреніе вознаграждаются, по убѣжденію крестьянъ, и этого было довольно, чтобы исчезли всѣ препятствія къ улучшенію хозяйства“ (с. 89).

Подмосковное крестьянское хозяйство отличается еще большей интенсивностью. Такъ, въ 26 селеніяхъ паровое поле вовсе отсутствуетъ, „на поляхъ выращиваются только цѣнныя растенія—огурцы, капуста, рѣпа, сахарный горошекъ, картофель, ромашка“; нерѣдко съ одной и той же площади снимается 2 урожая въ годъ; стоимость обработки десятины земли колеблется отъ 100 до 238 руб.; арендная плата за десятину обыкновенной пахатной земли равняется 17—25 руб. въ годъ. И

несмотря на все указанное, общіе передѣлы въ 70-хъ гг. были произведены почти во всѣхъ этихъ селеніяхъ, а время слѣдующаго передѣла назначено всего черезъ 10, 12, 15 лѣтъ. Тѣ же сроки передѣловъ (изрѣдка болѣе длинные) приняты почти во всѣхъ другихъ общинахъ подмосковнаго раіона, ведущихъ менѣе интенсивное, но все-таки исправное и въ культурномъ отношеніи стоящее выше средняго уровня хозяйство—въ общинахъ волостей: Царицынской, Ногатинской, Выхинской, Зюзинской, Троице-Голенищенской, Хорошовской и т. д. [1]).

Можетъ быть, еще большій интересъ представляетъ ростовскій огородный раіонъ. „Ростовскій уѣздъ Ярославской губерніи издавна славится огородничествомъ. Нѣтъ почти селенія въ уѣздѣ, гдѣ бы на приусадебной землѣ не воздѣлывались цикорій, сахарный горошекъ и разныя овощи; но собственно славу ростовскихъ огородниковъ пріобрѣли крестьяне четырехъ подгородныхъ, прилегающихъ къ Ростовскому озеру, волостей: Порѣчской, Воржской, Угодичской и Сулостской“. До 1861 г. огородничество, какъ исключительный промыселъ населенія, существовало лишь въ 3-хъ селахъ: Порѣчьѣ (дѣло начато по указанію Петра I), Угодичахъ и Сулости; за послѣднія же 30 лѣтъ оно распространилось по остальнымъ селеніямъ раіона, и теперь на южной сторонѣ озера на пространствѣ 60 кв. верстъ тянутся сплошные огороды [2]), на которыхъ, кромѣ обыкновенныхъ овощей, посѣяны растенія, перечисленныя выше. Нѣкоторыя селенія воздѣлываютъ названныя растенія лишь на приусадебной землѣ, на поляхъ же ведутъ обыкновенный трехпольный зерновой сѣвооборотъ, причемъ во многихъ селеніяхъ паровое поле занимается картофелемъ; въ другихъ же селахъ и полевая земля отведена подъ огородныя растенія, въ каковомъ случаѣ она очень сильно удобряется (городскимъ навозомъ) и раздѣлывается не сохой или косулей, а заступомъ и лопатой—и обыкновенно, за отсутствіемъ коренного населенія, занятаго сторонними заработками, — при помощи наемнаго труда. Несмотря на такое интенсивное хозяйство, всѣ 40—50 селеній раіона, за исклю-

[1]) Сб. ст. свѣд. по Моск. губ., т. I, вып. 1, стр. 31, вып. 2.
[2]) Вѣстн. Рус. Сел. Хоз., 1891 г., стр. 337—8.

ченіемъ четырехъ селеній Угодичской волости, населенныхъ вольными хлѣбопашцами, владѣютъ землей на общинномъ правѣ. При этомъ село Порѣчье не производятъ общихъ передѣловъ земли, ограничиваясь повторяющимися черезъ 3 года частными передѣлами, коими достигается лишь приблизительное уравненіе членовъ общины въ пользованіи мірской землей. Въ селѣ Воржѣ количественное уравненіе достигается также путемъ частныхъ передѣловъ, повторяющихся черезъ 4 года [1]), причемъ семьи, получающія прибавку земли, берутъ ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ освободился участокъ. Общіе же коренные передѣлы, имѣющіе цѣлью устраненіе излишней черезполосицы и болѣе удобное расположеніе участковъ, повторялись въ XIX вѣкѣ 4 раза; послѣдній изъ нихъ сдѣланъ въ 1883 г., срокомъ на 20 лѣтъ. Въ остальныхъ селеніяхъ раіона, несмотря на крайнее ихъ малоземелье (пахатной земли приходится на душу обыкновенно меньше десятины, часто меньше полудесятины), общіе коренные передѣлы земли по наличнымъ душамъ мужскаго пола, сопровождающіеся новымъ перераспредѣленіемъ ея въ натурѣ, прежде производившіеся при ревизіи, повторяются теперь черезъ 12—15 лѣтъ, а въ промежуткахъ между ними община производитъ нѣкоторыя поправки въ распредѣленіи земли при помощи частныхъ передѣловъ, повторяющихся или по мѣрѣ надобности, или правильно, черезъ 4 года [2]). Прибавивъ къ сказанному, что община внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы отдѣльные ея члены не запускали своихъ участковъ и въ послѣднее время стала запрещать сдачу земли въ аренду,—требуя, чтобы лица, нежелающія сами эксплуатировать надѣлъ, отдавали его на общество, которое распредѣляетъ освобождающіеся такимъ образомъ участки между малоземельными семьями, преимущественно такими, которыя имѣютъ много членовъ женскаго пола,—мы съ полнымъ основаніемъ можемъ заключить, во-1-хъ, что общинное владѣніе землей, даже при необычно большомъ вмѣшатель-

[1]) При этихъ передѣлахъ первая душа семьи мужскаго или женскаго пола получаетъ ¼ надѣла, на каждое слѣдующее лицо прибавляется столько же, но съ нѣкоторымъ преимуществомъ въ пользу мужскаго пола и взрослаго населенія.

[2]) Давыдовъ, О формахъ землевладѣнія у ростовскихъ огородниковъ; а также Яросл. Губ. Вѣд. 1887—1888 г.

ствѣ міра въ поземельныя отношенія (примѣненіе частныхъ передѣловъ на ряду съ общими встрѣчается вообще рѣдко, а запрещеніе сдавать землю въ аренду—еще рѣже) прекрасно уживается съ самыми интенсивными системами хозяйства; во-2-хъ, что возвышеніе земледѣльческой культуры не только не ведетъ неизбѣжно къ разрушенію общины или даже только къ съуженію поля примѣненія общиннаго начала, но весьма легко можетъ послужить къ укрѣпленію разсматриваемой формы землевладѣнія и къ расширенію юрисдикціи міра. Сказанное сдѣлается легко понятнымъ, коль скоро мы вспомнимъ, что противуобщинная тенденція развивается, главнымъ образомъ, на почвѣ малоземелія, а интенсированіе земледѣлія,—требуя сосредоточенія труда и средствъ хозяина на меньшей площади, и дозволяя ему получать съ небольшаго участка достаточный доходъ,—парализуетъ невыгодныя экономическія послѣдствія малоземелія и этимъ ослабляетъ недовольство передѣлами земли, вытекающее изъ необезпеченности населенія, принужденнаго довольствоваться крайне недостаточнымъ надѣломъ. Если это соображеніе имѣетъ долю истины, въ такомъ случаѣ замѣчаемое въ послѣднее время стремленіе крестьянъ къ поднятію производительности земледѣльческаго труда весьма легко можетъ имѣть слѣдствіемъ упроченіе общинной формы владѣнія землей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Активное участіе общины въ процессѣ с.-х. улучшеній.

I.

Убѣдившись, что общинная форма землевладѣнія допускаетъ примѣненіе даже весьма интенсивныхъ системъ хозяйства, мы обратимся къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, замѣчается-ли активное проявленіе общиннаго начала въ интересахъ культуры; высказываетъ-ли община способность вмѣшательствомъ въ индивидуальную дѣятельность поддерживать положительныя теченія культурнаго характера: замедлять развитіе регрессивныхъ явленій или способствовать появленію прогрессивныхъ.

Задерживающее вліяніе общины на развитіе процессовъ регрессивнаго характера лучше всего можетъ быть выяснено сравненіемъ хозяйства крестьянъ общинниковъ и подворныхъ владѣльцевъ.

Крестьяне подворные владѣльцы живутъ бокъ-о-бокъ съ общинниками во многихъ уѣздахъ центральной черноземной полосы. Поэтому, то или другое мнѣніе о значеніи формы землевладѣнія для сельско-хозяйственной культуры могло-бы быть провѣрено сравненіемъ хозяйства на общинныхъ и четвертныхъ земляхъ. Однако, никто изъ земскихъ статистиковъ, изучавшихъ крестьянское хозяйство, не провелъ этого сравненія систематически, по крайней мѣрѣ, не далъ намъ точныхъ цифровыхъ его результатовъ. Произошло это, вѣроятно, потому, что на сравненіе напрашиваются явленія, кромѣ сходства представляющія и различія. Гдѣ-же имѣется чуть не полное тожество, человѣку, незаинтересованному спеціально вопросомъ, не придетъ въ голову разбивать однородный матеріалъ по чисто внѣш-

нему признаку, вмѣсто того, чтобы описывать явленіе сразу. Этимъ мы объясняемъ то обстоятельство, что, рисуя технику крестьянскаго хозяйства уѣзда, земскіе статистики не раздѣляютъ крестьянъ по разрядамъ и въ частности почти не останавливаются на четвертныхъ земляхъ. Впрочемъ, если мѣстныя изслѣдованія не производятъ систематическаго сравненія хозяйства крестьянъ-общинниковъ и частныхъ владѣльцевъ, то впечатлѣнія самихъ изслѣдователей далеко не въ пользу послѣднихъ. Такъ, еще въ 50-хъ годахъ наблюдатели русской жизни замѣтили, что однодворческія селенія, „которыя не раздѣлили потомственныхъ четвертныхъ земель по душамъ, не смотря на переложеніе податей съ душъ на землю, отличаются недоимками, и земли ихъ обрабатываются весьма дурно. Однодворцы же, раздѣлившіе землю по душамъ, дѣлаются хорошими хозяевами и исправными плательщиками податей [1])“. Покойный Орловъ, организовавшій курское земско-статистическое бюро, ознакомившись съ Курскимъ уѣздомъ, вынесъ впечатлѣніе, что культура земли у четвертныхъ крестьянъ ниже, нежели у общинниковъ, „хотя передѣловъ и переверстокъ у нихъ нѣтъ. Навозъ одинаково валится въ оврагъ, какъ у четвертныхъ, такъ и у общинниковъ. Истощеніе земли въ полномъ ходу; пару почти не бываетъ, полное пестрополье; каждый годъ сѣютъ по озимому озимое; сѣютъ даже прямо по жниву. Клиновъ въ полѣ также нѣтъ, и въ этомъ отношеніи хуже, чѣмъ у общинниковъ“ [2]). Сказанное Орловымъ при началѣ изслѣдованія губерніи подтверждается г. Вернеромъ по его заключеніи: „четвертные крестьяне рѣже бывшихъ помѣщичьихъ унаваживаютъ свои поля, обрабатываютъ ихъ небрежнѣе и вообще прилагаютъ несравненно меньше труда къ землѣ“ [3]).

Но еслибы по состоянію сельско-хозяйственной культуры четвертные крестьяне и занимали высшее мѣсто сравнительно съ общинниками — излишне приписывать это формѣ землевладѣнія, коль скоро завѣдомо извѣстны другія обстоятельства, способныя объяснить дѣло. Прежде всего, четвертные крестья-

[1]) Соловьевъ «О поземельной собственности, «Отеч. Зап.», 1858, 1.
[2]) Цитировано по ст. г. К. П—ва: «Четвертное землевладѣніе», «Русская Мысль», 1886, 3. [3]) Курская губ. Итоги статистич. изслѣдованія, с. 150.

не обыкновенно самые многоземельные и малоплатящіе, слѣдовательно, имѣющіе наиболѣе средствъ для затратъ на производство. Какъ прямой результатъ сказаннаго—они свободнѣе въ распоряженіи временемъ, которое почти всецѣло могутъ посвящать своему хозяйству. Наконецъ, относительное многоземеліе даетъ имъ возможность отводить подъ выпасъ скота особые участки, освободивъ такимъ образомъ полевую землю отъ стѣсненій, связанныхъ съ необходимостью превращать ее въ пастбище. Итакъ, имѣя больше времени, больше средствъ и больше свободы распоряженія полемъ—какъ многоземельный, а не какъ частный собственникъ — что удивительнаго, еслибы четвертной владѣлецъ нѣсколько возвысился надъ среднимъ уровнемъ въ своемъ отношеніи къ земледѣлію? И наоборотъ, если такого возвышенія, какъ мы видѣли, не замѣчается,—то не понадобится-ли, для объясненія явленія, обратиться къ послѣдней чертѣ, отличающей чертвертного владѣльца отъ душевого — формѣ его землевладѣнія. Мы не послѣдуемъ примѣру нѣкоторыхъ публицистовъ, всѣ неустройства крестьянскаго быта среди общинниковъ сваливающихъ на ненавистную имъ нашу національную форму землевладѣнія; не станемъ примѣнять того же пріема къ данному случаю, но не откажемся отъ возможности указать нѣкоторыя стороны четвертного землевладѣнія, по своему вліянію на сельско-хозяйственную культуру, невыгодно отличающія его отъ общиннаго.

« Когда у насъ разсуждаютъ объ относительномъ достоинствѣ частнаго и общиннаго землевладѣнія, то при этомъ не обращаютъ вниманія на обстоятельства мѣста и времени, а создаютъ себѣ идеальныя формы того и другого—совершенную для частнаго и наихудшую для общиннаго. Со стороны перваго выдвигаютъ хуторъ, гдѣ усадьба собственника стоитъ въ самомъ центрѣ его владѣній, а какъ образчикъ послѣдняго создаютъ общину чуть не съ аршинной шириной участковъ ея членовъ и ежегодными передѣлами полей. При сравненіи такихъ единицъ, разумѣется, невозможны никакія сомнѣнія. Но если, порѣшивъ вопросъ абстрактно, мы пожелаемъ облечь его въ кровь и плоть русской дѣйствительности, то должны будемъ признать, что по расположенію участковъ въ натурѣ подворное землевладѣніе

представляетъ точную копію съ общиннаго, благодаря чему и участники въ этомъ владѣніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи связаны между собою узами, подобными тѣмъ, какія облекаютъ членовъ общины. Отличіе подворнаго владѣнія отъ общиннаго заключается однако въ томъ, что оно лишено средства, по волѣ большинства совладѣльцевъ, поправлять недостатки расположенія угодій или практикующейся культуры, вредные въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, почему, при несогласномъ обществѣ, здѣсь легче могутъ появиться различныя регрессивныя явленія, что мы и наблюдаемъ въ дѣйствительности.

Послѣднія тщательныя изслѣдованія крестьянскаго хозяйства для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи показали приблизительные размѣры одного изъ печальныхъ явленій современнаго земледѣлія,—такъ называемаго разнополья или пестрополья. Извѣстно, что въ центральной черноземной полосѣ на земляхъ крестьянъ общинниковъ и частныхъ владѣльцевъ господствуетъ правильная трехпольная система сѣвооборота, обезпечивающая нѣкоторое возстановленіе производительныхъ силъ почвы и обыкновенно обязательная для всѣхъ членовъ поселенія. Но мѣстами нѣкоторая часть или весь надѣлъ изъемлется изъ обязательной системы хозяйства, вслѣдъ зачѣмъ большая часть крестьянъ начинаетъ производить здѣсь посѣвы безъ всякаго порядка, хлѣбъ на хлѣбъ, уничтожая паръ, назначеніе котораго—дать отдохнуть землѣ—лишь бы больше засѣять и получить зерна. Первое время, когда почва еще плодородна, это ожиданіе оправдывается; но затѣмъ земля истощается больше и больше, урожаи понижаются, и если названная система продолжится—поле совсѣмъ перестанетъ вознаграждать труды земледѣльца.

Отчасти это такъ-называемое разно или пестрополье представляетъ естественную ступень расширенія пашни насчетъ непроизводительныхъ угодій, задержанную въ своемъ переходѣ на слѣдующую. Намъ извѣстно, что въ многоземельныхъ не черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ еще идетъ процессъ распространенія сельско-хозяйственной культуры, правильный и обязательный сѣвооборотъ существуетъ на извѣстномъ пространствѣ общинной земли, обыкновенно на участкахъ, примыкающихъ къ усадьбѣ. За этими предѣлами лежитъ область свободной дѣятельности

членовъ общины, имѣющей цѣлью превращеніе непроизводительной до того площади въ культурную. Это совершается обыкновенно личными усиліями крестьянъ. Кто хочетъ, тотъ рубитъ лѣсъ, выжигаетъ поляну, засѣваетъ ее по усмотрѣнію, снимаетъ нѣсколько большихъ урожаевъ, а затѣмъ, когда малопроизводительная нечерноземная почва по прошествіи немногихъ лѣтъ перестаетъ вознаграждать его труды, онъ волей-неволей долженъ принять искусственныя мѣры къ возстановленію ея производительности, заключающіяся во введеніи привычнаго для него трехпольнаго сѣвооборота съ примѣненіемъ удобренія. Черезъ десятокъ—другой лѣтъ, когда община убѣдится, что труды по первоначальной разработкѣ почвы окупились,—при очередномъ передѣлѣ она включаетъ эти участки отдѣльныхъ своихъ членовъ въ присельную пашню, разверстываетъ между всѣми и тѣмъ подчиняетъ обязательному сѣвообороту. Итакъ, въ нечерноземной Россіи,—свободно или нѣтъ дѣйствуетъ крестьянинъ—вся постоянная пашня находится подъ правильнымъ сѣвооборотомъ. Иное дѣло будетъ на черноземѣ. Та же свобода распоряженія землей внѣ площади, культура которой регулируется общиной, приводитъ къ безпорядочному сѣвообороту. Такъ какъ земля безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ можетъ давать сносные урожаи въ теченіи цѣлыхъ десятилѣтій, то крестьянинъ, распахавшій свободный участокъ, не вынуждается черезъ немного лѣтъ подчинить его правильной культурѣ; онъ пашетъ его безъ перерыва, иногда лишь давая отдохнуть годъ другой, пока община не найдетъ нужнымъ включить его въ обязательный сѣвооборотъ. Гдѣ земледѣліе общинное, или гдѣ среди четвертныхъ крестьянъ господствуетъ единеніе, тамъ мало-по-малу такіе запольные участки безпорядочной культуры включаются въ правильный сѣвооборотъ. Въ настоящее время, когда со времени послѣдняго оффиціальнаго передѣла прошло 30 лѣтъ, во многихъ общинахъ государственныхъ душевыхъ крестьянъ образовались большія площади такого заполья. При совершившихся передѣлахъ часть ихъ включена въ обязательный сѣвооборотъ (въ Тамбовскомъ, Раненбургскомъ, Острогожскомъ уѣздахъ и др.), а будь завтра ревизія—разнополье, вѣроятно, значительно бы сократилось, если не вовсе исчезло, у разсматриваемаго раз-

ряда крестьянъ. Совсѣмъ иначе стоитъ вопросъ у четвертныхъ владѣльцевъ. Если въ близкомъ будущемъ можно ожидать здѣсь прекращенія указанной хищнической системы эксплуатаціи почвы, то лишь въ надеждѣ, что право личной собственности не укрѣпилось въ сознаніи громадной массы совладѣльцевъ, что по своему міросозерцанію они приближаются больше къ общинникамъ, нежели къ собственникамъ въ западно-европейскомъ смыслѣ слова. Что же касается настоящаго—разнополье давняго происхожденія весьма распространено у четвертниковъ, и если оно такъ медленно замѣняется правильнымъ обязательнымъ сѣвооборотомъ, то это служитъ доказательствомъ, какъ трудно достигаются общеполезныя мѣры, если для приведенія ихъ въ исполненіе требуется согласіе огромнаго большинства заинтересованныхъ лицъ. Впрочемъ, благодаря тому, что четвертное землевладѣніе далеко не осуществляетъ собою идеальнаго типа личной собственности и что міросозерцаніе владѣльцевъ еще на половину общинное—здѣсь иногда встрѣчаются случаи обязательнаго уничтоженія или сокращенія разнополья, путемъ его пріобщенія къ клиновой землѣ. Такіе, правда рѣдкіе, случаи извѣстны, напр., въ Корочанскомъ уѣздѣ, Тимскомъ, Данковскомъ и др.

Разнополье, однако, имѣетъ и другое происхожденіе. Если община владѣетъ участкомъ, находящимся далеко отъ усадьбы или представляющимъ другія неудобства сообщенія, затрудняющія вывозку удобренія и прогонъ скота, она изъемлетъ его изъ обязательнаго сѣвооборота, предоставляя каждому эксплуатировать свою долю по произволу. Нѣкоторые заводятъ здѣсь правильный сѣвооборотъ; большинство же, соблазняясь возможностью запахать больше, сѣютъ землю безъ отдыха и тѣмъ страшно ее истощаютъ.—Есть общины, запустившія подъ пестрополье весь надѣлъ. Это обыкновенно или такія, у которыхъ вся пашня находится вдали отъ усадьбы, или крайне малоземельныя (дарственники), хозяйничающія главнымъ образомъ на арендованной землѣ, а на свою полумахнувшія рукой. Читатель видитъ, что въ обоихъ послѣднихъ случахъ разнополье явилось естественнымъ, можетъ быть, необходимымъ результатомъ аграрныхъ условій, и его уничтоженія слѣдуетъ ожидать не отъ сельско-хозяйственныхъ, а отъ другого рода мѣропріятій. Но есть новая форма

разнополья, свойственная именно частному землевладѣнію и потому господствующая на земляхъ четвертныхъ крестьянъ.

„Къ ужасу самихъ крестьянъ (Курской губ.), въ послѣднее время разнополье прокладываетъ себѣ путь все дальше и дальше, занимая мѣсто въ предѣлахъ клиновой земли. У четвертныхъ крестьянъ можно прослѣдить до мельчайшихъ подробностей весь процессъ постепеннаго перехода земель подъ разнополье за послѣднія 10—12 лѣтъ, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ они получили право продавать свои земли. Новыя узаконенія имѣли послѣдствіемъ сильное движеніе земель изъ рукъ въ руки и связанное съ этимъ дробленіе участковъ. Немногіе зажиточные домохозяева получили, благодаря этому, возможность увеличивать и округлять свои участки; для большинства же въ результатѣ явилось малоземелье, а малоземельнымъ уже не представляется возможности заводить трехпольное хозяйство на обрывкахъ своего надѣла, и они начинаютъ пахать свои участки изъ года въ годъ безъ всякаго порядка... Общество обыкновенно долго противится уничтоженію обязательнаго пара, но въ концѣ концовъ, принуждено уступить, такъ какъ земля съ каждымъ годомъ дробится, а слѣдовательно и малоземельныхъ дворовъ образуется подавляющее большинство, препятствовать которому не легко“ (Тимскій уѣздъ). Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ цифровыхъ данныхъ для разрѣшенія вопроса о быстротѣ развитія пестрополья, какъ результата послѣдней причины, и потому мы здѣсь ограничимся приведеніемъ указаній на степень распространенія разсматриваемаго явленія на частныхъ и общинныхъ крестьянскихъ земляхъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ разнополье всего меньше распространено на земляхъ четвертныхъ крестьянъ, у которыхъ подъ неправильнымъ сѣвооборотомъ находится 4,8% пахатной земли, у общинниковъ 6%, а, выключая дарственныхъ, 5,5%, у крестьянъ со смѣшаннымъ землевладѣніемъ—9%. Въ другихъ уѣздахъ Курской губерніи разнополье на четвертныхъ земляхъ значительно преобладаетъ: въ Тимскомъ у. у общинниковъ площадь его равняется 9%, а у душево-четвертныхъ 26%, у четвертныхъ 24%; въ Корочанскомъ у. у общинниковъ—7%, а безъ дарственниковъ 6,6, у душево-четвертныхъ—6,2, у четвертныхъ—17%; въ Щигровскомъ пестрополье встрѣчается почти исключительно на земляхъ четвертныхъ крестьянъ.

Наши культуртрегеры печалятся о томъ, что существованіе обязательнаго сѣвооборота на общинныхъ земляхъ стѣсняетъ свободу распоряженія каждаго своимъ участкомъ и этимъ задерживаетъ возможныя сельско-хозяйственныя преобразованія. Вышеприведенные случаи разнополья показываютъ, къ чему привела эта свобода распоряженія отдаленными участками, существующая издавна, и ради какого прогресса хозяева въ обществахъ четвертныхъ крестьянъ добиваются свободы пользованія ближайшимъ полемъ въ настоящее время. Нѣтъ сомнѣнія, что уничтожься обязательный сѣвооборотъ на общинныхъ земляхъ— и очень, очень значительная ихъ площадь, вмѣсто ожидаемаго улучшенія культуры, представила-бы изъ себя такую же печальную картину истощающаго хозяйства, какая такъ распространена на четвертныхъ земляхъ. Ибо, какъ ни прекрасна независимость производительной дѣятельности въ абстракціи, но если обстоятельства вынуждаютъ напрягать всѣ производительныя силы сегодня, безъ мысли о завтрашнемъ днѣ,—пусть лучше личный произволъ стѣсняется мѣрами, обезпечивающими большинству хотя средній уровень культуры, въ надеждѣ, что съ измѣненіемъ обстоятельствъ и появленіемъ сознанія необходимости новаго шага, община столь же легко приспособится къ новымъ требованіямъ, какъ это она сдѣлала по отношенію къ возникшей потребности удобренія. Что же касается свободы распоряженія своей собственностью, равно какъ и значенія постоянства во владѣніи участкомъ для сельско-хозяйственныхъ улучшеній—примѣръ того и другого мы можемъ наблюдать и въ настоящее время, не подвергая опаснымъ экспериментамъ общину, а просто обративъ взоры на Малороссію.

Какъ извѣстно, здѣсь господствуетъ подворно-наслѣдственное землевладѣніе, и происшедшая оттого черезполосица и дробность участковъ достигла такой степени, что правительство нашло нужнымъ исправить эти недостатки обязательнымъ межеваніемъ, которое и началось здѣсь въ 1858 г. и не закончилось еще въ настоящее время. При этомъ всѣ участки земли не менѣе 50 десятинъ, по желанію ихъ владѣльцевъ, выдѣлялись въ одинъ отрубъ и отдавались въ полное ихъ распоряженіе; остальная же пахатная площадь обыкновенно раздѣлялась на три поля, и каж-

дый собственникъ получалъ свою часть (однимъ или нѣсколькими участками) во всѣхъ смѣнахъ. Такимъ образомъ, даже въ этомъ случаѣ правительственнаго вмѣшательства не найдено было возможнымъ размежевать землю по плану нашихъ культуртрегеровъ, съ надѣленіемъ каждаго крестьянина особнякомъ, допускающимъ хуторное хозяйство. Все, что было сдѣлано, это— мелкіе клочки владѣльца сведены къ нѣсколькимъ большимъ (сравнительно, разумѣется) и нарѣзаны въ трехъ поляхъ, т. е. черезполосно, въ видахъ примѣненія трехпольнаго сѣвооборота.

Хотя этотъ процессъ округленія, гдѣ онъ законченъ, совершился такъ недавно, тѣмъ не менѣе „весьма многія замежеванныя въ одну межу земельныя угодья Полтавской губерніи успѣли уже раздробиться переходомъ посредствомъ раздѣла между сонаслѣдниками и соучастниками или распродажею по частямъ, иногда весьма мелкимъ, такъ что многіе изъ владѣльцевъ сельскаго сословія имѣютъ землю въ нѣсколькихъ мелкихъ кускахъ, далеко не соотвѣтствующихъ размѣрамъ хозяйственной единицы“ (Полтавскій уѣздъ). Что же касается усадебной и пріусадебной земли, неподвергавшейся межеванію, то она раздробилась до крайности. „Пришлось-бы составлять слишкомъ длинную таблицу усадебъ размѣромъ отъ 0,16 до 0,02 десят.“, говорятъ полтавскіе статистики. Во многихъ случаяхъ чужое владѣніе начинается сейчасъ же за постройками; въ другихъ—разстояніе между хатами не превышаетъ 10 шаговъ; многія деревни не имѣютъ кладбищъ и хоронятъ покойниковъ въ садикахъ и огородахъ, а то тайкомъ, на чужой землѣ. Недостатокъ усадебныхъ угодій заставилъ крестьянъ многія огородныя растенія перенести на поля.

Межеваніе, такъ какъ оно сопровождалось округленіемъ участковъ и освобожденіемъ крупнаго крестьянскаго землевладѣнія (отъ 50 дес.) и хуторовъ отъ обязательнаго сѣвооборота, должно бы, согласно ученію нашихъ противниковъ общины, вести за собой возвышеніе сельско-хозяйственной культуры; на дѣлѣ же вышло нѣчто совершенно противуположное. Сносная культура и порядочные урожаи en masse наблюдаются лишь тамъ, гдѣ межеваніе или послѣдующій приговоръ сельскаго общества установилъ обязательный трехпольный сѣвооборотъ; но и здѣсь обществу приходится вести упорную борьбу съ отдѣль-

ними зажиточными своими членами, стремящимися выдѣлиться изъ послѣдняго. Гдѣ же въ цѣлыхъ обществахъ или отдѣльныхъ хуторахъ отсутствуетъ такая обязательность хозяйственныхъ распорядковъ, и земля находится въ полномъ распоряженіи владѣльцевъ—тамъ обыкновенно наблюдается самая безпорядочная культура и низкіе урожаи. „Возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, естественный ростъ потребностей, недостатокъ собственной земли—все это побуждало хозяевъ, кромѣ развѣ самихъ многоземельныхъ, къ полученію возможно большаго количества хлѣба съ даннаго пространства земли, а при отсутствіи знаній и средствъ для улучшенія культуры, единственная возможность увеличенія продукта представлялась въ расширеніи запашки". Въ Полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ при межеваніи повсюду былъ уничтоженъ обязательный сѣвооборотъ, „всѣ мало-мальски пригодныя земли сельскаго сословія подвергаются безпрерывной изъ года въ годъ запашкѣ; хищническое истощеніе земель сокращаетъ съ каждымъ годомъ плодородіе почвы и даетъ иногда чуть не нулевые результаты; нѣкоторые же домохозяева силою обстоятельствъ вынуждены „перепустить толокою" истощенную и страшно заморенную землю". Въ Кременчугскомъ уѣздѣ обязательная толока встрѣчается на поляхъ 8—9% селеній; въ Хорольскомъ уѣздѣ у 35%. Въ другихъ уѣздахъ Полтавской губерніи дѣло стоитъ въ лучшемъ положеніи: большая часть обществъ, хотя многія и не на всей землѣ, имѣютъ обязательный, обыкновенно трехпольный, сѣвооборотъ. Гдѣ же таковаго не существуетъ, тамъ многоземельные, а то и среднеземельные домохозяева стараются хотя небольшую часть пашни (очень часто не $^1/_3$, даже не $^1/_4$, какъ при общепринятомъ правильномъ сѣвооборотѣ, а $^1/_5$—$^1/_{10}$), если есть возможность прогонять на нее скотъ, оставлять подъ толокою, часто побуждаемые къ тому необходимостью имѣть собственный выпасъ для скота, но нерѣдко и изъ прямого сознанія пользы, проистекающей отъ того для поддержанія плодородія почвы. Такимъ образомъ и въ этихъ случаяхъ отсутствія безпорядочной культуры, обезпеченіе возстановленія производительныхъ силъ почвы достигается не такъ правильно систематически, какъ тамъ, гдѣ установленъ обществомъ обязательный сѣвооборотъ. Большая же часть членовъ обществъ

съ указанной свободой распоряженія участками „подъ давленіемъ нужды въ землѣ и дороговизны съемныхъ цѣнъ, поддается искушенію пахать изъ года въ годъ до предѣла, поставляемаго только рѣшительнымъ истощеніемъ или природными свойствами почвы; до наступленія этого предѣла оставленіе толоки малоземельными хозяевами бываетъ лишь изрѣдка, при случайныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, если, напр., удастся недорого снять землю и т. п.“ (Золотоношскій уѣздъ). Въ Лубенскомъ уѣздѣ то же самое: за исключеніемъ зажиточныхъ домохозяевъ, остальные крестьяне, при хуторной или поселенной нарѣзкѣ полей—все равно, ведутъ безтолочное, истощающее хозяйство. Въ Зеньковскомъ уѣздѣ въ хуторахъ „многоземельные хозяева еще пускаютъ иной годъ, а иногда и періодически часть земли въ толоку; большинство же, гонимое поднятіемъ съемныхъ цѣнъ, начинаетъ, не смотря на ясно сознаваемую необходимость отдыха для земли, ежегодно засѣвать все большую и большую часть поля, пока наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ истощеніе земли не доходитъ до того, что является необходимость на 1—2 года запустить все поле подъ траву“. Но и богатые земледѣльцы, имѣя даже полную свободу распоряженія участкомъ, далеко не всегда подвергаютъ его хотя бы такой правильной культурѣ, какая господствуетъ на земляхъ обязательнаго сѣвооборота. Хозяйство „богатарей“ Полтавскаго уѣзда „различается отъ зауряднаго главнымъ образомъ размѣрами землевладѣнія; культура же и здѣсь, и тамъ идетъ въ ширь, но не въ глубь, т.-е. стремятся запахать мелко, но побольше, облегченными орудіями, въ ущербъ тщательности и правильности обработки“. Богатыри Миргородскаго уѣзда „при расположеніи ихъ земли въ обще-смѣнныхъ дачахъ волей-неволей поддерживаютъ обязательный трехпольный сѣвооборотъ; но при хуторной нарѣзкѣ царитъ безсистемность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: обыкновенно запахиваютъ, сколько оказывается возможнымъ“. Богатые крестьяне Зеньковскаго уѣзда стараются выгородить свою часть изъ общихъ смѣнъ для того, чтобы имѣть право сократить толоку и расширить посѣвъ.

Итакъ, повторимъ вслѣдъ за полтавскими статистиками, „мы хорошо знаемъ, къ чему въ сущности, при настоящемъ

уровнѣ средствъ и знаній крестьянина, сводится его свобода завести на своемъ участкѣ интензивный сѣвооборотъ". Поэтому же, не колеблясь, признаемъ, вслѣдъ за ними и всю благодѣтельность учрежденія обществами крестьянъ Полтавской губерніи обязательнаго сѣвооборота съ толокою, случаи котораго въ послѣднее время встрѣчаются чаще и чаще. Особенно настоятельна потребность этого въ Полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ межеваніе повсюду уничтожило общественныя толоки, и гдѣ истощеніе полей выразилось особенно ясно. Но завести вновь то, что разъ уничтожено, представляется далеко не легкимъ. Никто изъ частныхъ собственниковъ не хочетъ жертвовать чѣмъ-либо своимъ въ пользу другого; а, при существующемъ здѣсь различіи благосостоянія, вездѣ встрѣчаются случаи, что одинъ выигрываетъ, другой теряетъ больше другихъ отъ выдѣленія одинаковой доли пашни подъ толоку, служащую не только паромъ, но и выпасомъ для скота. Многоземельный крестьянинъ находитъ, что для своего скота онъ могъ бы оставить подъ толоку меньшую площадь, чѣмъ это требуется обществомъ при установленіи обязательной толоки,—подъ которую обыкновенно отводится $^1/_3$—$^1/_4$ часть поля,—а остальную обратить подъ покосъ или засѣять хлѣбомъ; малоземельный хозяинъ протестуетъ противъ обязательной толоки, потому что она ведетъ къ еще большему сокращенію и безъ того небольшой площади его посѣва. Особенно трудно достигнуть всеобщаго соглашенія въ случаяхъ, когда среди общества крестьянъ затесалось нѣсколько мелкихъ собственниковъ другихъ сословій. И вотъ, есть цѣлая масса обществъ, сознающихъ вредное вліяніе безпорядочной культуры, желающихъ замѣнить послѣднюю правильнымъ сѣвооборотомъ, но безсильныхъ сдѣлать это, по причинѣ несогласій, господствующихъ среди совладѣльцевъ. Но и по достиженіи соглашенія, не легко поддерживать его нерушимость, такъ какъ въ случаяхъ столкновеній общества съ отдѣльными нарушителями его установленія, волостной и мировой судья обыкновенно беретъ сторону послѣднихъ, находя, что, по праву частной собственности, каждый можетъ распоряжаться своей землей,—хотя бы она находилась въ общей толочной смѣнѣ,—по произволу (уѣзды Хорольскій, Переяславскій).

Итакъ, полная свобода личнаго распоряженія участкомъ въ Малороссіи, какъ и въ Великороссіи, имѣла слѣдствіемъ пониженіе, а не возвышеніе культуры, а вмѣшательство въ индивидуальную дѣятельность общества ослабляло или и вовсе прекращало этотъ регрессивный процессъ. Отсюда слѣдуетъ, что простой ариѳметическій итогъ индивидуальныхъ стремленій личныхъ собственниковъ, въ культурно-хозяйственномъ отношеніи, стоитъ ниже соціальнаго итога этихъ стремленій, выражающагося въ актѣ общественнаго мѣропріятія. А если такъ, то ослабленіе зависимости хозяина отъ міра не можетъ быть признано явленіемъ, благопріятнымъ для успѣховъ земледѣлія. Мы не будемъ утверждать, что высказанное положеніе находится въ какой-то принципіальной связи съ началами свободы личной дѣятельности или ея регламентаціи. Мы лишь констатируемъ фактъ и охотно согласимся, что онъ обусловливается формою мелкой личной собственности въ Россіи. Но мы не можемъ не считать, что, пока эта форма не измѣнитъ своего характера, до тѣхъ поръ, въ интересахъ культуры, слѣдуетъ стремиться скорѣе не къ освобожденію массы хозяевъ отъ общинной регламентаціи, а напротивъ того,—къ подчиненію ихъ обществу въ тѣхъ случаяхъ, когда эта регламентація отсутствуетъ.

И дѣйствительно, врядъ-ли можно сомнѣваться, что, при господствующей въ Россіи формѣ подворнаго землевладѣнія, характеризующейся такою же дробностью и черезполосностью участковъ, какая свойственна и общинѣ, право послѣдней постановлять извѣстныя мѣры, обязательныя для несогласнаго меньшинства, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи составляетъ преимущество сравнительно со свободой подворныхъ владѣльцевъ примыкать или нѣтъ къ рѣшенію большинства и накладывать veto на всякую мѣру, какъ бы она ни была желательна массѣ его односельцевъ и полезна для земледѣлія.

„При подворномъ черезполосномъ владѣніи и трехпольномъ хозяйствѣ западнаго края,—говоритъ мировой посредникъ г. Тихѣевъ,—каждый отдѣльный крестьянинъ неразрывно связанъ со своими односельцами. Онъ можетъ сравнительно лучше воздѣлать свой участокъ, лучше удобрить поле и получить съ него высшій урожай. Но какъ бы способенъ и предпріимчивъ ни

былъ онъ, ему нельзя приступить къ какому бы то ни было нововведенію, потому что каждый шагъ впередъ возможенъ только сообща, всѣмъ населеніемъ деревни, а не отдѣльному хозяину. Попытки разводить клеверъ, напримѣръ, давно уже усматриваются у крестьянъ сѣверо-западнаго края; но онъ разводится только въ тѣсныхъ предѣлахъ огородовъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ будетъ вытравленъ скотомъ. Бросить трехпольное хозяйство и перейти къ иному способу не могутъ крестьяне, владѣющіе землей подворно—черезполосно. Всѣ виды улучшенія земли: дренажъ, проложеніе открыхъ канавъ, орошеніе, осушеніе болотъ—всѣ нововведенія возможны только на болѣе или менѣе обширныхъ пространствахъ земли, слѣдовательно, невыполнимы, если эти обширныя пространства состоятъ въ раздробленномъ черезполосномъ владѣніи мелкихъ собственниковъ... Крестьяне, владѣющіе землей подворно, хозяйничаютъ каждый самъ по себѣ, между ними нѣтъ ничего связующаго, кромѣ активной рутины и страшнаго зла—черезполосицы, не позволяющей разстаться съ этой рутиной. Если бы въ основаніи всѣхъ сужденій, высказанныхъ въ послѣднее время по вопросу объ общинѣ, лежало близкое знакомство съ подворнымъ владѣніемъ, то было бы понятно, что какъ при общинномъ началѣ каждая отдѣльная личность находится въ рукахъ міра, такъ при подворномъ владѣніи масса крестьянъ-односельцевъ находится въ рукахъ каждаго отдѣльнаго крестьянина-собственника, не подчиняющагося сходу въ своихъ хозяйскихъ дѣлахъ" [1]). Не смотря на то, что это писано двадцать пять лѣтъ назадъ, сказанное въ полной мѣрѣ приложимо и къ настоящему времени.

Соглашаясь съ мнѣніемъ, что, стѣсняя личную инициативу, община, сравнительно съ подворно-хуторскимъ владѣніемъ, можетъ задержать *начало* улучшенія, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать за нею преимущества (даже сравнительно съ идеальнымъ типомъ подворной собственности) въ дѣлѣ дальнѣйшаго *распространенія* послѣдняго. Эти преимущества заключаются въ слѣдующемъ. Человѣкъ, хозяйственная дѣятельность кото-

---

[1]) Цитировано по Клаусу «Община-собственникъ», въ «Вѣстн. Европы» 1870 г., № 2.

раго совершенно свободна, не имѣетъ надобности убѣждать другихъ въ пользѣ преобразованія, въ которое самъ вѣритъ, такъ какъ осуществленіе послѣдняго зависитъ единственно отъ него. Кто же связанъ въ этомъ отношеніи волею сосѣдей, тотъ неизбѣжно приходитъ къ необходимости попытаться повліять на послѣднихъ: при всякомъ случаѣ онъ будетъ толковать о необходимости принять извѣстную мѣру, кажущуюся полезной ему, но не пользующуюся кредитомъ среди его однообщественниковъ, и его проповѣдь увѣнчается большимъ или меньшимъ успѣхомъ.

Когда покойный Кавелинъ предложилъ бывшимъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ перейти отъ 3-хъ къ 6-типолью съ посѣвомъ клевера, объяснивъ выгоды новыхъ порядковъ, убѣжденные имъ отдѣльные члены общины, стѣсненные въ своей хозяйственной дѣятельности обязательностью сѣвооборота, энергично повели пропаганду новой идеи. Рѣдкое собраніе крестьянъ проходило послѣ того безъ совѣщанія объ этомъ предметѣ. „Число сторонниковъ перехода къ шестиполью понемногу увеличивается и они уже перевѣшиваютъ число равнодушныхъ и противниковъ; послѣднихъ очень немного, почти нѣтъ“; но крестьяне не хотятъ приступить къ столь рѣшительному преобразованію, не добившись единогласнаго рѣшенія всѣхъ сообщниковъ [1]). При подворномъ владѣніи (не русскаго типа) многіе крестьяне въ этомъ случаѣ имѣли бы уже шестипольное хозяйство, но очень не скоро настанетъ моментъ, когда послѣднее сдѣлалось бы общепринятымъ. Теперь же, если община перейдетъ къ новому сѣвообороту, то перейдетъ въ полномъ составѣ, безъ единаго исключенія. Одинъ крестьянинъ дер. Межутина, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, такъ настойчиво убѣждалъ односельцевъ перейти къ шестипольному сѣвообороту, что тѣ, наконецъ, согласились и уже раздѣлили одно поле на два, но потомъ раздумали и остались при старой системѣ; вскорѣ, однако, они ввели травосѣяніе и сдѣлали первый шагъ къ отмѣнѣ трехполья [2]). Въ одномъ изъ селъ Кашинскаго уѣзда настойчивая пропаганда 2-хъ членовъ общины достигла того, что община рѣ-

---

[1]) «Землед. Газета», 1880 г., № 39.
[2]) Ст. Ежег. моск. губ. зем., 1884 г., стр. 113.

шила ввести въ полевой сѣвооборотъ клеверъ и сдѣлала соотвѣтствующія измѣненія въ расположеніи полей. Послѣдовавшій за симъ неурожай смутилъ общество, и оно возвратилось къ старымъ порядкамъ (Сельск. Вѣстн. 1891 г.). Два крестьянина д. Володино, Псковскаго уѣзда, убѣдившись въ выгодахъ травосѣянія, убѣждали селянъ приступить къ нему, а, недостигнувъ цѣли, рѣшились заняться имъ лично, для чего общество отвело имъ въ сторонѣ 3 десятины земли. Послѣ хорошаго урожая травы, крестьяне начали изыскивать средства перейти къ травосѣянію цѣлымъ обществомъ [1]).

Равнымъ образомъ, крестьянинъ-общинникъ, признающій пользу удобренія и начавшій примѣнять его на своей полосѣ, всѣмъ будетъ указывать на разницу въ урожаѣ хлѣба, обязанную новой мѣрѣ, дабы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе и вызвать приговоръ объ уничтоженіи частыхъ переверстокъ. Въ литературѣ нерѣдко встрѣчаются указанія на такія общины, гдѣ удобреніе довольно согласно началось послѣ того, какъ состоялся передѣлъ земли на продолжительный срокъ. Естественно предположить, что первые, пожелавшіе удобрять свои поля, не оставались праздными въ ожиданіи передѣла, а старались приблизить неизбѣжное событіе, развязывающее имъ руки, требовали назначенія опредѣленнаго и притомъ длиннаго срока слѣдующаго передѣла. А для достиженія указанныхъ результатовъ вербовали послѣдователей новой мѣры, распространяли въ массѣ убѣжденіе въ своевременности перехода къ указанному средству поддержанія плодородія почвы. И въ результатѣ было всеобщее примѣненіе удобренія послѣ того, какъ передѣлъ земли устранилъ опасеніе о близости отнятія удобреннаго участка.

Общинная форма весьма благопріятна и для улучшеній хозяйства, идущихъ, такъ сказать, со стороны. Мы уже имѣли доказательство сказаннаго въ дѣятельности Кавелина, человѣка, чуждаго общинѣ и, однако, успѣшно начавшаго пропаганду среди крестьянъ благодѣтельнаго для нихъ преобразованія. Въ другихъ случаяхъ подобная пропаганда привела уже къ прак-

[1]) «Сельск. Вѣстн»., 1891 г., № 19.

тическим результатам *общаго* характера. Так, благодаря стараніям мѣстнаго священника, крестьяне села Липовки, Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи, вмѣсто трехполья без озимаго посѣва ввели у себя четырехпольный сѣвооборот с одним озимым, одним яровым полем и двумя паровыми. Послѣднее обстоятельство, обезпечивающее выпас скота, дает возможность своевременно освободить паровое поле, стоящее на очереди под посѣв, от пастьбы скота и этим обезпечить тщательную его обработку. Община Спасская, Бугульминскаго уѣзда той же губерніи, замѣнила переложную систему трехпольем, под вліяніем пришлаго из Николаевскаго уѣзда механика-самоучки Талызина. Волостной старшина Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи убѣждал крестьян издавать обязательныя постановленія об удобреніи полей, лучшей обработкѣ пашни и т. п. Его дѣятельность начинает приносить плоды: в 1883 г. община издала приговор об обязательной распашкѣ земли под яровой посѣв с осени. Четыре общины Рузскаго уѣзда Московской губ., по совѣту мѣстнаго предводителя дворянства, отвели извѣстную площадь под общественную запашку и засѣяли ее клевером, сѣмена котораго получили безплатно. Общество с. Борисоглѣбовки Новоузенскаго уѣзда, по совѣту мѣстнаго священника, устроило запруды, при помощи которых можно оросить 1.000 дес. земли и т. д. [1]). При подворном владѣніи многія из указанных преобразованій, без сомнѣнія, тоже имѣли бы мѣсто, но не менѣе вѣрно, что они не охватили бы, как нынѣ, всѣх членов поселенія.

Итак, стѣсненіе личной иниціативы обязательными постановленіями вызывает в общинѣ пропаганду новых агрикультурных мѣропріятій, по энергіи далеко превышающую способы распространенія новых знаній среди подворных владѣльцев.

---

[1]) «Сельскій Вѣстник», 1881 г., стр. 184. Сб. ст. свѣд. по Самарск. губ., т. V, стр. 25. «Сельск. Вѣстн.», 1884 г., № 45. Доклад моск. экон. совѣта за 1890 г. Самарск. газ., 1887 г., № 124. Приведем кстати извѣстіе об одном очень интересном фактѣ. Сельская учительница Дмитріевской волости, Гжатскаго уѣзда, показала крестьянам выгоды удобренія земли фосфатами, примѣнив такое удобреніе на заарендованных ею полосках в крестьянских полях двух деревень. Послѣ этого крестьяне сразу выписали 10 вагонов (6.000 пуд.) фосфоритной муки (В. Р. С. Х., 1892 года, № 19).

Но община и другимъ способомъ обезпечиваетъ распространеніе сельско-хозяйственныхъ улучшеній: во многихъ случаяхъ она открываетъ возможность этихъ улучшеній, какой не имѣетъ масса крестьянъ при другой формѣ землевладѣнія. Садоводство, виноградарство и другія спеціальныя культуры получили во многихъ мѣстностяхъ широкое распространеніе, между прочимъ, потому что община позволяла своимъ членамъ занимать для этой цѣли и культивировать пространства, находящіяся подъ выгономъ, которыя, при частномъ землевладѣніи, малоземельными крестьянами, вѣроятно, давно были бы превращены, хотя бы въ ущербъ хозяйству, въ пашню. Въ другихъ случаяхъ міръ принимаетъ болѣе дѣятельное участіе въ предпріятіи, выбирая и нарѣзывая всѣмъ членамъ общества участки, удовлетворяющіе требованіямъ новой культуры, и тѣмъ облегчая ея введеніе. Немаловажную роль съиграетъ община и въ процессѣ замѣны въ крестьянскомъ хозяйствѣ традиціоннаго трехполья болѣе интенсивными сѣвооборотами.

При той черезполосности и дробности отдѣльныхъ участковъ малоземельныхъ крестьянъ, какая характеризуетъ наше мелкое, какъ общинное, такъ и подворное, землевладѣніе, превращеніе трехпольнаго сѣвооборота въ многопольный представляетъ для многихъ крестьянъ значительныя техническія затрудненія. И наоборотъ, дѣло очень облегчается, если община возьметъ на себя иниціативу преобразованія, сама распланируетъ поля, сведетъ мелкія полосы къ болѣе крупнымъ и т. д. Разумъ лучшихъ членовъ общины поработаетъ въ данномъ случаѣ для всѣхъ; мелкіе противорѣчивые личные интересы отдѣльныхъ крестьянъ будутъ согласованы; психическія, техническія и даже финансовыя препятствія преобразованію окажутся устраненными; и всякому останется только вспахать и засѣять—дѣло привычное, не требующее ни иниціативы, ни новыхъ познаній.

Послѣ всего сказаннаго неудивительно, если травосѣяніе въ центральной нечерноземной полосѣ распространяется, главнымъ образомъ, общиннымъ путемъ. Отдѣльныя лица играютъ видную роль, лишь пока дѣло находится въ стадіи эксперимента. Когда же крестьяне убѣдятся въ выгодахъ травосѣянія—дѣло переходитъ въ руки общины, которая разрѣшаетъ

вопросъ о порядкѣ травосѣянія, отводитъ для него землю, измѣняетъ, если нужно, сѣвооборотъ, покупаетъ сѣмена травъ на деньги, собранныя по раскладкѣ или путемъ общественнаго займа, или пріобрѣтаетъ ихъ въ долгъ, подъ круговую поруку. Иногда при этомъ бываютъ несогласные, которыхъ приходится втягивать въ дѣло „чуть не силкомъ", но послѣ первыхъ же сборовъ посѣянной травы достигается полное единодушіе; „всѣмъ становится лестно участвовать въ столь выгодномъ предпріятіи".

При единоличномъ введеніи какого-либо улучшенія, успѣхъ таковаго зависитъ отъ тѣхъ средствъ—матеріальныхъ и интеллектуальныхъ—какими обладаетъ данное лицо, почему улучшеніе доступно далеко не всѣмъ жителямъ извѣстнаго поселенія и, разъ принятое, оно будетъ развиваться при участіи единичнаго разума лицъ, начавшихъ улучшеніе хозяйства. Въ случаѣ общиннаго предпріятія не только первые шаги, но и послѣдующій ходъ дѣла подвергается подробнѣйшему обсужденію всѣхъ лицъ, составляющихъ общину, вслѣдствіе чего по данному вопросу будетъ высказано все, что можно извлечь изъ извѣстнаго общества, при наличности опредѣленныхъ знаній, опыта и силы мышленія всѣхъ его членовъ. Въ указанныхъ предѣлахъ вопросъ будетъ исчерпанъ совершенно; возможныя направленія дѣла окажутся выясненными настолько, насколько это въ силахъ всѣхъ членовъ союза, и выборъ того или другого изъ этихъ направленій будетъ сдѣланъ съ наибольшей сознательностью, возможной для данной группы населенія.

По высказаннымъ причинамъ, травосѣяніе, разъ начавшись, при общинныхъ распорядкахъ можетъ подвигаться впередъ очень быстро. Сплошь и рядомъ къ нему приступаетъ сразу цѣлая деревня—случай, мало вѣроятный при подворномъ владѣніи землей. Такъ, относительно 10-ти общинъ Кашинскаго уѣзда, введшихъ траву въ свой полевой сѣвооборотъ, покойный В. Гурвичъ говоритъ: „къ мысли о необходимости сѣять клеверъ община приходитъ, повидимому, солидарно, такъ какъ самому началу дѣла предшествуетъ составленіе мірскаго объ этомъ приговора". Всей деревней начали сѣять траву и другія 13 общинъ этого уѣзда, приступившихъ къ этому дѣлу въ 1888—1889 г., а вѣроятно и многія изъ тѣхъ, о которыхъ въ на-

ннхъ матеріалахъ не имѣется по этому предмету опредѣленныхъ указаній. Такое же явленіе наблюдается и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ замѣчено стремленіе крестьянъ къ травосѣянію— Московской губерніи, Сычевскомъ уѣздѣ Смоленской губ. и др. Не мало встрѣчается въ литературѣ указаній и на то, что цѣлое общество *собирается* приступить къ травосѣянію и изыскиваетъ средства устраненія различныхъ препятствій къ этому. Мы указывали, напр., дер. Володину Псковскаго уѣзда, желающую ввести травосѣяніе послѣ удачнаго опыта 2-хъ односельцевъ; г. Верещагинъ сообщаетъ, что такое же намѣреніе имѣетъ с. Щербинино Тверскаго уѣзда, но останавливается изъ за отсутствія средствъ для пріобрѣтенія сѣмянъ клевера, коихъ для 220 душъ требуется на сумму 2.200 руб. Дер. Сабурино и Марьино, Бронницкаго уѣзда Московской губ. рѣшили ближайшей весной посѣять клеверъ на арендованной землѣ, а село Вельяминово Серпуховскаго уѣзда на надѣльной [1]), и т. д. Указанное направленіе вести дѣло травосѣянія общественнымъ путемъ настолько уже выяснилось, что земство положило его въ основаніе своихъ мѣропріятій по части вспомоществованія движенію. Такъ, Волоколамская и Псковская земскія управы выдаютъ ссуды на пріобрѣтеніе сѣмянъ травъ преимущественно цѣлымъ селеніямъ, изъявившимъ желаніе завести травосѣяніе.

Послѣ этихъ разъяснительныхъ замѣчаній обратимся къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ случаевъ активнаго участія общины въ дѣлѣ улучшенія хозяйства.

II.

Въ степной полосѣ Россіи до недавняго времени господствовало переложное хозяйство, при которомъ возстановленіе производительныхъ силъ почвы совершается оставленіемъ выпаханнаго участка на извѣстное время въ залежь. При этой системѣ площадь отдыхающая значительно превышаетъ засѣваемую, почему она можетъ практиковаться лишь при рѣдкомъ населеніи; со сгущеніемъ же послѣдняго посѣвная площадь начинаетъ рас-

---

[1]) Рус. Вѣд. 1892 г. № 8. Баженовъ, Очерки кр. хоз. въ Моск губ., стр. 30.

ширяться на счетъ залежи, такъ что послѣдняя уже перестаетъ удовлетворять своему назначенію, затѣмъ вовсе уничтожается, вслѣдствіе чего вся площадь пашни засѣвается изъ года въ годъ и сильно истощается. Это истощеніе побуждаетъ хозяевъ постепенно переходить къ порядку, при которомъ возстановленіе производительности земли достигается отведеніемъ истощеннаго участка на извѣстное время подъ выпасъ скота, который его удобряетъ и уничтожаетъ сорныя травы. При этомъ устанавливается система періодической смѣны площади, бывшей подъ выпасомъ (толока), на часть засѣваемаго поля (царина), при чемъ толока постепенно обходитъ всю площадь пахатной земли, чѣмъ и достигается цѣль нѣкотораго возстановленія ея производительности.

Спрашивается, какую роль въ этомъ процессѣ играетъ личная свобода каждаго распоряжаться своей землей и что выпадаетъ на долю общественнаго регулированія вообще и въ частности на долю общиннаго землевладѣнія? Гдѣ правильнѣе поставлено хозяйство (толока и паръ составляютъ необходимую принадлежность сѣвооборота и такимъ образомъ существуютъ хотя какія-нибудь средства обезпеченія производительности земли) тамъ-ли, гдѣ отдѣльныя лица пользуются полнымъ произволомъ, или гдѣ ихъ воля подчиняется рѣшенію всего міра? Иначе говоря, регламентація міра вообще и въ частности, какъ представителя общинной формы землевладѣнія, задерживаетъ-ли распространеніе безпорядочной культуры и способствуетъ принятію правильной системы смѣны запахиваемой и отдыхающей частей пашни—перваго шага на пути къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ хозяйства—или дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи?

Отвѣтъ на поставленный вопросъ даютъ новѣйшія земскія статистическія изслѣдованія Таврической, Екатеринославской, Херсонской и другихъ губерній.

Отведеніе части пахатной земли подъ толоку на практикѣ не всегда вызывается потребностью дать отдохнуть землѣ. Отсутствіе выгоновъ и сѣнокосовъ и невозможность арендовать ихъ на сторонѣ нерѣдко заставляютъ крестьянъ часть пашни превратить въ толоку даже въ томъ случаѣ, когда одного пониженія урожая недостаточно для того, чтобы понудить хозяина

на такой шагъ. И наоборотъ, легкость аренды корновъ и отсутствіе необходимости имѣть собственную толоку для прокормленія скота задерживаютъ образованіе послѣдней даже въ случаяхъ, когда истощенныя почвы настоятельно требуютъ отдыха. Какъ бы то ни было,—хотя во многихъ случаяхъ толока заводится крестьянами главнымъ образомъ въ интересахъ скотоводства, а не полеводства, — повсюду въ разсматриваемой области земля до того истощена безпрерывными посѣвами, что нигдѣ не отрицается необходимость принятія искусственныхъ мѣръ для возстановленія ея плодородія. Обычное средство для этого—образованіе перемѣнной толоки, можетъ практиковаться каждымъ хозяиномъ отдѣльно и независимо отъ другихъ или сообща цѣлымъ обществомъ. Послѣдній способъ представляетъ, между прочимъ, ту огромную выгоду, что весь скотъ даннаго селенія пасется здѣсь вмѣстѣ и можетъ быть порученъ одному-двумъ пастухамъ; между тѣмъ какъ при частныхъ толокахъ каждый крестьянинъ или нѣсколько семей вмѣстѣ должны пасти свой скотъ отдѣльно отъ другихъ, что ведетъ къ необходимости огромной непроизводительной затраты труда, хотя бы и несовершенно взрослаго работника. Въ виду сказаннаго можно быть увѣрену, что гдѣ всѣ соучастники извѣстной собственности добровольно запускаютъ часть своей пахатной земли подъ толоку—тамъ послѣдняя приметъ форму общественной; гдѣ же послѣдняя отсутствуетъ—мы можетъ, почти не колеблясь, заключить, что значительная часть, если не большинство хозяевъ пашутъ свои участки безъ перерыва изъ года въ годъ или во всякомъ случаѣ не соглашаются обратиться къ толокѣ, какъ постоянной составной части ихъ хозяйства. Если такихъ хозяевъ большинство или сильное меньшинство—земля этого поселенія обречена на постоянное истощеніе, по временамъ доходящее до такой степени, что самые невзыскательные хозяева не считаютъ возможнымъ продолжать земледѣліе въ томъ же направленіи. Тогда вся земля общества запускается подъ толоку, съ тѣмъ, чтобы черезъ одинъ-два года начать прежнюю безпорядочную культуру. Гдѣ же толоки желаетъ значительное большинство или гдѣ между членами общества существуетъ извѣстная солидарность — тамъ общество мірскимъ приговоромъ

опредѣляетъ порядокъ землепользованія, которому поневолѣ подчиняются и такіе члены общества, которые по собственному почину не принимали бы никакихъ мѣръ обезпеченія урожайности. Такимъ образомъ вмѣшательство міра въ свободу каждаго члена общества распоряжаться своимъ участкомъ въ данномъ случаѣ должно быть признано полезнымъ, прогрессивнымъ шагомъ. Хотя и вѣроятно, что это стѣсненіе личной инициативы удержитъ нѣсколько человѣкъ отъ еще болѣе широкаго шага, но это возможное неудобство вмѣшательства съ лихвой вознаграждается тою пользою, какую оно приноситъ всему земледѣлію. Этотъ способъ регулированія хозяйства совмѣстимъ съ отсутствіемъ уравнительныхъ въ количественномъ или качественномъ отношеніи передѣловъ земли, и въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, напримѣръ, общественная толока указаннаго происхожденія (безъ коренныхъ передѣловъ) существуетъ у 120 (20%) обществъ, а у б. помѣщичьихъ крестьянъ Александрійскаго уѣзда у 20 обществъ.

Кромѣ названнаго общественнаго регулированія личной дѣятельности каждаго крестьянина исключительно въ интересахъ сельско-хозяйственной культуры, намъ извѣстна форма вмѣшательства міра въ экономическія отношенія своихъ членовъ, преслѣдующая уже аграрную цѣль: уравненіе пользованія землей, какъ орудіемъ производства. Это—коренные передѣлы и жеребьевки—прямое проявленіе принципа принадлежности земли общинѣ. Какимъ образомъ эта форма землевладѣнія относится къ агрикультурнымъ задачамъ времени? Предпринимая тотъ или иной шагъ вмѣшательства въ дѣятельность своихъ членовъ, думаетъ-ли община исключительно объ интересахъ уравненія, оставляя сельско-хозяйственныя задачи въ сторонѣ; препятствуетъ-ли она своимъ вмѣшательствомъ прогрессу земледѣлія, заключающемуся, какъ намъ извѣстно, прежде всего въ образованіи толоки и періодической смѣнѣ ея на пахатное поле? Иначе говоря, тамъ, гдѣ мы имѣемъ осязательное проявленіе живости общиннаго принципа (передѣлы, жеребьевки) и очевидное стѣсненіе міромъ хозяйственной дѣятельности членовъ — наблюдается-ли одновременно и живой интересъ къ агрикультурной сторонѣ хозяйства, стремленіе ограничить хищническую дѣятельность отдѣльныхъ

лицъ въ пользу болѣе раціональной постановки всего дѣла? Для рѣшенія этого вопроса достаточно произвести сравненіе системъ полеводства въ обществахъ, практикующихъ передѣлы и переверстки угодій, съ тѣми, гдѣ для уравненія землепользованія не принимается никакихъ мѣръ. Это сравненіе должно показать, на сколько тамъ и здѣсь распространена смѣна толоки на пашню и много-ли насчитывается общинъ, не принимающихъ никакихъ мѣръ для востановленія плодородія почвы.

Изъ уѣздовъ Херсонской губ. Одесскій, Херсонскій и Тираспольскій характеризуются малой распространенностью какъ жеребьевокъ, такъ и перемѣнныхъ толокъ, а Елисаветградскій и Александрійскій уѣзды—противуположными отношеніями. Въ первомъ изъ нихъ періодическая смѣна толоки на пашню наблюдается у 120 обществъ изъ 520, не совершающихъ жеребьевокъ и почти во всѣхъ 82 обществахъ, практикующихъ таковыя; во второмъ перемѣнную толоку имѣютъ 120 обществъ, изъ нихъ около 100—практикующихъ передѣлы и жеребьевки, въ моментъ которыхъ совершается и обмѣнъ толоки. Изъ 240 обществъ этого уѣзда, производящихъ жеребьевки и передѣлы, 100 вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ мѣры удовлетворенія культурно-хозяйственнымъ требованіямъ; а изъ 193 обществъ, непрактикующихъ жеребьевокъ, такую заботу обнаруживаютъ лишь 20 обществъ. Для того, чтобы судить о значеніи указаннаго вмѣшательства общества въ хозяйственную дѣятельность своихъ членовъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что тамъ, гдѣ такого вмѣшательства не существуетъ, гдѣ поэтому забота о поддержаніи плодородія земли лежитъ на каждомъ хозяинѣ въ отдѣльности, гдѣ „всякій знаетъ свой надѣлъ и хозяйничаетъ, какъ знаетъ“ (Елисаветгр. у., стр. 214), тамъ обыкновенно отсутствуютъ и тѣ мѣры обезпеченія плодородія земли, какія въ другихъ обществахъ принимаются по инниціативѣ міра. Такія свободныя общества „обыкновенно засѣваютъ весь надѣлъ и только чередуютъ посѣвы озими и яра; когда же овсюгъ и другія сорныя травы начнутъ заѣдать хлѣбъ, то поле пускается подъ картофель или гречку и изрѣдка въ залежь на одинъ или, много, на два года. Не рѣдко случается, что такая залежь еле-еле покрывается бурьяномъ,—до того истощена земля“ (стр. 241).

Въ Тираспольскомъ уѣздѣ, гдѣ перемѣнная толока, какъ общественное учрежденіе, наблюдается въ какихъ-нибудь 20 селеніяхъ, въ остальныхъ отведеніе въ сѣнокосную залежь участка поля отдѣльными хозяевами „практикуется крайне рѣдко и не во всѣхъ обществахъ... Такимъ образомъ поля постоянно пашутся изъ года въ годъ безъ отдыха“ (стр. 154).

Изъ описанныхъ уѣздовъ Екатеринославской губ. Ростовскій и Славяносербскій населены гуще Елисаветградскаго, Бахмутскій—почти такъ же или нѣсколько рѣже. Отсюда естественно заключить, что потребность въ смѣнѣ толоки на пашню въ первыхъ двухъ уѣздахъ чувствуется сильнѣе, чѣмъ въ Елисаветградскомъ, а въ послѣднемъ—почти такъ же или даже слабѣе. Поэтому, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, передѣлы, имѣющіе цѣлью регулированіе технической стороны земледѣлія, въ Ростовскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ должны быть распространены больше, а въ Бахмутскомъ—такъ же, какъ въ Елисаветградскомъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что во всѣхъ трехъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи существованіе общественныхъ толокъ распространено одинаково и притомъ гораздо сильнѣе, нежели въ Елисаветградскомъ и Александровскомъ уѣздахъ, и на ряду съ этимъ мы имѣемъ здѣсь всеобщее же распространеніе уравнительныхъ передѣловъ (преимущественно въ формѣ переверстокъ). Такъ, въ Ростовскомъ уѣздѣ переверстки черезъ короткіе промежутки времени совершаются у всѣхъ общинъ, а общественная толока, періодически обмѣниваемая на пахотную землю, наблюдается у 70%, причемъ большая половина обществъ, неимѣющихъ толоки, принадлежатъ къ разряду малоземельныхъ, получившихъ даже дарственный (1 десятина на душу) надѣлъ, на которомъ и невозможно завести правильнаго хозяйства. Въ Славяносербскомъ уѣздѣ, гдѣ переверстки, и обыкновенно правильно періодическія, пользуются также всеобщимъ распространеніемъ, безтолочныхъ обществъ насчитывается приблизительно столько же, какъ и въ Ростовскомъ уѣздѣ, и они также принадлежатъ по преимуществу къ малоземельной группѣ или имѣющей другіе недостатки надѣла, стѣсняющіе правильное пользованіе землей. Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, по условіямъ хозяйства всего болѣе, какъ мы видѣли, прибли-

жающеися къ Елисаветградскому, огромное большинство общинъ переверстываютъ свои угодья и всего 17°/₀ общинъ пашутъ землю безъ перерыва и столько же обращаютъ ее въ толоку черезъ неопредѣленные промежутки времени (обѣ эти категоріи относятся къ малоземельнымъ крестьянамъ); двѣ же трети обществъ уѣзда ввели у себя по мірскому приговору правильную смѣну толоки на пахотное поле и обратно.

Обращаясь къ дальнѣйшему выясненію вопроса объ отношеніи между общиной и сельско-хозяйственнымъ прогрессомъ въ южныхъ степяхъ, мы увидимъ, что сроки переверстокъ обыкновенно совпадаютъ съ моментомъ обмѣна толоки на пашню, т.-е. уравненіе землепользованія членовъ общины и удовлетвореніе требованіямъ правильной земледѣльческой культуры совершаются при помощи одного и того же пріема, такъ порицаемаго противниками нашей національной формы землевладѣнія. Это значитъ, что требованія уравненія земли въ данномъ случаѣ прекрасно уживаются съ сельско-хозяйственными, такъ что для удовлетворенія тѣхъ и другихъ нѣтъ даже надобности въ двухъ раздѣльныхъ актахъ: переверстка угодій приноравливается къ срокамъ хозяйственнаго передѣла, сообразуется съ быстротою истощенія почвы.

Что касается общинъ, не имѣющихъ общественной толоки, то это по преимуществу тѣ (за исключеніемъ Ростовскаго уѣзда), которыя не практикуютъ и переверстокъ. Такъ, половина общинъ Славяносербскаго уѣзда, не имѣющихъ толоки, не знаютъ и уравнительныхъ переверстокъ, и всего 15—16°/₀ всѣхъ общинъ уѣзда, принимая мѣры для уравненія землепользованія, не позаботились при этомъ о регулированіи дѣятельности своихъ членовъ въ интересахъ сельско-хозяйственной культуры. Въ Бахмутскомъ уѣздѣ факты еще поразительнѣе: почти всѣ 35—40 общинъ, не знающихъ толоки и истощающихъ землю безпрерывными посѣвами, не практикуютъ и переверстокъ угодій; и почти всѣ тѣ, которыя вмѣшиваются въ дѣятельность своихъ членовъ для уравненія ихъ землепользованія, т.-е. проявляютъ свои общинныя права, пользуются властью также и для обезпеченія возстановленія производительныхъ силъ почвы; и изъ нихъ лишь около 40 общинъ или около 17°/₀ всѣхъ общинъ

уѣзда смѣняютъ толоку на паръ неправильно періодически; остальныя $^{2}/_{3}$ общинъ уѣзда ввели у себя правильное чередованіе пахотной и толочной смѣнъ.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губ. плотность населенія въ $1^{1}/_{4}$—$^{3}/_{4}$ раза меньше, чѣмъ въ Херсонской и Екатеринославской губ. Истощеніе полей поэтому здѣсь выражено не такъ ясно, оно только начинается (по выраженію земскихъ статистиковъ „оно уже сказывается"), вслѣдствіе чего разсматриваемая область находится еще на той ступени экономической эволюціи, какая уже пройдена другими мѣстностями степной полосы, и при которой сильнѣе всего чувствуется не истощеніе полей, а недостатокъ запашки и есть еще возможность расширить посѣвъ. Потребность же въ такомъ расширеніи сдѣлалась особенно интенсивной послѣ того, какъ со введеніемъ машинъ рабочая способность крестьянской семьи вдругъ возрасла почти вдвое. Въ силу сказаннаго, въ названной области въ 70-хъ гг. замѣчается стремленіе расширять пашню на счетъ постояннаго выгона, при чемъ система полеводства оставалась неизмѣнной, т.-е. вся площадь пашни изъ года въ годъ засѣвалась хлѣбами. Вскорѣ, однако, крестьяне ясно почувствовали истощеніе земли, явившееся результатомъ такой культуры и стѣсненіе въ выпасѣ скота, послѣдовавшее за распашкой выгона. Оба эти обстоятельства побудили хозяевъ переходить къ установленію мѣняющейся толоки, каковой процессъ и совершается здѣсь въ теченіе 70-хъ и 80-хъ гг. на земляхъ крестьянъ общинниковъ и колонистовъ-подворниковъ, при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ онъ совершается общественнымъ путемъ, и гдѣ практикуются жеребьевки, сроки таковыхъ (а иногда и коренныхъ передѣловъ) обыкновенно приноравливаются къ потребности возстановленія производительности земли [1]).

Такимъ образомъ, въ одномъ сельско-хозяйственномъ раіонѣ Россіи стоящее на очереди измѣненіе системъ полеводства совершается подъ руководствомъ общины, какъ соціальной единицы, регламентирующей дѣятельность отдѣльныхъ хозяевъ. Иначе говоря, община обнаружила здѣсь способность стать на высоту по-

---

[1]) Постниковъ, Южно-русское крестьянское хозяйство, гл. II.

ложенія, требуемаго временемъ, почему съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія она должна быть признана факторомъ эволюціи, заслуживающимъ всяческой поддержки. Посмотримъ, какую роль играетъ она въ другихъ случаяхъ проснувшагося стремленія крестьянъ къ возвышенію культуры.

Травосѣяніе практикуется, главнымъ образомъ, въ нечерноземной полосѣ, какъ потому, что здѣсь крестьяне держатъ больше молочнаго скота, а запашки, доставляющія кормъ скоту (солому), имѣютъ сравнительно небольшія, такъ и по существующей возможности отвести подъ посѣвъ травъ особые участки, ибо травосѣяніе, при первомъ появленіи въ крестьянскомъ хозяйствѣ, обыкновенно начинается не съ пахатнаго поля, а съ выгона, луга, и т. п.

Такъ какъ травосѣяніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ есть дѣло новое, то въ прежнихъ изслѣдованіяхъ попадаются лишь единичныя извѣстія о томъ, что та или другая община центральной Россіи раньше или позже ввела у себя посѣвъ травъ. Такъ, въ Конищевѣ, Романовскаго у. Ярославской губ., гдѣ, кстати сказать, крестьяне удобряютъ поля гипсомъ, посѣвъ клевера на особо образованномъ для этого полѣ введенъ еще до освобожденія крестьянъ; въ д. Копринѣ, Рыбинскаго у., въ концѣ 60-хъ годовъ осушено болото въ 30 дес. подъ пашню и клеверъ [1]). Д. Дементьева, Череповецкаго у. Новгородской губерніи, въ 70-хъ годахъ ввела посѣвъ травъ въ полевой сѣвооборотъ, и т. д.

Даже въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, когда земствомъ производилось изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства, населеніе центральныхъ губерній почти не приступало къ травосѣянію, почему названное изслѣдованіе (за исключеніемъ изслѣдованія Петербургской губ., констатировавшаго травосѣяніе въ Ямбургскомъ и особенно въ Петергофскомъ уѣздахъ) почти вовсе не даетъ матеріаловъ для изученія разсматриваемаго явленія. Въ описаніяхъ отдѣльныхъ уѣздовъ (напр., Данковскаго, Раненбургскаго) попадаются указанія на одну-двѣ общины въ уѣздѣ, засѣявшія свой лугъ тимофѣевкой и т. п., и только. Свѣдѣній о введеніи на крестьянской землѣ посѣва травъ нужно искать въ періодической

---

[1]) Изсл. совр. сост. скот. въ Рос. вып. 1, стр. 116. Якушкинъ. Обычное право, ст. XII.

прессѣ и ежегодныхъ отчетахъ о положеніи сельскаго хозяйства, издаваемыхъ департаментомъ земледѣлія и нѣкоторыми земствами. По свойству источниковъ эти свѣдѣнія неизбѣжно будутъ имѣть отрывочный и случайный характеръ, въ зависимости отъ того, найдется-ли въ данной мѣстности лицо, способное и желающее сообщить въ печати требуемыя свѣдѣнія. Несмотря на эту случайность, не трудно констатировать фактъ, что посѣвъ травъ на крестьянской землѣ начинается во многихъ, преимущественно нечерноземныхъ, губерніяхъ Россіи: въ литовскихъ, бѣлорусскихъ, Кіевской, Волынской, Полтавской, Тульской, Рязанской, Ярославской, Тверской, Новгородской, Уфимской, Московской, Смоленской, Архангельской и т. д.

Но помимо этихъ отрывочныхъ и неопредѣленныхъ указаній, о нѣкоторыхъ уголкахъ Россіи у насъ есть болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія, руководствуясь которыми мы можемъ, кажется, сказать, что по мѣсту, занимаемому сѣянной травой въ общемъ планѣ крестьянскаго хозяйства, есть основаніе различать въ нашей странѣ два раіона: одинъ, гдѣ травосѣяніе ведется на особыхъ, не входящихъ въ общій полевой сѣвооборотъ, участкахъ, другой — гдѣ оно стремится водвориться на поляхъ. Первый раіонъ обнимаетъ сѣверныя губерніи, съ болотистой, лѣсистой мѣстностью и рѣдкимъ населеніемъ. Правильный полевой сѣвооборотъ практикуется здѣсь на небольшихъ площадяхъ, вслѣдствіе чего отведеніе части поля подъ траву съ одной стороны чувствительно отразилось бы на производствѣ хлѣба, съ другой — не достигло бы цѣли существеннаго увеличенія кормовыхъ средствъ. Но зато здѣсь еще пользуется широкимъ распространеніемъ лядинное хозяйство и не представляется большихъ затрудненій къ расчисткѣ подъ посѣвъ травъ незанятыхъ лѣсныхъ площадей. На такихъ-то расчищенныхъ новинахъ и производится посѣвъ травъ въ Вологодской и Олонецкой губерніяхъ. Въ сѣверныхъ уѣздахъ первой изъ нихъ травосѣяніе есть дѣло давнее. Посѣвы тимофѣевки (называемой здѣсь еще паломникомъ) были извѣстны здѣсь еще въ началѣ XIX вѣка. По описанію начала 40-хъ годовъ тимофѣевка сѣется вмѣстѣ съ рожью и даетъ хорошіе урожаи въ теченіи 10 лѣтъ. Такіе посѣвы на новинныхъ участкахъ практикуются въ Велико-Устюжскомъ, Тотемскомъ, Вельскомъ, Кадни-

ковскомъ уѣздахъ. Побережье р. Сухоны, отличающееся лѣснымъ характеромъ и недостаткомъ луговъ, г. Н. Червинскій считаетъ колыбелью русскаго травосѣянія; крестьяне этой мѣстности, между прочимъ, производятъ сѣмена тимофѣевки для продажи въ Петербургъ и Москву. За послѣднія 10 лѣтъ травосѣяніе получило здѣсь широкое распространеніе и начинаетъ появляться по Сѣв. Двинѣ, особенно по р. Лимендѣ, впадающей въ Вычегду.

Въ южныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи (Грязовецкомъ, Вологодскомъ и части Кадниковскаго) травосѣяніе практикуется цѣлой общиной уже на поляхъ, подчиненныхъ правильному сѣвообороту, и въ этихъ случаяхъ трехполье нерѣдко превращается въ правильное четырехполье [1]). Изъ Вологодской губерніи травосѣяніе перешло въ Олонецкую.

Кормовыя средства этой послѣдней мѣстности отличаются крайней незначительностью размѣровъ и низкокачественностью. Обиліе болотъ и происходящій оттого недостатокъ хорошихъ луговъ и выгоновъ заставляетъ крестьянъ обращать въ кормъ всевозможныя неудобоваримыя болотныя травы, сучья и листья деревьевъ и т. п. Пока здѣсь господствовало подсѣчное хозяйство и потребность въ удобреніи полей была незначительна— населеніе кое-какъ обходилось естественными кормовыми средствами. Но, съ истребленіемъ лѣсовъ и запрещеніемъ расчищать подсѣки, центръ тяжести олонецкаго хозяйства переносится на постоянную пашню, вмѣстѣ съ чѣмъ является необходимость въ производствѣ удобренія, иначе говоря—въ расширеніи скотоводства. Но для возможности послѣдняго нужно имѣть лишній кормъ, и за неимѣніемъ естественныхъ луговъ населеніе обращается къ травосѣянію. Первый починъ въ этомъ направленіи сдѣланъ, повидимому, крестьянами Каргопольскаго уѣзда, пограничнаго съ Вельскимъ уѣздомъ Вологодской губерніи, гдѣ, какъ намъ извѣстно, травосѣяніе практикуется издавна; лѣтъ пятнадцать тому назадъ оно перешло въ погра-

---

[1]) Ж. М. Гос. Им. 1842 г. № 4; «С. Х. и Лѣс.» 1882 г. № 2, статьи Щекотова и Кабештова; Загорскій, «Первый шагъ въ дѣлѣ улучшенія полевой культуры крестьянъ Тотемскаго уѣзда»; «Сибирскій Вѣстникъ» 1887 г. № 87; «Вѣстн. Рус. Сел. Хоз.» 1891 г. №№ 2 и 3, «С.-х. жизнь В.-Устюжск. уѣзда».

личную Мелентьевскую волость Каргопольскаго уѣзда, получило здѣсь такое распространеніе, что къ нему прибѣгаетъ около половины крестьянъ и затѣмъ мало-по-малу распространяется по окрестности. Сѣютъ пока только тимофѣевку (называемую здѣсь „сіянкой") на подсѣкахъ, т.-е. на участкахъ, находящихся внѣ правильнаго полевого сѣвооборота. Это растеніе требуетъ почвы извѣстнаго качества и потому попытка каргопольскихъ крестьянъ примѣнить его въ своемъ хозяйствѣ не всегда увѣнчивается успѣхомъ. Сказанное заставляетъ ихъ выискивать другихъ травъ, болѣе подходящихъ къ особенностямъ той или другой мѣстности, дѣлать опыты и обращаться къ людямъ свѣдущимъ. Такъ, „въ 1882 году однимъ крестьяниномъ отъ лица цѣлаго крестьянскаго общества было подано въ земское собраніе заявленіе, въ которомъ указывалось на пользу травосѣянія и на незнаніе крестьянъ, откуда и какимъ образомъ доставать нужныя сѣмена, вслѣдствіе чего крестьянинъ просилъ собраніе организовать при земской управѣ складъ сѣмянъ для продажи населенію" [1]).

Изъ сказаннаго видно, что на сѣверѣ травосѣяніе начинается большею частью съ участковъ, не входящихъ въ правильный полевой сѣвооборотъ и, при обиліи некультивированной земли, для него служатъ новины и другіе участки, находящіеся въ распоряженіи отдѣльныхъ членовъ общины, и потому травосѣяніе можетъ здѣсь практиковаться отдѣльными крестьянами, даже если бы общество и не высказывалось за него. Въ центральной Россіи дѣло находится въ иномъ положеніи. Здѣсь земли мало и пользованіе ею всею регулируется міромъ. По ограниченности спеціальныхъ выгоновъ, послѣдними служатъ жнивья и паръ, что ведетъ къ установленію обязательнаго сѣвооборота, препятствующаго отдѣльнымъ членамъ общества ввести травосѣяніе на поляхъ. Въ свою очередь луга и выгоны не раздѣлены, подобно пашнѣ, между крестьянами и не могутъ быть, слѣдовательно, засѣваемы травами по личному желанію того или другого хозяина. Чтобы ввести травосѣяніе даже на особыхъ участкахъ, кромѣ усадебной земли — здѣсь

---

[1]) Рус. Вѣд. 1887 г. №№: 86, 345, 349, 350.

требуется согласіе міра и участіе всей общины. Еще затруднительнѣе введеніе травосѣянія въ полевой сѣвооборотъ, такъ какъ, кромѣ всеобщаго согласія, это требуетъ ломки хозяйства— примѣненія многополья. Такъ какъ клеверъ не долженъ возвращаться на одно и то же мѣсто раньше 6 лѣтъ, то введеніе травосѣянія на поля должно сопровождаться упраздненіемъ обычнаго трехполья, сокращеніемъ площади, состоящей подъ паромъ и хлѣбомъ, и происходящими отъ того стѣсненіями въ выпасѣ скота. Не смотря на такія затрудненія, недостатокъ кормовыхъ средствъ побуждаетъ все-таки крестьянъ вводить травосѣяніе на свои поля, причемъ они придумываютъ различныя системы примиренія трехполья съ требованіями новой культуры. Такъ, крестьяне Ярославской губерніи придумали 4-хъ-польный сѣвооборотъ, въ которомъ клеверъ снимается 2 года подъ рядъ, а возвращается на прежнее мѣсто черезъ 6 лѣтъ. Этотъ сѣвооборотъ тѣмъ удобенъ, что очень часто можетъ осуществиться безъ ломки старыхъ полей, присоединеніемъ къ тремъ существующимъ полямъ четвертаго изъ подъ луга или выгона. Впрочемъ, это далеко не единственный способъ введенія травъ въ полевой сѣвооборотъ, и для достиженія той же цѣли крестьяне не стѣсняются ломать и передѣлать свои поля. Такъ, многія деревни Сычевскаго у. произвели эту ломку и перенесли изгороди, стоявшія на одномъ мѣстѣ неподвижно съ незапамятныхъ лѣтъ. Ломку своихъ полей въ послѣдніе годы произвели и 3 деревни Середской вол., Даниловскаго у. Ярославской губ. Нѣсколько деревень Гдовскаго у. Петербургской губ., передѣлили свои поля и перешли къ черытерхпольной системѣ съ посѣвомъ клевера. Въ д. Рагозиной, Псковскаго у., трехпольный сѣвооборотъ недавно замѣненъ шестипольнымъ съ посѣвомъ клевера и т. д. [1]).

Указанные примѣры попали въ печать случайно. Но, кромѣ этого, у насъ есть данныя болѣе или менѣе систематическаго изслѣдованія извѣстныхъ раіоновъ, проливающія нѣкоторый свѣтъ на тотъ путь, которымъ будетъ, вѣроятно, совершаться

[1]) Вѣстн. Рус. Сел. Хоз. 1891 г., 1 окт.; Сел. Вѣстн. 1890 г., № 85; 1889 г. въ с.-х. отн., в. III, с. 480; 1890 г. въ с.-х. отн., в. III, с. 372. Рус. Вѣд. 1885 г., № 335.

процессъ водворенія посѣва травъ на общинныхъ земляхъ въ центральной полосѣ Россіи. Эти данныя касаются Московской губерніи, Кашинскаго уѣзда Тверской губ. и Сычевскаго у. Смоленской губ.

Первыя проявленія крестьянскаго травосѣянія въ Московской губерніи представляютъ большой интересъ въ томъ отношеніи, что ими рисуется относительное значеніе въ дѣлѣ этого преобразованія общинныхъ обычаевъ народа и личной иниціативы. Въ первыхъ случаяхъ общественнаго травосѣянія общество приступаетъ къ посѣву травы на особо отведенномъ для этого участкѣ или на полѣ лишь послѣ того, какъ опытъ нѣкоторыхъ хозяевъ примѣненія травовѣянія на усадебной землѣ, находящейся внѣ общественнаго распоряженія, убѣдилъ его въ выгодахъ и технической простотѣ предпріятія. Со введеніемъ же общественнаго травосѣянія, частное-пріусадебное или значительно сокращалось, или исчезало вовсе. Такимъ образомъ, попытки травосѣянія отдѣльныхъ хозяевъ, въ процессѣ примѣненія посѣва травы въ крестьянскомъ земледѣліи, играютъ опредѣленную роль предварительнаго опыта, составляютъ по этому первый шагъ въ дѣлѣ, принимающемъ впослѣдствіи общественный характеръ. Время, необходимое для превращенія частнаго травосѣянія въ общественное колеблется отъ 1 до 4—5 лѣтъ; при этомъ далеко не всегда составляется формальный приговоръ, обязывающій всѣхъ членовъ общины сѣять траву: очень часто община только назначаетъ для этого извѣстное угодье, разверстываетъ его между домохозяевами, постановляетъ не посылать на него скотъ, озабочивается пріобрѣтеніемъ сѣмянъ, а отдѣльные крестьяне обыкновенно уже по собственной волѣ и въ силу сознанія очевидной выгодности предпріятія засѣваютъ свою полосу травой. Повидимому, только въ рѣдкихъ случаяхъ несогласныхъ приходится втягивать „чуть не силою“, какъ это было, напр., въ с. Ревинѣ Волоколамскаго у. Нерѣдко общество, въ случаяхъ отсутствія общаго согласія, предпочитаетъ отсрочить нововведеніе. Такъ, послѣ двухгодичнаго опыта посѣва травы на пріусадебной землѣ нѣсколькими хозяевами д. Холмецъ Волоколамскаго у., крестьяне подумываютъ сѣять клеверъ всѣмъ обществомъ на обществен-

ной пустоши въ 15 дес., но удерживаются пока отъ составленія соотвѣтствующаго приговора, въ виду того, что нѣкоторые однодеревенцы находятъ сѣмена слишкомъ дорогими. Другія же общины считаютъ нужнымъ вести дѣло формально, даже когда необходимости въ этомъ, повидимому, не представляется. Такъ, въ д. Астафьевой, Можайскаго у., съ 1885 г. практикуется посѣвъ травы на усадебной землѣ постепенно возрастающимъ числомъ домохозяевъ; въ 1890 г. крестьяне заявляли, что если достанутъ денегъ для сѣмянъ, то будутъ сѣять траву цѣлымъ обществомъ; „хотя несогласныхъ заниматься травосѣяніемъ нѣтъ, но, ради упроченія дѣла, намѣрены составить соотвѣтственный приговоръ".

Вышеизложенные факты знакомятъ насъ съ однимъ путемъ введенія травосѣянія въ крестьянское хозяйство, открывающимся частной иниціативой и заканчивающимся общественнымъ предпріятіемъ. Другой путь съ начала до конца проходится цѣлой общиной. С. Петровское и д. Алферьева Волоколамскаго у., напр., много лѣтъ арендовывали у сосѣдняго владѣльца клеверные покосы, затѣмъ стали сами сѣять на арендованной землѣ клеверъ, и, наконецъ, перенесли посѣвъ его на надѣльную землю.

Первые опыты примѣненія крестьянами травосѣянія, повидимому, не заходятъ дальше начала 80-хъ гг.; введеніе же общественнаго травосѣянія на надѣльныхъ земляхъ обнаружилось со второй половины названнаго десятилѣтія. Объѣздъ земскаго агронома, г. Баженова, Московской губ. въ 1890 г. открылъ нѣсколько десятковъ селеній съ начавшимся травосѣяніемъ, изъ числа коихъ общественное травосѣяніе примѣнялось въ 8-ми селеніяхъ Волоколамскаго у., 6-ти Можайскаго и 5-ти Рузскаго; нѣкоторыя другія общины предполагали перейти къ посѣву травы въ слѣдующемъ году. По причинѣ новизны дѣла, система сѣвооборота, соотвѣтствующая введенію въ него травы, какъ мы это видѣли въ первой главѣ (с. 48), не была еще крестьянами выяснена.

Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что, не производя сплошнаго изслѣдованія, г. Баженовъ не могъ зарегистрировать всѣ случаи общественнаго травосѣянія. Такъ, изъ другого источника извѣстно, что въ 1890 г. посѣвъ клевера на 6 дес., по иниціативѣ кн. Щербатова, сдѣланъ обществомъ крестьянъ д. Го-

родище, Московской вол., Рузскаго у., по примѣру которыхъ въ 1891 г. отвело $4^1/_2$ дес. подъ клеверъ и общество с. Ивайлова [1]).

Въ послѣдующіе два года дѣло крестьянскаго травосѣянія въ Московской губ., повидимому, значительно подвинулось впередъ. Такъ, вмѣсто 8 селъ, приступившихъ къ общественному травосѣянію въ Волоколамскомъ у. въ 1890 г., въ 1892 г. насчитывалось уже 33. Изъ 24 новыхъ случаевъ общественнаго травосѣянія на надѣльной землѣ 16 относятся къ двумъ волостямъ, гдѣ такое травосѣяніе уже примѣнялось нѣкоторыми общинами въ 1890 г. и 8—къ четыремъ новымъ волостямъ. Самыя формы травосѣянія значительно усовершенствовались; „подъ вліяніемъ травосѣянія трехполье во многихъ селеніяхъ начинаетъ уступать мѣсто шестиполью и семиполью". Дѣло въ этомъ уѣздѣ развивается при участіи уѣзднаго земства, которое „не только поощряетъ травосѣяніе у крестьянъ, но и упорядочиваетъ его. Такъ, клеверныя сѣмена выдаются на льготныхъ условіяхъ изъ земскаго склада лишь тѣмъ селеніямъ, которыя заводятъ травосѣяніе при условіяхъ, достаточно обезпечивающихъ успѣхъ дѣла".

Въ заключеніе описанія травосѣянія на крестьянской землѣ въ Московской г. скажемъ нѣсколько словъ объ извѣстныхъ намъ случаяхъ приложенія къ травосѣянію коллективнаго труда цѣлой общины. По своему происхожденію, эти случаи распадаются на двѣ категоріи: такіе, гдѣ иниціатива принадлежитъ самимъ крестьянамъ, и другіе, гдѣ послѣдніе дѣйствовали по внушенію извнѣ. Изъ числа случаевъ второй категоріи остановимся прежде всего на случаяхъ, имѣющихъ мѣсто въ Рузскомъ уѣздѣ. Этотъ послѣдній уѣздъ характеризуется широкимъ распространеніемъ среди населенія общественныхъ запашекъ (величиной отъ $^1/_2$ до 3 дес.), засѣваемыхъ весьма часто улучшенными сѣменами, пріобрѣтаемыми черезъ посредство мѣстнаго земства. Запашки эти являются продуктомъ послѣдняго времени. Такъ, изъ 90 запашекъ, существовавшихъ въ 1889 г., 9 были учреждены въ 1885 г., 6—въ 1886 г., 27—въ 1887 г., 21—въ 1888 г. и 27—въ 1889 г. (Ст. Ежег. по Моск. губ. за 1889 г.). Въ Судниковской волости, гдѣ въ 1889 г.

---

[1]) Сельск. Вѣстн. 1891 г., № 47.

было 19 запашекъ, въ 1890 насчитывалось уже 25, такъ, что изъ 36 селеній волости всего 11 не завели у себя общественную запашку. Помимо прямой цѣли—заполненія общественнаго магазина,—общественныя запашки играютъ и культурно-хозяйственную роль, давая крестьянамъ возможность обмѣнять свои выродившіяся сѣмена хлѣбовъ на свѣжія и улучшенныя.

Нѣкоторыя то изъ деревень, практикующихъ общественную запашку (5), по совѣту кн. Щербатова и при его содѣйствіи, отвели часть ея (размѣромъ около 1 дес.) подъ посѣвъ клевера. Другая группа деревень, учредившихъ общественную запашку для посѣва травъ, находится въ Московскомъ у. На предложеніе уѣздной управы завести общественную запашку на условіи безплатнаго доставленія ею сѣмянъ для посѣва травы, откликнулись прежде всего д. Марфино и Лигачева. Первый опытъ не пропалъ даромъ: „10 сельскихъ обществъ Черкизовской волости изъявили желаніе ввести у себя травосѣяніе, о чемъ и ходатайствуютъ передъ земскимъ собраніемъ (Стат. Ежег. Моск. г. за 1887 г.). Во всѣхъ случаяхъ учрежденія общественной запашки подъ вліяніемъ извнѣ, таковая заводится, какъ мы видѣли, на площади, не превышающей 1 — 2 дес. Въ двухъ извѣстныхъ случаяхъ самостоятельнаго заведенія въ 1886—87 гг. общественной запашки съ цѣлью посѣва травъ,—въ с. Кривушинѣ и Масловѣ Кукаринской вол., Можайскаго у.,—площадь подъ запашкой равняется 7 дес., при чемъ одна деревня хочетъ увеличить ее до 12 дес.

Въ заключеніе, упомянемъ о товариществѣ изъ 4 крестьянъ с. Мимокова Подольскаго у., купившихъ землю и рѣшившихъ вести на ней полу-общинное хозяйство. Они пріобрѣли 5 желѣзныхъ плуговъ, молотилку (стоимостью въ 150 р.); они же сообща засѣяли 3 дес. травой, убрали ихъ и раздѣлились сѣномъ. „Когда клеверъ выродится—предполагаютъ устроить пастбище, а затѣмъ посѣятъ овесъ по пласту“ [1]).

Другой раіонъ, въ которомъ въ новѣйшее время подробно изслѣдовано травосѣяніе на крестьянскихъ земляхъ, это—Кашинскій

[1]) Докладъ Губ. Эконом. Совѣта за 1890 и 1891 г. Оч. кр. хоз. въ Моск. губ. Баженова. Ежегодн. Моск. Земства 1887—91 гг., Русск. Вѣд. 1892 г., № 152.

уѣздъ Тверской губерніи. Помѣщичье хозяйство въ этомъ уѣздѣ благоустроеннѣе хозяйства другихъ мѣстностей Тверской губ., и оно-то дало крестьянамъ первое понятіе о травосѣяніи. Крестьяне нерѣдко арендовывали у владѣльцевъ клеверные покосы, привыкли запускать подъ клеверъ купленную землю и даже иногда обязывались сѣять клеверъ на землѣ, арендуемой у частныхъ собственниковъ подъ культуру хлѣбовъ. Таковы условія, предрасполагающія крестьянъ Кашинскаго у. ко введенію травосѣянія на надѣльной землѣ, и хотя мѣстное изслѣдованіе не обнаружило непосредственнаго вліянія въ этомъ дѣлѣ частновладѣльческаго хозяйства, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что такое хозяйство играло роль, облегчавшую примѣненіе крестьянами травосѣянія, когда настало для него время. А это время для кашинскаго крестьянства наступило раньше, нежели для московскаго, почему и формы травосѣянія здѣсь представляются болѣе развитыми. Мѣстное изслѣдованіе земскаго статистическаго бюро 1889 г. зарегистрировало 70 общинъ, въ которыхъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ примѣняется травосѣяніе. Въ 19 изъ этихъ общинъ трава сѣется на пріусадебной землѣ (въ одной—всѣми домохозяевами, въ остальныхъ—нѣсколькими), въ 25—на особо отведенныхъ для этого участкахъ, не входящихъ въ общій полевой сѣвооборотъ (при чемъ въ 15 общинахъ клеверъ сѣется всѣми или почти всѣми домохозяевами, въ 10 — нѣкоторыми изъ нихъ), въ 16 — въ одномъ изъ полей (изъ нихъ въ 14— всѣми домохозяевами) и въ 10 общинахъ посѣвъ травъ введенъ въ правильный полевой сѣвооборотъ, при чемъ травосѣяніемъ занимаются всѣ или почти всѣ домохозяева.

Соотвѣтственно тому, что мы видѣли въ случаяхъ травосѣянія въ Московской губерніи, посѣвъ травъ на пріусадебной землѣ и въ Кашинскомъ у. „обыкновенно служитъ началомъ къ тому, чтобы сѣять ихъ и на поляхъ; на него такъ и смотрятъ крестьяне, какъ на опытъ". Сообразно сказанному, большая часть случаевъ этого травосѣянія, насколько извѣстно, — новѣйшаго происхожденія; именно изъ 10 случаевъ пріусадебнаго травосѣянія, гдѣ извѣстенъ моментъ появленія послѣдняго, въ 3-хъ оно началось въ 1888 г., въ 3-хъ—въ 1887 г., въ 1-мъ—въ 1886 г.;

но здѣсь же есть 2 случая начала травосѣянія въ 1879 г. Очевидно, есть какія-то условія, задерживающія систематическое примѣненіе въ такихъ общинахъ посѣва травъ. 25 случаевъ примѣненія травосѣянія на особо отведенномъ для этого участкѣ, при чемъ здѣсь образуется особый, независимый отъ полеваго, трехпольнаго, сѣвооборотъ, какъ намъ кажется, въ значительной степени должны считаться также имѣющими экспериментальный или, по крайней мѣрѣ, переходный характеръ. Это подтверждается и недавностью происхожденія большинства этихъ случаевъ (въ 18-ти общинахъ начали сѣять траву въ 1886—89 гг., въ одной—въ 1884 г., въ одной—въ 1882 г., въ 5-ти время начала посѣва неизвѣстно), и ограниченіемъ примѣненія травосѣянія въ 10-ти общинахъ всего нѣсколькими домохозяевами. Въ описываемыхъ случаяхъ община, замѣтивъ стремленіе большаго или меньшаго числа своихъ членовъ заняться травосѣяніемъ, отвела для этого особый участокъ, не обязывая каждаго (за исключеніемъ одной общины) утилизировать его непремѣнно путемъ посѣва травы. Поэтому—кто въ „силѣ“ удобрить свою полосу и пріобрѣсти сѣмена, тотъ сѣетъ здѣсь траву, кто „не въ силѣ“, тотъ использываетъ участокъ иными способами. 16 общинъ, высѣвающихъ траву на одномъ полѣ, повидимому, представляютъ собой случаи начала введенія травосѣянія въ полевой сѣвооборотъ и во всякомъ разѣ свидѣтельствуютъ о болѣе серьезномъ отношеніи населенія къ травосѣянію, чѣмъ случаи, разсмотрѣнные раньше. Подтвержденіемъ сказанному служитъ уже тотъ фактъ, что въ 14 изъ указанныхъ общинъ посѣвъ травъ практикуется всѣми домохозяевами. Затѣмъ, такъ какъ въ 7 общинахъ этой группы къ травосѣянію приступили лишь за годъ до момента изслѣдованія, а въ 6-ти—въ самый годъ изслѣдованія, то и при рѣшеніи общества ввести траву въ полевой сѣвооборотъ, дѣло не могло пойти дальше того, какъ его застало изслѣдованіе, почему существованіе посѣва клевера лишь на одномъ полѣ не противорѣчитъ предположенію, что это—лишь первый шагъ къ введенію его въ общій сѣвооборотъ.

Высшую форму травосѣянія въ описываемой мѣстности представляютъ 10 общинъ, которыя ввели траву въ полевой сѣвооборотъ. Д. Турова практикуетъ эту систему съ 1875 г., д.

Покровское—съ 1879 г., двѣ общины—съ 1881 г., двѣ—съ 1883 г., двѣ—съ 1885 г. и двѣ—съ 1886—87 г. Въ этихъ общинахъ часть каждаго поля занята травой, часть—хлѣбомъ или паромъ, почему система сѣвооборота съ одинаковымъ правомъ можетъ быть названа и 4-хъпольемъ, и 6-типольемъ. Въ 2—3-хъ общинахъ начавшееся, было, травосѣяніе современемъ прекратилось: въ одной потому, что клеверъ плохо родился, въ другой—несѣявшіе хозяева травили клеверъ скотомъ.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ сѣмена для первыхъ посѣвовъ травы пріобрѣтались на общественный счетъ.

Изъ 70-ти общинъ, въ которыхъ встрѣчается травосѣяніе, всего 10 принадлежатъ къ разряду бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а 60 (въ томъ числѣ 10 съ наиболѣе развитой формой травосѣянія) — бывшіе помѣщичьи. Обращаясь къ 51 общинамъ, гдѣ травы сѣются не на усадебной землѣ, находящейся въ подворномъ пользованіи семьи, а на остальной части надѣла, наиболѣе подчиняющейся общественной регламентаціи и пытаясь выяснить, насколько въ этихъ общинахъ живы общинные распорядки, слѣдуетъ прежде всего сказать, что въ одной изъ нихъ земледѣліе подворное—черезполосное, въ остальныхъ—общинное. Изъ этихъ послѣднихъ въ 6-ти принята ревизская система разверстки земли, обезпечивающая постоянство владѣнія семьею отведеннымъ ей участкомъ, въ остальныхъ,—въ томъ числѣ во всѣхъ 10-ти, гдѣ посѣвъ травъ введенъ въ полевой сѣвооборотъ—земля разверстывается по силѣ хозяевъ, по работникамъ или по величинѣ семьи, причемъ требуемое системой уравненіе участковъ достигается помощью частныхъ передѣловъ. Что же касается общихъ передѣловъ, при которыхъ заново происходитъ перераспредѣленіе земли въ натурѣ, таковые въ Кашинскомъ уѣздѣ производятся вообще рѣдко; въ 4-хъ изъ разсматриваемыхъ общинъ со времени освобожденія крестьянъ (или съ ревизіи) ихъ вовсе не было, въ 32-хъ—передѣлъ съ указаннаго момента былъ произведенъ однажды, а въ 15—два раза; въ частности изъ 10-ти общинъ съ особенно развитымъ травосѣяніемъ, въ двухъ—общихъ передѣловъ не было, въ 5-ти было произведено по одному передѣлу и въ 3-хъ по два. Четыре первые послѣ воли передѣла падаютъ на время съ 1886—1889 гг., а изъ 15-ти вторыхъ пе-

редѣловъ 8 произведены въ 1879—1889 гг. Изъ 8-ми общинъ, относительно которыхъ извѣстны причины вторыхъ передѣловъ, въ 2-хъ таковые имѣли цѣлью устраненіе чрезмѣрной черезполосицы, въ 5-ти—окрупненіе полосъ. Въ 6-ти общинахъ передѣлъ былъ совершенъ послѣ введенія травосѣянія: въ 2-хъ изъ нихъ клеѣеръ введенъ въ полевой сѣвооборотъ, въ 2-хъ онъ сѣется въ одномъ полѣ и въ 2-хъ на запольныхъ участкахъ *). Такимъ образомъ, общины Кашинскаго уѣзда, примѣняющія травосѣяніе, не отличаются отъ остальныхъ общинъ въ смыслѣ угасанія распорядковъ и пріемовъ, свойственныхъ общинной формѣ владѣнія землей, почему нельзя утверждать, что эти распорядки служатъ препятствіемъ введенію въ крестьянское хозяйство посѣва травъ. За то можно, кажется, смѣло сказать, что выработанная на почвѣ общиннаго владѣнія привычка къ совмѣстному разрѣшенію хозяйственныхъ вопросовъ и отсутствіе въ личности стремленія дѣйствовать во что бы то ни стало по индивидуальному произволу, являются важнымъ факторомъ, способствующимъ распространенію травосѣянія въ массѣ рядоваго крестьянства. Поэтому, въ обществахъ съ подворнымъ владѣніемъ землей врядъ-ли будутъ часто встрѣчаться случаи, составляющіе обыкновенное явленіе при господствѣ общинной формы, случаи одновременнаго введенія посѣва травъ всѣми или почти всѣми домохозяевами.

Въ другихъ уѣздахъ Тверской губерніи (къ тому же подвергавшихся изслѣдованію раньше Кашинскаго) травосѣяніе распространено гораздо меньше. Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ оно пока практикуется на купленной землѣ, причемъ по снятіи трехъ-четырехъ укосовъ, участокъ запускается подъ выгонъ (с. 146); въ Калязинскомъ уѣздѣ нѣсколько (6—8) деревень пробуютъ сѣять клеверъ тоже на купленной или арендованной землѣ, а въ дер. Бурцево 5 хозяевъ посѣяли его въ озимомъ полѣ надѣльной земли (с. 120); въ Старицкомъ уѣздѣ во многихъ волостяхъ въ послѣдніе годы клеверъ сѣется на усадебной землѣ (с. 75). Въ описаніи Зубцовскаго уѣзда указаны 6 деревень, гдѣ крестьяне сѣютъ клеверъ на усадебной землѣ, 5 дер.—на купленной, одна—на арендованной и 3 деревни (Первитинской волости), перенесшихъ тра-

*) Юридич. Вѣстн. 1890 г., № 2 и 4.

восѣяніе на особо для того отведенный участокъ надѣльной земли (с. 162).

Крестьяне Сычевскаго у. вообще проявляютъ большую заботу о своихъ лугахъ. По сообщенію отъ 1885 г., испорченные, заросшіе лишаемъ и мохомъ, они переламываютъ плугомъ, засѣваютъ льномъ, а затѣмъ или получаютъ прекрасный естественный покосъ, или засѣваютъ участокъ клеверомъ. Около 30% деревень уѣзда часть луга съ примыкающею долею пашни огораживаютъ отъ скотины, а иногда и засѣваютъ клеверомъ. Въ другихъ деревняхъ для послѣдняго отводятъ часть поля. Тѣмъ или другимъ способомъ рядомъ съ тремя полями обычнаго сѣвооборота образуется четвертое поле, которое пока живетъ самостоятельной жизнью и служитъ для производства корма скоту, но современемъ можетъ соединиться съ хлѣбными полями и привести, такимъ образомъ, къ четырехпольному сѣвообороту съ посѣвомъ травъ [1]). Послѣдующія извѣстія о томъ же предметѣ даютъ болѣе подробныя свѣдѣнія по исторіи травосѣянія въ Сычевскомъ у. и показываютъ, что включеніе четвертаго поля въ общій сѣвооборотъ есть уже совершившійся фактъ, а не одно предположеніе. Первоначально травосѣяніе практиковалось на покупныхъ земляхъ, усадьбахъ и огородахъ, отдѣльными, преимущественно зажиточными, крестьянами. Эта форма травосѣянія встрѣчается по уѣзду и въ настоящее время. Затѣмъ посѣвы травъ были перенесены на надѣльную полевую землю и къ веснѣ 1891 г. нѣкоторые наблюдатели насчитали до 40 деревень, гдѣ травосѣяніе на поляхъ примѣнялось всѣмъ обществомъ. Первыя попытки этой формы травосѣянія, повидимому, относятся еще къ началу 80-хъ годовъ (с. Княжино Мольчинской волости); но видное распространеніе она получила со второй половины 80-хъ годовъ. Обыкновенно для посѣва травъ отдѣляется часть озимаго поля, но 2 — 3 деревни устроили шестипольный сѣвооборотъ, а въ д. Корытневѣ на покупной землѣ заведенъ семипольный сѣвооборотъ. Изъ 40 вышеуказанныхъ деревень 10 принадлежатъ къ Бехтѣевской волости, а 30 разбросаны по другимъ 15-ти волостямъ.

---

[1]) Рус. Вѣд. 1885 г., № 165.

Сѣмена травы обыкновенно пріобрѣтаются на мірской счетъ. Для удовлетворенія спроса крестьянъ на сѣмена, нѣсколько торговцевъ г. Сычевки открыли у себя сѣмянную торговлю; весной 1890 г. они продали 800 пудовъ, а въ 1891 г. уже 2.000 пуд.; сверхъ того сѣмена продаются богатыми крестьянами многихъ селъ. Сѣмя отдѣльными лицами, товариществами крестьянъ и цѣлыми деревнями покупается весной, обыкновенно въ долгъ до осени, за круговой порукой всѣхъ участниковъ. Травосѣяніе съ наибольшей силой распространяется въ мѣстностяхъ съ обширными посѣвами льна (иногда трава замѣняетъ ленъ) и въ свою очередь повело къ улучшенію льноводства, такъ какъ опытъ крестьянъ показалъ, что ленъ, посѣянный послѣ клевера, даетъ продуктъ лучшаго качества. Травосѣяніе дало крестьянамъ возможность настолько увеличить добычу сѣна, что они стали вывозить его за предѣлы уѣзда въ количествѣ до 100 т. пуд. въ годъ [1]).

Повидимому, лишь благодаря тому обстоятельству, что въ Сычевскомъ уѣздѣ нашлось одно-два лица (въ числѣ ихъ податной инспекторъ, К. И. Ровинскій), интересующіяся предметомъ,—мы и имѣемъ кое-какія свѣдѣнія о развитіи здѣсь травосѣянія, и бѣдность подобныхъ же указаній относительно другихъ уѣздовъ той же губерніи нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что травосѣяніе крестьянами тамъ почти не примѣняется. По этимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ посѣвъ крестьянами травъ наблюдается въ Краснинскомъ, Бѣльскомъ, Дорогобужскомъ, Духовщинскомъ, Вяземскомъ уѣздахъ. Въ д. Юфанова, Сережанской вол. Вяземскаго у., травосѣяніе практикуется съ 1885 г., въ д. Корсаковѣ той же волости—съ 1888 г., въ д. Парфеновѣ (той же вол.) съ 1889 г., въ д. Семеновской, Спасъ-Неразлучинской вол.—съ 1887 г., въ д. Ново-Высокинской, Спасъ-Волжинской вол.—съ 1888 г. и т. д. „Спросъ на сѣмена клевера и тимофѣевки въ Вяземскомъ уѣздѣ въ 1892 г. достигъ небывалыхъ размѣровъ и въ концѣ апрѣля мѣсяца достать клеверныя сѣмена было совершенно невозможно" [2]).

---

[1]) Вѣстн. Фин., Пром. и Торг. 1890 г., №№: 15, 17, 20; 1891 г., № 14. Смоленск. Вѣстн. 1890 г., № 85; 1891 г., №№: 46, 54; 1892 г., №№: 22, 48.

[2]) 1889 г. въ сел.-хоз. отн., в. I, с. 56. Смол. Вѣстн. 1890 г., №№: 53, 86; 1892 г., № 53.

Попытки введенія травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ имѣютъ очень важное значеніе, потому что они отвѣчаютъ главнѣйшей потребности этого хозяйства, потребности въ кормовыхъ средствахъ, недостатокъ которыхъ ведетъ къ сокращенію скотоводства, безъ котораго невозможно удобреніе, а слѣдовательно и сносные урожаи. Однако, ограниченное примѣненіе травосѣянія не доказываетъ столь же малаго распространенія среди крестьянъ мѣръ, направленныхъ къ устраненію недостатка кормовыхъ средствъ хозяйства. Не говоря о расчисткахъ лѣсовъ, осушеніи болотъ и т. п. случаяхъ увеличенія кормовой поверхности и останавливаясь исключительно на примѣненіи новыхъ культуръ, нужно сказать, что шагъ впередъ по пути раціонализированія крестьянскаго земледѣлія мы должны видѣть въ распространеніи культуры не однѣхъ травъ, но и такихъ растеній, какъ, напримѣръ, чечевица, кормовая свекла, кукуруза. И въ этомъ отношеніи послѣдніе годы представляютъ не мало интереснаго. Правда, кормовая кукуруза, напр., получила небольшое распространеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ, о чечевицѣ же приходится сказать совершенно обратное. Распространяться въ крестьянской средѣ она начала въ большинствѣ случаевъ въ послѣднее десятилѣтіе, при чемъ раньше этого времени во многихъ мѣстностяхъ она даже не была извѣстна; такъ, въ Пермскую губернію сѣмена ея были принесены солдатами, дѣлавшими военный походъ въ Турцію. Въ настоящее время посѣвы ея наблюдаются въ Тульской губерніи, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Орловской, Симбирской, Самарской, Московской, Владимірской, Пермской, Нижегородской, Воронежской, Харьковской и др. Населеніе цѣнитъ ее за прекрасныя кормовыя свойства соломы, которую оно мѣстами предпочитаетъ сѣну (клеверу). Но и зерно этого растенія главнымъ образомъ назначается для той же цѣли: перемолотое въ муку, оно служитъ для посыпки корма, хотя иногда или при неурожаѣ, въ видѣ лепешекъ, употребляется и самими крестьянами. Къ немалымъ ея достоинствамъ слѣдуетъ причислить неприхотливость въ отношеніи почвы, вслѣдствіе чего ее сѣютъ на самыхъ плохихъ суглинистыхъ земляхъ. Расширившіеся повсемѣстно посѣвы картофеля въ свою очередь хотя въ

небольшой степени могутъ быть отнесены на счетъ потребности въ кормѣ же для скота (см., напр., Сборн. ст. св. по Орлов. губ., т. I, с. 78).

III.

Приведенными случаями и соображеніями обнаруживается лицевая сторона того свойства общины, которое до сихъ поръ было намъ извѣстно лишь своей изнанкой; мы говоримъ о стѣсненіи индивидуальной дѣятельности. При полной свободѣ сѣвооборота, травосѣяніе и многопольное хозяйство явилось бы на крестьянской землѣ можетъ быть раньше, чѣмъ мы это наблюдаемъ въ настоящее время. Но его распространеніе совершалось бы медленно, и даже когда большинство даннаго поселенія приняло новый сѣвооборотъ—отсталое меньшинство извѣстное время держалось бы трехполья. При обязательномъ же сѣвооборотѣ достаточно убѣдить большинство членовъ общины въ выгодахъ извѣстнаго преобразованія, и послѣднее можетъ ввестись повсемѣстно, не дожидаясь, когда всѣ хозяева признаютъ его пользу и рѣшатся, наконецъ, разстаться съ излюбленнымъ пріемомъ. Въ этихъ случаяхъ власть міра надъ своими членами способствуетъ прогрессу сельскаго хозяйства, въ противуположность другимъ, гдѣ она обнаруживаетъ задерживающее вліяніе.

Возможность декредитировать извѣстныя мѣропріятія, какъ обязательныя для всѣхъ членовъ союза, имѣетъ особенную важность въ тѣхъ случаяхъ, когда полезная сельско-хозяйственная мѣра требуетъ совмѣстной дѣятельности всѣхъ собственниковъ данной площади; таковы, напримѣръ, осушеніе болотъ, орошеніе полей и т. п. Единичныя усилія мелкихъ владѣльцевъ въ большинствѣ случаевъ не приведутъ здѣсь ни къ чему; соединеніе нѣсколькихъ частныхъ собственниковъ-сосѣдей для совмѣстной дѣятельности иногда позволяетъ осушить небольшой участокъ. Но, во-1-хъ, это отразится лишь на имуществѣ участниковъ предпріятія, во-2-хъ, при извѣстномъ расположеніи участковъ, несогласіе нѣсколькихъ совладѣльцевъ можетъ совершенно парализовать полезное дѣло, желательное огромному

большинству. При общинномъ землевладѣніи послѣдн[illegible] невозможенъ; приговоръ большинства рѣшаетъ вопросъ, и такимъ образомъ осуществляется предпріятіе, которое при частномъ землевладѣніи было бы невозможно или распространилось на меньшую площадь (владѣніе лицъ, согласившихся на осушеніе). Обращаясь къ фактической сторонѣ вопроса, мы убѣдимся, что, дѣйствительно, работы по осушенію общинныхъ полей и луговъ пользуются довольно широкимъ распространеніемъ, по крайней мѣрѣ въ центральной нечерноземной полосѣ, гдѣ въ этомъ настоитъ большая надобность и гдѣ, сверхъ того, солидарность членовъ общины развита больше, нежели на черноземѣ. Къ сожалѣнію, мы должны здѣсь пользоваться довольно отрывочными данными, такъ какъ даже сплошное изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства въ Московской, Петербургской и Тверской губерніяхъ и др., не собрало по данному вопросу достаточно полныхъ свѣдѣній, а въ большей части мѣстностей нечерноземной полосы систематическаго изученія крестьянскаго хозяйства вовсе не предпринималось.

Сѣверная окраина Россіи, состоя главнымъ образомъ изъ болотъ, всего больше нуждается въ осушкѣ послѣднихъ. Однако, большая глубина ихъ, плохая подпочва, рѣдкость населенія и привычка его дѣйствовать въ раздробь, создавшаяся подъ вліяніемъ мѣстныхъ топографическихъ условій, — ибо удобные для разработки участки встрѣчаются здѣсь небольшими клочками среди необозримыхъ пространствъ болотъ и т. п.—не благопріятствовали солидарной дѣятельности въ этомъ направленіи большихъ группъ населенія. Поэтому, когда корелы, населяющіе сѣверные уѣзды Архангельской губерніи, познакомились съ осушкой болотъ и озеръ въ сосѣдней Финляндіи и начали примѣнять то же самое у себя—дѣло повелось или богатыми личностями—чуть не капиталистами, или небольшими товариществами болѣе или менѣе зажиточныхъ домохозяевъ, но не общинами. Осушенныя пространства раздѣлываются подъ пашни и луга. Процессъ осушенія, по технической неопытности крестьянъ, производится медленно и стоитъ дорого: даже 6 посѣвовъ озимаго хлѣба не окупаютъ издержекъ предпріятія. Для примѣра товарищескихъ осушекъ укажемъ на Шуезерскій по-

гость Кемскаго уѣзда, гдѣ нѣсколько человѣкъ полномочныхъ крестьянъ условились ежегодно вносить для этой цѣли по 7—10 р. деньгами и 25—30 рабочихъ дней трудомъ. Осушенное пространство убирается сообща, и сѣно дѣлится между товарищами пропорціонально участію каждаго въ предпріятіи.

Такимъ же способомъ небольшихъ артелей производится осушка болотъ въ рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи, гдѣ предпріятія этого рода извѣстны еще съ начала текущаго столѣтія. Въ началѣ 40-хъ годовъ описаны были осушенныя болота въ Олонецкомъ и Вытегорскомъ уѣздахъ. „Болотныя культуры,—говоритъ наблюдатель,—распространяются болѣе и болѣе въ этой странѣ, хотя еще медленно. Болото Луйкусоо въ Олонецкомъ уѣздѣ уже во многихъ мѣстахъ воздѣлано, и обработка, подвигаясь къ срединѣ болота, постепенно облегчается съ умноженіемъ главныхъ отводныхъ каналовъ". Что касается достоинства работъ, то „по образу своей обработки олонецкія культуры стоятъ на ряду съ лучшими заграничными въ этомъ родѣ". За то и стоимость ихъ достигаетъ 50—90 р. на десятину. Названныя работы, какъ мы сказали, мѣстами производятся небольшими артелями. Въ другихъ районахъ той же губерніи предпринимаются грандіозныя работы уже чисто общиннаго характера. Такъ, 33 селенія (837 ревиз. душъ) Туксинской дачи Олонецкаго уѣзда, нуждаясь въ сѣнѣ, порѣшили (въ концѣ 60-хъ гг.) осушить большое болото. Два года они міромъ проводили канавы, два года жгли осушенное пространство, послѣ чего засѣяли его хлѣбомъ, сняли три превосходныхъ урожая, а затѣмъ запустили подъ покосъ, который не только удовлетворяетъ потребность общинниковъ въ сѣнѣ, но и позволяетъ продавать его до 500.000 пудовъ ежегодно. Такого рода мірскіе покосы обыкновенно и эксплуатируются общиннымъ порядкомъ: на работу выходятъ всѣ члены общины (по извѣстной раскладкѣ), сѣно раздѣляется по душамъ. Осушительныя работы не прекращаются здѣсь и въ настоящее время; такъ, крестьяне с. Федорова Каргопольскаго уѣзда провели въ 1883 г. канавы „съ цѣлью избавиться отъ лишней влаги и улучшить сѣнокосы" [1]). О Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губ.

[1]) Сел.-хоз. и лѣс. 1878 г., 7, ст. г. Гомилевскаго. Русск. Вѣд. 1880 г., № 6, а также «Народная жизнь на сѣверѣ» Приклонскаго. Отеч. Зап.

пр. Червинскій пишетъ, что ему не разъ приходилось наблюдать попытки осушенія крестьянскихъ болотъ. То же самое г. Калантаръ сообщаетъ о Кадниковскомъ уѣздѣ [1]).

Сѣверъ губерніи не былъ изслѣдованъ систематически, и потому приведенныя данныя, собранныя отдѣльными лицами, носятъ отрывочный характеръ. Къ сожалѣнію, нѣчто подобное должны мы сказать и о характерѣ данныхъ, собранныхъ земско-статистическими бюро, каково, напримѣръ, петербургское. Не смотря на то, что работы по осушенію болотъ здѣсь именно предпринимаются особенно часто, въ матеріалахъ названнаго бюро приведены лишь самыя неопредѣленныя указанія по этому предмету; невыясненными остались ни длина осушительныхъ канавъ, ни способъ проведенія послѣднихъ, такъ что лишь по догадкѣ мы принимаемъ, что община не оставалась въ сторонѣ отъ разсматриваемаго движенія. Въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи описывается мѣстность (занятая русскими и финскими деревнями), „состоящая почти сплошь изъ болотъ; здѣсь образованіе новой пашни возможно только подъ условіемъ производства обширныхъ осушительныхъ работъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что пахатныя поля здѣсь изрѣзаны во всѣхъ направленіяхъ сточными канавами. Образованіе густой сѣти послѣднихъ и постоянная расчистка ихъ, безъ чего пашня быстро заболачивается, требуютъ громаднаго труда“. Въ низменной части Петергофскаго уѣзда (гдѣ существуетъ почти исключительно общинное землевладѣніе) населенію „приходилось прибѣгать къ осушительнымъ работамъ, чтобы отвоевать у болота необходимые клочки пашни или, по крайней мѣрѣ, покоса. Болотистыя мѣста, лежащія по теченію рѣкъ, носятъ слѣды огромной массы труда, употребленнаго лишь на то, чтобы отвоевать у болотъ тотъ или другой участокъ необходимой для хозяйства земли... Ковашевская волость представляетъ сѣть осушительныхъ работъ. Поля Лендовщины, Мордовщины, Калищенскіе черноземы болѣе или менѣе зависятъ отъ подобнаго рода канавъ“. Прини-

---

1874 г., 2, ст. Лалоша. Журн. Мин. Гос. Им. 1842 г., № 4. 1884 г. въ сел.-хоз. от., вып. III, стр. 365.

[1]) Изслѣдованія современнаго состоянія скотоводства въ Россіи, вып. I, стр. Г 24, А 166.

мая во вниманіе, что въ Петергофскомъ уѣздѣ господствуетъ общинное землевладѣніе, нужно допустить, что не малая доля описанныхъ сооруженій явилась, благодаря этой формѣ союза.

Свѣдѣнія о Смоленской губерніи отличаются большею опредѣленностью. Правда, о Гжатскомъ уѣздѣ въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній сказано лишь, что „въ семи волостяхъ переписью констатированы земляныя работы—прорытіе канавъ съ цѣлью осушенія полей и луговъ" [1]). Но для Вяземскаго уѣзда приведены болѣе опредѣленныя данныя, по которымъ мы можемъ съ вѣроятностью заключить, что и въ первомъ уѣздѣ осушительныя работы производились по преимуществу общинами. Именно, земскіе статистики указываютъ 25 общинъ уѣзда, предпринявшихъ въ послѣднее время осушку полей и луговъ. Нѣкоторыя изъ нихъ преслѣдуютъ поставленную цѣль методически: въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ роютъ канавы для осушенія всѣхъ полей; другія ограничиваются осушкою луга, болота. Работаютъ или міромъ, или нанимаютъ грабарей. „Приведенными фактами, заключаетъ сборникъ, не исчерпываются всѣ работы по осушенію болотистыхъ пространствъ въ уѣздѣ; но и ихъ достаточно, чтобы видѣть, что онѣ не незначительны и до извѣстной степени увеличили количество удобной земли въ уѣздѣ". Для ясности прибавимъ, что настоящихъ болотъ въ Вяземскомъ уѣздѣ немного: 30 лѣтъ назадъ ихъ насчитывалось всего 2.216 десятинъ. Въ Сычевскомъ уѣздѣ „очень немного найдется такихъ общинъ, которыя бы не предпринимали не такъ давно и въ самые послѣдніе годы работъ по осушенію; примѣръ одной общины возбуждаетъ другую" [2]).

Изслѣдованіе Тверской губерніи далеко не о всѣхъ уѣздахъ собрало болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія о попыткахъ осушенія болотъ, но и изъ этихъ свѣдѣній видно, что эти попытки представляютъ явленіе не рѣдкое. Въ описаніи Калязинскаго уѣзда упомянуто о 3-хъ случаяхъ осушительныхъ работъ, Вышневолоцкаго уѣзда—о 15-ти (стр. 99); свѣдѣнія о Но-

---

[1]) Кор. Нов. Вр., основанная, повидимому, на данныхъ переписи, указываетъ 18 деревень, гдѣ были произведены осушительныя работы (1887 г. 21 марта).

[2]) Сб. стат. свѣд. по Смол. губ. Т. I, вып. II; Русск. Вѣд. 1885 г., 165.

воторжскомъ (стр. 7) и Старицкомъ (стр. 7) уѣздахъ удостовѣряютъ только фактъ существованія такого рода предпріятій. Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ указывается до 90 деревень, пытавшихся осушать болота, и прибавляется, что сдѣланный перечень далеко не полонъ. Попытки осушенія болотъ въ Тверской губерніи весьма часто оканчиваются неудачно. „Въ разсматриваемомъ матеріалѣ то и дѣло попадаются такія записи: „вырыли канавы, но стока нѣтъ“ или „канавы заплыли“, или просто „рыли канавы, но безуспѣшно“ и т. д. Всѣ эти записи ясно указываютъ, что населеніе выходитъ бороться съ окружающей природой съ пустыми руками, безъ знаній и средствъ. Но, несмотря на всѣ неудачи, населеніе съ неослабною энергіей продолжаетъ работу, а неуспѣхъ одной деревни не смущаетъ другую, въ противномъ случаѣ число попытокъ осушенія болотъ (въ Бѣжецкомъ уѣздѣ) уменьшалось бы, на самомъ же дѣлѣ оно увеличивается: до 1861 года такихъ попытокъ было мало и только послѣ освобожденія крестьянъ и особенно въ послѣднее десятилѣтіе попытки осушенія болотъ сдѣлались не исключеніемъ, а скорѣе общимъ правиломъ“ (стр. 10).

Община Московской губерніи систематически была изслѣдована покойнымъ Орловымъ уже 15 лѣтъ назадъ. Къ сожалѣнію,—такъ какъ это было время, когда систематическое и разностороннее изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства экспедиціоннымъ путемъ только что начиналось,—программа московскаго земско-статистическаго бюро (которымъ завѣдывалъ Орловъ), какъ одинъ изъ первыхъ образцовъ, оказалась недостаточно полной, и многія важныя явленія общинной жизни зарегистрированы лишь въ немногихъ поселеніяхъ. Къ числу таковыхъ относится, между прочимъ, вопросъ объ осушкѣ крестьянами своихъ полей и луговъ. Что эту мѣру улучшенія земли нельзя считать исключительнымъ явленіемъ въ губерніи—видно изъ слѣдующихъ примѣровъ, гдѣ работы по осушкѣ распространены среди десятковъ общинъ, населяющихъ сплошь извѣстную мѣстность. 14 селеній Островской волости Подольскаго уѣзда, въ числѣ 2.216 душъ, составили въ 1873 г. приговоръ объ осушеніи своихъ москворѣцкихъ луговъ, что стоило имъ 700 р. „Еслибы луга находились въ частномъ владѣніи дворовъ, говорятъ сами кре-

стьяне, то нечего подобнаго не было бы сдѣлано: одинъ бы захотѣлъ осушить свою часть, а другому это не требуется". Во всѣхъ селеніяхъ (государственныхъ крестьянъ) Завидовской и Трехдневской волостей Клинскаго уѣзда прорыты канавы, гдѣ только въ этомъ есть надобность. Во всѣхъ селеніяхъ Круговской волости того же уѣзда, большая часть которыхъ принадлежала князю Меньшикову, „производятся общественно мірскія работы для улучшенія надѣльной земли; вездѣ, гдѣ нужно, прорыты канавы, которыя ежегодно исправляются; мірскіе луга чистятся міромъ и т. д. Не смотря на крайнее неплодородіе почвы, земледѣльческое хозяйство здѣсь можетъ быть названо вполнѣ исправнымъ". Сравнительно въ хорошемъ положеніи, не смотря на тяжелую и болотистую почву, находится земледѣліе и въ Короваевской волости Дмитріевскаго уѣзда; за то „почти во всѣхъ сорока пяти селеніяхъ (государственныхъ крестьянъ) этой волости прорыты и поддерживаются міромъ канавы для осушенія пахатной и сѣнокосной земли". Кромѣ указанныхъ фактовъ, относящихся къ цѣлымъ волостямъ, въ трудѣ Орлова приводятся подобные же примѣры по отдѣльнымъ деревнямъ преимущественно тѣхъ же уѣздовъ. Однако, по другимъ волостямъ этихъ уѣздовъ, равно какъ и по остальнымъ частямъ губерніи свѣдѣній имѣется очень мало; „несомнѣнно, однако, что и въ этихъ уѣздахъ крестьянскія общины предпринимаютъ міромъ различныя работы по улучшенію своего надѣла". Что касается приведенныхъ уѣздовъ,—число зарегистрированныхъ общинъ, предпринявшихъ работы по улучшенію надѣла (преимущественно осушенія земли), простирается до 200, что составитъ около 16% всѣхъ общинъ этихъ уѣздовъ. Приведенные случаи относятся къ одному десятилѣтію. Работа, рѣшенная міромъ, производится или трудомъ членовъ общины, или наймомъ. Гдѣ община малыхъ размѣровъ, тамъ и сама работа не велика; но въ очень многихъ случаяхъ длина осушительныхъ канавъ достигаетъ версты, двухъ и больше, и стоитъ обществу порядочныхъ суммъ. Канава д. Сергѣевой и д. Петроковой, напримѣръ, равняется 500 саженямъ; с. Васильевскаго и Пантелѣевки по 1.000 саж.; деревень Владыкиной и Алексѣевской—2.000 саж. и т. п. Нѣкоторымъ общинамъ работа стоила 500—

600 р. [1]). Приведенныя данныя относятся къ 60—70-мъ гг. Въ послѣдующее время свѣдѣнія по тому же предмету собирались случайно. Такъ, при объѣздѣ губерніи земскимъ агрономомъ въ 1890 г., было узнано объ осушеніи болота тремя деревнями Судниковской волости Рузскаго уѣзда; сельско-хозяйственная коммисcія Бронницкаго земства отмѣтила въ 1891 г. около 10 случаевъ предпринятыхъ крестьянами крупныхъ работъ, въ томъ числѣ осушительныхъ. Что это—лишь отдѣльные, случайно попавшіе на глаза, факты, видно изъ слѣдующаго замѣчанія московскаго статистика И. П. Боголѣпова, объѣзжавшаго въ 1889 г. деревни для изслѣдованія состоянія продовольственныхъ запасовъ населенія, замѣчанія, относящіяся къ Волоколамскому и прилегающимъ къ нему волостямъ Клинскаго и Можайскаго уѣздовъ. „Не можемъ не упомянуть здѣсь, пишетъ г. Боголѣповъ, о тѣхъ серьезныхъ опытахъ, которые дѣлаются въ послѣдніе годы крестьянами по приведенію въ лучшее состояніе своихъ луговъ и полей, путемъ прорытія канавъ. Въ этомъ отношеніи особенно типичными будутъ селенія, расположенныя въ огромной долинѣ, омывавшей р. Ламой и ея притоками, гдѣ надѣльная крестьянская земля наиболѣе сильно испещрена канавами. Въ с. Раменьѣ, напр., имѣющемъ всего около 40 дворовъ, въ текущемъ году вырыто новыхъ канавъ 500 саж., въ прошломъ году—300 саж., а въ позапрошломъ—200 саж.; и такъ дѣло ведется въ каждомъ селеніи“ [2]). „Приведенные факты, скажемъ вмѣстѣ съ Орловымъ, служатъ очевиднымъ доказательствомъ того, что общинная форма землевладѣнія представляетъ благопріятныя условія для солидарной хозяйственной дѣятельности крестьянъ“—мнѣніе, само собой напрашивающееся послѣ того, что мы узнали о мірскихъ предпріятіяхъ въ Московской губерніи. Это мнѣніе подтверждается также фактами, собранными въ Ярославской губерніи.

Общественныя работы наблюдались здѣсь въ 40 волостяхъ. Точныхъ свѣдѣній о нихъ не имѣется, а собранныя данныя касаются 200 слишкомъ деревень, гдѣ были проведены осушительныя канавы общей длиною до 95.000 саж. (190 вер.). Наибольшая

---

[1]) Сб. ст. св. по Москов. губ. Т. IV, в. I, гл. VIII.
[2]) Докладъ губ. эконом. совѣта за 1891 г.; Русск. Вѣд. 1890 г., № 171.

величина канавы колеблется по уѣздамъ отъ 1.600 до 2.250 саженъ, т.-е. отъ 3 до 4½ верстъ; с. Якимовское съ деревнями (Ростовскаго у.) прорыли канаву длиною даже въ 5 в. Работы ведутся преимущественно наемнымъ трудомъ [1]).

Мѣстами на помощь крестьянамъ приходитъ земство; такъ, Череповское (Новгородской губ.) земское собраніе въ 1884 г. ссудило двѣ деревни 1.000 рублями на осушеніе болота. Крестьяне с. Погоста Фетиновской волости, Покровскаго у. Владимірской губ., для осушки болота отвели рѣчку въ другое ложе, а общество д. Зарѣчья той же волости израсходовало въ 1880 г. 450 руб. для осушенія болотъ [2]). Въ черноземной полосѣ, гдѣ болотъ гораздо меньше, и случаи осушенія встрѣчаются рѣдко. Въ Новооскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи крестьяне (государств. душевые) д. Глазуновки Булановской волости въ концѣ 70-хъ годовъ „прокопали по всей длинѣ болота сточную канаву, благодаря чему никуда негодная топь обратилась въ превосходный сѣнокосъ. Канава эта время отъ времени расчищается и исправляется міромъ". Крестьяне д. Голубина Пригородной волости въ 1884 г. постановили осушить 188 дес. камышеваго болота подъ сѣнокосъ. „Задумывая это предпріятіе, крестьяне понимали, что затраты придется сдѣлать громадныя, но они передъ этимъ не остановились и постановили спеціальное обложеніе на этотъ предметъ", давшее уже 800 руб.; канава будетъ рыться 2—3 года (с. 65, 84). Крестьяне д. Юсуповки (бывшіе помѣщичьи) Неклюдовской волости Корочанскаго уѣзда недавно задумали осушить покосный лугъ. „Долго толковали, какъ поступить лучше—самимъ ли приняться за прорытіе канавы или нанять рабочихъ". Рѣшили, наконецъ, послѣднее, заплатили за работу 50 р. и теперь имѣютъ съ него сѣна вдвое и втрое больше прежняго. Душево-четвертные крестьяне д. Терновой (130 двор., Зимовенской волости для осушки болотнаго луга, находящагося въ мірскомъ владѣніи, провели сообща канаву длиною въ 500 саженъ. Работа предпринята по инціативѣ общества, но направленіе канавы избрано неудачно, и работа мало помогла осушенію болота

[1]) «Русск. Вѣдом.» 1882 года № 349.
[2]) Якушкинъ, «Обычное право»; «Земскій Ежегодникъ» 1884 г., с. 394. Пр. Влад. губ. в. III, с. 77.

(с. 4, 15). Четвертные крестьяне с. Бунино Тимскаго уѣзда въ 1876 году порѣшили міромъ осушить общинное болото и сравнять кочки „для чего и подѣлили весь участокъ на малые паи, по размѣру каждый пай на 10 дворовъ; тѣмъ же приговоромъ установили девятилѣтній срокъ пользованія покосомъ со времени расчистки. Каждые 10 дворовъ вели работу сообща, точно также пользуются и покосомъ: косятъ артелью и дѣлятся уже сѣномъ поровну по дворамъ" (с. 13). Крестьяне-собственники с. Недоступнаго Бѣлгородскаго уѣзда лѣтъ 10 тому назадъ задумали осушить усадьбы, лежащія на мочежинѣ, цѣлое лѣто работали надъ проведеніемъ канавы, но цѣли не достигли, ибо усадьбы стоятъ въ уровень съ рѣкой, и водѣ поэтому стекать некуда (с. 77). Крестьяне д. Именки Трубчевскаго уѣзда для осушенія болота провели канаву длиною въ 1.200 саж. Общество казаковъ поселка Мертвецова (Оренбургскій край) осушило болото въ 40 кв. саж.; оно же пыталось, но неудачно, отвести русло р. Илека. Работы для осушки болотъ встрѣчаются въ Бѣлевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Крестьяне с. Пустынь Рязанскаго уѣзда, при помощи канавы длиною около 2 верстъ, топкое болото превратили въ прекрасный сѣнокосъ [1]) и т. д.

Кромѣ осушенія болотъ, общественныя предпріятія крестьянъ преслѣдуютъ и другія сельско-хозяйственныя цѣли: орошеніе полей, разведеніе лѣсовъ и т. п.

Что касается орошенія безводныхъ пространствъ, то оно, повидимому, не мало распространено между русскими поселенцами на азіатской границѣ и въ самой Азіи. Такъ, крестьянскія общества бассейна рѣкъ Еруслана и Таргуна Астраханской губерніи, по примѣру одного киргизскаго хана, устраиваютъ на рѣкахъ плотины, орошаютъ такимъ образомъ луга и получаютъ хорошіе сборы сѣна. Въ Семирѣченской области орошеніе полей производится русскими переселенцами помощью отводимыхъ отъ горныхъ рѣчекъ ручьевъ. „Такъ, с. Тургень еще недавно затратило нѣсколько тысячъ на устройство большого арыка, проведеннаго по всѣмъ правиламъ искусства". Забайкальскіе крестьяне орошаютъ

[1]) «Сѣв. Вѣстн.» 1880 г. № 11, отд. II, с. 159; Кавелинъ «Общинное землевладѣніе»; Сб. матер. для изученія сельской поземельной общины, т. I, с. 167. См. также «Итоги экон. изсл. Россіи» т. I, с. 580—2.

пашни и луга, рѣдко въ одиночку или товариществами, „но всего чаще и всего успѣшнѣе идетъ дѣло, когда принимается за него сельскій міръ—община". Кромѣ единовременнаго расхода на проведеніе канавъ (мѣстами черезъ скалистыя горы), община несетъ ежегодныя траты на ихъ очищеніе [1]). Но и въ коренной Россіи встрѣчаются предпріятія подобнаго же рода. Такъ, крестьяне Костромскаго уѣзда, съ цѣлью залитія покосовъ иловатой водой во время весенняго разлитія рѣки Костромы, роютъ по берегамъ послѣдней (прибавимъ, очень высокимъ) канавы, „выбирая для этого самое быстрое теченіе и притомъ при изворотахъ русла, чтобы вода била прямо въ канаву. Посредствомъ этихъ канавъ многіе покосы изъ худыхъ сдѣлались хорошими, кочки заровнялись вслѣдствіе осадки ила и песку, и, гдѣ прежде родилась осока, тамъ теперь ростетъ пырей и другія травы". Въ Самарской губерніи оросительныя работы совершаются крестьянами, между прочимъ, на средства, получаемыя въ ссуду (черезъ посредство

[1]) «Зем. Газ.» 1880 г., с. 757. Тр. В. Э. Об., 1880 г., № 4. 1886 г. въ «с.х. отн. в. з., с. 567. «Русская Мысль» 1885 г., № 12, ст. Михайлова. Книжка «Недѣли» 1887 г., № 8, ст. Краснова. Русскіе переселенцы въ Семирѣченской области и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири, по сообщенію г. Подольскаго русскому техническому обществу, съ успѣхомъ практикуютъ слѣдующій способъ орошенія полей снѣговой водой. «Съ половины зимы, когда снѣгъ выпалъ въ достаточномъ количествѣ, населеніе свозитъ его и складываетъ на возвышающихся надъ пашнями или лугами мѣстахъ и затѣмъ утаптываетъ его какъ собственными ногами, такъ и ногами скота. Эта операція повторяется нѣсколько разъ, пока не получится нѣчто вродѣ ледниковъ требуемаго объема. Съ наступленіемъ тепла ледники забрасываются соломой, хворостомъ, камышемъ, вѣтвями, навозомъ, даже землею и пескомъ, слой котораго достигаетъ толщины 1—$1^1/_2$ фута. Такимъ образомъ получаются ледники иногда въ 1.000 куб. саж. объема, которые таятъ очень медленно и легко держатся до половины лѣта, когда надобность въ искусственномъ орошеніи значительно уменьшается. Пользованіе этими ледниками очень просто: на случай появленія дождей, когда вода ледниковъ окажется для посѣвовъ излишнею, ледники обводятся со стороны склона небольшою канавкою, отъ которой проводятъ другую прямо внизъ—въ рѣку или болото, и тогда, при появленіи дождей, ледниковая вода просто спускается по канавкамъ внизъ, такъ что она не трогаетъ посѣвовъ; если же наступаютъ морозы и засуха, то голова второй канавки заваливается землей, и ледниковая вода снова идетъ на поля». По разсчету г. Подольскаго, для орошенія такимъ способомъ 1 десят. пшеницы на югѣ во весь періодъ роста нужно рыхлаго снѣга 2.400 куб. саж.; но цифру эту для первой половины роста, когда посѣвы наиболѣе нуждаются во влагѣ, можно уменьшить до 1.200 куб. саж. Если это количество рыхлаго снѣга умять до половины объема и уложить штабелями до 3 саж. высоты, то подъ ледникъ потребуется площадь въ 200 кв. саж. на десятину». («Зем. Газ.» 1892, № 12).

земства) отъ правительства. Въ 1887 году ссуда въ 47.000 р. выдана 10-ти обществамъ нѣмцевъ-колонистовъ и 8.300 р.—4 крестьянскимъ обществамъ Новоузенскаго уѣзда. Въ послѣднемъ уѣздѣ обществами воздвигнуто до 1.000 запрудъ съ цѣлью образованія водопоя для скота или орошенія полей и луговъ. Такъ, общество крестьянъ с. Борисоглѣбовки въ теченіе 1883—1885 годовъ издержало 5.000 рублей на утройство запрудъ, при помощи которыхъ можно оросить до 1.000 десятинъ земли. Идея запруды внушена крестьянамъ мѣстнымъ священникомъ. Въ селѣ Полтавкѣ, по инициативѣ мѣстнаго крестьянина, общество устроило запруду, благодаря чему имѣетъ хорошій сѣнокосъ, и т. д. По свѣдѣніямъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, цѣлыя волости Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи, по собственному почину и съ небольшой матеріальной поддержкой со стороны земства, устраиваютъ оросительныя сооруженія, увеличивающія доходность земли въ десятки разъ. Къ сожалѣнію, подобныя важныя предпріятія, за отсутствіемъ руководства спеціалистовъ, не рѣдко оканчиваются неудачею.—Крестьяне деревни Подуражной Сычевскаго уѣзда Смоленской губерніи примѣнили канализацію для удобренія луга нечистотами: воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что усадьбы ихъ расположены на пригоркѣ, а лугъ въ лощинѣ, они соединили ихъ между собой канавами. „Навозная жижа, жирная грязь, прежде стекавшія безполезно, куда придется, теперь весною въ ростепель и лѣтомъ послѣ каждаго дождя устремляются на лугъ" и удобряютъ его. Проведеніе канавъ съ цѣлью орошенія садовъ распространено въ Хвалынскомъ уѣздѣ; при этомъ, такъ какъ канавы цѣлаго селенія образуютъ одну систему, то при поливкѣ садовладѣльцы соблюдаютъ очередь (с. 196) [1]).

Орошеніе крестьянскихъ полей (да и помѣщичьихъ тоже) встрѣчается въ Россіи не часто; то же самое нужно сказать и о лѣсонасажденіяхъ, о которыхъ въ печати попадается немного извѣстій. Такъ, мы имѣемъ не совсѣмъ опредѣленное сообщеніе, что крестьяне Самарской губерніи заботятся о разведеніи лѣсовъ,

[1]) Тр. ком. для изслѣд. куст. пром. Россіи, т. IX, стр 2065. «Самар.Газ.» 1887, № 124. «Вѣстн. Рус. Сел. Хоз.», 1891 г., с. 1101. «Русскія Вѣдомости» 1885, № 165. См. также Итоги экон. изсл. Рос. т. I, с. 582—3.

прибѣгая для этого къ посадкѣ ветелъ („Сел. Вѣстн.“, 1887, 45 и „Рус. Вѣд.“, 1888, 93). Сельскія общества нѣкоторыхъ волостей Липецкаго уѣзда Тамбовской губерніи, по примѣру мѣстныхъ казенныхъ лѣсничествъ, начали разводить лѣсъ на своихъ вырубленныхъ участкахъ. „Посадка молодыхъ саженцевъ выполняется какъ мірское дѣло, по равномѣрной разверсткѣ труда и подъ наблюденіемъ старостъ“ (с. 20). Пахатныя земли многихъ селеній Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи засыпаются пескомъ сразу цѣлыми десятками десятинъ. Для предупрежденія дальнѣйшаго распространенія заноса общество с. Костогрызово въ 1885 г. постановило приговоръ о засажденіи всѣхъ мѣстъ, которымъ угрожаетъ песокъ, шелюгою. Въ 1886 году ту же мѣру осуществило с. Кардашанка, а за нимъ и всѣ остальныя общества уѣзда постановили приговоръ о засажденіи песковъ шелюгою, отпускаемою съ казенныхъ плантацій. Общество с. Борокъ Ливенскаго уѣзда Орловской губерніи съ 1887—1888 г. приступило къ искусственному облѣсенію летучихъ песковъ, заносившихъ крестьянскіе огороды. До 1891 г. оно засадило ветлой 80 десятинъ и намѣревается засадить еще 100 дес. „Кромѣ того, сознавая, что облѣсеніе песковъ ветлой въ дѣлѣ окончательнаго укрѣпленія почвы является только приготовительной работой, за которою необходимо приступить къ разведенію сосны, борскіе крестьяне озабочены въ настоящее время пріобрѣтеніемъ сосновыхъ сѣмянъ“. По причинѣ обезлѣсенія Чистопереволочной волости Оханскаго уѣзда Пермской губерніи, „въ ней поразительно быстро увеличивается количество овраговъ и вымоинъ, размываемыхъ при весеннемъ таяніи снѣга, не сдерживаемаго нигдѣ лѣсомъ, какъ это было прежде. Все это, вмѣстѣ взятое, побудило крестьянъ начать искусственное лѣсоразведеніе, подъ которое они и отвели всѣ неудобныя мѣста въ своихъ поляхъ. На первый годъ по приговору предположено, если только найдется достаточное количество сѣмянъ, занять подъ посѣвъ лѣса около двадцати десятинъ. Посѣвъ и посадку лѣса крестьяне хотятъ производить сами, обществомъ; на первыхъ же порахъ они пригласили завѣдывать этимъ дѣломъ мѣстнаго агрономическаго смотрителя, который вмѣстѣ съ тѣмъ осенью этого года долженъ научить ихъ собирать, заготовлять и сохранять древесныя сѣмена для будущихъ посѣвовъ“. Рѣшеніе крестьянъ

Чистопереволочной волости приступить къ лѣсонасажденію оформлено въ 1888 г. приговоромъ волостнаго схода, обязывающимъ приступить съ 1889 г. къ посѣву и посадкѣ лѣса всѣ 13 обществъ волости, имѣющихъ въ своемъ надѣлѣ весьма много (до 1/8 части) неудобныхъ земель (буераки, горы, овраги и т. п.). Посѣвъ березы (на 872 дес.) былъ произведенъ подъ руководствомъ агрономическаго смотрителя также въ Яранскомъ у. Вятской губ., причемъ сѣмена крестьяне собирали по трактамъ [1]). Заботы объ укрѣпленіи летучихъ песковъ проявляютъ и нѣкоторыя общества Новоузенскаго уѣзда Самарской губ. Одно изъ нихъ, Красный Яръ, въ теченіе 5 лѣтъ засѣвало пески камышемъ и достигло того, что на песчаномъ грунтѣ образовался довольно толстый слой перегноя (с. 57).

Нечего, кажется, распространяться о томъ, что успѣшность описанныхъ мѣръ орошенія и лѣсоразведенія всецѣло зависитъ отъ согласной дѣятельности большихъ группъ населенія и что общинная организація именно и обезпечиваетъ требуемое согласіе. Сказанное приложимо и къ другого рода мѣропріятіямъ, имѣющимъ въ виду сельско-хозяйственныя цѣли, каковы, напримѣръ, слѣдующія. Общество с. Хрящевки Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи, для предупрежденія размыва Волгою береговъ, ведущаго къ заносу луга песками и къ другимъ непріятнымъ послѣдствіямъ, совершило въ 1883 году слѣдующую большую работу: вбило вдоль берега рѣки больше 1.000 свай, заплативъ мастеру, руководившему работами, 340 руб. (с. 3). Въ Ярославской губ. общественныя работы заключаются въ постройкѣ плотинъ съ цѣлью огражденія пашни отъ весеннихъ и осеннихъ разливовъ, вырытіи прудовъ и другихъ предпріятіяхъ, невозможныхъ безъ солидарной дѣятельности общины или значительной ея части, а также въ расчисткѣ кустарниковъ и подъемѣ нови, доступныхъ, правда, и единичнымъ силамъ, но здѣсь предпринимаемыхъ общиной. Работы этого рода извѣстны по нѣсколькимъ деревнямъ почти каждаго уѣзда губерніи. Прудовъ, напримѣръ, особенно много вырыто въ Мологскомъ уѣздѣ: 25 селеній вырыли ихъ 97, изъ нихъ 43 —

---

[1]) «Сѣв. Вѣстн.», 1888, № 1, «Провинц. печать». «Вѣстн. Рус. Сел. Хоз. 1892 г., № 2. «Рус. Вѣд.», 1889 г., 109. «Вѣстн. Рус. Сел. Хоз.», 1891, с. 369.

собственными силами, а 44—наемнымъ трудомъ, съ расходомъ на него въ 1.400 руб. Семнадцать селеній Петропавловской волости Даниловскаго уѣзда вырыли канаву съ цѣлью огражденія покоса отъ ярославской большой дороги. Общественныя работы по осушкѣ болотъ или распашкѣ наблюдаются въ каждомъ изъ 50 селеній Коприинской волости Ростовскаго уѣзда [1]). Въ Новоузенскомъ у. тѣ или другія изъ общественныхъ работъ практикуются во всѣхъ обществахъ. Коллективнымъ трудомъ роются канавы для защиты полей отъ сусликовъ, устраиваются запруды для водопоя скота, лиманы и плотины съ цѣлью орошенія, укрѣпляются песчаныя мѣста путемъ вспашки и посѣва на нихъ разныхъ травъ, производятся лѣсонасажденія по берегамъ нѣкоторыхъ рѣкъ и запрудъ и т. д. Въ общемъ устроено до 1.000 запрудъ и нѣсколько сотъ колодцевъ. „Устройство колодцевъ и плотинъ,—говоритъ г. Красноперовъ,—требуютъ гигантскихъ усилій со стороны общинъ и возможно лишь при условіи приложенія къ дѣлу массы осмысленнаго человѣческаго труда" (с. 55). Нѣкоторыя общины Самарскаго у., для предупрежденія полей отъ заминокъ, роютъ вдоль дороги ямы. Въ Елецкомъ у., съ цѣлью полученія воды для домашнихъ нуждъ, крестьяне всей деревней или группами домохозяевъ роютъ колодцы, а гдѣ нѣтъ естественнаго водопоя, копаютъ пруды или прудятъ рѣчки и т. д.

Въ трехъ уѣздахъ Курской губерніи подворная перепись, кромѣ указанныхъ выше, зарегистровала еще слѣдующія общинныя предпріятія. Въ двухъ общинахъ государственныхъ крестьянъ Бѣлгородскаго у. міромъ расчистили подъ пахоту больше 1.000 десятинъ (въ обѣихъ); то же самое имѣло мѣсто въ двухъ общинахъ Тимскаго уѣзда и одной Новооскольскаго уѣзда (расчистка болотъ отъ кустарниковыхъ залежей [2]).

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ перемѣны въ крестьянскомъ хозяйствѣ для своего осуществленія требовали соглашенія большинства членовъ общины. Но есть другія измѣненія прогрессивнаго же характера, совершающіяся уже путемъ личной иниціативы отдѣльныхъ хозяевъ; о нихъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

[1]) «Русск. Вѣд.», 1882 г., № 349. Якушкинъ, «Обычное право», с. XVII.
[2]) Итоги экон. изсл. Рос., т. I. с. 583—5.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Распространеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ усовершенствованныхъ орудій.

I.

Мы уже говорили о распространенномъ въ нашемъ обществѣ мнѣніи, что крестьянское хозяйство во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ образецъ рутинности. Еще недавно въ сочиненіи, посвященномъ общинѣ и ея вліянію на хозяйство, категорически заявлялось, что „ни относительно земледѣльческихъ орудій, ни со стороны правильной смѣны растеній въ хозяйствѣ великорусской деревни не обнаруживается ни малѣйшаго прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, вся крестьянская Великороссія почти повсемѣстно остается царствомъ той допотопной сохи и деревяной бороны, которыя были, по всей вѣроятности, современницами Гостомысла“ [1]). И всему этому причина—злосчастная община, съ ея непрочностью владѣнія землею, отымающею у хозяина всякое желаніе заботиться объ участкѣ, который не сегодня-завтра перейдетъ въ чужія руки. Факты, изложенные на предыдущихъ страницахъ, относящіеся къ различнымъ сторонамъ земледѣльческой дѣятельности, показываютъ, насколько это мнѣніе малоосновательно. Въ настоящей главѣ такое показаніе получитъ новое подтвержденіе въ фактахъ, относящихся къ распространенію улучшенныхъ орудій,—наиболѣе замѣтному (можетъ быть, потому, что его легче констатировать, нежели, напримѣръ, распространеніе улучшенныхъ сѣмянъ, болѣе тщательную обработку

---

[1]) Головинъ, Сельская община въ литературѣ и дѣйствительности, стр. 187.

почвы—двоеніе ея, троеніе—и т. д.) изъ явленій, характеризующихъ новыя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

О степени распространенія улучшенныхъ орудій среди мелкихъ земледѣльцевъ можно судить уже потому, что „продавцы земледѣльческихъ орудій указываютъ на крестьянъ, какъ на главныхъ своихъ покупателей“ [1]). Впрочемъ, въ этомъ отношеніи замѣчаются значительныя различія какъ по полосамъ Россіи, такъ и по роду орудія. И эти различія выяснятся при послѣдовательномъ обозрѣніи въ интересующемъ насъ отношеніи различныхъ географическихъ раіоновъ Россіи.

Наиболѣе рѣзкія измѣненія земледѣльческой техники, отразившіяся даже на характерѣ хозяйства крестьянъ, наблюдаются въ южной части южной степной полосы. „Характерныя черты земледѣлія тавричанъ сложились, главнымъ образомъ, въ эпоху 70-хъ годовъ,—пишетъ г. Постниковъ,—когда, подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, происходила здѣсь самая лихорадочная распашка земель, до того, главнымъ образомъ, эксплоатировавшихся у крестьянъ скотоводствомъ. Толчокъ къ новому направленію въ хозяйствѣ былъ данъ нѣмецкими колоніями южнаго края. Въ 60-хъ годахъ здѣсь впервые появился многолемешный буккеръ, которымъ можно было вспахивать въ день (правда, очень мелко) 2—3 десятины, т.-е. въ 4 раза болѣе, чѣмъ плугомъ, и этотъ буккеръ быстро распространился, вытѣснивъ неуклюжее рало и частью малороссійскій плугъ, который во многихъ случаяхъ сталъ замѣняться также плугами улучшенной конструкціи. Вмѣстѣ съ употребленіемъ буккера, господствовавшія до того времени у мѣстныхъ крестьянъ деревянныя бороны замѣнились боронами съ желѣзными зубьями. Въ 70-хъ годахъ изъ хортицкихъ колоній Екатеринославскаго уѣзда появилась колонистскаго же изобрѣтенія дешевая жатвенная машина, убиравшая въ день до 6 десятинъ хлѣба. Еще ранѣе того, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, нѣмецкіе колонисты стали приготовлять свои новыя брички и мажары, легкія на ходу и дозволявшія перевозить на нихъ до 60 пудовъ клади парою рабочаго скота. Волы, по примѣру колонистовъ, стали

---

[1]) 1875 г. въ сел.-хоз. отн., вып. III, стр. 452.

замѣняться лошадьми, что значительно ускоряло полевыя работы въ періодъ хлѣбной возовицы. Входили въ употребленіе у крестьянъ въ то же время и другія орудія: вѣялки, соломорѣзки, буккерныя сѣялки и пр. Всѣ эти машины въ первое время пріобрѣтались исключительно въ нѣмецкихъ колоніяхъ, но теперь нѣкоторыя изъ нихъ (брички, вѣялки, плуги, бороны) приготовляются и въ русскихъ мастерскихъ, находящихся во многихъ, болѣе значительныхъ селеніяхъ этого раіона. Распространенію улучшенныхъ орудій и машинъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ весьма значительно содѣйствовало то обстоятельство, что многочисленныя мастерскія и механическіе заводы нѣмецкихъ колоній южнаго раіона (гдѣ работниками служили и служатъ по преимуществу русскіе крестьяне) дали мѣстнымъ селамъ большое число мастеровыхъ, способныхъ дѣлать починки машинъ и частью устроившихъ по селеніямъ собственныя мастерскія. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ мастеровыхъ нѣтъ, напримѣръ, въ западномъ углу Днѣпровскаго уѣзда, гдѣ нѣтъ и нѣмецкихъ колоній, распространеніе машинъ между крестьянами и теперь еще идетъ очень туго. Въ настоящее время въ сѣверной части Таврической губерніи крестьянскій инвентарь почти весь заимствованъ отъ нѣмцевъ какъ у зажиточной, такъ и болѣе бѣдной части населенія (послѣдняя пріобрѣтаетъ инвентарь, бракуемый первой). Только въ западной части Днѣпровскаго уѣзда можно еще найти у крестьянъ старый малороссійскій плугъ, рало одно и трехзубое, маленькіе хохлацкіе возы и въ пріемахъ полеводства особенности малороссійскаго земледѣлія съ неизбѣжными волами въ качествѣ рабочаго скота. Вмѣстѣ съ распространеніемъ по русскимъ селамъ машинъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ (жатки особенно сильно покупались крестьянами въ послѣднее десятилѣтіе) сложились и тѣ особенности въ пріемахъ земледѣлія, которыя даютъ хозяйству тавричанина особую физіономію. Особенностями этими служатъ: большое употребленіе улучшеннаго инвентаря, преобладаніе буккерной (мелкой) вспашки полей, при періодическомъ употребленіи плуга, посѣвъ наволокомъ, безъ предварительной перепашки поля, подъ буккеръ, отсутствіе сноповой связки хлѣба, который скашивается въ большинствѣ случаевъ машиной,

и одновременная возка и молотьба хлѣба безъ складки его въ скирды" [1]).

Земская перепись Таврической губерніи, произведенная въ половинѣ 80-хъ гг., обнаружила у мелкихъ хозяевъ 7.800 косилокъ и жатокъ, что составитъ въ среднемъ одну машину на 12,5 хозяевъ. Изъ этого числа 1.154 машины приходится на степной крымскій раіонъ, 275—на подгорный крымскій и 6.363 на материковый. Обращаясь въ частности къ этому послѣднему, мы увидимъ, что у нѣмцевъ и болгаръ имѣется 3.470 косилокъ и жнеекъ на 8.900 дворовъ, въ среднемъ одна машина приходится на 2,5 хозяйства; у русскихъ же 2.836 машинъ на 69.000 семей или въ среднемъ одна машина на 25 семей [2]).

Приведенныя свѣдѣнія относятся къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ; съ тѣхъ поръ машины распространились еще болѣе, но преимуществу жнейки, особенно быстрое распространеніе которыхъ относится именно къ послѣднему десятилѣтію. Сѣнокосилки встрѣчаются гораздо рѣже: ихъ держатъ, главнымъ образомъ, для работы на сторонѣ. Малымъ распространеніемъ пользуются также конныя молотилки; нѣмцы воздерживаются отъ ихъ пріобрѣтенія, между прочимъ, потому, что для работы ими требуется много рукъ: „намъ это не идетъ", говорятъ они. Русскіе крестьяне, больше привыкшіе къ артельной работѣ, пріобрѣтаютъ ихъ чаще нѣмцевъ. Не большимъ распространеніемъ пользуются и конныя грабли. Вѣялки, напротивъ того, примѣняются повсемѣстно и иногда при нихъ употребляются сортировки (млинки), раздѣляющія зерно по вѣсу. Нѣкоторые крестьяне практикуютъ укатываніе засѣяннаго поля катками.

Хотя машины пріобрѣтаются зажиточными хозяевами, но пользуются ими всѣ крестьяне, такъ какъ собственникъ машины, убравъ свой хлѣбъ, отдаетъ ее въ аренду другимъ, или же устанавливается такая система пользованія машиной: первый, пріобрѣвшій ее, убираетъ свой хлѣбъ и сейчасъ же продаетъ жатвенную машину другому, тотъ—третьему и даже чет-

---

[1]) Постниковъ, Южно-русское хозяйство, стр. 5—6, 146.

[2]) Сб. ст. св. по Тавр. губ., т. IX, отд. IV, стр. 59 и подворныя переписи уѣздовъ.

вертону въ лѣто. „Благодаря такому распространенію машинъ,— пишетъ г. Шавровъ,—здѣсь можно наблюдать единственное въ своемъ родѣ зрѣлище: докуда видитъ глазъ—всюду работаютъ одновременно десятки и сотни жатвенныхъ машинъ", и во многихъ селеніяхъ уборка хлѣба производится почти исключительно машиной. О быстротѣ распространенія названнаго орудія можно судить по тому, что заводъ Франца въ Бердянскомъ уѣздѣ ежегодно продаетъ крестьянамъ своего и Мелитопольскаго уѣздовъ по 200—500 жатвенныхъ машинъ [1])

Инвентарь крестьянъ Херсонской губерніи значительно отличается отъ вышеописаннаго. Впрочемъ, земское изслѣдованіе Одесскаго у. производилось такъ давно (въ 1882—83 г.), что нарисованная имъ картина, вѣроятно, уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ Одесскомъ у. въ то время старый малороссійскій плугъ совсѣмъ вышелъ изъ употребленія, замѣнившись усовершенствованнымъ малороссійскимъ-же желѣзнымъ; довольно часто встрѣчались и новѣйшіе—рансомовскій и англо-болгарскій—плуги. Бороны употреблялись съ желѣзными зубьями. Для уплотненія верхняго слоя почвы зажиточные крестьяне укатывали посѣвъ катками, а масса крестьянъ приглаживали поле, возя по немъ доску. Что же касается косилокъ и жнеекъ— въ то время онѣ только-что начали пріобрѣтаться нѣкоторыми крупными владѣльцами и нѣмцами (с. 107). Крестьяне Херсонскаго у. переняли у нѣмцевъ поверхностную буккерную обработку почвы; уборка же хлѣба въ 1887 г. производилась почти исключительно косой. За то здѣсь больше распространены молотилки, покупаемыя отдѣльными крестьянами или компаніями. Хотя молотилки появились лишь въ послѣдніе годы, тѣмъ не менѣе въ каждомъ большомъ селеніи можно было встрѣтить ихъ (конныя) по нѣсколько штукъ. Всего больше, однако, распространены здѣсь вѣялки (с. 226—7). Въ Тираспольскомъ у. деревянный плугъ сохранился только у бѣднѣйшихъ хозяевъ, у остальныхъ онъ замѣнился нѣмецкимъ плугомъ или буккеромъ. Уборка хлѣба въ 1886 г. производилась косой даже въ экономіяхъ частныхъ владѣльцевъ. Распространеніе молотилокъ въ то время только что начиналось: конныя встрѣчались у болѣе

[1]) Постниковъ, id. с. 169, 215, 226. «Земл. Газ.», 1886 г., № 24.

зажиточныхъ хозяевъ, паровая же была куплена въ кредитъ однимъ крестьяниномъ (за 5.500 руб.), при чемъ въ уплатѣ 4.500 р. поручилось общество. Обмолотъ крестьянскаго хлѣба производится, между прочимъ, наймомъ чужихъ машинъ (с. 177—180). Цифровыя данныя относительно распространенія усовершенствованныхъ орудій имѣются относительно трехъ сѣверныхъ уѣздовъ Херсонской губерніи, гдѣ въ 1884—7 гг. была произведена подворная перепись:

	Число рус. хоз., напущ. земли.	Молотилокъ: ручныхъ.	конныхъ.	паровыхъ.	Вѣялокъ и сортировокъ.	Жней и косилокъ.
Елизаветградскій у. . .	57 тыс.	—	1.033	21	1.244	64
Александрійскій » . .	43 »	60	570	—	1.100	550
Ананьевскій » . .	28 »	—	143	20	175	41

Въ Ананьевскомъ у., кромѣ того, зарегистрировано 1.435 экз. орудій для обработки кукурузы. Плуги въ этомъ уѣздѣ почти всѣ желѣзные, а въ двухъ другихъ—большею частью деревянные, хотя и желѣзный плугъ съ каждымъ годомъ распространяется больше и больше, несмотря на его относительную дороговизну [1]). Послѣднее обстоятельство вызываетъ покупку плуга въ складчину, что облегчается господствующимъ здѣсь обычаемъ обработки земли артелями, такъ-называемой супрягой: подворная перепись 1884 г., напр., зарегистрировала въ Елизаветградскомъ у. до полутороста артельныхъ желѣзныхъ плуговъ. Точно также въ складчину 2—4 лицъ пріобрѣтено въ этомъ уѣздѣ болѣе 50 молотилокъ. Въ случаѣ родственныхъ или дружественныхъ отношеній членовъ компаніи обмолотъ своего хлѣба производится безъ особаго расчета; въ противномъ случаѣ расчетъ производится по числу дней работы машины. При наймѣ

[1]) Въ Маріупольскомъ у. Екатеринославской г. перепись зарегистрировала большое количество желѣзныхъ плуговъ, косилокъ, вѣялокъ, соломорѣзокъ; равнымъ образомъ и въ 3-хъ волостяхъ Екатеринославскаго у., смежныхъ съ нѣмецкими хортицкими колоніями, по свѣдѣніямъ (вѣроятно, преуменьшеннымъ) волостнаго правленія, въ началѣ 80-хъ годовъ на 2.700 дворовъ насчитывалось 1.200 буккеровъ, 750 вѣялокъ, 20 конныхъ молотилокъ и нѣсколько жней (Сел. хоз. и лѣс., 1882 г., № 2). Въ Бахмутскомъ же и Славяносербскомъ уѣздахъ усовершенствованныя орудія распространены весьма мало.

такой молотилки на сторону, одинъ изъ членовъ компаніи, идущій съ машиной въ качествѣ машиниста, получаетъ за это 1 р. сверхъ доли, приходящейся ему, какъ участвующему во владѣніи молотилкой (268, 288).

Значительная часть хозяевъ молотятъ свой хлѣбъ наемной машиной. Для этого составляются товарищества изъ нѣсколькихъ человѣкъ, сообща нанимающихъ молотилку и обмолачивающихъ поочереди свой хлѣбъ, при чемъ расчетъ рабочихъ силъ производится по опредѣленной нормѣ, напр.: пара лошадей цѣнится въ 2—3 р., рабочій человѣкъ 30—40 к. Встрѣчаются, правда, рѣдко, даже такіе случаи: всѣ члены товарищества свозятъ хлѣбъ на одинъ токъ, молотятъ его и потомъ дѣлятъ между собою зерно и солому (Елизаветградскій у., с. 268, 280).

Въ Самарской губ. усовершенствованныя орудія (преимущественно вѣялки и молотилки) начали распространяться, повидимому, лишь въ 80-хъ гг., и земская перепись, произведенная въ первой половинѣ названнаго десятилѣтія, зарегистрировала очень небольшое число ихъ (въ Бузулукскомъ уѣздѣ, впрочемъ, перепись 1884 г. отмѣтила наличность около сотни молотилокъ), за исключеніемъ двухъ многоземельныхъ уѣздовъ, Новоузенскаго и Николаевскаго, къ тому же изслѣдованныхъ позже другихъ, гдѣ было найдено довольно большое число орудій, преимущественно способствующихъ ускоренію и облегченію процесса уборки хлѣба. Въ Николаевскомъ уѣздѣ эти орудія начали распространяться съ 1886 г., когда дождливая погода лишила крестьянъ возможности прежними способами своевременно убрать, обмолотить и высушить яровой хлѣбъ. Черезъ $1^1/_2$—2 года у 879 русскихъ крестьянъ этого уѣзда найдено уже 673 машины, въ томъ числѣ 618 молотилокъ, 18 вѣялокъ, 3 жнейки. Изъ 431 двора 10-ти волостей, владѣющихъ 286 конными молотилками, около ста пріобрѣли машину въ складчину (2—10 человѣкъ). Молотилками крестьяне обмолачиваютъ не только свой, но и чужой хлѣбъ, для чего они ѣздятъ съ ними по деревнямъ. Это нужно сказать въ особенности о крестьянахъ, пріобрѣтшихъ молотилку въ складчину: свой хлѣбъ пайщики пообмолачиваютъ денно по жребію, а вырученныя отъ молотьбы

чужого хлѣба деньги дѣлятъ между всѣми владѣльцами молотилки. Распространяются преимущественно молотилки рязанскія, изрѣдка пензенскія и др. (стр. 51). Въ нѣмецкихъ колоніяхъ Николаевскаго уѣзда зарегистрировано 133 молотилки, 176 вѣялокъ, 8 жнеекъ, 6 косилокъ, 32 солонорѣзки, принадлежащія 359 или 5,5% всего числа надѣльныхъ домохозяевъ; кромѣ того 640 или 9,8% хозяевъ обзавелись желѣзными плугами. Кооперація къ пріобрѣтенію машинъ не примѣняется (стр. 226). Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, изслѣдованномъ въ 1889 г., значительное распространеніе получили, кромѣ выше перечисленныхъ орудій, также желѣзные плуги (Рансома, Экерта съ длинными отвалами и Шеферта изъ Баронска), какъ объ этомъ можно судить по нижеприводимой табличкѣ (стр. 47).

	Дворовъ, имѣющихъ улучшенныя орудія.	% ихъ къ числу ведущихъ хозяйство.	Желѣзныхъ плуговъ.	Молотилокъ.	Вѣялокъ.	Конныхъ граблей.	Косилокъ.	Жнеекъ.
Русскіе	4.120	16,2	5.651	324	514	78	134	85
Нѣмцы.	4.084	26,3	4.344	140	1.318	10	16	110
Хуторяне	529	—	1.267	229	157	64	133	83
Всего . .	8.733	—	11.262	693[1]	1.989	154	283	278

Въ Саратовской губ., по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ началѣ 80-хъ гг., насчитывалось машинъ: въ Сердобскомъ уѣздѣ 27 молотилокъ и 1 вѣялка, Камышинскомъ—6 молотилокъ и 250 вѣялокъ, Балашевскомъ—316 молотилокъ и 46 вѣялокъ, Аткарскомъ—270 молотилокъ и 165 вѣялокъ (Сел. Вѣстн., 1882, 40). Земская перепись 1885 г. въ Кузнецкомъ и Хвалынскомъ уѣздахъ нашла лишь по нѣсколько экземпляровъ названныхъ орудій; въ Камышинскомъ же уѣздѣ въ нѣмецкихъ колоніяхъ на 14.000 наличныхъ семей найдено около 1.000 вѣялокъ и 15 молотилокъ, въ русскихъ селеніяхъ—на 26.000 семей—650 вѣялокъ и около 50 молотилокъ. Другія машины (косилки, жнейки) встрѣчены единичными экземплярами у нѣмцевъ.

Такимъ образомъ, измѣненіе земледѣльской техники послѣдняго времени въ степной полосѣ преслѣдуетъ цѣль облегченія и ускоренія работы, но не улучшенія собственно обработки почвы

[1]) Въ томъ числѣ 32 паровыхъ.

въ смыслѣ большей тщательности и глубины вспашки; послѣдняя, напротивъ того, дѣлается даже болѣе поверхностной. Такой характеръ измѣненія техники объясняется сравнительнымъ многоземеліемъ разсматриваемой полосы, еще допускающимъ расширеніе запахиваемой площади и наличностью значительнаго числа зажиточныхъ, много засѣвающихъ крестьянъ, имѣющихъ средства для пріобрѣтенія вѣялокъ, молотилокъ, жатокъ.

Сходный характеръ имѣетъ измѣненіе земледѣльческой техники въ Полтавской губ. Благодаря сокращенію скотоводства здѣсь уже давно наблюдается замѣна тяжелаго малороссійскаго плуга маленькими плужками, сохою, раломъ—орудіями, болѣе легкими и мелко пашущими, результатомъ чего было не только пониженіе урожаевъ, но и сильное засореніе полей травами. Съ появленіемъ въ 80-хъ гг. стремленія крестьянъ къ пріобрѣтенію усовершенствованныхъ орудій, естественнымъ образомъ стали распространяться по преимуществу именно бороны съ желѣзными зубьями, какъ лучше очищающія землю отъ сорныхъ травъ, и вѣялки, какъ способствующія очищенію зерна. А такъ какъ, по причинѣ отсутствія общиннаго владѣнія землей, рядомъ съ массою малоземельныхъ крестьянъ, здѣсь выдѣляется замѣтная группа крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ („богатырскія“),—заинтересованныхъ не столько въ увеличеніи производительности данной площади земли, сколько въ сокращеніи расходовъ, затрачиваемыхъ на хозяйство, ведущееся въ значительной степени при помощи наемнаго труда, и имѣющихъ денежныя средства для пріобрѣтенія дорого стоющихъ приспособленій,—то видную роль въ новомъ крестьянскомъ инвентарѣ въ Полтавской губерніи стали играть еще молотилки. Въ половинѣ 80-хъ гг., въ моментъ земскаго экономическаго изслѣдованія губерніи, болѣе или менѣе широкое распространеніе замѣчено только относительно боронъ съ желѣзными зубьями. Что же касается другихъ усовершенствованныхъ орудій,—перепись зарегистрировала въ каждомъ уѣздѣ по нѣсколько селеній, начавшихъ примѣнять, въ виду удобства уборки хлѣба косой, укатываніе посѣвовъ (преимущественно яровыхъ), и кое-гдѣ пріобрѣтеніе зажиточными крестьянами,—въ одиночку или въ складчину конныхъ молотилокъ и вѣялокъ. Желѣзные же

плуги встрѣчались въ видѣ рѣдкаго исключенія [1]). Сельско-хозяйственные ежегодные обзоры Полтавской губ., издаваемые земствомъ со второй половины 80-хъ гг., показываютъ, что распространеніе улучшенныхъ орудій въ послѣднія 5—7 лѣтъ подвигается весьма быстро впередъ и мѣняетъ свой характеръ. Такъ, въ первое время крестьяне набрасывались главнымъ образомъ на молотилки и вѣялки, въ послѣдніе же годы (можетъ быть, потому что зажиточные хозяева уже обзавелись названными орудіями) на первый планъ выступаютъ, повидимому, желѣзные плуги. Именно, о пріобрѣтеніи крестьянами желѣзныхъ плуговъ сообщаютъ въ 1890 г. 108 изъ всего числа 300 корреспондентовъ полтавскаго земства, о пріобрѣтеніи молотилокъ 82 и вѣялокъ—79 корреспондентовъ.

Молотилки иногда дѣлаются домашнимъ способомъ, причемъ механизмъ пріобрѣтается или желѣзныя его части заказываются на заводѣ. Почти во всѣхъ уѣздахъ появились кустари-производители вѣялокъ (и нѣкоторыхъ другихъ орудій), продающіе ихъ гораздо дешевле, чѣмъ стоятъ орудія заводскаго при-

[1]) Въ Миргородскомъ уѣздѣ (изслѣдованномъ въ 1883 г.) желѣзные плуги встрѣчались, какъ исключеніе, у весьма немногихъ богатырей, а въ двухъ деревняхъ появились катки для указыванія посѣвовъ (стр. 63). Въ Лубенскомъ уѣздѣ желѣзные плуги встрѣчались въ 1884 г. такъ же рѣдко, употребленіе катковъ замѣчено въ нѣсколькихъ селеніяхъ; кромѣ того, отмѣчено довольно большое распространеніе боронъ съ желѣзными зубьями (стр. 90). Въ Гадячскомъ уѣздѣ (стр. 62) въ 1884 г., въ Кременчугскомъ уѣздѣ (стр. 69) и въ Золотоношскомъ уѣздѣ въ 1885 г. найдено довольно широкое распространеніе боронъ съ желѣзными зубьями и появленіе во многихъ селеніяхъ катковъ (въ Кременчугскомъ уѣздѣ укатываніе посѣвовъ началось въ концѣ 70-хъ гг. и все больше распространяется). Въ Кременчугскомъ уѣздѣ очень немногіе богатые крестьяне обзавелись желѣзными плугами и молотилками, пріобрѣтаемыми иногда сообща 2—3 крестьянами. Въ Хорольскомъ у. въ 1886 г. значительнымъ распространеніемъ пользовались только катки и бороны съ желѣзными зубьями; что же касается другихъ усовершенствованныхъ орудій, то, по неполнымъ, правда, даннымъ переписи, у крестьянъ насчитывалось нѣсколько желѣзныхъ плуговъ, 15—20 вѣялокъ, 40—50 конныхъ молотилокъ (нерѣдко пріобрѣтаемыхъ товариществомъ изъ 2—4 хозяевъ) и 1 сортировка (стр. 123). Въ Прилукскомъ уѣздѣ въ 1886 г. замѣтное распространеніе получили бороны съ желѣзными зубьями; въ немногихъ селеніяхъ появились катки; молотилокъ и вѣялокъ насчитывалось по нѣсколько экземпляровъ, желѣзныхъ плуговъ—тоже (стр. 135). Въ Переяславскомъ уѣздѣ въ 1887 г. желѣзные плуги, повидимому, были распространены больше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ Полтавской губерніи, бороны же съ желѣзными зубьями—меньше; въ 10-ти селеніяхъ вводятся катки (стр. 141).

готовленія. Отдѣльные корреспонденты изъ уѣздовъ: Гадячскаго, Константиноградскаго, Прилукскаго, Хорольскаго, сообщаютъ о пріобрѣтеніи вѣялокъ и молотилокъ товариществами изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Собственники молотилокъ за извѣстную плату обмолачиваютъ также хлѣбъ другихъ крестьянъ. Большимъ распроѣтраненіемъ пользуются также желѣзныя бороны; другія же усовершенствованныя орудія (экстирпаторы, жнейки) встрѣчаются весьма рѣдко.

О быстротѣ распространенія въ описываемой мѣстности улучшенныхъ орудій можно судить по слѣдующей характеристикѣ разсматриваемаго процесса, сдѣланной „Обзоромъ сел. хоз. Полтавской губ. по сообщеніямъ корреспондентовъ“ за 1889 годъ. „Сравнивая сообщенія нынѣшняго, хотя и неурожайнаго года съ свѣдѣніями, получавшимися въ 1886 году, въ которомъ начато изданіе настоящихъ „Обзоровъ“, съ удовольствіемъ можно отмѣтить значительный прогрессъ, сдѣланный почти во всей губерніи въ столь короткій промежутокъ времени“. Четыре года тому назадъ значительнаго распространенія улучшенныхъ орудій въ крестьянскомъ хозяйствѣ, на основаніи имѣвшихся корреспонденцій, нельзя было констатировать ни въ одномъ изъ уѣздовъ. Изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ даже совсѣмъ не было извѣстій о распространеніи улучшенныхъ орудій (Лохвицкій и Пирятинскій). „Нѣкоторые корреспонденты того времени сообщали о существующемъ среди крестьянъ недовѣріи къ полезности и пригодности этихъ орудій; другіе жаловались на отсутствіе мастеровъ, которые бы могли на мѣстѣ починить орудія. Теперь же, судя по весьма многимъ сообщеніямъ, положеніе этого вопроса въ губерніи сильно измѣнилось: всякія сомнѣнія въ пригодности улучшенныхъ орудій исчезли; крестьяне вездѣ охотно пріобрѣтаютъ ихъ; они пріобрѣтали бы ихъ еще и въ большемъ количествѣ, еслибы только располагали денежными средствами; изъ многихъ мѣстъ высказываются желанія, чтобы земство пришло въ этомъ дѣлѣ на помощь сельскому населенію и облегчило возможность покупать орудія съ разсрочкой платежа, что уже и сдѣлано нѣкоторыми земствами. Что касается возможности исправленія испорченныхъ орудій на мѣстѣ, то, повидимому, и въ этомъ отношеніи условія измѣнились къ лучшему:

по крайней мѣрѣ, изъ всей губерніи только одинъ корреспондентъ Лохвицкаго уѣзда указываетъ на отсутствіе возможности производить починку на мѣстѣ, какъ на препятствіе для болѣе успѣшнаго распространенія орудій; но въ Лохвицкомъ у. улучшенныя орудія начали распространяться, кажется, только съ 1888 года, такъ что, можно думать, препятствіе это въ скоромъ времени исчезнетъ и здѣсь, какъ оно исчезаетъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ самое распространеніе орудій вызвало появленіе мастеровъ, могущихъ не только сдѣлать починку, но и самостоятельно приготовлять совершенно новую вѣялку или желѣзный плугъ по образцу покупнаго. Равнымъ образомъ, и въ Переяславскомъ у., по сообщенію большинства корреспондентовъ, въ 1886 г. желѣзныхъ плуговъ у крестьянъ не было, и крестьяне считали деревянные плуги болѣе удобными и выгодными; въ 1889 г. желѣзные плуги встрѣчались уже почти повсемѣстно и мѣстами въ очень значительномъ количествѣ, а въ Вороньковской волости даже есть мастера, которые сами дѣлаютъ желѣзные плуги по образцу покупныхъ, хотя, впрочемъ, какъ поясняетъ корр., „съ нѣкоторыми деревянными частями“. Такому быстрому распространенію усовершенствованныхъ орудій въ губерніи въ значительной степени содѣйствовали мѣстныя сельско-хозяйственныя общества и нѣкоторыя уѣздныя земства, устроившія склады, гдѣ крестьяне могутъ пріобрѣтать орудія съ разсрочкой платежей“ [1]).

Свѣдѣнія объ остальныхъ мѣстностяхъ центральной черноземной полосы не отличаются такой полнотой и новизной, какъ предыдущія. Такъ, земское изслѣдованіе Тамбовской губ., производившееся въ первую половину 80-хъ годовъ, застало технику крестьянскаго земледѣлія въ тотъ моментъ, когда она только-что начинала принимать новые формы. Изслѣдованіе нашло

[1]) Первый земскій складъ устроенъ въ г. Золотоношѣ въ 1887 г., затѣмъ склады открылись въ Полтавѣ, Кременчугѣ, Миргородѣ, Переяславлѣ, Прилукахъ и Хоролѣ, а въ гг. Лохвицѣ и Пирятинѣ склады устроены лохвицкимъ с.-х. обществомъ. Полтавскій складъ продалъ въ 1891 г. желѣзные плуги крестьянамъ и казакамъ безземельнымъ 34 экз., имѣющимъ до 10 дес. земли 75 экз., имѣющимъ 10—25 дес. 102 экз., 25—50 дес.—92 экз., 50—100 дес.—62 экз., имѣющимъ больше 100дес. (и арендаторамъ) 45 экз., помѣщикамъ и т. п. съ небольшимъ 100 экз. («Обзоръ» за 1891 г., с. 363).

повсюду сошную вспашку поля (за исключеніемъ небольшаго района Усманскаго у., гдѣ недавно крестьяне начали пахать землю грубыми деревянными трехконными плугами, примѣнявшимися ими сначала лишь для обработки по найму помѣщичьихъ полей и одного села Кирсановскаго у., гдѣ часть домохозяевъ начала обрабатывать пашню плугами) и цѣпную молотьбу хлѣба (за исключеніемъ Козловскаго у., гдѣ состоятельные крестьяне пріобрѣтали молотилки и отдавали ихъ въ наймы); во многихъ уѣздахъ начали распространяться бороны съ желѣзными зубьями. Въ двухъ-трехъ уѣздахъ (Шацкомъ, Елатомскомъ) отмѣчено употребленіе катка для укатыванія нѣкоторыхъ яровыхъ посѣвовъ. Подворная перепись 1883—1888 гг. зарегистрировала у крестьянъ Воронежской и Орловской губ. молотилокъ, вѣялокъ и т. п. орудій [1]): въ Нижнедѣвицкомъ у. 71 экз., въ Задонскомъ у. 190 экз., въ Землянскомъ—277 экз., Острогожскомъ—705, Богучарскомъ (изслѣдованномъ позже предыдущихъ)—3.716 экз., Павловскомъ—49, Новохоперскомъ 634 экз. Въ Карачевскомъ у. Орловской губ. насчитано 17 молотилокъ и 12 вѣялокъ, въ Мценскомъ—больше 50 молотилокъ и 20 вѣялокъ, Болховскомъ 137 молотилокъ и 110 вѣялокъ, Елецкомъ 470 молотилокъ и 340 вѣялокъ. Въ уѣздахъ Рязанской губ. перепись (того-же времени) зарегистрировала по нѣсколько молотилокъ на уѣздъ.

Имѣющіяся машины распредѣляются между различными земельными группами крестьянъ слѣдующимъ образомъ:

	Богучарск. у.		Проч. уу. Ворон. г.		Елецк. и Болхов. уу.	
	двор.	машинъ.	двор.	машинъ.	двор.	машинъ.
безземельн. .	2.386	9	4.661	8	205	0
до 5-ти дес. .	2.612	45	32.925	110	17.289	97
5—15 »	18.406	508	70.000	720	28.382	630
15—25 »	12.383	1.137	24.725	575	1.944	148
болѣе 25 »	7.145	1.610	6.760	513	914	180
Итого. . .	42.932	3.716	139.070	1.926	48.634	1.055

Хотя одинъ экземпляръ орудія приходится здѣсь на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ дворовъ, но это не значитъ, что пользованіе ими мало распространено въ населеніи. Не слѣ-

[1]) Изъ боязни обложенія налогомъ многіе крестьяне скрывали имѣющіяся у нихъ машины, почему приведенныя данныя должны считаться преуменьшенными.

дуетъ забывать, что, напримѣръ, одна молотилка или вѣялка способна удовлетворить потребность десятковъ мелкихъ хозяйствъ, что и покупается она очень часто (Тамбов., Ворон., Орловской губ. и др.) артелью, и что неимѣющіе своей машины нанимаютъ чужую, которою пользуются, какъ и на югѣ, на артельномъ началѣ. Такъ, молотьба на машинѣ въ д. Старухинѣ Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи, производится обыкновенно артелью, при чемъ каждый хозяинъ „ставитъ столько лошадей и рабочихъ, сколько онъ въ состояніи выставить; но обязанъ участвовать въ работѣ все время, пока обмолачивается хлѣбъ соединившихся домохозяевъ. Тотъ дворъ, чей хлѣбъ молотится, обязанъ приготовить для всѣхъ завтракъ и принести его на мѣсто работы". Обѣдаютъ каждый въ своей семьѣ. То же самое можно сказать и о Ефремовскомъ у. той же губерніи, Валуйскомъ у. Воронежской г., Полтавской г. и т. д. Крестьяне большихъ селъ Подольской губерніи сообща пріобрѣтаютъ даже паровыя молотилки, по очереди обмолачиваютъ ими свой хлѣбъ, а потомъ отдаютъ въ наймы въ другія деревни. Сверхъ того, крестьяне молотятъ хлѣбъ и на экономическихъ молотилкахъ, такъ что цѣпъ все болѣе выходитъ изъ употребленія (Мценскій у., с. 62) [1]).

II.

Въ противуположность тому, что наблюдается въ черноземной полосѣ, гдѣ распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ орудій начинается съ тѣхъ изъ послѣднихъ, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ ускореніе процесса уборки или обмолота хлѣба,—въ нечерноземныхъ губерніяхъ, — съ небольшими запашками у крестьянъ и давно признанной зависимостью урожая хлѣба отъ количества труда (въ видѣ удобренія и обработки), вложеннаго въ землю,—вниманіе мелкихъ хозяевъ обратилось прежде всего на улучшеніе пашущаго орудія. Что касается процесса, какимъ достигалась эта цѣль,—можно сказать, что различныя мѣстности разсматриваемаго раіона шли къ ней

[1]) Сб. мат. для изуч. сел. поз. общ., т. I, с. 199; Земл. Газ. 1878 г., № 20; Сел. Вѣстн. 1882 г., №№ 6, 7, и 1883 г., № 36.

восходящими путями. Въ западной части нечерноземной полосы, отличающейся промышленнымъ и торговымъ характеромъ,—въ частности, существованіемъ извѣстныхъ заводовъ земледѣльческихъ орудій,—примыкающей къ области (западной) Россіи съ болѣе совершенной земледѣльческой техникой и гдѣ въ послѣднее время значительно развились посѣвы льна, для чего крестьяне арендуютъ задеревенѣлыя владѣльческія угодья—улучшеніе пашущаго орудія крестьянскаго хозяйства достигалось путемъ замѣны доморощенной сохи заводскимъ плугомъ, образцы котораго крестьянинъ могъ видѣть и въ помѣщичьей экономіи, и въ лавкѣ большого города, и на заводѣ, вблизи котораго работалъ, и пріобрѣтеніе коего не представляло большихъ затрудненій. Въ сѣверо-восточной части нечерноземнаго раіона, удаленной отъ центровъ заводскаго производства и почти лишенной частно-владѣльческаго хозяйства, улучшеніе пашущаго орудія происходило путемъ постепеннаго преобразованія сохи. Юго-восточная часть разсматриваемой полосы носитъ смѣшанный характеръ между двумя, только-что указанными. Упомянутые раіоны различаются еще и въ отношеніи времени начала введенія въ крестьянское хозяйство улучшеннаго пашущаго орудія: населеніе восточной части вступило на этотъ путь раньше населенія западной. Въ частности по отдѣльнымъ губерніямъ дѣло распространенія улучшенныхъ орудій представляется въ такомъ видѣ.

Начало распространенія плуга въ крестьянскомъ хозяйствѣ Московской губ. относится къ первымъ годамъ истекшаго десятилѣтія [1]). Важнымъ моментомъ, способствовавшимъ обращенію крестьянъ къ плугу, считается распространеніе здѣсь посѣвовъ льна, для чего крестьяне въ большихъ размѣрахъ арендовывали задеревенѣлыя и трудно поддающіяся сошной обработкѣ, пустоши, облоги и т. п. угодья. Другимъ толчкомъ въ томъ же направленіи было обнаружившееся въ послѣднее время стремленіе крестьянъ, бросившихъ когда-то земледѣліе для фабрики, сѣсть опять на землю.

Проработавъ много лѣтъ въ совершенно новой области труда,

[1]) Свѣдѣнія о распространеніи плуговъ въ Московск. губ. сгруппированы также на стр. 49—53.

крестьянинъ разучился управлять сохой, да и сила его поубавилась настолько, что названное первобытное орудіе, какъ извѣстно, требующее отъ пахаря большого физическаго напряженія, кажется ему чрезмѣрно тяжелымъ. И вотъ, кое-какія деньжонки, заработанныя на фабрикѣ, онъ тратитъ на покупку плуга,—орудія, хотя и болѣе дорогого, но легкаго и лучше раздѣлывающаго почву. Сосѣди, убѣдившись на его примѣрѣ въ преимуществахъ новаго орудія, сами пріобрѣтаютъ таковое, и заводскій плугъ все болѣе и болѣе вытѣсняетъ доморощенную соху.

Въ отношеніи быстроты распространенія плуга Московская губернія можетъ быть раздѣлена на три раіона: сѣверо-западный, наиболѣе земледѣльческій раіонъ, состоящій изъ уѣздовъ: Волоколамскаго, Клинскаго и Рузскаго, представляетъ и наиболѣе богатую плугами мѣстность; во многихъ волостяхъ этихъ уѣздовъ плугъ уже совершенно вытѣснилъ соху. Уѣзды: Московскій, Дмитровскій, Верейскій, Звенигородскій и Можайскій занимаютъ среднее положеніе; въ юго-восточныхъ же, наиболѣе промышленныхъ уѣздахъ, плуги распространены очень мало и мѣстами о нихъ едва слышали. Пріобрѣтаются плуги въ Москвѣ, Гжатскѣ, а также у мѣстныхъ торговцевъ и кустарей, и наконецъ въ складахъ, устроенныхъ нѣкоторыми земствами.

Быстрота распространенія улучшенныхъ орудій въ разсматриваемой мѣстности зависитъ до извѣстной степени оттого, въ какой мѣрѣ принимаютъ участіе въ этомъ процессѣ общественныя учрежденія или даже частныя лица. Сами крестьяне не всегда знаютъ о существованіи лучшихъ орудій или имѣютъ о нихъ лишь смутное представленіе, или наконецъ затрудняются ихъ пріобрѣтеніемъ гдѣ-нибудь далеко въ городѣ, на заводѣ. Поэтому, всякая помощь со стороны,—заключается-ли она въ ознакомленіи крестьянъ съ образцами или въ посредничествѣ между ними и производителями, не говоря уже о разсрочкѣ платежа за орудіе—неминуемо отразится на быстротѣ распространенія улучшенія. Поэтому же не случайнымъ, можетъ быть, является фактъ, что наисильнѣйшее распространеніе плуговъ въ Московской губерніи падаетъ на уѣзды, гдѣ и земства не оставались чуждыми указанному движенію среди крестьянъ къ

замѣнѣ отсталыхъ орудій лучшими. Такъ, московская уѣздная управа разослала въ 1887 г. во всѣ волости образцы плуговъ для безплатнаго пользованія ими населенія и тѣмъ ознакомила съ ними крестьянъ; по имѣющимся свѣдѣніямъ, этими плугами работаютъ 250 — 350 хозяевъ въ годъ. Клинская, Волоколамская и Рузская управы приняли на себя посредничество между покупателями и продавцами: первая въ теченіи 5—6 лѣтъ продала больше 2.000 плуговъ, вторая въ 3—4 года около 3.000. Съ 1888 г. въ дѣлѣ распространенія орудій начало принимать участіе и губернское земство: въ 1888 г. оно выслало въ уѣздныя земства для продажи 800 плуговъ, въ 1889 г. около 1.000, въ 1890 г.—250, въ 1891 г.—600 плуговъ. Успѣшному распространеьію улучшенныхъ орудій при помощи земства препятствуетъ отсутствіе правильной организаціи этого дѣла, результатомъ чего является несвоевременное доставленіе орудій или высылка не тѣхъ образцовъ, какіе спрашиваются населеніемъ. Еще быстрѣе пошло бы распространеніе новыхъ орудій при участіи болѣе мелкихъ общественныхъ учрежденій или даже просвѣщенныхъ частныхъ лицъ. Такъ, черезъ посредство марковскаго волостнаго правленія Клинскаго уѣзда очень быстро распространились между крестьянами 50 плуговъ, заказанныхъ имъ у Лингарта; фабрикантъ Клинскаго уѣзда Кошаевъ пустилъ черезъ свои руки по окрестности до 100 плуговъ и т. д.

Молотилки и вѣялки распространены среди крестьянъ Московской губ. весьма мало, хотя съ каждымъ годомъ число ихъ становится больше и больше. Всего чаще слышится о ихъ распространеніи изъ юго-восточныхъ, промышленныхъ уѣздовъ губерніи, гдѣ населеніе работаетъ на фабрикахъ, возвращаясь домой лишь на уборку хлѣба, при чемъ каждый спѣшитъ скорѣе закончить послѣднюю и опять приняться за фабричную работу. Другимъ важнымъ факторомъ, способствующимъ распространенію машинной молотьбы хлѣба, является уничтоженіе, по причинѣ дороговизны топлива, овинной сушки хлѣба (машина лучше обмолачиваетъ сырой хлѣбъ, нежели цѣпъ). Кромѣ того, немногіе зажиточные крестьяне (лавочники, кабатчики и т. д.), производящіе большіе посѣвы на арендованной землѣ,

покупаютъ молотилки, которыми обмолачиваютъ и свой, и (по найму) сосѣдскій хлѣбъ. Впрочемъ, въ разсматриваемой мѣстности гораздо больше распространенъ обмолотъ хлѣба не мѣстными, а привозными молотилками. Ежегодно изъ сосѣднихъ—Рязанской и Тульской—губерній—центровъ кустарнаго производства молотилокъ—въ Московскую пріѣзжаютъ молотильщики съ собственными машинами и, странствуя изъ села въ село, обмолачиваютъ крестьянскій хлѣбъ. При этомъ несостоятельные крестьяне сговариваются помогать другъ другу въ работѣ, а состоятельные нанимаютъ поденьщиковъ. Машина или передвигается отъ двора къ двору, или стоитъ на одномъ току, на который и свозится подлежащій обмолоту хлѣбъ. Странствующіе молотильщики оперируютъ по преимуществу въ ближайшихъ уѣздахъ—Серпуховскомъ и Коломенскомъ,—но часть ихъ проникаетъ и въ сосѣдніе—Бронницкій и Подольскій. Катки для прокатыванія яровыхъ всходовъ (для болѣе удобной косьбы хлѣба) встрѣчаются въ Коломенскомъ, Серпуховскомъ, Бронницкомъ и Подольскомъ уѣздахъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ ихъ употребленіе сохранилось отъ временъ крѣпостнаго права, въ другихъ—катки вводятся по примѣру первыхъ. Важнымъ орудіемъ, требующимъ приноровленія къ новымъ условіямъ, созданнымъ введеніемъ плуга вмѣсто сохи,—поведшимъ къ болѣе глубокой вспашкѣ поля и болѣе плотному укладыванію пла- [illegible]пахиваемой земли, — является борона; а между тѣмъ образцовъ подходящей для крестьянъ и удовлетворяющей необходимымъ техническимъ требованіямъ бороны не имѣется, и въ хозяйствѣ московскаго крестьянина наблюдается только процессъ замѣны на обыкновенной боронѣ деревянныхъ зубьевъ желѣзными [1]).

Распространеніе плуговъ среди крестьянъ Смоленской губ. началось очень недавно. Въ Юхновскомъ у. въ половинѣ 80-хъ гг. плугъ былъ рѣдкостью въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и гдѣ онъ встрѣчался—тамъ крестьяне еще только производили, по ихъ собственнымъ словамъ, опыты его примѣненія „еще не въ

[1]) Статистическій Ежегодникъ Москов. губерн. земства за 1884 — 91 гг. и Доклады Моск. губ. экон. совѣта за 1890 — 1 гг. Вѣстн. Рус. Сел. Хоз., 1892 г., стр. 1.156.

полѣ, а въ огородѣ". Въ то же время въ цѣломъ уѣздѣ земской переписью было зарегистрировано нѣсколько молотилокъ и вѣялокъ и около 2.000 боронъ съ желѣзными зубьями. То же изслѣдованіе 1884 г. зарегистрировало въ Вяземскомъ уѣздѣ всего 160 плуговъ, находящихся въ 50 деревняхъ. „Плуги (вяземскими кр.) покупаются главнымъ образомъ въ Сычевскомъ уѣздѣ, гдѣ они производятся своими мастерами. Первоначально плуги покупались для пашни по облогамъ, но въ послѣдніе годы все больше входятъ въ употребленіе и для мягкой пашни. Въ особенности охотно примѣняютъ плугъ къ обработкѣ люди, долго проживавшіе на заработкахъ и отвыкшіе или ненаучившіеся обращенію съ сохою, — возвращаясь снова къ землѣ. Деревянныя бороны сохранились еще въ приднѣпровскихъ волостяхъ, гдѣ земля мягче; во всѣхъ же другихъ волостяхъ уѣзда онѣ повсемѣстно замѣнены или замѣняются боронами съ желѣзными зубьями". Послѣдующія извѣстія доказываютъ, что процессъ замѣны сохи плугомъ идетъ быстро впередъ. „Оживленіе нынѣшняго (1887) года въ нашей мѣстности большое,— пишутъ изъ того же уѣзда „Смоленскому Вѣстнику"; со всѣхъ сторонъ идутъ толки о посѣвѣ льна, о плугахъ и мяльныхъ машинахъ". Толчекъ распространенію плуга данъ развившеюся здѣсь культурою льна, который высѣвается на запущенныхъ арендныхъ земляхъ, требующихъ для ихъ поднятія работы плуга. Кромѣ Сычевскаго уѣзда ихъ приготовляютъ еще въ Гжатскѣ. Зимой 1889 — 90 гг. въ Гжатскѣ производствомъ плуговъ, между прочимъ, занималась артель кустарей, арендовывавшихъ для этого кузницу мѣстнаго купца. „Спросъ на плуги въ нынѣшнемъ году особенно великъ, и во многихъ мѣстныхъ мастерскихъ едва успѣваютъ ихъ приготовлять". Крестьяне, не имѣющіе своего плуга, арендуютъ его у односельцевъ, платя по рублю со вспаханной десятины. Здѣсь же, а также въ Сычевскомъ уѣздѣ ручное мятье льна въ послѣднее время замѣняется машиннымъ. Машина эта—мѣстнаго издѣлія— состоитъ изъ нѣсколькихъ валовъ, между которыми и пропускается ленъ. „При помощи этой машины не только сохраняется работа, но сберегается и волокно, не требуя столь тщательной сушки, какая необходима при ручной трепкѣ". Нѣ-

которые изъ крестьянъ придѣлали къ машинѣ конный привод[1]).

Въ другихъ уѣздахъ Смоленской губерніи распространеніе усовершенствованныхъ орудій идетъ быстрѣе. Такъ, въ Гжатскомъ уѣздѣ перепись зарегистрировала 3.130 экземпляровъ плуга (вмѣстѣ со скоропашками) въ 526 селеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ всѣ крестьяне поголовно работаютъ не иначе, какъ плугомъ, и лишь въ двухъ—это орудіе не встрѣчается вовсе, причемъ здѣсь же всего меньше распространены и желѣзныя бороны, въ другихъ частяхъ уѣзда встрѣчающіяся у всѣхъ или у большинства домохозяевъ любого селенія. Деревянная борона удерживается главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ съ сыпучей песчаной почвой, для которой она пригоднѣе желѣзной. У многихъ крестьянъ Гжатскаго уѣзда имѣются катки для уравниванія посѣвовъ; изрѣдка попадаются сѣялки и вѣялки. Въ Сычевскомъ уѣздѣ плуги можно встрѣтить почти въ каждой деревнѣ. Покупаются они крестьянами или у мѣстныхъ кустарей, или въ Москвѣ черезъ агентуру, учрежденную въ Гжатскѣ одною изъ московскихъ фирмъ. Нерѣдко, однако, они привозятся для себя отхожими промышленниками, зиму работавшими въ Москвѣ, а на лѣто возвращающимися въ деревню. Появленіе плуга въ крестьянскомъ хозяйствѣ Сычевскаго у. обязано льноводству, значительно развившемуся здѣсь съ начала 60-хъ гг. Такъ какъ сохой нельзя взодрать запущенныя поля, облоги и т. п. угодья, особенно пригодныя для посѣва льна, а деревянной бороной— хорошо разбить твердые комья на нихъ, то распространеніе льноводства потребовало примѣненія другихъ орудій обработки почвы. Что касается боронъ, то мѣстные кузнецы скоро стали приготовлять бороны съ желѣзными зубьями, продавая ихъ въ послѣднее время по 1 руб. 30 к. за штуку, и это орудіе быстро стало распространяться между крестьянами. Они же пытались помочь и дѣлу подъема задеревенѣлой земли, приготовляя въ помощь сохѣ такъ-называемый „отрѣзъ“, коимъ проводилась борозда по обрабатываемой площади и, такимъ образомъ, слѣдующая за нимъ соха

[1]) Сб. ст. св. по Смолен. губ., т. I, в. II, с. 111. Смоленск. Вѣст. 1887, №№ 69, 102; 1890 г., № 62.

могла безъ затрудненія производить остальную работу. Около половины 80-хъ годовъ вмѣсто двухъ пашущихъ орудій—отрѣза и сохи—сталъ вводиться плугъ. Хотя крестьяне были знакомы съ этимъ орудіемъ, какъ употреблявшимся въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, и раньше, но замѣтно распространяться среди нихъ онъ сталъ съ того времени, когда за его производство взялись мѣстные кузнецы, сначала приготовлявшіе тяжелыя и дорогія орудія, а съ теченіемъ времени научившіеся дѣлать ихъ лучше и дешевле. Въ послѣднее время большую извѣстность получили плуги изъ д. Подзозерья, по общему отзыву, неуступающіе лучшимъ плугамъ московскихъ заводовъ и стоющіе 7 р. 50 к. На-ряду съ ними, впрочемъ, распространяются и плуги другихъ производителей. Вообще „обиліе разнообразныхъ одноконныхъ плуговъ различныхъ типовъ, съ деревянными гродилями и ручкой, съ чугунными корпусомъ и желѣзными или стальными отвалами и лемешами, въ большихъ массахъ стоящихъ во многихъ лавкахъ торговыхъ рядовъ г. Сычевки, обращаетъ вниманіе каждаго; по всему видно, что спросъ на плуги огромный". Это сообщалось въ февралѣ мѣсяцѣ 1892 г., а въ апрѣлѣ весь запасъ плуговъ былъ раскупленъ, и многія требованія остались неудовлетворенными [1]).

Болѣе или менѣе систематическія свѣдѣнія о распространеніи плуговъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ имѣемъ мы относительно Петербургской губерніи, подвергавшейся изслѣдованію земскимъ статистическимъ бюро. Къ сожалѣнію, это изслѣдованіе не отличалось особенной тщательностью и къ тому же было сдѣлано въ началѣ текущаго десятилѣтія, т. - е. когда распространеніе орудій среди крестьянъ многихъ мѣстностей только-что начиналось. Тогда уже выяснилось, что въ этомъ отношеніи Петербургская губернія отличается большимъ разнообразіемъ. Въ общемъ замѣчается, что улучшенныя орудія распространены тѣмъ больше, чѣмъ ближе лежитъ мѣстность къ столицѣ. Такъ, въ самыхъ отдаленныхъ, Гдовскомъ и Лужскомъ уѣздахъ почти всецѣло господствуютъ доморощенная соха и деревянная борона. Въ сосѣднемъ съ ними, Ямбургскомъ, за ис-

[1]) Сб. ст. св. по Смол. губ., т. IV. Рус. Вѣд. 1885 г. № 165. Новое Время 1887 г., 21 марта. Смол. Вѣстн. 1892 г., №№ 91, 25, 48.

ключеніемъ каменистой приморской низменности, недопускающей, по мнѣнію крестьянъ, употребленія плуга и желѣзной бороны, послѣдняя беретъ вездѣ перевѣсъ надъ деревянной; что же касается плуга, то онъ встрѣчается въ 45 (14%) селеніяхъ уѣзда. Въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ въ отдаленныхъ волостяхъ употребляется соха и деревянная борона; съ приближеніемъ къ столицѣ появляются косули, плуги и желѣзныя бороны; но лишь послѣднее орудіе мѣстами распространяется до полнаго вытѣсненія своего предшественника; плуги же встрѣчаются лишь у небольшого числа домохозяевъ. „Крестьяне сознаютъ превосходство обработки плугомъ, и иногда, не имѣя средствъ для пріобрѣтенія таковаго въ собственность, берутъ его на прокатъ“. Сказанное о Шлиссельбургскомъ уѣздѣ можно приложить и къ Петергофскому. Въ отдаленныхъ волостяхъ Петербургскаго у. употреблялась исключительно соха и деревянная борона; затѣмъ начинаютъ появляться плуги и желѣзныя бороны, и въ Муринской вол. они преобладаютъ надъ сохой и деревянной бороной. Въ Парголовской вол. употребляется тоже главнымъ образомъ плугъ; въ Стародеревенской и Московской вол.—соха, косуля и плугъ; въ Полюстровской вол. пашутъ плугами; въ Рыбацкой и Усть-Ижорской волостяхъ пашутъ плугами или косулями. Многіе крестьяне употребляютъ бороздники, катки и разбиваютъ колотушками и кирками комья. Машинная молотьба хлѣба распространена весьма мало.

Приведенныя данныя относятся, повторяемъ, къ началу восьмидесятыхъ годовъ; въ настоящее же время положеніе дѣла, вѣроятно, значительно измѣнилось къ лучшему, ибо наибольшее распространеніе усовершенствованныхъ орудій въ крестьянскомъ хозяйствѣ замѣчается именно въ послѣдніе годы. И дѣйствительно, по свѣдѣніямъ департамента земледѣлія, усовершенствованныя орудія распространяются въ Петербургской губерніи все болѣе и болѣе. Въ частности о Ямбургскомъ уѣздѣ извѣстно, что тогда какъ 15 лѣтъ назадъ плуги встрѣчались почти только у колонистовъ, въ настоящее время они находятся въ общемъ употребленіи, кромѣ мѣстностей очень каменистыхъ, гдѣ по необходимости пашутъ сохами. Кромѣ плуговъ мѣстныхъ кустарей (которыхъ насчитывается здѣсь до 20 че-

ловѣкъ), въ уѣздѣ расходятся плуги изъ Риги. Остальные уѣзды губерніи покупаютъ плуги въ Петербургѣ. Что касается плуга, производимаго Ямбургскими кустарями, онъ представляетъ самостоятельный типъ, — по словамъ г. Чернаева, дѣлающій честь ямбургскимъ мастерамъ[1]).

Подворное изслѣдованіе Тверской губерніи показало, что плугъ появился въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ первой половинѣ 80-хъ гг. Въ Ржевскомъ уѣздѣ въ моментъ переписи (1883 г.) его насчитывалось у крестьянъ до 100 экземляровъ. Съ тѣхъ поръ число плуговъ значительно увеличилось, особенно послѣ того, какъ въ 1885 г. въ г. Ржевѣ открытъ былъ складъ этого орудія. Въ Новоторжскомъ уѣздѣ въ 1884 г. плугъ былъ встрѣченъ всего въ 20 селеніяхъ, а бороны съ желѣзными зубьями въ 190 селеніяхъ; нѣкоторые крестьяне примѣняютъ укатываніе посѣвовъ. Въ Зубцовскомъ уѣздѣ (по даннымъ 1886 г.) плуги (желѣзные и деревянные, одноконные и двуконные), встрѣчавшіеся въ большинствѣ селеній, появились съ того времени, какъ крестьяне занялись льноводствомъ, и употребляются главнымъ образомъ для подъема земли, арендованной подъ ленъ. Противъ примѣненія его къ вспашкѣ надѣльной земли высказываются тѣ же возраженія, какія нѣкогда выставлялись въ Московской губ. (узкость полосъ, характеръ плужной вспашки и т. п.). Покупаютъ плуги въ Ржевѣ, Зубцовѣ, въ селеніяхъ Зубцовскаго уѣзда у кустарей, въ Смоленской губ. Встрѣчаются случаи найма плуговъ для работы. Мѣстами большимъ распространеніемъ пользуется косуля, служащая во многихъ случаяхъ переходной ступенью къ плугу. Бороны съ желѣзными зубьями получили широкое распространеніе и мѣстами вытѣснили деревянныя. Укатываніе посѣвовъ распространено мало или по недостатку времени, или съ цѣлью оставленія высокой стерни въ овсяномъ полѣ для скота. Въ послѣднее время вводятся ручныя машины мѣстнаго кустарнаго производства для мятья льна. Въ Калязинскомъ уѣздѣ довольно быстро распространяются (преимущественно на тяжелыхъ почвахъ) бороны съ желѣзными зубьями, бороньба которыми производится вмѣстѣ съ бороньбой

[1]) Сельскій Хозяинъ 1886 г., № 2. Землед. Газ. 1884 г., № 2.

деревянныхъ орудіемъ, причемъ послѣднее или идетъ позади желѣзной бороны, или употребляется для повторной бороньбы. Большое распространеніе получили желѣзныя бороны въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Общество крестьянъ села Зайцева Нагорской волости Калязинскаго уѣзда, состоящее изъ 43 надѣльныхъ дворовъ, въ 1888 г. пріобрѣло конную молотилку [1]).

Въ трехъ изслѣдованныхъ въ 1887—1888 гг. уѣздахъ Нижегородской губ.,—Княгининскомъ, Макарьевскомъ и Васильскомъ—плуговъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ вовсе не встрѣчается; бороны съ желѣзными зубьями только что начали распространяться. Въ Княгининскомъ уѣздѣ встрѣчаются еще ручныя вѣялки, и изъ Арзамасскаго уѣзда занесены (въ 2—3 селенія) катки для укатыванія яровыхъ посѣвовъ. Въ Приветлужской мѣстности Макарьевскаго уѣзда въ послѣднее время стала сильно распространяться молотьба хлѣба „медвѣдями", состоящими изъ двухъ деревянныхъ отрубковъ съ насаженными зубьями, надѣтыхъ на ось, укрѣпленную въ рамѣ, къ которой придѣланы и грабли. Орудіе это двигается лошадьми по разостланнымъ снопамъ [2]).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ мѣстностями (изъ числа таготѣющихъ къ столицамъ), гдѣ въ томъ или другомъ видѣ было разъ произведено или получило прочную организацію систематическое собираніе свѣдѣній о положеніи крестьянскаго хозяйства. Еслибы мы пожелали ознакомиться съ положеніемъ этого дѣла въ другихъ губерніяхъ разсматриваемой полосы, то намъ пришлось бы собирать разбросанныя тамъ и здѣсь отдѣльныя случайныя извѣстія. Такъ какъ этими извѣстіями рисуется только голый фактъ стремленія крестьянъ къ пріобрѣтенію новыхъ орудій, и не дается болѣе или менѣе полной картины процесса распространенія послѣднихъ, то мы считаемъ излишнимъ приводить соотвѣтствующіе факты и ограничимся нѣсколькими замѣчаніями относительно положенія дѣла въ Псковской губерніи. Въ этой мѣстности до новѣйшаго времени плуги въ крестьянскомъ хозяйствѣ были, повидимому, не въ употребленіи. Въ послѣдніе же годы (приблизительно съ 80-хъ) благодаря, между про-

[1]) Смотри соотвѣтствующіе томы Сб. стат. св. по Тверской губ.
[2]) См. мат. къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ.

чикъ, мѣстной сельско-хозяйственной выставкѣ, познакомившей жителей съ образцами этого орудія, требованіе на плуги достигло такихъ размѣровъ, что они стали продаваться во всѣхъ желѣзныхъ лавкахъ г. Пскова, а по деревнямъ перепродажей ихъ занялись лавочники, кабатчики, мельники и т. п. Это орудіе, равно какъ и желѣзныя бороны, производятся уже мѣстными кустарями. По собраннымъ земствомъ свѣдѣніямъ (безъ сомнѣнія, неполнымъ, потому что они получены не путемъ поголовнаго опроса населенія), крестьяне Псковскаго уѣзда владѣли въ 1885 году 884 плугами и 1.059 желѣзными боронами. Въ Островскомъ уѣздѣ, — земство котораго еще съ 1870 г. приняло на себя посредничество по выпискѣ улучшенныхъ орудій и до 1882 г. распространило 166 плуговъ и 143 другихъ орудій и этимъ познакомило съ ними населеніе—крестьяне уже сами (черезъ посредство лавочниковъ и т. п.) пріобрѣли въ 1880 г. 20 плуговъ, въ 1881 г.—215, въ 1882 г.—665. Теперь ихъ тамъ, безъ сомнѣнія, можно считать тысячами [1]).

Вышеизложенные факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что распространеніе главнѣйшаго земледѣльческаго орудія—плуга—началось въ разсматриваемой нечерноземной мѣстности не дальше 10—15 лѣтъ назадъ, и что оно идетъ впередъ, постоянно ускоряясь. Мы находимся въ началѣ пути, и потому тѣ тысячи или даже сотни экземпляровъ плуга, которые были зарегистрированы въ различныхъ уѣздахъ описанной мѣстности, не должны смущать насъ своей малой величиной, свидѣтельствующей, будто бы, о слабомъ стремленіи крестьянъ къ улучшенію. Не говоря уже о томъ, что большая часть собранныхъ свѣдѣній относится къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ и при быстротѣ распространенія орудія, характеризующей разсматриваемый процессъ, число циркулирующихъ въ крестьянствѣ плуговъ очень быстро удваивается и утраивается,—слѣдуетъ еще вспомнить затрудненія, съ какими связано пріобрѣтеніе орудія для деревенскаго жителя. Гдѣ же эти затрудненія преодолѣваются при помощи извнѣ, тамъ распространеніе орудія идетъ очень быстро, и энергія стремленія крестьянъ къ улучшенію доказы-

[1]) «Русск. Вѣд.» 1885 г., № 335. «Сельск. Вѣстн.» 1882 г. «Новое Время» 1887 г., 15 марта. «Сельск. Вѣстн». 1884 г. 43.

вается тѣмъ фактомъ, что снабженіе ихъ плугами не успѣваетъ идти въ уровень со спросомъ. Выписало, напримѣръ, одно волостное правленіе 50 плуговъ, и они были тотчасъ раскуплены; раскупили бы и еще, да больше нѣтъ. Заказала уѣздная управа на заводѣ 200 плуговъ, и ихъ тотчасъ расхватили, а на слѣдующій годъ она уже выписываетъ 400 и т. д. Очевидно, что крестьянинъ входитъ, такъ сказать, во вкусъ новаго орудія, которое обезпечиваетъ большую урожайность его надѣла, и опасаться, чтобы его увлеченіе новизной исчезло и распространеніе плуга остановилось безъ достаточныхъ для того внѣшнихъ основаній—нечего. Иного рода вопросъ—существуютъ-ли условія, обезпечивающія безпрепятственное распространеніе плуга до полнаго насыщенія потребности мелкаго хозяйства въ лучшемъ пашущемъ орудіи? Представляетъ-ли этотъ самый одно- и пароконный плужекъ такое именно орудіе, которое способно удовлетворить заурядкаго крестьянина?

Дѣло въ томъ, что въ мѣстностяхъ, до сихъ поръ нами разсмотрѣнныхъ, усовершенствованное пашущее орудіе распространяется среди населенія извнѣ и является продуктомъ чужого творчества. Крестьянинъ видитъ, какъ работаетъ плугомъ помѣщикъ и самъ заводитъ такой; фабричный, возвращаясь на землю, вмѣсто сохи покупаетъ плугъ, о которомъ онъ столько слышалъ въ городѣ и убѣдился, что пахать имъ легче, нежели сохой; крестьянинъ заводитъ плугъ для обработки по найму помѣщичьей земли (напр., въ Тамбовской губ,),—трудъ, доставляющій ему хорошее вознагражденіе, — а потомъ примѣняетъ его и въ своемъ хозяйствѣ; другой прибѣгаетъ къ нему спеціально для поднятія облога: сначала онъ арендуетъ орудіе, затѣмъ покупаетъ собственное и, наконецъ, привыкнувъ къ его работѣ, начинаетъ пахать и мягкую землю. Сообразно такому источнику происхожденія нововведенія, и мѣсто пріобрѣтенія орудія находится гдѣ-нибудь въ Москвѣ, Ригѣ, Варшавѣ и т. п., у Липгарда и другихъ извѣстныхъ крупныхъ производителей; лишь съ теченіемъ времени организуется мѣстное производство орудій по образцу тѣхъ, которыя послужили имъ первообразами. Существованіе готовыхъ образцовъ, безъ сомнѣнія, облегчаетъ распространеніе полезнаго орудія; но, если только эти образцы

не приспособлены специально для даннаго случая—нельзя ручаться, что ихъ распространеніе будетъ продолжаться до окончательной замѣны стараго орудія новымъ. Дѣло въ томъ, что плугъ, покупаемый крестьяниномъ разсматриваемой области, есть орудіе крупнаго земледѣльческаго производства. Онъ разсчитанъ на помѣщичій живой инвентарь, и одноконный плугъ далеко не подъ силу тощей крестьянской лошаденкѣ. Кромѣ того, даже и избавленный отъ указаннаго недостатка, онъ все-таки не вытѣснитъ окончательно сохи. Это потому, что послѣдняя замѣняетъ крестьянину 4 орудія: плугъ, экстирпаторъ, запашникъ и окучникъ. Плугъ же исполняетъ только одну функцію, потому требуетъ примѣненія и остальныхъ 3-хъ орудій. Къ сказанному нужно еще прибавить, что плугъ вдвое и втрое дороже сохи. Поэтому, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что когда плугомъ обзаведутся наиболѣе богатые крестьяне, его распространеніе прекратится, если не явится образецъ новой конструкціи или крестьяне не прибѣгнутъ къ способу малорусской супряги. Въ нашихъ матеріалахъ имѣются указанія на то, что насыщеніе крестьянскаго хозяйства плугомъ мѣстами наступило или наступаетъ. Московская губернская земская управа, напр., обратила вниманіе на сокращеніе въ 1890 г. требованій уѣздныхъ земствъ на плуги, пріобрѣтаемые губернской управой, и на основаніи показаній нѣкоторыхъ крестьянъ и землевладѣльцевъ, объясняетъ это явленіе, между прочимъ, тѣмъ, что зажиточные крестьяне уже обзавелись плугами, а бѣдные не имѣютъ средствъ для ихъ пріобрѣтенія. Это послѣднее обстоятельство побуждаетъ иныхъ крестьянъ передѣлывать соху на манеръ косули, нѣсколько приближающейся къ плугу (см. Стат. Ежегодн. моск. земства, 1888 г., с. 135). Для устраненія указаннаго препятствія къ распространенію плуговъ среди крестьянъ, Волоколамское земство продаетъ послѣдніе въ разсрочку подъ условіемъ круговой поруки десяти человѣкъ.

На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи усовершенствованіе крестьянскихъ орудій стоитъ на гораздо болѣе прочной почвѣ и имѣетъ совершенно другую исторію. Начать съ того, что въ Вятской, напримѣръ, или Пермской губерніи крупнаго хозяйства, которое могло бы служить примѣромъ крестьянскому,

почти не существуетъ. Большіе центры, гдѣ можно видѣть образцы орудій, — далеко, и потому усовершенствованіе путемъ заимствованія изъ совершенно иной области играетъ здѣсь сравнительно ничтожную роль, а на первый планъ выдвигается самостоятельное творчество народа. Потому-то въ данной области, — въ противуположность тому, что мы видѣли въ центральной полосѣ, гдѣ крестьяне перескакиваютъ отъ доморощенной сохи прямо къ плугу,—мы наблюдаемъ процессъ постепеннаго развитія пашущаго орудія, процессъ, заключающійся въ приспособленіи сохи къ извѣстнымъ требованіямъ, которыя составили репутацію плугу, съ сохраненіемъ при этомъ основныхъ чертъ орудія, дѣлающихъ соху крайне удобной въ примѣненіи къ мелкому земледѣлію. Переходную ступень къ такимъ мѣстностямъ образуетъ Владимірская и Ярославская губерніи, гдѣ народное творчество комбинируется съ подражаніемъ.

Первоначальнымъ пашущимъ орудіемъ во Владимірской губерніи нужно считать обыкновенную „коловую“ соху, которая колетъ, а не рѣжетъ землю; 20—30 лѣтъ назадъ она стала замѣняться усовершенствованной „перовой“, рѣжущей сохой; еще позже появились самолеты и, наконецъ, въ послѣдніе годы—плуги. Въ настоящее время вы встрѣтите здѣсь мѣстности съ преобладаніемъ того или другого вида орудія, и попадаются села, гдѣ всѣ поголовно пашутъ плугами, прибавимъ, мѣстнаго кустарнаго производства. Указанное разнообразіе пашущаго орудія—не случайность, а обусловливается въ значительной степени качествомъ подлежащей обработкѣ почвы. Въ южной песчаной части губерніи пашутъ сохой; на западѣ, на границѣ Александровскаго уѣзда съ Московской губерніей, на супесчаной и суглинистой почвѣ, крестьянинъ держитъ двѣ сохи: одну для взмета, другую для двойки и мѣшани; по направленію къ Переяславскому и Покровскому уѣздамъ, гдѣ грунтъ связнѣе, „соха смѣняется косулей и самолетомъ, которые, въ свою очередь, въ восточныхъ частяхъ Переяславскаго и Александровскаго уѣздовъ по направленію къ Юрьевскому смѣняются двуконнымъ деревяннымъ плугомъ“, рѣшительно преобладающимъ въ такъ-называемой Опольщинѣ.

Другое, быстро распространяющееся орудіе,—это молотилка. По свѣдѣніямъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества, въ Юрьевскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ 1881 г. въ крестьянскомъ хозяйствѣ работало 420 молотилокъ. Теперь ихъ несомнѣнно значительно больше. По сообщенію корреспондента департамента земледѣлія въ 1890 г., двуконныя молотилки настолько распространены въ уѣздѣ, что рѣдкое селеніе не имѣетъ ихъ, а въ нѣкоторыхъ насчитывается 2—3 машины и больше. „Со введеніемъ ихъ почти всѣ овины заброшены, но зато въ продажѣ совсѣмъ нѣтъ сухаго хлѣба. Нѣкоторые крестьяне начинаютъ строить зерносушилки по системѣ Сиверса, а на двухъ мельницахъ устроены сушилки Аккермана“. Для работы на машинѣ крестьяне собираются въ небольшія артели, нанимаютъ молотилку и обмолачиваютъ ею хлѣбъ сначала у одного, затѣмъ у другого изъ сотоварищей. Тамъ, гдѣ для работы требуется не менѣе 4 лошадей и 12 человѣкъ, крестьяне устраиваютъ взаимныя помочи, на которыя собираются до 20 человѣкъ. Мѣстами, наконецъ, молотилку нанимаетъ вся деревня, и артельный трудъ превращается въ общинный. Молотилки производятся въ самой Владимірской губерніи: въ раіонѣ соприкосновенія уѣздовъ Переяславскаго, Александровскаго и Юрьевскаго до 30 селеній занято производствомъ молотилокъ и вѣялокъ. Распространеніе названныхъ орудій въ значительной степени обязано юрьевскому сел.-хоз. обществу, хотя первые образцы машинъ появились въ крестьянскомъ хозяйствѣ лѣтъ 20 тому назадъ, независимо отъ чьего-либо сознательнаго вмѣшательства. Вотъ какъ, напр., была произведена первая молотилка въ д. Черницкой. Мѣстный крестьянинъ, плотникъ Андрей Матвѣевъ, производилъ у одного помѣщика починку молотилки заграничнаго происхожденія. „Поправляя машину, Андрей Матвѣевъ внимательно осмотрѣлъ ея устройство и пришелъ къ мысли замѣнить дорогой чугунный механизмъ деревяннымъ. Послѣ ряда неудачныхъ попытокъ Андрей Матвѣевъ достигъ осуществленія своей мысли и обучилъ работѣ односельцевъ“. Эта была неподвижная молотилка. Гораздо удобнѣе однако и потому распространеннѣе появившіяся въ послѣдніе годы чугунныя подвижныя молотилки. Маховое чугун-

ное колесо для нихъ покупается въ Сапожкѣ или Москвѣ, деревянныя части дѣлаются на мѣстѣ [1]).

Къ такимъ же переходнымъ мѣстностямъ принадлежитъ и Ярославская губернія, свѣдѣнія о которой гораздо отрывочнѣе. Значительное распространеніе плуговъ (одно и двуконныхъ) въ первой половинѣ 80-хъ годовъ замѣчено лишь въ Мышкинскомъ уѣздѣ; въ остальныхъ—и, главнымъ образомъ, Рыбинскомъ и Ростовскомъ,—распространяются косули и самолеты: одна, напр., мастерская д. Лютово Рыбинскаго уѣзда выпускаетъ въ продажу по нѣсколько сотъ косуль въ годъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Пошехонскаго уѣзда соха въ послѣднее время также замѣнилась одно и двуконными косулями; здѣсь же распространяются бороны съ желѣзными зубьями и укатываніе посѣвовъ; орудія— большею частью мѣстнаго кустарнаго производства [2]).

Подвинувшись еще шагъ на сѣверъ, мы вступаемъ въ область почти полнаго отсутствія подражанія, но за то и сильнаго развитія народной самодѣятельности. Сообразно сказанному, исторія усовершенствованія орудій не имѣетъ здѣсь того скачкообразнаго характера, какой наблюдается въ центральной Россіи, а представляется процессомъ послѣдовательнаго развитія.

Въ Вятской губ., напр., можно замѣтить слѣдующіе 4 типа пашущаго орудія, послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга: соха— сначала вотская, потомъ обыкновенная русская,—лемехъ или одноральная соха (легче сохи въ работѣ и рѣжетъ корни сорныхъ растеній) и косуля (среднее между сохой и плугомъ). Въ южномъ, Малмыжскомъ уѣздѣ господствуетъ соха, а въ прежнее время послѣдняя была и единственнымъ орудіемъ обработки почвы. Пятнадцать лѣтъ назадъ изъ сосѣдняго (съ запада), Уржумскаго уѣзда занесенъ сюда лемехъ. который здѣсь болѣе или менѣе быстро и распространяется; а за нимъ явилась косуля, встрѣчающаяся, впрочемъ, здѣсь, какъ и въ Елабужскомъ уѣздѣ, пока еще очень рѣдко. Уржумскій уѣздъ въ отношеніи распространенія улучшеннаго орудія стоитъ впереди Малмыж-

---

[1]) Пр. Влад. Губ. в. I, с. 59—61; в. II, с. 114; в. III, с. 224; в. V, с. 14—16, 156—159. 1890 г. въ с.-х. отн. в. III, с. 391. Изслѣд. соврем. сост. скотовод. въ Рос. Рогатый скотъ, в. I, с. Д. 26.

[2]) «Землед. Газ.» 1884 г., № 4, ст. Черняева. «Рус. Вѣд.» 1885 г., № 355.

скаго: лемехъ, идущій на смѣну сохи, появился здѣсь лѣтъ 15—20 назадъ и пришелъ съ запада же, изъ Яранскаго уѣзда; въ настоящее время онъ встрѣчается въ 72 изъ 112 раіоновъ уѣзда, причемъ въ 32 раіонахъ онъ является господствующимъ орудіемъ. Нѣсколько позже, 10—15 лѣтъ назадъ, въ волостяхъ Уржумскаго уѣзда, пограничныхъ съ Нолинскимъ и Яранскимъ, появилось еще болѣе усовершенствованное орудіе—косуля, встрѣчающаяся теперь въ 7 волостяхъ изъ 21, причемъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ она является преобладающимъ орудіемъ. Яранскіе крестьяне, въ свою очередь, передавъ лемехъ уржумцамъ, обратились къ косулѣ, которая и занимаетъ здѣсь первенствующее мѣсто.

Такимъ образомъ, распространеніе усовершенствованнаго пахатнаго орудія идетъ здѣсь съ запада на востокъ: изъ Яранскаго уѣзда въ Уржумскій, изъ послѣдняго въ Малмыжскій. Но здѣсь же существуетъ и другой потокъ улучшенія: изъ Пермской губерніи, слѣдовательно, съ востока, переходятъ въ Вятскую кунгурская соха и курашимскій сабанъ. 10—15 лѣтъ тому назадъ они появились въ пограничныхъ уѣздахъ: Елабужскомъ, Сарапульскомъ и Глазовскомъ, и въ настоящее время каждый болѣе исправный хозяинъ обзавелся этимъ орудіемъ; въ Сарапульскомъ уѣздѣ есть мѣстности, гдѣ обыкновенная соха совсѣмъ вышла изъ употребленія, и даже вотяки, отсталые въ хозяйствѣ, обзавелись сабанами. Воткинскій заводъ, находящійся въ этомъ уѣздѣ, ежегодно продаетъ ихъ тысячами экземпляровъ [1]). За улучшеннымъ пашущимъ орудіемъ слѣдуетъ и

[1]) «Въ Елабужскомъ уѣздѣ русскіе крестьяне пашутъ преимущественно однорольной сохой (лемехомъ) или курашимскимъ сабаномъ, вотяки—почти всегда архаической двуральной сохой; впрочемъ, въ послѣднее время и среди нихъ распространяются лемехи» (стр. 54). Въ Нолинскомъ уѣздѣ косуля появилась 12—18 л. назадъ и до 1888 г. значительное распространеніе получила въ 24 изъ 91 раіоновъ уѣзда: въ 9 изъ нихъ она наполовину вытѣснила двуральную соху, въ 10-ти является преобладающимъ, а въ 5-ти—почти исключительно употребляющимся орудіемъ. Благодаря земству, ежегодно пріобрѣтающему для перепродажи населенію нѣсколько десятковъ курашимскихъ сохъ, послѣднее орудіе попадается тамъ и здѣсь въ уѣздѣ (стр. 60—1). Въ Вятскомъ уѣздѣ косуля явилась нѣсколько позже и встрѣчается у зажиточныхъ крестьянъ около г. Вятки и въ сѣверо-восточныхъ волостяхъ. Въ Орловскомъ уѣздѣ соха является единственнымъ пашущимъ орудіемъ въ 74 раіонахъ, лемехъ въ 1, косуля въ 2-хъ; на ряду съ сохой лемехъ встрѣчается въ 2 раіонахъ, а косуля—въ 54-хъ (стр. 51).

борона съ желѣзными зубьями; это—потому что первое даетъ болѣе плотный, чѣмъ соха, пластъ земли. Въ моментъ изслѣдованія губерніи, въ Вятскомъ уѣздѣ встрѣчалась почти исключительно деревянная борона; въ Орловскомъ и Малмыжскомъ уѣздахъ борона съ желѣзными зубьями распространена мало; въ Нолинскомъ уѣздѣ, кромѣ 24 раіоновъ, гдѣ введена обработка поля косулей, она распространена еще въ 4 песчаныхъ раіонахъ, для борьбы съ пыреемъ; въ Уржумскомъ у. она встрѣчается такъ же часто, какъ и совершенно деревянная; въ Елабужскомъ—среди русскаго населенія почти совсѣмъ вытѣснила борону съ деревянными зубьями [1]).

Пашня и бороньба всегда производились при помощи спеціальныхъ орудій; поэтому, естественно, если процессъ народнаго творчества выразился въ постепенномъ ихъ усовершенствованіи. Что же касается другихъ земледѣльческихъ операцій, какъ-то молотьбы и очистки зерна,—онѣ производятся, какъ извѣстно, при помощи простѣйшихъ, даже не всегда спеціально приспособленныхъ для того, инструментовъ, почему усовершенствованіе не можетъ здѣсь заключаться въ преобразованіи стараго орудія, а будетъ имѣть исходнымъ пунктомъ заимствованіе или изобрѣтеніе; вѣрнѣе говоря—среднее между тѣмъ и другимъ. Благодаря тому обстоятельству, что здѣсь нѣтъ крупнаго хозяйства, это заимствованіе подчасъ совершается очень оригинальнымъ способомъ. Такъ, напр., крестьянинъ Апшатнурскаго общества Уржумскаго уѣзда встрѣтился въ 1877 году съ захожимъ солдатомъ, услыхалъ отъ него, какъ устраивается молотилка и по разсказамъ самъ смастерилъ таковую. Впрочемъ, во время изслѣдованія Вятской губерніи молотилки были здѣсь распространены мало, и если встрѣчались, то почти исключительно ручныя. Въ Елабужскомъ уѣздѣ онѣ пріобрѣтались также обществомъ. Гораздо больше распространены вѣялки, производство которыхъ очень не трудно, почему онѣ легко начинаютъ строиться мѣстными кустарями. Появились онѣ въ разныхъ уѣздахъ губерніи 15—20 л. тому назадъ, но болѣе или менѣе замѣтное

[1]) Мат. по статистикѣ Вятск. губ. Землед. Гл. 1887 г., № 17 и Тр. В. Э. О. 1886 г. № 7, сел.-хоз. об. Капустина. Мат. по описанію промысловъ Вятск. губ., вып. I, стр. 207.

распространеніе получили лишь въ послѣдніе годы. Этому распространенію способствуетъ, между прочимъ, существованіе здѣсь отхожаго вѣяльнаго промысла. Въ Елабужскомъ уѣздѣ этимъ промысломъ занимается до 360 человѣкъ, изъ которыхъ около 290 работаютъ въ ближайшихъ селеніяхъ, а около 70 отправляются въ Казанскую, Уфинскую, Самарскую, Оренбургскую и Астраханскую губерніи. Отхожіе вѣяльщики—преимущественнно бѣдные крестьяне, получающіе вѣялку обыкновенно въ долгъ (отъ производителя) и продающіе ее на мѣстѣ, гдѣ ею работали. Что касается распространенія вѣялокъ среди мѣстнаго населенія, таковое выдается, повидимому, въ Нолинскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ. Въ первомъ въ 1888 г. вѣялки имѣлись почти въ каждомъ селеніи, причемъ въ нѣкоторыхъ онѣ считались десятками (стр. 56); во второмъ въ 13 волостяхъ (изъ 20) на $24^1/_2$ тыс. дворовъ было около 2.000 вѣялокъ [1]. Въ Елабужскомъ уѣздѣ содержатели мельницъ или деревни на общій счетъ начали устраивать зерносушилки для сушки сыромолотнаго хлѣба передъ помоломъ (стр. 56). По свѣдѣніямъ д-та земледѣлія, молотилки и вѣялки съ каждымъ годомъ распространяются въ губерніи больше и больше, благодаря, между прочимъ, заботамъ земства, берущаго на себя посредничество между крестьянами и заводами. Въ 1890 г., напр., Елабужское земство продало крестьянамъ съ разсрочкой платежа до 50 молотилокъ.

Пахатное орудіе въ Пермской губ., какъ и въ Вятской губерніи, прошло нѣсколько ступеней развитія и одною изъ нихъ нужно считать обыкновенную двухральничную соху. Эта послѣдняя въ 50—60-хъ годахъ замѣнилась въ Шадринскомъ и частью Пермскомъ уѣздахъ сабаномъ, представляющимъ то удобство, что имъ можно пахать глубоко и безъ того напряженія силъ человѣка, какое требуется при работѣ сохою. Въ Пермскомъ же уѣздѣ съ половины шестидесятыхъ годовъ начала распространяться усовершенствованная, „лядовская“ соха, названная такъ по мѣсту своего производства въ Пермскомъ уѣздѣ. Она была видоизмѣнена кузнецомъ Курашимскаго завода, Пан-

[1]) Мат. по описанію промысловъ Вятской губ., вып. I, стр. 163.

совыхъ, и оттуда распространилась прежде всего на югъ—въ Кунгурскій и Красноуфимскій уѣзды, откуда перешла въ Вятскую губернію. Къ половинѣ 70-хъ годовъ, т.-е. въ теченіе какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ послѣ перваго появленія курашимки, она оказалась распространенною въ 23-хъ изъ 40 волостей Красноуфимскаго уѣзда; въ 80-хъ же годахъ она уже совершенно вытѣснила здѣсь старую соху, такъ что вновь учрежденному въ 1883 году институту земскихъ агрономическихъ смотрителей, одною изъ первыхъ заботъ которыхъ была пропаганда среди крестьянъ улучшенныхъ орудій, по отношенію къ Красноуфимскому, а равно Кунгурскому и Пермскому уѣздамъ, не оставалось ничего дѣлать, какъ признать фактъ введенія усовершенствованной сохи совершившимся и направить свое вниманіе на другіе уѣзды. Въ Ирбитскомъ уѣздѣ улучшенная, одноральничья соха начала распространяться въ концѣ 70-хъ гг. и черезъ 10 лѣтъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ она на $^1/_3$—$^1/_2$ вытѣснила прежнюю соху. Болѣе быстрое ея распространеніе замѣчается со времени Екатеринбургской выставки 1888 г., гдѣ крестьяне познакомились съ этимъ орудіемъ и послѣ которой курашимская соха стала въ большихъ количествахъ привозиться на Ирбитскую ярмарку. Извѣстную роль въ распространеніи орудія играли здѣсь и агрономическіе смотрителя. Такъ, смотритель Колосовъ, найдя въ нѣкоторыхъ раіонахъ уѣзда ту двухральничную соху, которая вытѣснена въ другихъ уѣздахъ курашимкой, попробовалъ пропагандировать крестьянамъ послѣднюю, но благодаря ея отличію отъ общепринятой въ запряжкѣ, его проповѣдь съ перваго раза не увѣнчалась успѣхомъ. Вмѣсто того, чтобы настаивать на своемъ, г. Колосовъ предложилъ нѣкоторымъ крестьянамъ сдѣлать въ старой сохѣ измѣненія, которыя по существу превращали ее въ курашимку, т.-е. дѣлали соху легче и удобнѣе въ работѣ одновременно съ увеличеніемъ глубины паханія. Тѣ согласились, а черезъ два года значительная часть „прежнихъ двухральничныхъ сохъ передѣлана самими крестьянами на одноральничныя, отчего видъ вспаханныхъ полей значительно измѣнился къ лучшему". Въ сѣверномъ, Соликамскомъ уѣздѣ старая соха господствуетъ въ восточной части, въ пограничныхъ же волостяхъ съ Пермскимъ и Оханскимъ уѣздами (въ Обвинскомъ

краѣ) эта соха вытѣснена курашникой, а въ такъ называемомъ Инвенскомъ краѣ — кыласовкой, изобрѣтенной на мѣстѣ лѣтъ 15 назадъ (крестьяниномъ Кылосовской волости) и удовлетворяющей тѣмъ же условіямъ, какія заставляютъ обращаться и къ курашникѣ. Хотя и то, и другое орудіе стоятъ всего по 4 р. (кромѣ расходовъ по доставкѣ), но многіе крестьяне не въ силахъ пріобрѣсти ихъ и принуждены довольствоваться старой сохой, на которую они расходуютъ 1 р. 50 к.—1 р. 80 к. Въ Оханскомъ уѣздѣ распространеніе улучшенной сохи идетъ медленно, можетъ быть потому, что сюда попадаютъ плохіе ея экземпляры, такъ что, прежде чѣмъ пустить соху въ ходъ, крестьянину приходится отыскать неправильность въ постановкѣ ральника, исправить ее и потомъ уже пахать.

Изъ другихъ орудій нужно указать на вѣялки, пользующіяся всеобщимъ распространеніемъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ губерніи; въ другихъ—онѣ имѣются лишь у немногихъ зажиточныхъ крестьянъ, и потому здѣсь открывается широкое поле для дѣятельности агрономическихъ смотрителей. Послѣдніе достигли уже значительнаго успѣха относительно распространенія молотилокъ. До 1883 года молотьба во всей почти губерніи производилась цѣпами. Крестьяне „часто даже не вѣрили разсказамъ о существованіи молотилокъ, а когда удавалось показать имъ ихъ работу, отказывались отъ молотьбы изъ опасенія, что скотина не будетъ ѣсть солому изъ-подъ машины. Въ настоящее время хотя въ губерніи есть еще много волостей, гдѣ существованіе молотилокъ неизвѣстно, тѣмъ не менѣе, ручныя и конныя молотилки распространяются сотнями, а въ 7 селахъ Красноуфимскаго уѣзда открыты для ихъ приготовленія кустарныя мастерскія“. Молотилки иногда пріобрѣтаются цѣлыми обществами; такъ, Черновское общество Оханскаго уѣзда пріобрѣло 4 молотилки. Въ этомъ же уѣздѣ крестьяне иногда нанимаютъ молотилки [1]). Эти данныя, заимствованныя изъ мѣстной

---

[1]) Сельско-хозяйственныя нужды Пермскаго края. Красноперова. Результаты 3-хъ-лѣтней дѣятельности агрономическихъ смотрителей. Сб. пермск. зем. 1887 г., № 13, 23. Журналы оханскаго земскаго собранія за 1886 годъ, стр. 174. Острожская вол. Оханскаго уѣзда, стр. 45. Екатеринбургская Недѣля 1889 г., № 14—15.

литературы, подтверждаются свѣдѣніями департамента земледѣлія; такъ, наприм., вѣялки, по его словамъ, „сдѣлались необходимою принадлежностью крестьянскаго хозяйства Вятской и Пермской губерній“ [1]).

Въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи наблюдается нѣсколько типовъ пашущаго орудія, въ зависимости отъ качества почвы, подлежащей разрыхленію; причемъ въ южной части уѣзда, обладающей наиболѣе плотнымъ грунтомъ, для пахоты употребляется орудіе, по отзыву спеціалиста „мало чѣмъ уступающее плугу“; здѣсь же для разрыхленія уже вспаханной почвы служитъ такъ называемый чертежникъ, по работѣ напоминающій экстирпаторъ. Въ послѣднее время здѣсь распространяются и плуги. Такъ, изъ Пятовской вол. д-ту земледѣлія сообщаютъ, что въ 1887 году крестьяне, увидѣвъ работу въ одномъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ плуговъ Бисселя, пожелали сами выписать таковые (хотя они оставались равнодушными къ плугамъ Рансома и Симса, 15 лѣтъ примѣнявшимся въ томъ же хозяйствѣ). Выписанные земствомъ въ удовлетвореніе этого желанія плуги на 200 руб. были тотчасъ разобраны крестьянами, и осталось еще много неудовлетворенныхъ требованій. Двадцать лѣтъ тому назадъ землевладѣлецъ изъ крестьянъ Велико-Устюжскаго уѣзда той же, Вологодской, губерніи вывезъ изъ Кунгура нѣсколько курашимскихъ сохъ, которыя были имъ проданы мѣстнымъ крестьянамъ и владѣльцамъ; ту же операцію онъ продѣлывалъ въ слѣдующіе годы, а лѣтъ черезъ 10 мѣстные кузнецы стали сами производить „одноральниковыя“ сохи, на подобіе курашимокъ, но меньшаго размѣра и съ нѣкоторыми другими измѣненіями. И вотъ новое орудіе, приближающееся къ плугу, распространилось по всему уѣзду. Въ новѣйшее время вводятся также бороны съ желѣзными зубьями. Г. Черняевъ упоминаетъ о распространеніи косуль и самолетовъ въ нѣкоторыхъ другихъ (вѣроятно, южныхъ) уѣздахъ губерніи [2]).

---

[1]) 1885 г. въ сел.-хоз. отн., III, стр. 461.

[2]) Загорскій, Первый шагъ въ дѣлѣ улучшенія полевой культуры у крестьянъ Тотемскаго уѣзда, стр. 76. Земледѣльческая Газета, 1881 и 1884 года, № 4. 1889 г. въ сел.-хоз. отн., вып. III, стр. 502. Вѣстн. Рус. сел.-хоз. 1892 г. № 2 и 3.

III.

Въ своемъ очеркѣ движенія, возбудившагося въ послѣдніе годы въ крестьянской массѣ къ замѣнѣ отсталыхъ орудій производства усовершенствованными, мы основывались главнымъ образомъ на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, какъ болѣе обстоятельномъ матеріалѣ. Такія изслѣдованія существуютъ лишь для немногихъ губерній Россіи, поэтому отсутствіе въ нашей статьѣ подробныхъ данныхъ по другимъ мѣстностямъ не доказываетъ, что здѣсь населеніе чуждается нововведеній. Сказанное подтверждается отчетами д-та земледѣлія, изъ которыхъ видно, что стремленіе крестьянъ замѣнить прежнія орудія производства улучшенными замѣчено хозяевами-корреспондентами всюду. Если мы не приводимъ здѣсь этихъ указаній, то потому, что по своей неопредѣленности они ничего не прибавятъ для детальнаго уясненія вопроса сверхъ того, что уже нами указано, а лишь подтвердятъ мысль, что стремленіе къ улучшенію хозяйства зародилось среди крестьянъ почти всѣхъ губерній Россіи. Равнымъ образомъ, не слѣдуетъ полагать, что это стремленіе выражается лишь введеніемъ усовершенствованныхъ орудій. Нѣтъ, его можно замѣтить и въ лучшей обработкѣ пашни (троеніе пара, вспашка подъ яровое съ осени, укатываніе посѣвовъ), и въ исканіи лучшихъ сѣмянъ, и во введеніи новыхъ растеній. Если мы не останавливаемся на этихъ признакахъ прогрессивнаго движенія въ области крестьянскаго хозяйства, то это главнымъ образомъ по отрывочности имѣющихся данныхъ. Оставивъ поэтому фактическую сторону вопроса, обратимся къ тѣмъ заключеніямъ, какія вытекаютъ изъ вышеизложенныхъ данныхъ.

Свѣдѣнія объ улучшенныхъ орудіяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, заимствованныя по преимуществу изъ земскихъ источниковъ и рисующія положеніе дѣлъ болѣе или менѣе обстоятельно, обнаруживаютъ фактъ, что введеніе усовершенствованныхъ орудій происходитъ въ общемъ медленнѣе въ центральной черноземной полосѣ и быстрѣе—на сѣверѣ и югѣ Россіи. Нѣкоторыя изъ причинъ этого явленія достаточно ясны.

Подмѣченный фактъ не доказываетъ, что самая потребность введенія усовершенствованныхъ орудій вообще ощущается здѣсь и тамъ не одинаково. Это можно сказать, пожалуй, объ орудіяхъ, главное назначеніе которыхъ—ускорять работу человѣка, каковы молотильныя машины или жатвенныя, болѣе умѣстныя при большихъ посѣвахъ степняка или малороссійскаго „богатыря“, чѣмъ при малыхъ запашкахъ крестьянъ остальной Россіи. Иное, однако, имѣетъ мѣсто по отношенію къ главному объекту измѣненія—пашущему орудію. Истощеніе полей, какъ результатъ мелкой вспашки, и недостатокъ скота для работъ тяжелымъ старымъ плугомъ ощущается и, пожалуй, сознается всюду, между тѣмъ какъ движеніе къ исправленію этого недостатка не вездѣ, какъ мы видѣли, одинаково интензивно.

Что касается южныхъ степей, то ихъ передовое мѣсто въ дѣлѣ замѣны стараго инвентаря новымъ объясняется, во-1-хъ, тѣмъ, что, будучи многоземельнѣе и производя большія запашки, здѣшніе крестьяне имѣютъ и больше средствъ удовлетворить требованіямъ, предъявляемымъ хозяйствомъ; во-2-хъ, что въ колоніяхъ нѣмцевъ и болгаръ они видятъ готовые образцы орудій, приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ и мелкой формѣ производства, находятъ склады, облегчающіе ихъ пріобрѣтеніе, и, наконецъ, мастерскія, гдѣ можно исправить испорченную молотилку, вѣялку и т. п. Въ центральной нечерноземной полосѣ осуществлены приблизительно тѣ же условія. Крестьяне здѣсь также имѣютъ больше денегъ, хотя получаемыхъ не отъ земледѣлія, а отъ промысла; близость къ большимъ центрамъ промышленности вообще и мѣсту производства земледѣльческихъ орудій въ частности, въ особенности при широкомъ распространеніи отхожихъ и фабричныхъ заработковъ, облегчаетъ знакомство съ ними и ихъ пріобрѣтеніе; при развитіи разнообразныхъ кустарныхъ промысловъ, починка испортившагося орудія не представляетъ большого затрудненія, и даже производство ихъ скоро становится предметомъ мѣстной кустарной дѣятельности. Прибавимъ кстати, что нечерноземная почва требуетъ орудія, пашущаго не особенно глубоко, менѣе тяжелаго и недорогого; а сравнительно небольшіе посѣвы позволяютъ довольствоваться молотилками ручными или конными,

между тѣмъ какъ на югѣ употребляются паровыя. Сказанное относится къ центральной нечерноземной полосѣ; что же касается такихъ мѣстностей, какъ Вятская или Пермская губернія, условія прогрессивнаго измѣненія сельско-хозяйственныхъ орудій здѣсь нѣсколько иныя, что отразилось и на характерѣ нововведенія. Отличіе этихъ мѣстностей отъ тотчасъ нами разсмотрѣнныхъ заключается въ томъ, что, за неразвитіемъ помѣщичьяго хозяйства и отдаленностью отъ большихъ рынковъ, крестьяне не имѣютъ ни готовыхъ образцовъ орудія, ни мѣстъ удобнаго ихъ пріобрѣтенія. Поэтому, тогда какъ въ южной и центральной Россіи они вводятъ орудія, такъ сказать приготовленныя для нихъ другими, при участіи развитой техники (плуги Сакка, Рансома и т. п., молотилки, вѣялки изъ большихъ механическихъ мастерскихъ), на сѣверѣ земледѣльцы сами подмѣчаютъ слабыя стороны старыхъ инструментовъ и пытаются исправлять ихъ. Оттого въ центральной Россіи мы видимъ скачокъ отъ сохи къ плугу, на сѣверѣ же—постепенное приспособленіе доморощенной сохи къ требованіямъ раціональнаго хозяйства. Существованіе на мѣстѣ кустарныхъ промысловъ и близость казенныхъ желѣзодѣлательныхъ и механическихъ заводовъ облегчило населенію указанную задачу приспособленія стараго орудія къ новымъ требованіямъ и позволило развиться мѣстному производству усовершенствованныхъ орудій. Такъ, напримѣръ, всего болѣе распространяющаяся въ Пермской губерніи соха носитъ названіе по имени курашимскаго завода Пермскаго уѣзда, гдѣ для ея приготовленія имѣется 16 мастерскихъ съ 70 работающими и откуда ежегодно выпускается въ продажу до $7^1/_2$ тыс. экземпляровъ этого орудія; а въ Вятской губерніи усовершенствованныя орудія доставляются, между прочимъ, недавно образованною воткинскою артелью механическихъ производствъ. Близость желѣзодѣлательныхъ заводовъ была причиной и того обстоятельства, что въ Пермской губерніи бороны съ желѣзными зубьями давно уже преобладаютъ надъ деревянными.

Существованіе рядомъ двухъ культурно-несходныхъ районовъ нечерноземной полосы — сѣвернаго почти исключительно земледѣльчески-крестьянскаго и южнаго смѣшаннаго — позволяетъ оцѣнить различіе въ дѣлѣ распространенія улучшенныхъ

орудій въ мелкомъ хозяйствѣ при существованіи готоваго примѣра въ крупномъ производствѣ и въ его отсутствіе. Въ первомъ случаѣ замѣчается болѣе радикальное измѣненіе, и вводится орудіе болѣе совершенное въ техническомъ отношеніи (плугъ, а не соха, хотя бы улучшенная); за то второй характеризуется большей приспособленностью улучшеннаго орудія къ экономическимъ условіямъ мелкаго хозяйства въ Россіи (курашинская соха, косуля и т. д. подъ силу обыкновенной крестьянской лошаденкѣ и гораздо дешевле плуга) и большей его, такъ сказать, пластичностью, легко допускающею приспособленіе къ небольшимъ почвеннымъ особенностямъ той или другой области. Указанное различіе типовъ улучшеннаго орудія въ области перениманія и самостоятельнаго прогрессивнаго движенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ отражается и на характерѣ распространенія улучшенія. Усовершенствованная соха вводится быстрѣе и появляется въ крестьянскомъ хозяйствѣ раньше плуга. Въ Пермскомъ, Красноуфимскомъ уѣздахъ курашимка вытѣснила старую соху менѣе чѣмъ въ одно десятилѣтіе; впервые появилась она здѣсь въ началѣ 70-хъ годовъ, десятилѣтіемъ почти раньше перваго появленія плуга въ крестьянскомъ хозяйствѣ подмосковнаго раіона.

Факты, съ которыми мы ознакомились на предыдущихъ страницахъ, указывающіе на серьезное стремленіе крестьянина къ поднятію земледѣльческаго производства, естественно приводятъ къ вопросу о причинахъ, именно въ настоящее время вызвавшихъ дружное движеніе населенія къ улучшенію. Не берясь за разрѣшеніе этого вопроса въ настоящее время, укажемъ, однако, на то обстоятельство, что сознаніе постепеннаго истощенія полей и, слѣдовательно, необходимости какихъ-то мѣропріятій существуетъ въ населеніи давно и должно же было когда-нибудь выразиться активно. Промышленное же оживленіе конца семидесятыхъ годовъ и высокія хлѣбныя цѣны увеличили денежные рессурсы крестьянина, а начавшееся вскорѣ сокращеніе спроса крупной обрабатывающей промышленности на трудъ вызвало движеніе населенія изъ городовъ на тѣ самыя поля, которыя нѣкогда были имъ брошены именно за ихъ бездоходностью. Необходимость ближе прилѣпиться къ хлѣбопа-

жеству, при сознаніи его нынѣшней бездоходности, заставило крестьянина изыскивать всевозможныя мѣры къ поднятію земледѣльческаго промысла; кое-какія денежныя средства облегчили ему эту задачу. Оттого-то яркое движеніе къ сельско-хозяйственному прогрессу, по крайней мѣрѣ въ центральной полосѣ Россіи, проявилось именно въ послѣднее десятилѣтіе.

Факты, приведенные въ настоящей работѣ, позволяютъ сдѣлать слѣдующее заключеніе относительно современнаго состоянія вопроса о прогрессѣ сельско-хозяйственной культуры на крестьянскихъ земляхъ. Въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ среди русскихъ крестьянъ проявилось стремленіе къ поднятію производительности земледѣльческаго труда. По самому существу дѣла, это стремленіе можетъ получить удовлетвореніе частью путемъ личной дѣятельности отдѣльныхъ хозяевъ, частью при помощи цѣлесообразно-направленной комбинаціи личныхъ силъ. Послѣдній способъ представляется необходимымъ въ такихъ случаяхъ, какъ, напр., осушеніе болотъ, орошеніе полей, пріобрѣтеніе очень дорогой машины и т. п.; но онъ же можетъ имѣть примѣненіе и въ случаяхъ, когда нововведеніе носитъ индивидуально-хозяйственный характеръ, вродѣ, напр., измѣненія сѣвооборота, введенія культуры новаго растенія, смѣны выродившихся сѣмянъ и т. д. Мѣропріятія указаннаго рода, разсуждая à priori, могли бы быть приведены въ исполненіе каждымъ мелкимъ собственникомъ, независимо отъ другихъ. Но въ дѣйствительности, благодаря косности массъ съ одной стороны и сопряженнымъ съ указанными нововведеніями расходамъ—съ другой—преобразованія обыкновенно оказываются доступными прежде всего лишь наиболѣе зажиточнымъ хозяевамъ, а самые мелкіе долго еще продолжаютъ примѣнять рутинные пріемы земледѣлія. При соединенныхъ же усиліяхъ многихъ хозяевъ представляется возможнымъ устранить многія препятствія, мѣшающія возвышенію культуры на поляхъ наиболѣе косныхъ, мелкихъ и бѣдныхъ владѣльцевъ. Общественый характеръ предпріятія увлекаетъ и такихъ лицъ, которыя лично долго еще не рѣшились бы на нововеденіе; общая складчина или заемъ

вую норуку всѣхъ участниковъ доставляетъ бѣднѣй- ...нямъ денежныя средства, какихъ они не могли бы дост... личными силами; соединеніе отдѣльныхъ участковъ въ сплошную площадь и распланировка послѣдней, какъ одного цѣлаго, согласно требованіямъ новаго сѣвооборота, устраняетъ недостатки, свойственные слишкомъ мелкимъ владѣніямъ и препятствующіе имъ достигать той высоты культуры, какая легко доступна владѣніямъ болѣе крупнымъ; благодаря участію въ предпріятіи многихъ лицъ, разумъ лучшихъ членовъ общества работаетъ на пользу наиболѣе слабыхъ, которые, безъ этого пособія, можетъ быть, и не съумѣли бы справиться со всѣми затрудненіями новаго дѣла.

Составленіе свободныхъ союзовъ для совмѣстнаго достиженія индивидуальныхъ цѣлей, союзовъ, охватывающихъ не исключительныхъ лицъ какой-либо профессіи, а массу рядовыхъ хозяевъ, представляется затруднительнымъ даже при извѣстной довольно высокой степени культурнаго развитія. Тѣмъ болѣе сказанное примѣнимо къ низшему классу общества, гдѣ слабый не съумѣетъ защититься отъ посягательствъ сильнаго, почему для послѣдняго существуетъ полное основаніе препятствовать образованію союзовъ, которыми ограничивается борьба индивидуальныхъ силъ и слабѣйшій пріобрѣтаетъ нѣкоторую охрану. По высказаннымъ причинамъ слѣдуетъ считать весьма выгоднымъ условіемъ для подъема нашего земледѣлія тотъ фактъ, что среди большей половины населенія Россіи сохранилась организація, облегчающая достиженіе культурно-хозяйственныхъ цѣлей совмѣстными силами мелкихъ владѣльцевъ и при настоящемъ состояніи духовнаго развитія народа. Если эта организація и представляетъ нѣкоторыя стѣсненія для дѣятельности лицъ, обладающихъ сильной иниціативой и потому быстро забѣгающихъ впередъ, за то она обезпечиваетъ распространеніе высшей культуры на поляхъ массы зауряднаго крестьянства, которое составляетъ огромное большинство населенія и которому наиболѣе трудно подняться при разрозненной дѣятельности индивидовъ. Людей съ большой иниціативой немного; общественное ихъ значеніе, какъ лицъ, пролагающихъ новые пути, по которымъ двигалось бы остальное крестьянство,—въ виду не-

вѣжества среды, изъ которой будутъ выдѣляться эти лица, и настоятельной необходимости внесенія въ массу свѣта знанія со стороны — не можетъ быть велико. Поэтому, препятствія, поставляемыя свободной дѣятельности этихъ лицъ общиной, если они даже не съумѣютъ выбиться изъ подъ ея вліянія— съ общественно-культурной точки зрѣнія, не составляютъ большаго зла. Но если эти лица мало годятся въ руководители по пути прогресса, за то они могутъ быть прекрасными пропагандистами идеи, болѣе или менѣе выяснившейся, и то обстоятельство, что осуществленіе этой, сознанной ими, идеи въ ихъ индивидуальномъ хозяйствѣ не можетъ быть достигнуто безъ участія цѣлой общины, направляетъ ихъ энергію именно на то дѣло, въ которомъ, согласно уровню своего развитія и образованія, они могутъ быть наиболѣе полезны,—на распространеніе новой идеи въ массѣ и агитацію въ пользу ея осуществленія общественнымъ путемъ. Факты, приведенные на предыдущихъ страницахъ, доказываютъ, что ихъ усилія не остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что наша община скоро поддается новымъ вліяніямъ и начинаетъ дѣйствовать именно въ томъ направленіи, какое мы только-что описали.

Въ виду всего вышеизложеннаго намъ кажется слишкомъ близорукой политика, при настоящемъ состояніи образованія массы населенія, рекомендующая, въ цѣляхъ хозяйственнаго прогресса России, упраздненіе единственнаго, исторически развившагося у насъ союза для совмѣстной дѣятельности земледѣльцевъ; политика, стремящаяся способствовать культурному развитію страны не путемъ воздѣйствія на существующія уже организованныя силы, въ смыслѣ приданія имъ прогрессивнаго направленія; не путемъ дальнѣйшаго развитія организаціи индивидуальныхъ стремленій для совмѣстнаго достиженія общихъ цѣлей, а путемъ раздробленія и тѣхъ организацій, которыя уже существуютъ, на отдѣльные, безсильные, разрозненные элементы, безъ всякихъ мотивированныхъ соображеній относительно того, насколько, вырванный изъ общей, привычной связи, русскій крестьянинъ представитъ благопріятную почву для проявленія индивидуальной предпріимчивости, индивидуальной способности къ прогрессу и обладаетъ достаточными силами и средствами для осуществленія

индивидуально поставленныхъ цѣлей культурно-хозяйственнаго характера. При чемъ,—еслибы вѣроятный отвѣтъ на поставленный вопросъ имѣлъ отрицательный характеръ,—ничего не сдѣлано для выясненія того, какой періодъ времени жизни при новыхъ условіяхъ достаточенъ для развитія въ массѣ свойствъ, характеризующихъ индивидуально-самостоятельную личность въ отличіе отъ типа, сильнаго стадными инстинктами и склонностями, которая была бы надежной опорой для культурнаго развитія нашей страны, и что сдѣлалось бы въ теченіи этого воспитательнаго періода съ земледѣліемъ, для поднятія котораго именно и предлагается отмѣнить общину или рѣзко стѣснить самодѣятельность міра. Построеніе проектовъ съ такими логическими прорѣхами, съ такимъ игнорированіемъ соціально-практической стороны дѣла вполнѣ естественно для доктринера, но врядъ ли оно свидѣтельствуетъ о правильномъ пониманіи потребностей переживаемаго момента или хотя бы о существованіи вѣрнаго жизненнаго чутья со стороны лицъ, считающихъ себя практическими политиками, призванными спасать Россію отъ грозящихъ ей бѣдъ. Не въ упраздненіи общиннаго землевладѣнія, а въ ослабленіи препятствій духовнаго и матеріальнаго характера, стоящихъ на пути устраненія уже на половину сознанныхъ крестьяниномъ недостатковъ своего быта, заключается настоящая задача здравой соціальной политики.

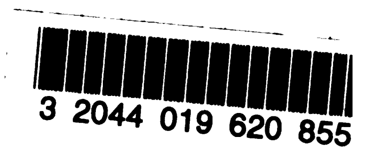
Цѣна 1 р. 35 к.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. А. Фортунатовъ. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства.—В. В. Крестьянская община. Ц. 3 р. 50 к.

Т. II. Николай Карышевъ. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Ц. 3 р.

Очерки кустарной промышленности въ Россіи. В. В. Ц. 1 р. 50 к.


3 2044 019 620 855